ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

Лекции 1—12

ИСТОРИЯ СССР

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XV века

Курс лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б)

МОСКВА 1944

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
812921

РАЗДЕЛ I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ

Первобытно-общинный строй

История народов СССР начинается с первых следов существования человека на территории нашей страны, с истории древнейшего человеческого общества, с развития первобытно-общинного строя.

Основным источником для истории доклассового общества служат материалы археологических раскопок и находок.

В период между 30—80-ми годами XIX в. так называемая «первобытная археология» (археология, занимающаяся изучением первобытного общества) достигла больших успехов в накоплении и систематизации вещественного материала. Была разработана археологическая классификация, были изучены различные формы орудий и установлена хронологическая и эволюционная связь между ними, были произведены важные наблюдения над природными условиями, окружавшими жизнь древнейшего человеческого общества.

Археологический материал, сам по себе чрезвычайно ценный, не позволил бы нам с достаточной ясностью вскрыть социальный процесс жизни, если бы не дополнялся данными, почерпнутыми из этнографии, из наблюдений над жизнью отсталых племен Америки и Австралии. Неоценимую услугу науке оказал знаменитый американский этнограф Льюис Морган, собравший колоссальный этнографический материал о жизни отсталых племен. Наблюдения Моргана, а также накопленный археологический материал были использованы Энгельсом в его гениальной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», появившейся в 1884 г. Энгельс показал историю развития общественных форм в соответствии с развитием производительных сил человеческого общества.

Энгельс делит историю человечества на три главных эпохи: дикости, варварства и цивилизации. Первые две эпохи — дикости и варварства — в свою очередь подразделяются на три ступени: низшую, среднюю и высшую. Это подразделение сделано в соответствии,—как говорит Энгельс,—с успехами производства средств

существования. Эпохи дикости и варварства, охватывающие древнейшую историю человечества, относятся к истории доклассового общества, ко времени существования первобытно-общинного строя. Классовое общество развивается на высшей ступени варварства и переходит в развитой форме в эпоху цивилизации.

В археологической науке существует периодизация, основанная на изменениях в материале и формах орудий труда. Эта периодизация, обоснованная датским ученым Томсеном в 30-х годах XIX в., была затем подробно разработана в начале 80-х годов крупнейшим французским археологом Мортилье. В соответствии с характером основного материала, применявшегося людьми для изготовления орудий труда, археология устанавливает три так называемых века: каменный, медно-бронзовый и железный. Накопление огромного археологического материала заставило археологов произвести дальнейшие подразделения внутри этих археологических эпох. Так, каменный век в свою очередь подразделяется на древний каменный век — палеолит и новый каменный век — неолит. Затем произошло выделение значительного числа более мелких «периодов», или «времен», получавших название по местам первых или наиболее характерных находок. Нет необходимости доказывать, какой формальный характер носит эта классификация.

Древний каменный век (Палеолитическая эпоха) в основном соответствует в периодизации Энгельса первым двум ступеням эпохи дикости.

В Европе первые достоверные следы существования человека относятся к тому времени, когда ее климат еще сохранял в основном тропический характер. С течением времени происходило изменение климатических условий: вечнозеленые и теплолюбивые леса отступают, вытесняются древесными породами с опадающей листвой. Затем на материк Европы и северной Азии надвигаются ледники.

В нашей стране первое крупное обледенение—миндельское—доходило до долины реки Оки. Во время следующего, так называемого великого рисского, оледенения мощный ледяной слой спустился дальше на юг, двумя большими клиньями: один клин льда вытянулся к нижнему течению Днепра, другой прошел в междуречье Дона и Волги.

В условиях ледяного покрова и в климатических условиях, близких к оледенению, когда за кромкой льда на сотни километров простиралась почти безжизненная, покрытая скудной растительностью, холодная пустыня, человек не мог существовать, не владея средствами борьбы с природой, не пользуясь прежде всего огнем. В этот период человек мог обитать в теплых южных частях нашей страны: в Крыму, на Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии.

Первоначально люди жили «первобытным стадом», передвигающимся с места на место. Затем, с развитием коллективной охоты, «первобытное стадо» превратилось в дородовую общину.

Эволюция брачных отношений помогает нам объяснить возникновение и эволюцию родового строя.

Первое ограничение беспорядочных брачных отношений состояло в выделении брачных коллективов по поколениям: люди одного поколения вступали в брачную связь вне зависимости от родственных отношений друг к другу. Эту древнейшую форму семьи, кровнородственную семью, в полном виде не мог наблюдать Морган даже среди самых отсталых племен. Исключение из брачных отношений кровных родственников (родных братьев и сестер и более далеких степеней родства) привело к появлению семьи, «паналуа». Брак является еще групповым,—поэтому происхождение человека может быть установлено только с материнской стороны. При этой форме брачных отношений складывается материнский род (матриархат). Развитие матриархальных отношений началось в конце средней ступени дикости (палеолита). С этого времени дородовая община первобытных охотников и собирателей становится родовой матриархальной общиной.

На средней ступени дикости люди стали пользоваться огнем. Это сделало их более независимыми от климатических условий и позволило расселяться на более широкой территории. Важнейшим занятием людей становится коллективная охота на крупного зверя. Она привязала человека к определенным местам, к охотничьим становищам. Основным признаком их является огромное накопление костей, среди которых первое место занимают кости главнейшего объекта охоты данной эпохи — мамонта.

Остатки древнейших стоянок человека в нашей стране найдены в Крыму (пещера Киик-Коба, около Симферополя) и около Сухуми, в Абхазии. Природные условия на Черноморском побережье давали возможность существования небольшим бродячим группам собирателей пищи и охотникам за мелким зверем. Археологические находки, восходящие к рисскому оледенению, опровергают прежнее мнение о позднем появлении человека в нашей стране по сравнению с Западной Европой. Отступление ледников привело к продвижению человека на север.

Дореволюционная археология установила на нашей территории не больше 20—25 стоянок палеолитической эпохи. Наша советская археология обладает уже сведениями более чем о 200 палеолитических стоянках. Охотничьи стоянки этого времени разбросаны на огромной территории, причем в европейской части граница поселений проходила от верховьев реки Днепра до низовьев реки Оки. Севернее этой линии на европейской части нашей страны человек в палеолитическую эпоху не мог существовать в силу климатических условий. На многих стоянках обнаружены остатки жилищ в виде неглубоких землянок с одним или несколькими очагами внутри. Около очагов находятся скопления разбитых костей, а также ямы для хранения пищи (стоянки в с. Костенки около Воронежа, в с. Гагарино на Дону, около Брянска и другие). В настоящее время установлено также большое число палеолитических стоянок в Сибири, начиная от Енисея и кончая Восточной

Сибирью. Большая стоянка найдена в с. Мальте, в 80 км. от Иркутска. Недавно обнаружены палеолитические стоянки в Средней Азии.

Ледниковая эпоха кончилась. Ландшафт Европы, как в западной, так и в восточной части, принял характер, близкий к современному; постепенно исчезает древнеледниковая фауна—мамонт и носорог. Умеренные климатические условия этой эпохи благоприятствовали общественно-экономическому развитию человеческого общества. Возникший на средней ступени дикости материнский род (матриархат) достиг теперь своего полного развития. В предшествующую эпоху основными формами производства были собирательство и охота и в конце—рыбная ловля. На высшей ступени дикости и на низшей ступени варварства (Неолитическая эпоха) сложились новые, более прогрессивные формы производства в виде простейшего мотыжного земледелия и скотоводства. Земледелие развилось из собирания диких плодов и зерен, а скотоводство—из охоты. Для посева пшеницы и ячменя пригодная для легкой обработки земля взрыхлялась острой палкой или мотыгой. Эта древнейшая и простейшая система земледелия очень близка к огородничеству.

Развитие и расширение производства привели к появлению новых, более совершенных и более разнообразных орудий труда, к появлению новой техники в изготовлении этих орудий. В технике производства каменных изделий стали применяться пиление, сверление и шлифование камня. Разнообразный инвентарь соответствовал различному назначению орудий. Он позволял лучше обрабатывать дерево и более успешно вести коллективную охоту, главным оружием в которой становятся метательные средства — лук и стрелы. В результате оседлости населения появляется производство глиняной посуды. В эту же эпоху стало возникать разделение труда по полу и возрасту, происходит также некоторая специализация занятий в соответствии с естественно-природными условиями. Найдены мастерские для выделки каменных орудий.

На высшей ступени дикости и низшей ступени варварства люди населяли большую территорию нашей страны. Они стали жить там, куда раньше не мог проникнуть человек. Различные естественно-географические условия (леса, степи, реки и большие водоемы) способствовали выделению различных форм хозяйственной деятельности человека.

Картина общественной жизни этого времени для нас является более полной, и мы можем дать характеристику отдельным районам.

Северная часть нашей территории, за исключением крайнего севера, была покрыта лесами, прорезанными мощными водными системами. Граница лесо-степи проходила несколько северней чем в историческое время. Неолитические поселения, состоявшие из 10—15 землянок и полуземлянок, обычно были расположены на берегах рек или озер, иногда на островах, в местах удобных для

рыболовства, которое в лесной полосе имело основное значение в хозяйстве. Летом устраивались шалаши. Поселения не укреплялись, так как не было стимула для борьбы между людьми. Каждое из них принадлежало отдельной матриархальной, семейно-родовой общине. Исследование «кухонных остатков» (отбросов), скопившихся на месте поселений, устанавливает появление домашних животных. Достоверных признаков первобытного земледелия в этом районе не обнаружено.

Общество в рассматриваемое время, повидимому, уже было знакомо с примитивным обменом. Сравнительно недавно в неолитической стоянке на берегу Белого моря были найдены куски янтаря, который мог попасть сюда только с побережья Балтийского моря. Это устанавливает наличие примитивных форм обмена, связанного не с разделением труда, а лишь с естественными условиями.

Иной была хозяйственная деятельность человека в степной полосе, где существовали благоприятные условия для развития простейшего мотыжного земледелия. Археолог Хвойко в 1890—1900 гг. раскопал недалеко от Киева, около села Триполье, остатки неолитической культуры в виде глиняной площадки, усеянной костями, орудиями из камня и остатками глиняной посуды. По имени первой находки памятники данного типа получили название «трипольской» культуры. Дальнейшие археологические обследования показали, что подобные площадки находятся во многих местах Правобережной Украины и что они характеризуются комплексом предметов, имеющих определенный орнамент, одинаковый стиль; этот стиль может быть прослежен и в Галиции, и в части Венгрии, на нижнем течении Дуная.

Жители трипольской культуры выбирали места для своих поселений на почве, удобной для ручной обработки земли, недалеко от источника воды, часто на высоких берегах, а иногда и на открытых местах. Выбранное место сначала утрамбовывалось и покрывалось глиной, а затем слой глины подвергался обжигу. На приготовленной таким образом площадке строилось из дерева и глины жилище удлиненно-прямоугольной формы. Внутри его устраивался очаг. Вблизи жилища высеивались просо, ячмень, пшеница. Эти поселения первобытных земледельцев также являются поселениями матриархальной родовой общины. Существовал культ матери—охранительницы рода, принадлежностью которого являются найденные при раскопках женские статуэтки с ярко выделенными чертами материнства. Трипольская культура является самой древней земледельческой культурой на территории нашей страны. Хронологически она занимает третье и начало второго тысячелетия до н. э.

На обширных пространствах Сибири главной отраслью хозяйственной деятельности была охота, дополнявшаяся рыбной ловлей. Неолит Средней Азии совсем не изучен; мы имеем только отдельные неолитические находки, на основании которых еще нельзя составить общей картины.

Характерными явлениями средней ступени варварства, как указывает Энгельс, были: приручение и разведение домашних животных (скотоводство), обработка металлов (меди и бронзы) и изобретение ткацкого станка. В стадо входили: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади (лошадь—одно из наиболее поздних по приручению животных). Улучшается содержание скота. Сначала скотоводство носило оседлый характер, затем стало полуоседлым и, наконец, кочевым. В эту же эпоху человек начинает пользоваться металлом,— сначала самородной медью, которую он подвергал холодной ковке, но вероятно действие огня на камень побудило его к плавке меди. Хотя температура плавки меди очень высока — свыше тысячи градусов, но такая температура могла образоваться в глубине очага. Затем стали устраиваться очаги в качестве специальных плавильных печей. Смесь меди с оловом привела к открытию бронзы, обладающей большей твердостью и сравнительно низкой температурой плавления—730—900°.

В общественном строе на средней ступени варварства, эпохи меди и бронзы, также произошли существенные изменения. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» говорит: «Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной... Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому,— эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме: домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины...»[1]. Приручение домашних животных и разведение стад создало новый источник богатства и накопления и породило новые отношения. «Таким образом,—говорит Энгельс,— по мере того, как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождали, с другой стороны, стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу своих детей».[2] Вследствие этого произошло падение матриархального «права» («права» в условном значении этого слова). Взамен распавшегося материнского рода образовались отцовский род и патриархальная семья. Под патриархальной семьей мы разумеем организацию некоторого числа свободных и несвободных лиц в семье, подчиненную власти отца — главы семьи. После того как мужчина стал главой семьи и подчинил себе женщину, она должна была следовать за ним и в могилу. Этим объясняется растущее число одновременных двойных захоронений—мужчины и женщины.

На средней ступени варварства человеческое общество вступило в последний период первобытно-общинного строя, в период патриархально-родового общества. В конце этого периода происходит выделение богатых семейств, обладавших собственностью на стада скота. Растет влияние этих семейств; из них выбираются

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 137—138.
[2] Там же, стр. 39.

старейшины и вожди племен. Перешедшие в частное владение отдельных семей стада скота размножались более быстро, чем увеличивалась рабочая сила в семьях. Для обслуживания растущего поголовья скота требовалась добавочная рабочая сила. Эту рабочую силу получали путем обращения военнопленных в рабство. Но это было еще патриархальное рабство—раб сам являлся членом патриархальной семьи.

Одним из самых древних очагов медно-бронзовой культуры в нашей стране было Закавказье, в котором уже в первой половине II тысячелетия до н. э. существовало производство медных и бронзовых орудий. В низменных районах и речных долинах Закавказья было распространено первобытное мотыжное земледелие. В горных районах население занималось скотоводством.

Общество на средней ступени варварства уже не является однородным. По имущественному и социальному положению выдвигаются вожди более богатых родов. Начинается развитие племенных объединений. Это нашло свое отражение и в материальной культуре.

Инвентарь могил заметно отличается от прежней эпохи. В соответствии с ростом накоплений появляются богатые и пышные погребения. Ярким примером такого погребения может служить могильный курган, раскопанный в конце 90-х годов прошлого столетия около г. Майкопа. Высота его достигала 10,5 метра. Под курганом была обнаружена могила, состоявшая из трех частей, причем в главной части находилось основное погребение. На скелете было найдено большое количество золотых и серебряных вещей: на голове—нечто вроде короны, на шее—массивное ожерелье из нескольких рядов бус из золота, сердолика, бирюзы и других камней. Над трупом был воздвигнут богато разукрашенный погребальный балдахин.

К северу от Кавказа, в степях Причерноморья, между Днестром и Волгой, простирались тучные травянистые степи, создававшие особенно благоприятные условия для развития скотоводства. Скотоводческие племена, жившие сначала оседлыми поселениями по берегам рек и ручьев, перешли, как и везде, на кочевое хозяйство.

В лесной полосе главным занятием также стало скотоводство, дополнявшееся мотыжным земледелием. В условиях лесной полосы оно приняло характер подсечно-огневого хозяйства. Характерными памятниками для ранней эпохи бронзы в этом районе, когда еще существовало большое количество каменных изделий и бронза среди них встречалась относительно редко, являются могильники фатьяновского типа (название произошло по селу Фатьяново около г. Ярославля, в окрестностях которого был открыт первый могильник с предметами данного типа). Фатьяновская культура относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Большое распространение в этой культуре получили шлифованые и сверленые орудия ладьеобразной формы и топоры с вислыми обухами. Западноевропейские археологи пытались доказать, что эта культура была принесена в Восточную Европу западноевропейскими племе-

нами. Это положение опровергается археологическим материалом. На основании изучения большого числа памятников установлено, что эволюционное развитие фатьяновской культуры связано с предшествующей эпохой позднего неолита. Фатьяновская культура соответствует более высокой стадии общественно-экономического развития местного населения.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. фатьяновская культура переходит в культуру следующего типа, времени полного развития бронзы. Она носит название сейминской культуры (по станции Сейма, около г. Горького, где в 1912 г. были найдены бронзовые вещи). Общество было организовано в патриархально-родовые общины, в жизни которых уже заметны первые признаки разложения.

Для Западной Сибири и для Средней Азии в развитии культуры эпохи бронзы большую роль сыграли два района: Минусинский и Казахстанский, в которых находились древнейшие медные рудники. Минусинский район был чрезвычайно богат бронзой. Крестьяне в большом количестве находили медные и бронзовые изделия при полевых работах.

На берегу р. Енисея находится Афанасьева гора, где найден богатый могильник, относящийся ко II тысячелетию до н. э., с предметами, характерными для переходной эпохи между неолитической и бронзовой культурами. Главными занятиями населения были охота и рыбная ловля. Появляются домашние животные. Обнаружены первые случаи совместного захоронения женщины и мужчины; афанасьевская культура переходит в новую стадию развития, в так называемую андроновскую культуру.

Памятники андроновской культуры разбросаны на большом пространстве степной территории; и здесь имеет место парное захоронение, указывающее на ритуальное убийство женщины, причем такие захоронения достигают уже 25 проц. всех погребений. В погребениях найдены кости, принадлежащие исключительно домашним животным. Основным занятием населения становится скотоводство, которое дополняется первобытным мотыжным земледелием. Заканчивается начавшийся в предшествующее время переход к патриархальной семье. В захоронениях мы встречаем имущественные различия — богатые и бедные погребения.

Таким образом конец медно-бронзовой эпохи, или средней ступени варварства, представляет собой вместе с тем и конец в развитии первобытно-общинного строя. Все яснее обнаруживаются элементы внутренней социальной диференциации. Развитие скотоводства потребовало применения труда рабов, в которых превращались пленные. Война с этого времени носит иной, чем прежде, характер: она преследует цель грабежа, приобретения добычи и ловли людей. «Грабительские войны,— говорит Энгельс,— усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют... весь

родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения... этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» *(Маркс)*...».[1] Утвердившийся обычай наследования имущества отца усилил семью в противовес роду. Имущественные неравенства все более увеличивались. Богатство стало возрастать как богатство отдельных лиц. Племенных старшин и вождей окружала дружина, которая вместе со своим вождем добывала ценные вещи, скот, рабов и производила между собой раздел военной добычи. Грабительские войны привели к необходимости укреплять поселения. В предшествующий период укреплений почти не встречается. Для эпохи металла, особенно для конца бронзового века, т. е. для конца среднего периода варварства, укрепления становятся обычным явлением—сначала в виде рва и вала, затем в виде частоколов и башен и, наконец, сложенных из огромных кусков камня больших замков. «Недаром,— писал Энгельс,—высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию».[2]

На высшей ступени варварства начинается развитие классового общества. Этот переход для наиболее древних классовых образований в нашей стране датируется второй половиной II тысячелетия до н. э.

Главным материалом для орудий труда становится железо. Впервые обработка железа возникла в Египте, Индии и Передней Азии. Около конца II тысячелетия железо появилось в Закавказье, затем в Северном Черноморье и позже в Приуралье, на Оке и на Верхней Волге. Энгельс говорит: «Железо создало обработку земли на крупных площадях, обеспечило расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов».[3]

На территории нашей страны бронзовые изделия в первой половине I тысячелетия до н. э. стали вытесняться железными. В Средней Азии, благодаря наличию хороших рудников, бронзовая культура продержалась примерно до III—II вв. до н. э.

Рабовладельческие государства в Закавказье и Средней Азии

Древнейшие государственные образования на территории СССР возникли в Закавказье, где раньше, чем в других частях нашей страны, сложились благоприятные экономические и политические условия. Большое значение имело соединение земледельческих ба-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 140.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 138.

зисов со скотоводческими районами. Скотоводство и развивавшееся земледелие, требовавшие в силу климатических условий оросительных сооружений, вели к быстрому расслоению родового общества. С возникновением скотоводческого хозяйства появились элементарные формы обмена, который разрушал хозяйственную замкнутость общин скотоводов и земледельцев и усиливал внутри их имущественную и социальную диференциацию.

В соседстве с этой территорией уже во II тысячелетии до н. э. находились такие могущественные рабовладельческие образования, как Хеттское государство в восточной части Малой Азии, Хурритское государство в северной Сирии. В конце II тысячелетия стала быстро усиливаться Ассирия, расположенная на верхнем и среднем течении рек Тигра и Ефрата. У племен Закавказья существовали давние экономические и политические связи с этими странами.

Близость к мощным очагам древней цивилизации ускоряла общественно-экономическое развитие закавказских племен. Южное Закавказье было втянуто в жизнь древнего культурного мира восточной части Средиземноморского бассейна.

Древнейшими письменными источниками по истории страны, лежавшей между течением Аракса и верховьями Тигра и Ефрата, являются ассирийские клинописные тексты, среди которых особое значение имеют хроники ассирийских царей о походах на север. В ассирийских надписях область верховьев Тигра и Ефрата, а также территория, лежащая южнее Ванского озера, носила название Наири, что значит «речная область». Территория, прилегавшая с севера и с востока к Ванскому озеру, носила древнее название Урарту, которое сохранилось в названии горы Арарат. Позднее название Урарту стало общим названием для обширной области, охватывавшей как верховья Тигра и Ефрата, так и район Ванского озера. По имени страны мы называем сложившееся на ее территории государство Урарту, а население — «урартами»; существует и другое название для населения—«халды», по имени главного бога Халда (не смешивать с халдеями, входившими в состав семитических племен Аравии).

Впервые название Урарту (в форме Уруатри) встречается в надписи ассирийского царя Сальманасара I (конец XIV столетия до н. э.). Более подробные сведения об этой стране появляются на грани XII—XI столетия до н. э. Тиглатпалассар I в надписи, относящейся к 1100 г. до н. э., сообщая о своем походе в область Ванского озера, говорит, что он разбил войска 23 царей Наири, а затем число его противников дошло до 60. После победы ассирийский царь наложил на население дань с обязанностью поставлять коней и крупный рогатый скот. «Царями» в ассирийских надписях в действительности являлись мелкие родоплеменные вожди. Быстро возрастающее число их в борьбе с Ассирией указывает на начавшийся процесс межплеменного объединения. Образование межплеменных союзов начинается на определенной стадии социально-экономического развития. В данном случае внутренний процесс

образования племенного союза ускорялся борьбой с могущественными ассирийскими завоевателями. Центром объединения стал район Ванского озера. Прикрытый с юга мощным горным массивом, он обладал прекрасными природными условиями для защиты от нападения. В IX столетии до н. э. здесь устанавливается местная династия царей.

От середины IX столетия до н. э. до нас дошли древнейшие записи, принадлежавшие ванским царям (так условно принято их называть по имени столицы у Ванского озера). С конца этого столетия записи делались уже на местном халдском языке посредством несколько измененной ассирийской клинописи. С этого времени быстро увеличивается число надписей в виде целых хроник и отдельных записей, дающих возможность восстановить в основных чертах картину политического развития государства Урарту с конца IX в. до н. э.

Государство Урарту слагалось в обстановке жестокой борьбы с Ассирией. Ассирийские завоеватели с ростом межплеменного объединения в области Урарту стали встречать все более и более серьезное сопротивление; в дальнейшем нападающей стороной становится само Урарту.

Расширение подвластной ванским царям территории происходило, с одной стороны, в область верховьев Тигра и Ефрата, с другой стороны, на север, через горный перевал в долину Аракса, а затем и Куры. Это междуречье образовывает Ереванскую низменность. Халдских клинописных памятников к северу от р. Куры мы уже не встречаем. Нападениям со стороны Вана подверглась также область, лежавшая на северо-восток от Севанского озера, в низовьях рек Аракса и Куры. В этом районе обитали мелкие племена, оказавшие слабое сопротивление в силу своей раздробленности и взаимной враждебности. Государство Урарту достигло высшего расцвета в первой половине VIII в. до н. э., когда халды фактически господствовали во всей Передней Азии.

Записи ванских царей о своих походах напоминают по форме хвастливые реляции ассирийских завоевателей. Перечисляя трофеи победных наступлений, ванские цари сообщают о десятках завоеванных «стран», сотнях разрушенных «городов» и покоренных «царей». Затем перечисляется добыча, состоявшая из огромного количества скота и пленных. В области междуречья Аракса и Куры и прилегающих районов, куда вторгались цари Урарту, сохранилось большое количество остатков мелких крепостных сооружений, под защитой которых в случае военной опасности могло укрываться местное население; это население жило еще патриархально-родовыми общинами. Цари, о которых сообщают ванские надписи, в действительности были мелкими племенными князьками и родовыми старейшинами. Благодаря большой раздробленности страны и незначительному сопротивлению ванским царям удалось подчинить своей власти значительную территорию.

Животноводство составляло основное богатство Ванского царства, поэтому скот занимал первое место в военной добыче. В плодородных речных долинах население занималось земледе-

лием, причем последнее находилось на сравнительно высоком уровне. Археологические обследования показывают, что население пользовалось бронзовыми и железными земледельческими орудиями; найдены большие вращающиеся на оси жернова. Земледелие в засушливых районах требовало большой затраты труда для проведения водоснабжающих каналов. Около Ванского озера царь Менуа велел прорыть канал длиной более 70 километров, который снабжал город хорошей питьевой водой (вода в Ванском озере негодна для питья). Это грандиозное техническое сооружение существует более двух тысячелетий и до сих пор сохраняет для населения хозяйственное значение. Сохранились остатки и других ирригационных сооружений. Постройки каменных и скальных сооружений требовали больших затрат рабского труда. Крепости и замки складывались из огромных каменных глыб без скрепляющей извести. В сплошном материке каменных скал высекались обширные помещения, состоявшие из нескольких комнат. Они свидетельствуют о колоссальной работе, произведенной рабами—каменотесами, владевшими очень примитивной техникой.

Хотя социально-экономический строй Урарту еще мало изучен, но можно считать, что по крайней мере в основных районах Урарту рабский труд в хозяйстве получил большое применение. Самым крупным было царское хозяйство, обслуживавшееся огромным количеством пленных рабов. Перечисляя военную добычу (скот и рабов), цари указывают, что они не включают в свой подсчет добычу воинов. Окружавшая царя халдская знать, богатевшая вместе с царем в результате грабительских нападений, также опиралась на рабовладельческое хозяйство. Наконец, огромными богатствами обладали храмы, о чем свидетельствуют красочные описания ассирийских записей. Однако процесс сложения рабовладельческого хозяйства на территории Урарту не закончился. Наряду с рабовладельческим хозяйством существовали еще неразрушенные общины, особенно на окраинах территории, подвластной Урарту. Возможно, что не все пленные обращались в рабов.

Политическая система Урарту сложилась в результате распространения власти рабовладельческого центра на покоренные племена. На местное население накладывалась дань. В завоеванные крепости посылались наместники царя, которые должны были следить за покорностью населения и за сбором дани.

Наместники царя являлись и военачальниками. Не ограничиваясь захваченными укреплениями, цари Урарту в важнейших в стратегическом отношении местах строили новые крепости, которые господствовали над окружающей областью и защищали горные проходы и важнейшие пути. В этих крепостях обычно располагались урартские гарнизоны. Власть царя, местопребыванием которого был город Тушпа на юго-восточном берегу Ванского озера, была очень сильной. Выражением его высокого положения служил пышный титул, принятый Менуа: «царя могущественного, царя божественного, царя царей». Царь являлся и верховным

жрецом главного бога Халда, в храме которого стояла бронзовая фигура царя.

Со второй половины VIII в. политическое положение Урарту стало быстро ухудшаться; возобновилась борьба с Ассирией. При ассирийском царе Саргоне II, который произвел реорганизацию ассирийского войска, ассирийцы вновь с успехом нападают на ванских царей. Борьба с Ассирией совпала с прорывом через большой Кавказский хребет кочевников причерноморских степей: киммерийцев («гимиру» по ассирийским хроникам) и скифов («ишкуза» или «ашгуза»).

Саргон II ассирийский причинил Урарту страшное разорение, от которого оно не было в состоянии полностью оправиться. В надписи, оставленной им, говорится, что ассирийцы двигались «подобно урагану и ливню». Они разграбили религиозный центр халдов—Мусасир, в котором забрали колоссальную добычу, много золота и серебра, бесчисленное количество драгоценных камней, множество оружия и бронзовых предметов.

Урарту, сжатое с севера и юга, обессиленное в борьбе с Ассирией, распадается. Последние сведения о нем относятся к VI столетию. Окончательный удар наносят мидийцы, объединившиеся в Мидийском государстве. Около 585 г. до н. э. мидийские войска до основания разрушили столицу государства Урарту. С этого времени Урарту исчезает, и название ее в памятниках больше не встречается. В Бегистунской надписи персидского царя Дария I Ахеменида (около 521 г. до н. э.) вместо Урарту появляется новое название — Армения.

Общий характер культуры Урарту определяется тем местом, которое оно занимало среди других стран восточной рабовладельческой цивилизации. На ее территории скрещивались разные культурные влияния, среди которых особенно следует отметить хеттское и ассирийское. Из Ассирии урарты заимствовали клинописное письмо, которое подверглось некоторому изменению и упрощению. На территории Урарту найдены фигуры крылатых львов, напоминающие подобные же изображения на ассирийских памятниках. Распространенный орнамент из спиралей и завитков находит параллель в хеттском искусстве. Однако население Урарту не ограничивалось повторением чужих стилистических и декоративных элементов, а создало самостоятельное искусство, которое в некоторых отношениях стояло даже выше искусства других стран Востока. Большого совершенства халды достигли в области металлургического производства. В Урарту раньше, чем в других местах Передней Азии, железо вошло в широкое употребление. Выделяются также искусство обработки камня и высокая техника ирригационных сооружений. В столице Тушпе существовали многоэтажные каменные здания, стены которых были выложены каменными плитами, покрытыми изображениями и инкрустацией.

Включение южного Закавказья в систему государства Урарту содействовало более быстрому развитию на этой территории рабовладельческого хозяйства. Культурное влияние Урарту, пробива-

ясь через большой Кавказский хребет, распространялось в Северном Причерноморье и замирало где-то в лесо-степной полосе. Для этой территории Урарту сыграло роль передатчика элементов древневосточной цивилизации.

История Урарту представляет для нас крупный интерес вследствие тех этнических, лингвистических и культурных связей, которые соединяют ее с историей кавказских народов. На исторической основе Урарту впоследствии сложились Армения, Грузия и Албания (древнее название северной части Азербайджана). Культура Урарту является поэтому колыбелью культуры народов Закавказья.

Согласно буржуазному учению все исторически существовавшие народности произошли от древних пранародов, которые отличались друг от друга расовыми признаками. Согласно индо-европейской лингвистике все существующие языки имеют в своей основе праязык, т. е. язык, на котором будто бы говорили пранароды. В дальнейшем произошло разделение каждого праязыка на множество родственных языков, составляющих определенную языковую группу (индо-европейскую, семитическую, угро-финскую и др.). Советский учёный, академик Марр, показал антинаучность этой лингвистической схемы. Он доказал, что в действительности никакого праязыка не существовало и процесс развития языка происходил в обратном направлении: не из нескольких простейших языков произошли все исторически существовавшие языки, а из племенных наречий сначала слагался межплеменной язык, который потом становился языком образовавшейся народности. Развитие языка происходит в тесной связи с общественно-экономическим развитием и проходит определенные стадии. Такие группы языков, как яфетическая, семитическая, индо-европейская и другие, являются определенными стадиями в развитии языков. Языки, на которых говорили древние народы Средней и Передней Азии и Закавказья, относятся к яфетической группе языков, которая предшествовала в своем развитии семитической и индо-европейской. Представители буржуазной исторической школы считали, что во времена, которые хронологически они даже не могли определить, уже сложились народности. Затем эти народности перемещались по обширной территории земного шара, попадая в ту или иную местность. Таким образом народности рассматривались не в историческом развитии, а как некоторые внеисторические категории. Марксистская наука рассматривает и народности и нацию как исторические категории, возникающие в определенных условиях. Процесс сложения народности и превращение ее в нацию занимает большой промежуток времени.

Академик Марр доказал, что языки закавказских народностей носят в той или другой степени яфетическую основу, осложненную в процессе дальнейшего развития этих языков. Эта яфетическая основа близка древним языкам Передней Азии. Выводы марксистского языкознания позволяют нам уяснить и процесс образования закавказских народностей — армянской, грузинской и азербайд-

жанской, которые преемственно связаны с древним населением Передней Азии.

Термин «армяне» впервые появляется в 521 г. до н. э. в Бегистунской надписи царя Дария I. Эта надпись состоит из трех одинаковых по содержанию текстов на трех языках (персидском, мидийском и вавилонском). Термину «Урарту» в вавилонском тексте соответствует в персидском тексте термин «Арминиа» (Армения). Армян знают и греческие писатели, в том числе Геродот, живший в середине V в. до н. э. Он считал армян, или как он их называет «армен», народом, родственным фригийцам, происходившим из Фракии (западное побережье Черного моря). В период возвышения Мидии армяне находились в верховьях Ефрата, откуда затем передвинулись в область Ванского озера, вытеснив часть халдских племен на север и передав свое имя стране.

Сами армяне называли себя не армянами, а хайами. Таким образом существовало два названия: одно из них было самоназванием (хайи), другое — названием, данным соседними народами (армяне). Наличие двух этнических названий свидетельствует о сложности этнического состава населения, положившего начало армянской народности. В свете указаний марксистской науки о длительном и сложном процессе развития народностей мы можем правильно понять сообщение Геродота. Армяне (армене), по-видимому, были племенем, которое, передвигаясь с запада на восток, осело в районе Ванского озера. В Малой Азии оно подверглось хеттскому влиянию. Это племя еще не составляло армянскую народность. В формировании последней участвовали не только армяне, известные из рассказа Геродота, но и местное население Армянского нагорья (т. е. бывшей территории Урарту), принадлежавшее к числу яфетидов. Пришельцы смешались с местным яфетическим населением, но передали ему элементы своего индоевропейского языка. Армянская народность формировалась в процессе длительного исторического развития на своей основной территории.

Уже с начала II тысячелетия до н. э. грузинские племена, являвшиеся потомками коренного населения Передней Азии, занимают территорию современной Грузии. Раскопки последних лет обнаружили высокую культуру населения второй половины II тысячелетия. Были найдены изумительной работы изделия из золота и серебра, прекрасная расписная керамика и другие вещи. Древнейшие политические образования Грузии известны под двумя названиями: западная часть Грузии, лежавшая по берегу Черного моря, носила у греков название Колхиды. Древнейшие сведения о ней восходят к VI столетию до н. э. Восточная Грузия была известна под названием Иберии. По преданиям, вошедшим в начальную грузинскую летопись, возникновение Иберского царства относится к концу IV в. до н. э.

С Колхидой связаны греческие легенды, в которых сохранился отзвук впечатлений греческих мореплавателей и колонистов о богатстве этой страны. (Рассказ об аргонавтах, которые в поисках золотого руна отправились в Колхиду). На черноморском берегу

Колхиды очень рано возникли греческие колонии, в том числе: Диоскурия (около Сухуми) и Фазис (около Поти). Через эти колонии в Грузию проникало греческое культурное влияние.

Древнейшие сведения о населении, жившем по нижнему течению рр. Куры и Аракса, находятся в записях ванских царей, предпринимавших походы на восток от Севанского озера. В районе Карабахской низменности жили удины. Муганскую степь занимали каспы. В IV столетии появляется название албаны. Это племенное название затем перешло в название страны Албании, занимавшей северную часть будущей территории Азербайджана. Удины, каспы, албаны и другие племена, жившие в древности на территории Азербайджана, еще не составляли в это время азербайджанскую народность. Эти племена в процессе складывания азербайджанской народности вошли в ее состав вместе с другими этническими элементами.

К востоку от Каспийского моря обширные степные пространства занимали «скифские» племена, среди которых самыми многочисленными были массагеты и саки. Они вели кочевое скотоводческое хозяйство. Из сообщений Геродота следует, что у массагетов существовали некоторые пережитки матриархата и женщины пользовались значительным влиянием в общественной жизни племен. Однако основное место у среднеазиатских кочевников занимала уже патриархальная община, с развитием которой стало возникать имущественное и социальное неравенство.

Среднеазиатская степь, более обильная влагой, чем впоследствии, окружала земледельческие оазисы, расположенные в речных долинах.

В низовьях р. Аму-Дарьи была расположена древняя земледельческая область Хорезм. В древнее время Аму-Дарья имела широко разветвленную дельту, причем главное русло реки впадало не в Аральское, а в Каспийское море (остатком этого русла является рукав Узбой). Благодаря этому долина нижнего течения Аму-Дарьи (Хорезм) орошалась значительно лучше, чем в позднейшее время. К северу от Гиндукушского хребта, у верховьев Аму-Дарьи, лежала Бактрия. На запад от нее, в бассейне реки Зеравшан, находилась древняя земледельческая область — Согда или Согдиана. Главным городом была Мараканда (Самарканд), имевшая значительное население уже в VI в. до н. э. Бактрия и Согдиана были расположены по соседству с культурными областями древнего Востока (Иран, Ассирия). Они раньше других среднеазиатских земель испытали влияние рабовладельческих восточных государств, особенно Персидского государства.

Во второй половине VI в. до н. э. на территории Иранского плоскогорья, между Каспийским морем и Персидским заливом, возникло Персидское государство Ахеменидов (основатель персидской царской династии был Кир из рода Ахеменидов). В короткое время персидское владычество распространилось в Средней Азии до среднего течения р. Сыр-Дарьи, а также и на южное Закавказье с Арменией.

Общую характеристику Персидского государства Ахеменидов,

как и позже образовавшейся империи Александра Македонского, дает товарищ Сталин в работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос»: «...несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя».[1]

Персидское государство Ахеменидов держалось властью господствующего слоя персидских и отчасти мидийских племен над населением завоеванной территории, которое эксплоатировалось ими самым безжалостным образом. В основе его лежала рабовладельческая система хозяйства. Одним из результатов влияния персидской системы на завоеванные страны был ускорившийся распад первобытно-общинного строя в тех местах, где он еще держался. Нужно также отметить культурное влияние Ирана, в качестве передатчика древних восточных рабовладельческих цивилизаций — Ассирии, Вавилона, Египта.

Персидское государство Ахеменидов просуществовало около двух столетий (538—330 гг. до н. э.). Раздираемое внутренними противоречиями, которые усиливались по мере общественно-экономического развития покоренных народов, оно окончательно пало в результате удара, нанесенного Александром Македонским.

Поход Александра Македонского начался в 334 г. до н. э., и уже через пять лет, после трех больших сражений, держава Ахеменидов пала, а последний ее представитель, Дарий III Кодоман, был убит. Разгромив державу Ахеменидов, Александр Македонский через горы Гиндукуша вступил в Среднюю Азию, захватил Бактрию и Согду. Затем он предпринял поход через степь к среднему течению Сыр-Дарьи (Яксарт). В степных районах грекам пришлось долго бороться с воинственными племенами кочевников, которые уходили от столкновений, чтобы потом неожиданными нападениями тревожить македонские гарнизоны. Александр Македонский, чтобы закрепить захваченную территорию, строил города-крепости, каждая из которых называлась по его имени — Александрия. Последняя «Александрия Крайняя» была построена на Сыр-Дарье (на месте Ходжента). В Согде, после того как Александр Македонский ушел к Сыр-Дарье, вспыхнуло восстание под предводительством вождя Спитамена. Жестокое подавление восстания привело к опустошению цветущей долины Зеравшана.

Созданное в результате завоеваний большое Македонское государство едва пережило своего основателя. После смерти Александра Македонского, в 323 г. до н. э., оно распалось, так как представляло собой насильственное объединение земель, не имевших между собою более или менее прочных экономических связей и резко различавшихся по общественному строю и культуре. Сначала выделились три крупные части: европейские владения,

---

[1] Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 4. Изд. 1935.

Египет, где родоначальником новой династии стал один из полководцев Александра — Птолемей Лаг, и Сирия, в которой утвердился другой полководец — Селевк, положивший начало династии Селевкидов. В состав этого государства, кроме Сирии, вошли Иран, Средняя Азия и часть Закавказья с Арменией.

Завоевания Александра Македонского, несмотря на распад самой державы, оказали большое влияние на население земель, вошедших в состав греко-македонской державы и ее отдельных частей. За греческими воинами пришли греческие купцы и ремесленники; на восток стали проникать греческие товары; при царских дворах появились поэты, писатели, риторы, актеры. В памятниках материальной культуры появились характерные элементы греческого стиля. Греческая культура вступила в сложное взаимодействие с местной восточной культурой. Этот синтез, имевший плодотворные последствия и для греческой и для восточной культуры, носит в науке название эллинистической культуры. Государства, образовавшиеся в результате распада державы Александра Македонского, носят название «эллинистических» государств.

Процесс распада империи Александра Македонского продолжался дальше. В середине III столетия в Бактрии возникло самостоятельное Греко-Бактрийское государство. Около этого же времени подняло восстание кочевое племя парфян, жившее на территории, прилегавшей с юго-востока к Каспийскому морю. Здесь образовалось самостоятельное Парфянское государство во главе с династией Аршакидов. Победа римлян в 190 г. до н. э. в сражении при Магнесии над одним из самых выдающихся сирийских императоров — Антиохом III ускорила дальнейшее распадение державы Селевкидов. Восстание армян привело к образованию самостоятельного Армянского государства с отдельной царской династией Артаксиатов (первым представителем был Артаксий или Арташес I, 189—161 гг.).

Освободившаяся от господства Селевкидов, Армения стала одним из самых сильных и крупных государств Передней и Малой Азии. Время ее высокого политического подъема приходится на царствование Тиграна II (95—56 гг. до н. э., при котором западная граница государства продвинулась до Киликии (на юго-востоке Малой Азии), южная — до середины Сирии, восточная — до Парфии. При этом было завершено объединение всех армянских земель в единое государство.

Армянский язык в это время стал господствующим во всем Армянском нагорье.

Географическое положение Армении было очень благоприятным. Через Армению проходила знаменитая «царская дорога», связывавшая западную оконечность Малой Азии с Передней Азией, Парфией и Бактрией, откуда с конца II в. до н. э. шли караванные пути в Китай. Таким образом устанавливалась связь между Средиземноморским бассейном с его развитыми производящими и торговыми центрами и обширным рынком Китая, являвшегося средоточием восточноазиатской продукции. Внутренняя и внешняя торговля содействовала развитию армянских городов,

особенно тех из них, которые были расположены на важнейших торговых сообщениях. Тигран II, извлекая экономическую выгоду из торговли и местного производства, приносивших большой доход царской казне, всячески содействовал развитию городских центров. С этой целью он переселял жителей завоеванных областей в армянские города. Например, из завоеванной Каппадокии (в восточной части Малой Азии) Тигран II вывел из эллинистических городов свыше 300 тыс. жителей, которых поселил в своей новой столице — Тигранокерте на р. Тигре. При сооружении этого города, расположенного на важнейших торговых путях, необходимо было произвести грандиозные работы, которые могли быть выполнены лишь при условии широкого использования рабов. Город был окружен высокими и толстыми стенами, за которыми находился роскошный дворец царя.

Вопрос об общественном строе Армении эпохи Тиграна и его преемников относится к числу труднейших проблем древней истории нашей страны и до настоящего времени полностью не разрешен. Согласно одному мнению в Армении в этот период рабовладельческие отношения составляли основу ее социального и политического порядка. Однако крупнейший специалист по истории Армении академик Манандьян держится иного мнения: не отрицая распространения рабства, он считает, что в Армении не было развитой рабовладельческой системы. После распадения государства Урарту произошло сложное взаимодействие общественных порядков древнего урартского населения с пришлыми племенами. В результате, в период персидского господства (VI—IV вв. до н. э.) на территории Армении сложилась военная демократия, как результат начавшегося распада общинного строя. Дальнейшее развитие классового общества привело ко времени Тиграна к возникновению феодальных форм зависимости.

Культура Армении времени Тиграна II носила эллинистический характер. Сильное иранское влияние предшествующего времени вытеснялось греческой культурой. При дворе царя нашли приют бежавшие из Греции ученые и поэты. Тигран II выписал греческих актеров и устроил греческий театр. В то же время в обиходе его двора чувствовалось восточное влияние, и сам царь, прибавивший к своему титулу «бог», подражал крупнейшим восточным деспотам. Перед народом он являлся в белой одежде с красными полосами, сверху которой накидывался пурпурный плащ. Голову царя украшала высокая тиара (корона). Соседом Армянского государства в Малой Азии было Понтийское государство (Понтом называлась область на южном побережье Черного моря), достигшее большого размера при современнике и союзнике Тиграна II — понтийском царе Митридате VI Евпаторе.

Армянское государство при Тигране II столкнулось с еще более могущественной рабовладельческой системой — Римом. Результатом этого столкновения было подчинение Армении Римской империи.

Для изучения социально-политического строя и культуры Грузии в конце старой эры и в первых веках новой эры выдающийся

интерес представляют древние памятники, недавно открытые на территории Мцхета археологической экспедицией исторического института Грузинской академии наук. Во второй половине первого тысячелетия до н. э. Мцхет, лежавший на стыке долин Куры и Арагвы, стал столицей Восточно-Грузинского (Иберского) царства. Роскошная усыпальница иберских царей и их сановников содержит большое количество высоко художественных вещей местной работы. Среди них—оружие, изукрашенное золотом, драгоценными камнями и эмалью, браслеты и кольца, женские ожерелья, золотые бусы, серьги, перстни с портретными изображениями и прочие вещи.

Во главе государства — сильная монархическая власть. Уже в первом веке н. э. употребляется титул: «Царь Великий, царь Иберов». Власть царя опирается на многочисленный штат чиновников, образующих целую иерархию. Такой политический порядок был характерен для восточной рабовладельческой деспотии.

Скифы

В тот хронологический период, когда в Закавказье сложились рабовладельческие государства, процесс развития рабовладельческого хозяйства охватил и Северное Причерноморье.

Если для Закавказья и Средней Азии ускоряющим фактором социально-экономического развития было персидское и эллинистическое влияние, то для Северного Причерноморья такое значение имело непосредственное влияние Греции, распространявшееся через многочисленные греческие колонии. Греческим писателям мы обязаны древнейшими письменными сведениями о населении Восточной Европы. Первое место среди них занимает история в девяти книгах Геродота (середина V в. до н. э.). Геродот много путешествовал, побывал и в одной из греческих колоний на северном побережье Черного моря. Во время своих поездок он тщательно собирал сведения и рассказы о разных народах, но не отделял при этом важного от неважного, фантастического от действительного. «Я обязан передавать то, что говорят,—замечает в своих сочинениях Геродот,—но верить всему не обязан». Поэтому сообщения Геродота требуют критического отношения. Далеко не все в них оказывается верным. Но сочинения Геродота остаются важнейшим первоисточником для истории Причерноморья времен греческой колонизации.

Территория горной части Крыма была заселена, по сведениям Геродота, племенами тавров. Последние, по описанию Геродота, были отсталым и диким племенем, жили войной и грабежом, убивали пленных и приносили захваченных греков в жертву богине. Есть основание предполагать, что тавры представляли собой остаток киммерийцев. Земледелие у тавров играло ничтожную роль. Мало было развито и скотоводство. Основными занятиями были рыболовство и охота. Археологические данные устанавливают низкий уровень их материальной культуры. Распространение коллективных погребений в больших каменных ящиках указы-

вает на сохранявшиеся в общественном строе тавров элементы матриархата.

Население причерноморских степей Геродот называет общим именем, сначала киммерийцами, а потом скифами. Киммерийцев, по рассказу Геродота, греки уже не застали; память о них сохранилась в местных географических названиях. Керченский пролив греки называли Боспором Киммерийским. Культура киммерийцев должна быть отнесена к эпохе поздней бронзы и начала железа. К этому времени в степях Северного Причерноморья уже развилось скотоводческое хозяйство. Однако пока не удается отделить киммерийские памятники от более поздних однохарактерных памятников скифского времени.

По словам Геродота, киммерийцы из Северного Причерноморья были вытеснены скифами, вторгнувшимися многочисленными полчищами со стороны Кавказа. Киммерийцы удалились из своей земли и поселились в Малой Азии. Хотя рассказ Геродота носит легендарный характер, но в основе его лежало предание о каких-то племенных перемещениях, в результате которых на месте распавшегося союза киммерийских племен сложилось новое племенное объединение, ставшее известным грекам под именем скифов.

Область Северного Причерноморья была известна грекам со времени Геродота под общим названием Скифии. Западной ее границей является р. Истр (Дунай); восточные поселения скифов достигали Меотийского озера (Азовского моря) и Дона. Менее известна Геродоту северная граница. По его словам, она отстояла от моря на 20 дней пути. Переводя это число на километры, мы можем установить, что северная граница Скифии, по данным Геродота, находилась приблизительно в 650—700 километрах от берега Черного моря, т. е. проходила севернее Киева и несколько южнее Курска. Эта линия совпадала с границей лесо-степи. Название «скифы» у греков было общим для значительных племенных образований, с разнообразными формами хозяйственной и общественной жизни. По соседству с греческой колонией Ольвией жили «эллино-скифы», или каллипиды. Название, данное этому населению, показывает, что оно усвоило элементы греческой культуры. Северными соседями каллипидов были алазоны. Оба эти народа частично занимались земледелием, сеяли хлеб, чечевицу, просо, сажали лук и чеснок. Территорию, расположенную севернее области алазонов, занимали скифы-пахари. По словам Геродота, они хотя и сеяли хлеб, но не для собственного употребления, а для продажи. На восточной стороне Днепра обитали скифы-земледельцы. Таким образом территория, прилегавшая с обеих сторон к нижнему течению Днепра, была, по сведениям Геродота, занята в основном земледельческими племенами. Археологическое изучение этой местности устанавливает существование старых местных очагов земледельческой культуры. Нет оснований считать это население пришлым с востока.

Территория, расположенная по северо-западному берегу Азовского моря, к востоку от скифов-земледельцев, представляла собой

обширную кочевую степь, занятую скотоводческими племенами. По сведениям Геродота, здесь жили скифы-кочевники, которые ничего не сеяли и не пахали. По соседству с ними находились «царские владения», где жили «храбрейшие и многочисленнейшие скифы», считавшие других скифов своими подданными. Эти скифы составляли ядро скифского племенного союза, охватившего население почти всей южной половины Восточной Европы.

Немногочисленные остатки языка скифов, сохранившиеся в греческой передаче, обнаруживают иранские языковые элементы. На этом основывалось распространенное прежде в литературе мнение, что скифы пришли на территорию нашей страны из Ирана. Изучая остатки языка скифов, академик Марр установил их связь с яфетическими языками Северного Кавказа и Закавказья. Недавно вопрос о происхождении скифо-сарматов был пересмотрен академиком Джавахишвили. Последний пришел к выводу, что большое число древних географических терминов, племенных названий и личных имен скифо-сарматской эпохи получает удовлетворительное объяснение из северокавказских наречий (адыгейско-чечено-лезгинской группы). На основании установленной лингвистической близости можно сделать предположение, что основное ядро приазовских скифо-сарматских кочевых племен было этнически связано с северокавказскими народностями.

Греческие авторы ограничиваются описанием скифского быта и мало сообщают об общественно-экономической жизни населения. Скифия была разделена на отдельные области. Во главе этих областей стояли свои племенные «царьки», подчинявшиеся царю главного племени. Подвластное население было обложено данью.

В общественном устройстве основного господствовавшего скифского ядра существовали значительные элементы родовых отношений; греческие авторы упоминают об общности имущества, об обычае скифов есть из общего большого котла. Среди скифов была распространена кровная месть, характерная для населения, стоявшего на уровне патриархально-родового строя. Такое же значение имел обряд «побратимства»: два человека, решившие стать «братьями», надрезывали себе руки, смешивали в чаше свою кровь с вином и затем ее выпивали. Таким образом ряд элементов свидетельствует о том, что родовые отношения среди основных скифских племен не были простыми пережитками, а основывались на неразрушенном быте патриархальных скотоводческих общин.

Скифы обладали большими конскими табунами и стадами скота. Содержание скота на подножном корму в течение круглого года вызывало необходимость в частых перекочевках с места на место. Прекрасное описание скифской кочевой орды дает греческое сочинение «О воздухе, водах и местностях», приписывающееся знаменитому медику Гиппократу (умер в начале IV в. до н. э.). «Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду со степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками по-

тому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для снега, ни для ветров... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее нехватает, переходят в другую местность».

Большое скотоводческое хозяйство, обслуживавшееся трудом рабов, было главным источником обогащения и имущественного неравенства. Скот принадлежал отдельным патриархальным общинам, что усиливало их в противовес роду. Военная добыча и дань, собиравшаяся с покоренных племен, еще больше способствовали накоплению богатств у скифской родо-племенной знати.

Рассказ Геродота об обрядах, сопровождавших погребение царя, хорошо иллюстрирует большое значение царской власти. Набальзамированный труп царя скифы возили по подвластным племенам. Люди каждого племени в знак траура должны были выражать внешние признаки печали: стригли волосы, отрезали себе часть уха, царапали лицо и протыкали стрелы сквозь левую руку. Вместе с царем хоронили одну из наложниц и нескольких рабов. В могилу клали предметы царской сокровищницы, состоявшие из драгоценных сосудов, украшений и оружия. Затем над могилой насыпался большой курган. Через год на нем совершалась кровавая тризна, во время которой в жертву приносились 50 лучших слуг (рабов) и 50 отборных лошадей.

Сведения Геродота о царских погребениях в общем подтверждаются археологическими изысканиями. Часть скифских курганов расположена в Крыму, главным образом в восточной части полуострова. На Кавказском побережье большое число курганов находится в области Прикубанья. Вещи, найденные в этих курганах, не отличаются от инвентаря скифских погребений. Особенно много скифских курганов сосредоточено в низовьях Днепра и недалеко от Днепровских порогов (в большинстве они относятся к IV—III вв. до н. э.). Некоторые из этих курганов достигают очень больших размеров — 15—18 метров высоты. Несмотря на то, что курганы еще в древнее время грабились и опустошались, в них сохранился поразительно богатый инвентарь, состоящий из золотой и серебряной посуды, ценнейших ювелирных предметов искусной работы, дорогого оружия и проч. В некоторых курганах найдены остатки балдахина, сооружавшегося над телом покойника. Установлено ритуальное убийство жены или наложницы. Часто у входа в курган находили костяк стража, охранявшего, по представлению скифов, могильный покой своего господина, а при лошадях — костяк раба-конюха. Число лошадей, приносившихся в жертву, достигало очень большой величины, особенно в курганах Прикубанья более раннего времени. Так, в одном из курганов были найдены остатки свыше 400 лошадей. Драгоценные предметы из скифских курганов являются высокими произведениями грече-

ского искусства, приноравливавшегося ко вкусам высшего слоя скифского общества. Некоторые из этих предметов вышли из мастерских греческих колоний Причерноморья. Стенки сосудов покрывались изображениями, которые в реалистическом греческом стиле изображают сцены из жизни кочевника-воина.

Первобытно-общинные отношения находились у скифов в процессе разложения. Разумеется, распад родового строя у разных племен Северного Причерноморья шел неодинаково. Быстрей и глубже он происходил у населения, жившего вблизи греческих колоний. Экономические отношения с последними ускоряли процесс классового расслоения населения южных степей.

Греческая колонизация Северного Причерноморья

Побережье Черного моря стало известно грекам в начале I тысячелетия до н. э. С этими берегами было связано представление о далекой и опасной стране, находившейся где-то на краю известного грекам мира. Более близкое ознакомление греков с Причерноморьем началось с VIII в. до н. э. В VII—VI вв. до н. э. колонизация охватила все побережье Черного моря. Греки осваивали эти берега одновременно с запада и востока. Главным рассадником колоний был город Милет, находившийся на западном берегу Малой Азии.

В устье реки Южного Буга, недалеко от днепровского лимана, была расположена одна из самых важных по экономическому и политическому значению греческая колония—Ольвия (основана в середине VII в.). От Ольвии, по сообщению Геродота, шел караванный путь на северо-восток, куда-то в область средней Волги и предгорий Урала. По этому пути из отдаленных областей северо-восточной Европы поступали ценные меха и другие продукты лесной полосы. На южном берегу Крыма, недалеко от нынешнего Севастополя, находился Херсонес, основанный, как предполагают, в конце V в. до н. э. выходцами из Гераклеи (греческая колония на южном берегу Черного моря). Херсонес играл выдающуюся роль в экономических связях Греции с Северным Причерноморьем. Восточнее Херсонеса весь берег Крыма был усеян греческими городами, среди которых крупнейшими были: Феодосия (основана в конце VI в.) и Пантикапей (на месте нынешней Керчи). На противоположном берегу, на Таманском полуострове, была расположена Фанагория; в устье Дона (Танаисе) — одноименная с рекой колония—Танаис. Это только главные города. Сами греки насчитывали до 200 черноморских колоний.

Каждая греческая колония занимала небольшую по размеру прибрежную территорию с расположенным на ней укрепленным городом поселенцев. По социально-экономической организации и политическому устройству она представляла собой небольшое подобие греческого рабовладельческого мира. Как и на основной территории Греции, власть принадлежала рабовладельцам и купцам. Большинство колоний было совершенно независимо друг от друга. Свободные и полноправные жители выбирали своих пред-

ставителей в органы управления, одинаковые с устройством греческих рабовладельческих республик (булэ, коллегия архонтов). Некоторые отличия имел Пантикапей, в котором утвердилась тирания. С 438 г. до н. э. тираном стал Спарток I, положивший начало династии Спартокидов. Пантикапей, в отличие от других греческих колоний Причерноморья, стал центром политического объединения, получившего название Боспорского государства. Оно охватило восточную часть Таврического полуострова (Крыма), Таманский полуостров, часть Прикубанья и побережье Азовского моря.

Мелкие бухты, которыми изрезано Северное Причерноморье, глубокие заливы и лиманы рек, далеко уходившие вглубь, представляли собой прекрасные пути для связи причерноморских стран с Средиземноморским бассейном. Эти связи имели для Греции большое экономическое значение. Черное море богато ценными породами так называемой красной рыбы, здесь же греки находили неисчерпаемые запасы соли. Греция жила привозным хлебом; в Крыму и в причерноморских степях греки нашли обильный урожай на тучном черноземе. Очень много хлеба привозилось с так называемой «равнины», т. е. северной степной части Крымского полуострова. Кроме хлеба, греки вывозили: скот, медь, воск, меха, строевой лес, рабов. Эти предметы экспорта создавали экономическую заинтересованность рабовладельческого хозяйства Греции в освоении и колонизации Черноморского побережья.

В хлебном вывозе причерноморские колонии не знали соперников примерно до III в. Греческий оратор Демосфен рассказывал, что половина хлебного ввоза в Афины шло из Боспорского царства. Так продолжалось до того времени, пока на востоке не образовались эллинистические государства, при посредстве которых окрепли торговые связи восточных стран с Грецией. Для черноморских колоний появились новые соперники в деле снабжения Греции необходимыми продуктами; в числе их первое место занимал эллинистический Египет эпохи Птолемеев. Ослабление экономических связей причерноморских колоний совпало с ухудшением их внешнеполитического положения.

К III в. до н. э. относится найденное в развалинах Ольвии, высеченное на камне постановление горожан в честь богатого гражданина Протогена. Город Ольвия в III в. до н. э. едва сдерживал напор враждебных скифских племен. Город не имел возможности своими средствами возобновлять крепостные стены, ему надо было откупаться данью, которую брали мелкие скифские царьки, нужно было закупать хлеб в голодные годы. В этих случаях на помощь приходил своими средствами богатый гражданин Протоген. Надпись в его честь свидетельствует о крайне тревожном положении Ольвии и о ее экономическом упадке.

В подобном же положении оказались и другие греческие города Северного Черноморья. Причина усилившегося давления со стороны кочевой степи заключалась в перемещениях и изменениях, которые произошли среди племенных союзов кочевников.

В III в. до н. э. многоплеменной скифский союз распался,

уступив место другим племенным образованиям. Ядром нового объединения стали сарматские племена, первые сведения о которых принадлежат Геродоту. Он помещает «савроматов» (сарматов) на восточном берегу Азовского моря. В собирательном смысле сарматами называли кочевые племена Северного Кавказа и степной части Поволжья.

В начале II в. до н. э. сарматы передвинулись на северо-западный берег Азовского моря. Это движение вызвало перегруппировку среди населения скифского племенного союза. Часть кочевников, занимавших ранее степи Северного Причерноморья, передвинулась на запад, в сторону Днестра и Дуная. Другая часть кочевников проникла в степную территорию северного Крыма. Здесь, в тылу греческих колоний, сложилась сильная скифская держава царя Скилура и его сына Палака. На этой части скифского населения больше всего отразился синтез греческой и местной культур. Греческий писатель Страбон называет крымских скифов «цивилизованными»,— этим он хочет сказать, что они восприняли некоторые элементы греческой культуры, а также формы политического устройства. У скифов в Крыму появились города, главный из которых, расположенный около нынешнего Симферополя, носил имя «Неаполис». Скифы начали даже выпускать монету, на которой помещалась чисто греческая эмблема—голова Гермеса.

Успехи эллинизации скифских племен были обусловлены социально-экономическим развитием того местного населения, которое находилось по соседству с греческими колониями и было втянуто в экономическую и политическую связь с ними. Скифы стали сами стремиться к морскому берегу, который сулил для них большие экономические выгоды, что неизбежно приводило к борьбе с населением греческих колоний. В 179 г. до н. э. Херсонес заключил договор о помощи с царем малоазиатского Понтийского государства. Помощь вскоре понадобилась, так как в конце II в. до н. э. давление со стороны скифов, живших в северной части Крымского полуострова, стало настолько значительным, что над греческими колониями нависла угроза быть захваченными и разрушенными натиском скифских племен или, в лучшем случае, потерять свою политическую самостоятельность.

В это время при царе Митридате VI Евпаторе Понтийское государство достигло большой политической силы. По призыву Херсонеса Митридат послал ему на помощь своего полководца Диофанта с войском. Об этом эпизоде рассказывает Страбон. В 1878 г. в развалинах Херсонеса была найдена надпись, находившаяся раньше у подножья статуи Диофанта, поставленной херсонесским «Советом и народом» в воспоминание заслуг этого понтийского полководца в деле защиты города от скифов. Текст надписи дает возможность раскрыть очень важную главу в истории греческих колоний, связанную не только с борьбой со скифами, но и с восстанием, в котором основной действующей силой оказались скифы-рабы.

По словам посвятительной надписи Диофант два раза появлялся на территории Крыма. Он разбил полчища скифского царя Па-

лака и покорил соседних тавров. Эта победа устранила опасность для Херсонеса. В то же время Диофант вступил в переговоры с царем соседнего Боспорского царства, которые, повидимому, закончились признанием для этого царства зависимости от Митридата VI. Между тем скифы, жившие на территории Боспорского царства, подняли восстание под предводительством Савмака, который убил последнего боспорского царя из династии Спартокидов. Савмак, скиф по происхождению, в надписи назван, как недавно выяснил академик Жебелев, «домашним рабом» царя. Детальное исследование текста надписи привело академика Жебелева к чрезвычайно интересному и важному выводу: скифское восстание было вместе с тем восстанием рабов, так как скифы-земледельцы, жившие по соседству с Пантикапеем, принадлежали к числу посаженных на землю рабов. Этим объясняется и появление во главе восставших домашнего раба боспорского царя. Скифско-рабское восстание в Боспорском государстве вызвало третью экспедицию Диофанта, который, подавив восстание, отправил захваченного Савмака в Малую Азию к царю Митридату VI. Таким образом, вмешательство сильной Понтийской державы устранило скифскую опасность для греческих колоний в Крыму и на время восстановило власть местной рабовладельческой знати. Однако полученная греками помощь обошлась им ценою политического подчинения Понтийскому государству.

Восстание скифских рабов на Боспоре — это один из эпизодов того могущественного классового движения, которое в II—I вв. до н. э. потрясло весь рабовладельческий мир. В II—I вв. до н. э. произошли два восстания рабов в Сицилии. О первом восстании рабов в Сицилии один из римских авторов замечает, что «от этого первого трута сицилийского бедствия засверкали те искры, которые посеяли различные эти пожары». Предводителем его был сицилийский раб Евн, который после временной победы восставших принял имя Антиоха и под этим именем выпускал собственную монету. Около этого же времени произошли два восстания в Аттике, восстание в Малой Азии, большое по размерам восстание на острове Делосе, центре рабовладельческой торговли в Средиземном море. Могучее движение рабов, распространившееся на очень большую территорию, от Северного Причерноморья и Малой Азии и до западной части Средиземного моря, всколыхнуло весь рабовладельческий мир. Оно было одним из проявлений надвигавшегося кризиса рабовладельческого хозяйства.

Римские владения в Причерноморье

Римское наступление на Восток, вызванное развитием римского рабовладельческого хозяйства (захват новых рынков рабов, усиление торговых связей с восточными странами, ограбление колоний), развернулось в 70—60-х годах до н. э.

Для захвата Малой Азии Риму необходимо было разгромить Понтийское государство Митридата. Ожесточенная борьба продолжалась около восемнадцати лет. Лишь с большим трудом римско-

му полководцу Лукуллу удалось разбить Митридата, который укрылся в Армении. Покончив с Понтом, римляне вторглись в Закавказье. Армянский царь Тигран II потерпел поражение недалеко от своей столицы (Тигранокерта), которая была разграблена. Добыча римских солдат (по словам Плутарха солдаты захватили монетой 8 тыс. талантов — около 17 млн. золотых рублей) свидетельствует об огромных сокровищах, собранных в этом городе.

Несмотря на тяжелые неудачи, Тигран II продолжал борьбу в союзе с иберами (грузинами), мидийцами и другими народами Переднего Востока. Лукулл стал терпеть неудачи. Но в Риме не могли отказаться от стремления подчинить весь Передний Восток. Вместо смещенного Лукулла в Малую Азию был послан с новой большой армией Помпей. Митридат был окончательно разбит и бежал в свои крымские владения. В борьбе против Тиграна Помпей умело использовал недовольство части армянской знати, а также сына царя. Тигран, потеряв надежду на успех, отправился в ставку римского полководца. Он лишился всех завоеваний и в качестве «друга и союзника» превратился в вассала Римской империи.

После победы над Тиграном Помпей направился в глубь Албании и Грузии. Эти страны также оказали отчаянное сопротивление римским легионам. Но и албанский и иберский (грузинский) цари были побеждены и признали власть Рима.

Потерпев поражение в Малой Азии, Митридат VI в своих крымских владениях сделал последнюю попытку продолжать борьбу с Римом, используя для этого людские и материальные средства Северного Причерноморья. Тяжелые поборы и прекращение торговли с Малой Азией разорили население и вызвали со стороны жителей греческих городов открытое движение против понтийского царя. Также неудачна была попытка сопротивления со стороны сына Митридата Фарнака, который был разбит в Малой Азии Цезарем (Цезарь после этой победы прислал в римский сенат знаменитое донесение, состоявшее из трех слов: «Пришел, увидел, победил»). Победа Рима над Фарнаком имела последствием распространение римской власти на бывшие понтийские владения в Северном Причерноморье.

Таким образом, наступление Рима закончилось разгромом эллинистических государств Переднего Востока.

Северное Причерноморье имело крупное значение для римского господства на Востоке. Эта территория была расположена на фланге римского движения и близко подходила к владениям Рима по Дунаю. Поэтому, чтобы стоять прочно на Востоке, необходимо было укрепить свое положение в Причерноморье. Кроме того, Причерноморье играло выдающуюся экономическую роль для римских колоний в Малой Азии, так как снабжало их хлебом, рабами, рыбой и разными нужными товарами. Наконец, и господствующему классу греческих колоний было выгоднее связаться с рабовладельческой аристократией Рима, чем подвергаться опасности захвата со стороны враждебных племен Причерноморья или восстания ра-

бов. Поэтому знать греческих городов относительно легко утратила политическую самостоятельность.

В I—III вв. н. э. в Боспорском государстве, в систему которого вошел ранее независимый Херсонес, продолжала существовать царская власть, но замещение царского престола фактически зависело от римского императора. Боспорские цари в официальных надписях именуют себя «другом кесарей и другом римлян», униженно называют римских императоров своими «благодетелями», воздвигая в честь их статуи с льстивыми, хвалебными посвящениями. В греческих городах в Крыму были размещены римские гарнизоны, были также построены новые укрепления, одно из которых возникло на мысе Ай-Тодор (недалеко от Ялты). Около мыса находятся остатки лагеря римского легиона.

При императоре Траяне (98—117 гг.) в северной части Керченского полуострова была сооружена цепь укреплений, преграждавшая путь на полуостров со степной стороны Крыма. Усилившаяся торговля городов Северного Причерноморья с Малой Азией в период римской оккупации в I—II вв. н. э. вызвала временный экономический подъем этих городов, отразившийся и на памятниках материальной культуры. Раскопки последних лет вскрыли остатки значительного местного производства, развившегося в римский период. Открыты большие цистерны для засола рыбы, винодельни, мастерские керамических и ювелирных изделий и др.

Экономические связи Рима с Восточной Европой в I—III вв. не ограничивались узкой береговой линией с греко-римскими городами, а проникали в глубь страны. Показателями этих связей являются многочисленные находки римских монет в области среднего течения Днепра, р. Роси, в бассейне Северного Донца. Некоторые из монетных кладов достигают значительных размеров. Таким образом, глубокий материк Восточной Европы был втянут в экономическую жизнь стран не только Черноморского, но и Средиземноморского бассейнов.

Экономический подъем греко-римских городов в Северном Причерноморье длился недолго. В III в. н. э. начались политические смуты в Риме, во время которых империя под натиском «варварских» племен стала терять свои колониальные владения. Освободившиеся от римской опеки греко-римские города в Северном Причерноморье были захлестнуты волной нового выступления племен Причерноморской степи. Оно являлось частью общей борьбы «варварского» мира с рабовладельческим Римским государством, которая ускорила разложение античной рабовладельческой системы.

Первые сведения о славянах

В связи с этими событиями, приковывавшими внимание Рима к его пограничным владениям, римские писатели проявляют большой интерес к племенам, населявшим северную и восточную части европейского континента, которых они называют общим именем — «варваров». К последним античные писатели относили всех неримлян и негреков, то есть все окружающее Римское государство

население, сохранявшее основу общинного строя. Среди множества отдельных племенных названий в римских источниках I—II вв. н. э. впервые упоминаются венеды, которые согласно более поздним данным принадлежали к числу славян. (Название «славяне» входит в общее употребление у писателей VI в.). Таким образом венеды были первым славянским племенем, известным римским писателям под собственным именем. Они названы в «Дорожнике», составленном при императоре Августе. Дальнейшие краткие сведения о венедах находятся в сочинениях Плиния Старшего (погиб в 79 г. при извержении Везувия), Тацита (конец I в.) и Птолемея (II в., автор важного в историческом отношении географического руководства). По словам Плиния и Тацита венеды жили на нижнем течении Вислы и к западу от этой реки по направлению к Эльбе. Птолемей помещает венедов на восток от Вислы, вблизи Балтийского моря. Выгнутую к югу излучину морского берега он называет Венедским заливом.

Однако первые письменные известия о славянах не дают никаких указаний о времени их появления в исторической жизни европейских народов, которое произошло задолго до того момента, когда славянами заинтересовались греко-римские писатели. Образование славянских племен и постепенное выделение их из неславянского населения происходило, как в каждом этногенетическом процессе, в течение очень большого промежутка времени. При полном отсутствии письменных известий о славянах до I в. н. э. этот сложный процесс мы можем изучать путем археологических изысканий, особенно плодотворных в последнее время. Советская археология достигла больших, хотя еще и предварительных, результатов в освещении мало доступной для нас ранней истории восточнославянского мира.

Корни славянской культуры для южных районов нашей страны удается исторически проследить до скифо-сарматской эпохи. Культура земледельческого населения этого времени в области Приднепровья уже обладала некоторыми элементами, вошедшими впоследствии в состав культуры древних славян. По сведениям Геродота в этом районе жили невры и земледельческие скифские племена. О неврах, поселения которых далеко отстояли от греческих городов Северного Причерноморья, Геродот не мог сообщить ничего достоверного.

Таким образом среди скифских племен (скифы—в собирательном смысле), населявших Восточную Европу во второй половине первого тысячелетия до н. э., уже существовали зародыши развития восточного славянства.

В конце первого тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. на обоих берегах Днепра и к западу от него появляется культура «полей погребений» (название происходит от обычая зарывать урны с пеплом, оставшимся от сжигания покойников), подвергнувшаяся значительному воздействию со стороны римской цивилизации. Установлено, что культура населения, которому принадлежали «поля погребений», непосредственно предшествовала культуре древних восточнославянских племен.

К северу и северо-востоку от территории «полей погребений», в лесной полосе, в первые века н. э. в культуре отдельных племенных групп еще не наблюдаются существенные отличия. Примерно в течение III—V вв. в результате сближения между соседними племенами произошло выделение районов с чертами славянской культуры, ясно отличающейся от культур неславянских народов Поволжья и южной Прибалтики. В VI—VII вв., а в некоторых местах и несколько раньше, появляются славянские курганы с трупосожжением.

Прорыв кочевников с востока в южные степи оторвал славянское население Приднепровья от Причерноморья. С III в. н. э. стали устанавливаться культурные связи между бассейном Среднего Днепра и Окско-Волжским районом. «Великое переселение» народов (движение кочевых племен) и славяно-византийские войны всколыхнули весь многоплеменной славянский мир. В связи с этим произошло некоторое передвижение славянских племен, ясная картина которого еще не может быть восстановлена. Эти события, а также объединение славян в составе больших племенных союзов сыграли крупную роль в усилении культурной общности между ними. В VI—VIII вв. исчезают более или менее значительные различия в культуре между среднеднепровскими и северо-восточными славянскими племенами.

Таким образом выделение славянских племен из населения Восточноевропейской равнины происходило на местной этнической основе в процессе их общественно-экономического и культурного развития.

---

3 Зак. 618

РАЗДЕЛ II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КИЕВСКАЯ РУСЬ

ДВИЖЕНИЕ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ. РАННЕ-ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ

В процессе складывания феодальной системы большое значение имело выдвижение «варварских» племен, сохранявших основы первобытно-общинного строя. Столкновение между этим «варварским» миром и рабовладельческой Римской империей ускоряло разложение рабовладельческой системы Рима и вело к созданию феодального строя как на развалинах рабовладельческой римской системы, так и среди «варварского» населения.

Развитие феодальных производственных отношений на огромной территории нашей страны происходило с большой неравномерностью. Раньше этот процесс начался среди народностей Закавказья и Северного Причерноморья, прошедших через рабовладельческую систему и находившихся в тесном экономическом и культурном общении с другими рабовладельческими странами Средиземноморского бассейна (восточные рабовладельческие государства, Греция, Рим).

В первом тысячелетии н. э. население Восточной Европы и азиатской территории нашей страны находилось в различных стадиях и формах перехода от общинного и рабовладельческого строя к феодальному. В этом сложном и длительном процессе мы одновременно наблюдаем и перерождение рабовладельческих государств в феодальную систему и развитие феодальных отношений непосредственно на развалинах общинного строя. В последнем случае переходной политической формой являлись племенные союзы и «варварские» государства.

В «варварских» государствах основная масса населения еще состояла из свободных общинников, из состава которых, с победой частной собственности над общинной собственностью, выделялся господствующий слой, в дальнейшем развитии превращавшийся в класс феодальных землевладельцев. С ним объединяется княжеская дружина, образовавшаяся еще в период племенных союзов и военной демократии. Дружина оседает на землю и также превращается в господствующий феодальный класс. По мере развития классовых отношений складывается и государственная власть со всеми присущими ей признаками.

Образование «варварских» государств в эпоху раннего средневековья происходило в обстановке ожесточенной борьбы «варварских» племен с дряхлеющей, но еще сильной Римской империей, а также борьбы между различными племенными союзами. Внешняя опасность способствовала созданию среди родственных племен обширных государственных объединений.

Таким образом «варварские» государства соответствуют той стадии общественного развития, когда общинный строй находился в состоянии разложения, а феодальные производственные отношения еще не получили полного господства.

Готский племенной союз

Первым крупным движением, направленным против восточных римских владений на Балканском полуострове и в Малой Азии, было выступление племенного союза Северного Причерноморья, известного древним авторам под именем «готов».

Древнейшие сведения о готах отличаются большой неясностью. Некоторые римские писатели I—II вв. н. э. (Плиний Старший, Тацит, Птолемей) помещают «готонов» или «гутонов» в бассейне р. Вислы, преимущественно на левом берегу этой реки, и относят их к числу восточных германских племен. Затем письменные сведения об этом племени прекращаются почти на полтора столетия. С начала III в. древние писатели начинают уделять большое внимание готам, которых они помещают в Северном Причерноморье. Весьма возможно, что «готоны», «гутоны» и «готы» — различные варианты одного и того же племенного названия. По сведениям историка готов VI в. Иордана готы первоначально жили в Скандинавии, откуда перешли на южный берег Балтийского моря, а во II—III вв. передвинулись на Черноморское побережье. Германская националистическая буржуазная литература относила всех готов к восточно-германским племенам и рассматривала их в качестве создателей новой более высокой культуры, из которой потом развилась средневековая культура Европы. Оправдывается ли, однако, такая концепция историческим материалом, можно ли допустить, что население Северного Причерноморья, жившее на этой территории до III в. (скифо-сарматские племена), неожиданно уступило место восточно-германским племенам? Куда в таком случае исчезло прежнее население? Наконец, какую роль могли сыграть готы в жизни Восточной Европы?

Свидетельства древних авторов о принадлежности готов к восточно-германскому племени подтверждаются остатками готского языка, который принадлежал к семье германских языков. Однако это еще не говорит в пользу того, что население Северного Причерноморья стало в III—V вв. германским по своему этническому составу, языку и культуре. Для правильного решения последнего вопроса большое значение, при отсутствии других данных, имеет изучение остатков материальной культуры. Это тем более необходимо, что в буржуазной западноевропейской литературе существует стремление выделить «готский стиль» в качестве

особенности германской культуры, занесенной готами в Восточную Европу.

Главными признаками этого стиля считают особого вида фибулы (застежки для плащей), украшения из перегородчатой инкрустации в виде вставок из разноцветных камней и стекла, звериный орнамент и пр. Однако археологическое обследование Северного Причерноморья показывает, что площадь распространения так называемого «готского» стиля значительно шире той территории, которую мог занимать готский племенной союз. В частности, предметы, типичные для данного стиля, в большом числе найдены на Северном Кавказе, где в это время существовал другой союз местных племен — аланский. Происхождение ряда элементов «готского» стиля вполне удовлетворительно объясняется из эволюции местных форм скифо-сарматской культуры, с учетом восточного влияния, а также влияния греко-римских колоний. Таким образом, материальная культура населения Северного Причерноморья является в своей основе не приносной, а местной. Германские готы в рассматриваемое время сохраняли основу общинного строя и выступали то мелкими, то более крупными племенными группами под предводительством своих вождей. Они не только не принесли населению Северного Причерноморья новой, более высокой культуры, но сами восприняли местную культуру и не смогли сохранить свою самостоятельность. Римские, а затем византийские писатели, употребляют термин «готы» в широком собирательном значении, подобно тому, как раньше население Северного Причерноморья называлось общим именем скифов и сарматов, без различия его разноплеменного состава. Археологическое изучение городищ (остатков укрепленных поселений) и могильников в районе Нижнего Приднепровья убеждает в том, что население Северного Причерноморья не было сдвинуто со своих насиженных мест, а вошло в политические объединения, сложившиеся на этой территории.

Историю причерноморских готов можно представить в следующем виде. После распада сарматского союза племен в Северном Причерноморье сложились новые политические объединения, в которых участвовали и собственно готские (германские) элементы. В 214 г. при императоре Каракалле готы впервые напали на римские владения по Дунаю. Нападения готов стали особенно частыми с середины III в. За столетие насчитывается 22 похода готов. Они производились из Северного Причерноморья в двух направлениях. Двигаясь вдоль западного берега моря, готы при удачных обстоятельствах углублялись в пределы Балканского полуострова. Следуя по восточному берегу Черного моря, они вторгались в Малую Азию. Известны также морские походы готов, особенно опасные для империи благодаря неожиданности.

Борьба с Восточной Римской империей (Византией) еще больше усиливала племенные союзы в Северном Причерноморье. Население, занимавшее территорию от низовьев Дуная до Днепра, входило в состав западного готского союза (визиготы). Племена, заселявшие территорию к востоку от Днепра до Дона, составляли

восточный готский союз (остроготы). Наиболее крупных размеров этот союз достиг в середине IV в. при остроготском короле Эрманарихе.

Область Приазовья и Прикубанья до северных предгорий Кавказа была занята аланским племенным союзом. Имя аланов впервые встречается в сочинениях римских писателей второй половины I в. н. э. (философа Сенеки, поэта Лукиана). Аланы принадлежали к числу коренных обитателей Северного Кавказа (поскольку это можно проследить). Во II—III вв. они стали ядром большого племенного объединения.

Племенные союзы кочевников в Центральной и Средней Азии

Движение готов в Причерноморье и образование готских племенных союзов вызвали сложные племенные перемещения на территории от Дона до Дуная. Касаясь нападения аланов и других племен на Дакию, Маркс отмечает: *«Это первый признак великого переселения народов, которое с этого времени начинается».*[1] С IV в. движения кочевых и земледельческих племен, в процессе которых то создавались, то распадались большие многоплеменные объединения, охватили колоссальную территорию, от Восточной Азии до крайнего запада Европы. Среди разнообразных направлений, в которых совершались эти племенные перемещения, основным в течение восьми столетий (с IV в. до XIII в.) было направление с востока на запад. Движение, зарождавшееся где-то в степях Монголии или у Алтайских гор, через некоторое время передавалось населению Средней Азии, где становилось исходным моментом для новых племенных перемещений разного размера и силы. Правильное экономическое объяснение причин движения «варварских» племен было дано Марксом: «...давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе».[2]

Кочевники Центральной и Средней Азии в рассматриваемое время еще сохраняли основные элементы первобытно-общинного строя. Но вместе с тем уже появились признаки его разложения. Из родовой знати выделялись влиятельные вожди, вокруг которых объединялась богатая аристократия. Вожди и их дружины обогащались на войне, поэтому войны имели для них существенное экономическое значение. Возрастание табунов и стад скота, находившихся во владении отдельных семейств, требовало все в

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 7. Госполитиздат, 1938.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278—279.

большем размере применения труда рабов, возможность чего опять-таки создавала война: разбитые противники обращались в рабов победителей. Кочевое скотоводческое хозяйство вызывало необходимость в постоянных передвижениях по большой территории в поисках неистощенных пастбищ.

Выделение скотоводческого хозяйства привело к развитию обмена между скотоводческими племенами и оседлым земледельческим населением культурных областей. Скотоводы-кочевники степей Монголии и Центральной Азии получали из Китая и среднеазиатских городов оружие, шелковые и шерстяные ткани, различного рода украшения и другие предметы, предназначавшиеся для удовлетворения потребностей богатой знати кочевников. Не имея собственного ремесленного производства, кочевники охотно пользовались трудом пленных — рабов, обученных ремеслу. Экономическое взаимодействие между кочевой степью и земледельческими оазисами, а также торговыми городами играло крупную роль в жизни как кочевых, так и оседлых племен.

Непрекращавшиеся войны между кочевниками вызывались борьбой за пастбищную территорию, за скот и рабов. Кроме того, при малой производительности скотоводческого хозяйства большое значение приобретала дань, наложенная на покоренные племена. Поэтому степное кочевое племя стремилось захватить большие населенные пространства. Быстрота, с которой обычно распространялась власть сложившегося ядра кочевников на окружающее население, объясняется, с одной стороны, трудностью сопротивления для разрозненных и разбросанных мелких кочевых хозяйств, а, с другой стороны — теми преимуществами, которые кочевая знать получала в составе крупного и сильного объединения. Концентрация скотоводческого хозяйства приводила к «давлению избытка населения на производительные силы» (Маркс). Оно еще больше усиливалось в результате обогащения знати и обеднения основной массы кочевников.

Организованная масса кочевников представляла собою огромную силу, способную в короткое время разгромить культурные оазисы и города, манившие знать кочевников перспективой грабежа и обогащения. Для кочевников степей Монголии и Центральной Азии движение, ставившее целью захват культурных земель, было возможно в двух направлениях: в северную часть Китая и в область Средней Азии. Китай был не только страной древнейшей культуры, но и сильным рабовладельческим государством. Борьба с кочевниками в северных провинциях Китая приводила к двойным результатам: если кочевникам удавалось прорываться в глубь страны, оставляя после себя следы разрушения, то и Китай наносил жестокие ответные удары, часто кончавшиеся распадом и гибелью кочевого союза. Более легкие успехи достигались при вторжениях в Среднюю Азию. Здесь земледельческие оазисы были разобщены между собою, и народам Средней Азии было трудно объединиться для совместной борьбы с многолюдной кочевой ордой. Между тем богатые среднеазиатские города, лежавшие на караванных путях, представляли особенно лакомую приманку, а

междуречье обладало прекрасными условиями для скотоводческого хозяйства. Останавливавшиеся здесь кочевники, вытесненные из Монголии или Центральной Азии, сами становились ядром нового племенного союза. Так повторялся в новых, но сходных условиях тот же процесс объединения кочевого и оседлого населения. Дальнейшее движение на Запад выводило кочевую массу в обширные травянистые пространства, лежавшие между Яиком (Уралом), Волгой и Днепром. Отсюда открывался путь в Крым, к Дунаю, на западный и южный берега Черного моря с богатыми греко-римскими городами.

Создававшиеся на колоссальной территории Азии государственные образования были очень непрочными и легко рассыпались после первого серьезного удара. Связь между отдельными частями таких образований была внешней и в большинстве случаев насильственной. Существовали непреодолимые внутренние противоречия не только между кочевыми и земледельческими племенами, но и среди самих кочевников. Покоренные племена стремились сбросить с себя власть небольшого господствующего ядра и занять его место. Кроме того, среди кочевников постепенно усиливался процесс разложения патриархальной общины.

Образование и распад больших племенных союзов на территории Монголии, южной Сибири и Центральной Азии, неоднократно повторявшиеся на протяжении около полутора тысяч лет (с середины I тысячелетия до н. э. до начала II тысячелетия н. э.), свидетельствуют как о непрочности этих образований, так и постоянстве тех экономических и политических условий, в обстановке которых происходило создание многоплеменных союзов. Борьба кочевых племен с рабовладельческими государствами Азии, прежде всего с Китайским государством, ускоряла процесс разложения рабовладельческой системы и вызревания феодальных отношений. В этом смысле можно провести аналогию между исторической ролью азиатских «варваров» и ролью европейских «варваров», разлагавших и разрушавших рабовладельческое Римское государство.

Первым известным нам крупным политическим объединением кочевников Азии была держава монгольских гуннов («хунну» по китайским источникам). Ядром ее был союз племен, возникший в конце III в. до н. э., на территории, расположенной к югу от р. Орхона (северная Монголия). В середине II в. до н. э. гуннская держава, достигшая очень большого размера, представляла грозную опасность для Северного Китая. Основой ее был союз 24 племен, во главе которых стояли племенные вожди. Они собирались для жертвоприношений и для обсуждения общих дел. Глава всей гуннской державы носил титул «шаньюя». По китайским источникам гунны были типичными кочевниками, перекочевывали с табунами лошадей и со стадами крупного и мелкого скота с пастбища на пастбище, «смотря по приволью в траве и воде», не имели ни городов, ни других постоянных поселений, были прекрасными наездниками и меткими стрелками из лука, к чему приучались с

малолетства. «Сражаться на коне,— говорили гунны,— есть наше господство, и мы страшны перед всеми народами».

В середине I в. до н. э. гунны распались на северных и южных. В конце этого столетия северные гунны потерпели поражение от китайцев, действовавших совместно с южными гуннами. Отброшенные на запад, остатки северных гуннов сосредоточились на территории современного Казахстана и стали организаторами «варварских» племен Средней Азии. В связи с их новым местопребыванием в китайских источниках вместо названия «северные гунны» начинает употребляться название «западные гунны».

В это время в Средней Азии в результате восстания населения против греко-македонских завоевателей образовалось Кушанское царство, центр которого лежал в верховье Аму-Дарьи. Владения кушанов на юге охватили Афганистан и северную Индию; с запада на восток они простирались от Парфии до Памира. Экономические и политические связи Кушанского царства были очень значительными. Кушанские монеты неоднократно находили в бассейне р. Камы. Кушанское посольство в 99 г. до н. э. посетило Рим. Экономическая связь с Западом подтверждается находками на территории Кушанского царства римских монет. Остатки кушанских владений в Средней Азии просуществовали до начала V в., когда выдвинулись среднеазиатские племена, известные под названием «белых гуннов», или «эфталитов».

В середине VI в. население южной Сибири, Монголии, Центральной и Средней Азии вошло в состав объединения, известного под именем «Тюркского каганата».

В 70-х годах VI в. владения каганата достигли на западе Азовского моря и Кавказа, а на востоке — Большого Хинганского хребта. В тюркский каганат входило значительное число разнообразных племен, подчинившихся основному ядру тюркских приалтайских племен, среди которых главная роль принадлежала тюркам-огузам (из этого племени вышла правящая династия тюркских каганов). В дальнейшем политическим центром каганата стал бассейн р. Орхона в Монголии.

Появление нового племенного объединения в монгольских степях вызвало в Китае опасения и тревогу за свои северные владения. Пользуясь внутренними противоречиями в каганате и голодом, поразившим кочевое хозяйство, китайцы нанесли ему несколько серьезных поражений, в результате которых каган признал зависимость от Китая. Потрясенный внутренним восстанием и неудачами в борьбе с Китаем, каганат распался на две части: восточный каганат с центром в Монголии и западный — с центром в Семиречье. Восточный каганат находился в зависимости от Китая около пятидесяти лет. Восстания восточных тюрков против Китая в 60—70-х годах VII в. закончились образованием Второго восточного тюркского каганата, достигшего высшего подъема в начале следующего столетия. Западный тюркский каганат, в котором главную роль играли племена карлуков (Западный Алтай) и тюргешей (территория к югу от озера Балхаш), просуществовал

до конца 50-х годов VII в., когда принужден был признать власть Китая.

История Тюркского каганата имела большое значение в жизни народов южной Сибири, Монголии и Средней Азии. В системе каганата происходило дальнейшее развитие классовых отношений. Господствующий слой тюрков, состоявший из родо-племенной знати, носил название бегов и тарханов. Возраставшее использование труда рабов в обслуживании большого скотоводческого хозяйства в земледелии, в ремесленном производстве, в торговле усиливало социальное положение знати, превращавшейся в военно-рабовладельческую аристократию.

После окончательного распада Тюркского каганата в 40-х годах VIII в. выдвинулись племена уйгуров (в восточной части Туркестана и киргизов (хакасов), занимавших верхнее и среднее течение Енисея.

Гуннская держава в IV—V вв. Авары, болгары и хазары в Восточной Европе

В IV в. н. э. движение гуннов с востока произвело большие изменения в жизни населения Северного Причерноморья и сыграло крупную роль в истории падения Римской империи. Первые сведения европейских писателей о гуннах восходят к концу I в. или к началу II в. н. э.

Около 370 г. у берегов Азовского моря гунны разгромили аланов, затем под ударами гуннов пала Остроготская держава Эрманариха. Главная масса остроготов двинулась на Запад. Везиготы пытались оказать сопротивление, но также были разбиты и отброшены в область Трансильванских гор (Карпат). С разрешения римского императора везиготы перешли в 376 г. Дунай. Вскоре перешли Дунай и остроготы. Гунны, двигаясь за отступавшими остатками готских племен, остановились на северном берегу Дуная, между Дунаем и рекой Тиссой. Здесь на короткое время сложился политический центр гуннской державы Аттилы.

Нашествие гуннов произвело огромное впечатление во всем греко-римском мире. Губительную силу этого удара один из римских писателей сравнивал со снежным вихрем, поднявшимся с высоких гор. Римский писатель IV в. Аммиан Марцелин описывал гуннов как типичных кочевников, которые всю свою жизнь проводили в передвигающихся кибитках. Поэтому никто из гуннов, говорит Аммиан Марцелин, не может ответить на вопрос, где его родина: «Он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше».

В описании гуннской орды у Аммиана Марцелина много преувеличений. Как и другие римляне, он стремился представить своих противников в отрицательном образе. Но проходит время, и характер описаний меняется. Гуннская держава остановилась в движении на Запад, заняв придунайскую низменность. В стан гуннского вождя Аттилы, которому удалось объединить гуннов под своей властью (435—453 гг.), потянулись римские посольства.

Большой интерес представляет описание посольства к Аттиле, принадлежащее секретарю Приску Панийскому (уроженцу фракийского города Панион). Греки встречали во владениях Аттилы постоянные селения, их угощали просом и напитком «камос», приготовленным из ячменя. Дворец Аттилы, представлявший сложное и красивое деревянное сооружение, был обнесен оградой. Во время пиршеств, которые Аттила устраивал в честь приезжавших послов, соблюдался строгий порядок: гостей обносили золотыми чашами с вином, а слуги ставили перед ними блюда с кушаньями и хлеб. Вечером при зажженных факелах певцы воспевали победы и храбрость, проявленную на войне. Ставка Аттилы в этом описании совсем не походит на временную ставку предводителя кочевников. В рассказе Приска содержатся ясные указания на известную оседлость населения и на знакомство с зерновыми культурами (просо, ячмень, хлеб). Различный характер описаний гуннов объясняется сложностью разноплеменного состава державы Аттилы, в которой участвовало и пришлое кочевое и местное земледельческое население. Вскоре после смерти Аттилы в 453 г. гуннское племенное объединение распалось.

Историческое значение гуннского союза состояло в том, что он объединил в более широких, чем раньше, размерах разноплеменную массу «варваров» и двинул ее на борьбу с Римом. Товарищ Сталин говорит: «...не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».[1]

В разрушении рабовладельческого Римского государства приняли участие не только германские племена, но и племена Восточной Европы, в том числе славяне.

После смерти Феодосия I. в 395 г., Восточная Римская империя, принявшая название Византии, окончательно отделилась от Западной. На территории Западной Римской империи сложились «варварские» государства. Восточная часть продолжала существовать в виде Византийской империи, история которой тесно связана с историей Восточной Европы и всего Причерноморского бассейна.

Одним из результатов борьбы восточноевропейских «варварских» племен с римскими владениями была гибель в V в., в период существования гуннского политического объединения, большинства греко-римских рабовладельческих городов Северного Причерноморья. Византийской империи удалось сохранить в своих руках только Херсонес в Крыму.

С распадом гуннского объединения освободились входившие в него восточноевропейские племена, среди которых находились и славяне.

В VI в. господство в Причерноморских степях перешло к болгарам и аварам. Впервые в источниках болгары появляются в конце V в. В 482 г. император Зенон пригласил наемные болгарские отряды для борьбы с другими «варварскими» племенами. В конце пятого столетия болгары стали тревожить северные границы Византийской империи.

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 432. Изд. 11.

В старой исторической литературе господствовал взгляд, согласно которому болгары принадлежали к пришедшим с востока тюркским племенам; в частности, некоторые историки сближали их с тюркским племенем уйгуров. Это племя осело в восточной половине Средней Азии и затем продвинулось несколько далее, положив начало внедрению тюркских элементов в Среднюю Азию. На основании изучения остатков болгарского языка и родственного ему чувашского языка академик Марр пришел к выводу, что ни болгарский язык, ни родственный ему чувашский язык не являются в своей основе тюркскими языками. Академик Марр сближает эти языки с языками шипящей группы яфетической системы, на которой говорило скифо-сарматское население. Наличие общих элементов у языков болгарской группы (болгарский, чувашский и хазарский) с тюркскими языками объясняется влиянием тюркской культуры, которое было особенно значительным во время нахождения Нижнего Поволжья под властью Западного тюркского каганата (VI—VII вв.). Таким образом болгаро-хазарские племена принадлежали к коренному населению Поволжья. Так, по мнению академика Марра, образовалась группа языков, из которой произошли языки болгарский, хазарский и чувашский.

Вслед за болгарами византийские писатели сообщают о движении с востока аваров, племени, родственного гуннам. В середине VI столетия в Константинополь прибыло посольство от аваров, которые в это время жили между Каспийским и Азовским морями. Затем авары продвинулись дальше на запад. Во второй половине VI в. авары подошли к Дунаю, оттуда распространились на запад и север, заняв обширную равнину Паннонии. Движение аваров на запад было остановлено около Эльбы, где их разбили франки. В местности, лежавшей к северу от Дуная, авары оказались соседями славян, часть которых должна была признать власть аварских каганов.

Восстание во второй четверти VII в. славянского населения под предводительством Само против аваров (обров) привело к освобождению его от аварского господства и к образованию в Богемии (Чехии) славянского «государства Само». Аварский племенной союз распался, и даже имя аваров перестало встречаться в источниках. Воспоминание о полном крушении аварской державы сохранилось в киевской летописи: «Погибоше, аки обре»,—говорится о тех, кто не оставил по себе ни потомства, ни наследия.

Ко времени болгаро-аварского господства в Причерноморье относится замечательный клад, хорошо иллюстрирующий характер хищнического обогащения племенных вождей и дружинной знати. В 1912 г. два мальчика-пастушка из с. Малая Перещепина (недалеко от Полтавы) нашли в песке около села несколько золотых и серебряных предметов. Сбежавшиеся жители села откопали еще большое количество вещей и монет, значительную часть которых удалось сохранить и передать в Эрмитаж, где этот клад и находится в настоящее время. Он представляет собою сокровищницу какого-то «варварского» вождя, поспешно зарытую в землю. Клад состоял из кубков, чаш, блюд, кувшинов, разных

предметов украшения, дорогого оружия и пр. Часть предметов происходит с Востока. Обращают внимание обломки блюда с изображением сасанидского царя на охоте. Некоторые предметы привезены из византийских владений. Среди них находится блюдо с клеймом византийского императора Анастасия I (491—518 гг.) с надписью: «Из ветхости возобновлено Патерном, достопочтенным епископом нашим». Патерн в начале VI в. был епископом черноморского города Томи (около Констанцы). Византийские монеты, найденные в кладе, относятся к 612—688 гг. Таким образом, клад был зарыт в конце VII в. Можно думать, что он состоял из добычи, захваченной во время грабительских нападений на территорию, простиравшуюся от Ирана до западного побережья Черного моря.

В результате ослабления аварского племенного союза и перемещения основного его ядра на Дунайскую равнину в середине VII в. руководящая роль в северных Причерноморских степях вновь перешла к болгарам. Борьба болгар с хазарами, укрепившимися в это время на нижнем течении Волги, привела к распадению болгарского племенного союза. Одна группа болгарских племен под предводительством Аспаруха в 679 г. перешла на правый берег нижнего течения Дуная и заставила Византию уступить эту территорию. Эта часть болгар, смешавшаяся с местным славянским населением, положила начало славянско-болгарскому государству на Дунае.

В VIII—IX вв. господствующее положение на территории от Каспийского моря до Днепра заняло Хазарское государство с центром на нижнем течении Волги. По сохранившимся остаткам языка хазар, их следует отнести к группе болгарских племен. Первые достоверные известия о хазарах относятся к концу VI в. или к началу VII в. Около этого времени хазары вошли в состав Западного тюркского каганата и оставались в нем до его падения во второй половине VII в. Этим объясняется значительное тюркское влияние в хазарской культуре, благодаря которому в исторической литературе было распространено отожествление хазар с тюрками. Весьма возможно, что хазарские племена ассимилировали некоторые тюркские этнические элементы: в частности, возможно, что царская династия у хазар была тюркского происхождения. Византийские историки поэтому иногда называли хазар тюрками.

Занимая в начале VII в. территорию к северу от Дагестана, хазары упорно стремились прорваться через Дербентский проход в Закавказье. В этом наступлении они встретились сначала с сасанидами, а потом — с арабами, не желавшими уступать хазарам своего господства в восточной части Закавказья. Во время войн Византии с сасанидами и с арабским халифатом хазары выступали союзниками Византии; после ряда поражений, нанесенных арабами, центр хазарской державы переместился из бассейна Терека (предполагается, что на Тереке находилась древняя столица хазар—Семендер, точное местоположение ее не установлено) на нижнее течение Волги, где не ранее первой половины VIII в. воз-

никла новая столица — Итиль. Занимая низовья Волги, хазары держали в своих руках важнейшие пути сообщений между прикаспийскими странами, Северным Кавказом и Восточной Европой.

В VIII—IX вв. власть хазар распространилась на огромную территорию, в состав которой входили: земли между Каспийским и Азовским морями, включая большую часть Северного Кавказа, Северное Причерноморье, Крым. Вверх по Волге она простиралась до р. Камы. Около середины IX в. хазарам платили дань славянские племена, жившие в бассейне Днепра и в бассейне верхнего течения р. Оки.

Хазары вначале были скотоводами-кочевниками. Однако в X в. в центре Хазарского государства на Волге население частично стало переходить к оседлости и земледелию. По сообщению арабских писателей (Ибн Русте, Ибн Хаукаль) зимою все население жило в городах, а с наступлением весны выходило в степь; около столицы местность была усеяна обработанными участками, с которых жители города летом снимали жатву. Эти сведения подтверждаются в письме хазарского царя Иосифа, который сообщает, что каждый род имел свое наследственное владение. Весною хазары выходили из города и направлялись к своим виноградникам и полям. Это сообщение интересно еще и тем, что указывает на частичное сохранение хазарами форм родовых организаций, находившихся в процессе социального расслоения.

По словам араба Ибн Русте, зажиточные и богатые хазары были обязаны поставлять в войско царя всадников «сколько могут они по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих». У хазар существовало рабство, хотя оно и не имело большого распространения.

Во главе Хазарского государства стоял «великий каган», окруженный необычайным почитанием и раболепным поклонением, но не обладавший никакой властью. Действительная власть принадлежала правившему от имени кагана царю (арабы называли его каган-беком). В конце VIII в. или в начале IX в. господствующий слой хазар вместе с каганом принял иудейскую религию, которая могла проникнуть к хазарам от евреев, живших в Крыму и Дагестане. Принятие новой религии также указывает на падение старых родовых культов.

Главный город Хазарии, расположенный на одном из рукавов Волги, Итиль (остатки его не удалось обнаружить, возможно, что они смыты водой) был крупным торговым центром и имел большое население, среди которого значительную часть составляли приезжие купцы из Армении, Ирана, славянских земель, Хорезма и разных среднеазиатских городов. Торговые пошлины были одним из важных источников царских доходов.

Хазарское государство на Волге в период своего расцвета (VIII—IX вв.) играло роль барьера против кочевых племен Средней Азии. Со второй половины IX в. положение Хазарского государства стало заметно ухудшаться. Оно не в состоянии было

сдержать новый прорыв кочевников в степи Северного Причерноморья.

Нам точно неизвестно время, когда часть кочевых болгарских племен (болгары, сувары и др.) перекочевали с нижнего течения Волги в Прикамье. Повидимому, это произошло во время распадения болгарского племенного союза в VII в. или в начале VIII в. Археологическое обследование этого района обнаружило многочисленные остатки поселений (городища) и могильники доболгарского периода, которые принадлежали как скотоводам, так и оседлым земледельцам. Болгары, заняв Нижнее Прикамье и Среднее Поволжье, подчинили местное население, в том числе мордовские и черемисские (марийские) племена. В IX в. на территории Камской Болгарии существовало несколько племенных княжеств, плативших дань хазарам. После ослабления Хазарского государства они объединились под главенством самого многочисленного и сильного племени — болгар. Арабские писатели X в. сообщают о существовании в это время «болгарского царства». Главным городом его был «великий город Болгар», находившийся вблизи впадения р. Камы в Волгу (недалеко от г. Спасска). Наряду со скотоводством население занималось земледелием, хотя болгары сохраняли некоторые обычаи и пережитки скотоводов-кочевников. Так, подобно хазарам, они в летнее время оставляли города с деревянными и каменными домами и переселялись в войлочные юрты. В общественном строе болгар в X—XI вв. имелись значительные элементы феодальных отношений, хотя основная масса населения еще не была закрепощена. Население платило царю, по сведениям арабов, от каждого дома по шкуре соболя в год. В доходах царя и высшей знати большое значение имела еще военная добыча. В 20-х годах X в. Камскую Болгарию посетил в составе посольства арабского халифа Ибн Фадлан, оставивший описание своего путешествия. До недавнего времени оно было известно в извлечениях, внесенных в одно арабское руководство по географии. Только в 1924 г. рукопись сочинения Ибн Фадлана, считавшаяся окончательно утраченной, была найдена в библиотеке г. Мешхеда (в Восточном Иране). Иранское правительство передало в 1935 г. Академии наук СССР прекрасную фотографию всей рукописи. В настоящее время мы имеем полный русский перевод этого сочинения, обогащающего наши знания о народах Камско-Волжского бассейна X в. Ибн Фадлан рассказывает, что если «царь прикажет дружине (совершить) набег на какую-либо из стран и она (дружина) награбит, то имеет вместе с ними (дружинниками) долю». Среди господствующего слоя болгар в X в. распространилось мусульманство.

Ибн Фадлан оставил интересное описание своего пребывания при дворе болгарского царя. Огромная юрта царя, в которой он жил в летние месяцы, вмещала до тысячи человек. Она была устлана армянскими коврами. Поставленный посредине трон был покрыт византийской парчой. Царь принимал арабских послов вместе с «подвластными царями», являвшимися его вассалами. Главный город Болгар был важным центром торговых сношений

между Восточной Европой, в том числе славянскими землями, и прикаспийскими странами. Ибн Фадлан среди приезжих купцов встретил на берегу Волги русов.

В X—XI вв. территория Камской Болгарии достигла значительных размеров. Ее северная граница шла по правому берегу Камы, западная проходила между Сурой и Волгой, на юге болгарские владения достигали Самарской Луки.

Ранне-феодальные государства в Закавказье. Закавказье в борьбе с Ираном и Византией

На территории нашей страны феодальные отношения раньше всего складываются в Закавказье.

После победы римлян над армянским царем Тиграном II народы Закавказья должны были признать зависимость от Римского государства. Армения, расположенная на путях сообщения между Средиземноморским бассейном и восточными странами, была для Рима узлом всей его восточной политики.

Армения оказалась сжатой с двух сторон: с востока, со стороны соседнего сильного Парфянского государства, и с запада — со стороны Рима.

Опыт борьбы за Закавказье показал Риму, что большие жертвы, понесенные империей, не окупались теми кратковременными успехами, которых удавалось достигнуть. Тогда император Нерон согласился признать брата парфянского царя из династии Аршакидов Тиридата I армянским царем. Тиридат I с большой свитой отправился в Рим, где был в 63 г. н. э. коронован. С тех пор при освобождении армянского престола парфянские цари Аршакиды предлагали кандидатов из своего рода, которые и утверждались в Риме. Так было положено начало династии армянских Аршакидов (63—428 гг.).

В начале III в. Риму пришлось столкнуться в своих восточных владениях с новым сильным государством в Иране. В Парсе (Иран) среди местных династов, признававших власть парфянского царя, усилился владелец небольшого княжества из рода Сасанидов, вступивший в успешную борьбу с Парфией. В 226 г. он разбил последнего парфянского царя и стал основателем Сасанидского государства (226—640 гг.). Основной частью этого государства был Иран, но владения Сасанидов распространились на часть Средней Азии и Закавказье.

Царям Сасанидам, опиравшимся на поддержку мелких землевладельцев, получавших от царя земли с обязательством нести военную службу, и городского населения, заинтересованного в установлении порядка и безопасности для торговых сообщений, удалось привести в повиновение крупную знать. Усиление сасанидского Ирана создавало благоприятную обстановку для развития обширных торговых связей, которые охватывали не только Среднюю Азию и страны, прилегавшие к Черному морю, но и достигали бассейна Средней Волги и Камы. В Прикамье найдено значительное количество предметов, происходящих из сасанидского Ирана. К их числу принадлежат кубки, чаши, тарелки и прочие

предметы, являющиеся выдающимися произведениями сасанидского искусства. Ленинградский Эрмитаж обладает лучшей в мире коллекцией этих предметов, причем все они найдены на территории нашей страны.

После уничтожения Сасанидами Парфянского государства армянские цари Аршакиды в конце III в. превратили царскую власть в наследственную.

Состояние источников позволяет нам более ясно представить складывавшийся феодальный порядок в Армении во время правления Аршакидов.

Высший слой феодальной знати составляли «нахарары», стоявшие во главе крупных областей (нахарарств). После того, как эти области перешли в их наследственное владение, нахарары стали еще более независимыми от царской власти, вассалами которой они являлись. В своих областях они были вполне самостоятельными правителями. По имущественному положению нахарары делились на несколько категорий. причем высшую составляли нахарары, выводившие в поле более 10 000 конного войска. Знатные и богатые нахарарские фамилии окружали царя и занимали почетные должности в его дворце. В качестве отличительного признака они носили белую повязку на голове, так называемый «патив».

Следующий слой феодальных землевладельцев составляли «азаты». Они были свободны от налогов, но несли обязательную военную службу в нахарарской коннице. Это были по средневековой европейской терминологии арьер-вассалы, т. е. вассалы крупных сеньоров.

С развитием феодального хозяйства рабы превратились в крепостных людей и стали вести свое хозяйство на отдельных участках земли, обслуживая трудом и налогами хозяйство нахарара или азата. В положении крестьянской общины происходило дальнейшее ухудшение. Крестьяне, жившие на территории крупных и мелких владений, были обложены разными феодальными повинностями. Они несли барщину («кор») и поставляли продукты своего хозяйства в виде части урожая и приплода скота (натуральная рента). Кроме того, крестьяне делали приношения феодалам в разные религиозные праздники.

В конце III в. в Армении распространилось христианство. Около 303 г. царь Тиридат IV принял христианство, которое стало государственной религией. Христианство усилило культурные связи Армении с Византией.

Феодальная система в Грузии утвердилась с VI в. н. э. Класс феодальных земельных собственников получил название «азнауров», которые подразделялись на «великих» (высшая феодальная знать) и «малых». В хозяйстве азнауров работали как посаженные на землю рабы, так и зависимые крестьяне—«глехи». С развитием феодального общественного порядка государственной религией стало христианство. В Восточной Грузии (Картли) царская семья приняла христианство еще во второй трети IV в. В Западной Грузии (Лазика) христианство распространилось в на-

чале VI в. Христианская церковь способствовала проникновению в Грузию греческой литературы и образованности.

Борьба между римским государством (потом Византией) и сасанидским Ираном за армянские и грузинские земли длилась с небольшими перерывами вплоть до завоевания в VII в. арабами Закавказья.

Византии удалось удержаться в Западной Грузии, где в IV в. возникло находившееся под византийским протекторатом царство Лазика. Цари Восточной Грузии (Картли) стали вассалами Сасанидов.

Основная тяжесть чужеземного владычества над народами Закавказья падала на крестьянство и неимущие слои городского населения, на которых, кроме того, лежали местные феодальные налоги и повинности. Крупные земельные собственники, хотя и стремились сохранить власть в своих руках, но относительно легко вступали в соглашение с завоевателями.

Давление на Закавказье со стороны Сасанидов резко увеличилось с воцарением в Иране Иездегерда II (438—457). Значительно увеличенные налоги были не под силу разоренному населению. Заметно ухудшилось и положение нахарарской знати. При малейшем подозрении Сасаниды отбирали у нее земли и наследственные привилегии. Иездегерд II проводил резкую антихристианскую политику, так как видел в христианской церкви союзника Византии. Церковные земли были обложены тяжелыми налогами. У сасанидского царя даже возник план полного уничтожения христианства в его владениях. Все эти притеснения подготовили широкую социальную базу для восстания, которому церковь постаралась придать религиозную форму, провозгласив борьбу за истинную религию (христианство) против персидского культа магов.

Восстание, начавшееся в 451 г., сразу получило общенародный характер. «Все восстали до последнего,— пишет армянский историк Егише Вардапет,—не только мужчины мужественные, но и женщины, доблестные, как мужья их, все собрались вооруженные шлемом, мечом за поясом и щитом в руке». К народному восстанию примкнуло большинство нахараров, в том числе очень влиятельный род Мамиконянов, выдвинувший талантливого и храброго полководца Вардана Мамиконян. Из Армении восстание перекинулось в Грузию и Албанию. Сначала армяно-грузино-албанское ополчение нанесло крупное поражение сасанидским войскам, после которого началось поголовное истребление персидских гарнизонов и служителей культа — магов. Персам удалось воспользоваться борьбой между нахарарами, боявшимися усиления друг друга, и разбить главные силы восставших. В сражении, которое Егише Вардапет называет «битвой храбрых с храбрыми», погиб и Вардан Мамиконян. Также неудачно кончилось второе крупное восстание в конце того же столетия (483—485).

Подавив восстания, Сасаниды все же изменили отношение к нахарарской и азнаурской знати, стараясь привлечь ее на свою сторону. Царская власть в Картли была уничтожена в VI в.,

4 Зак. 618

после чего страна была превращена в «наместничество». Посылавшийся Сасанидами наместник постоянно жил в Тифлисе.

Совместная борьба грузинского, армянского и албанского народов против господства Сасанидов показала, что среди населения не было тех противоречий, которые существовали между враждовавшей знатью. Народные массы совместно выступали против общих угнетателей. Пламя восстания, вспыхнувшее в одном месте, тотчас перекидывалось на другие земли, объединяя народную борьбу на широком пространстве. Народные восстания казались настолько грозными и для Византии и для сасанидского Ирана, что оба противника готовы были помириться перед лицом общей опасности.

Одним из последствий народных восстаний было общее ослабление Сасанидского государства, которое не в состоянии было выдержать нового напряжения в борьбе с арабами.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия и частые разорительные вторжения со стороны Персии и Византии, народы Закавказья достигли крупных успехов в области культурного развития. Очень большое значение имело появление собственной письменности. До V в. армяне пользовались сирийским и греческим алфавитами, которые приспосабливали к своему языку. В начале V в. монах Маштоц (Месроп), происходивший из незакрепощенной крестьянской семьи, усовершенствовал армянский алфавит. В связи с этим в V—VI вв. появляется много переводных, а затем и оригинальных сочинений, в числе которых следует отметить обширные комментарии философского и богословского содержания. Значительным распространением пользовались произведения Платона и Аристотеля. Недавно была найдена рукопись армянского перевода трактата Зенона «О природе», греческий оригинал которого утерян. Все это свидетельствует о существовании в Армении рассматриваемого периода сильной античной традиции.

Лучшим памятником армянского монументального зодчества этой эпохи является храм Звартноц («Бдящих сил»), оконченный постройкой в 660 г. (развалины храма находятся около гор. Вагаршапата). Собор состоял из трех сходящихся кверху круглых ярусов, увенчивавшихся широким куполом. Внутри стены были покрыты мозаикой.

Древнейшие грузинские письменные памятники восходят ко второй половине V в. (сохранилась надпись на Болнисском храме, сделанная в 70-х годах V в.). От VI в. дошло несколько рукописей. Язык грузинских переводов, отличающийся большим словарным богатством, точностью и литературной отделкой, служит прекрасным показателем культурного развития Грузии, происходившего на почве старого античного наследия. Столетие, с середины VI в. до середины VII в., является очень важным периодом и в развитии грузинской архитектуры. Геометрическая четкость линий, строгая пропорция между отдельными частями, полное соответствие между формой и внутренним пространством, ясность замысла, цельность композиции,— во всем этом чувствуется прояв-

ление зрелого искусства. Можно утверждать, что грузинские художники не только самостоятельно разрешали стоявшие перед ними задачи, но в ряде случаев возводили великолепные монументальные сооружения с большим совершенством, чем, например, византийские зодчие этого же времени.

Выдающимся памятником грузинского искусства является Мцхетский собор (Джвари), построенный между 590 и 605 гг. Он стоит на обрыве крутого утеса, прямо против города. Масса светлого камня точно растекается вниз от широкого полусферического купола, поставленного на шестигранное основание. В плане сооружение имеет форму равноконечного креста, наружные выступы которого заполнены четырехгранными пристройками. Через окна купольного перекрытия вливается свет, в потоках которого внутреннее пространство выступает в строгих и величественных очертаниях.

Другим крупнейшим памятником этой эпохи является храм в Цроми, построенный во второй четверти VII в. Верхняя часть его, к сожалению, разрушена.

Средняя Азия и Закавказье под властью арабского халифата

Завоевательные походы арабов в Иран, начавшиеся вскоре после образования халифата, закончились полным разгромом Сасанидского государства. В 651 г. арабы взяли Мерв, в окрестностях которого погиб последний представитель династии Сасанидов. Богатый Мервский оазис стал базой для вторжения арабов в область Закавказья и Средней Азии.

Земли за Аму-Дарьей арабы называли Мавераннахр, что в переводе означает: «находящиеся за рекой». Впоследствии этим именем стали называть страну, лежавшую между течением рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Походы арабов за Аму-Дарью в первый период носили грабительский характер. Завоеватели нападали на земледельческие оазисы и города и с обильной добычей возвращались обратно. После укрепления халифата в начале VIII в. арабы перешли к систематическому завоеванию Средней Азии.

Земледельческие оазисы Средней Азии были раздроблены на множество мелких и крупных владений. Центром крупного владения были замок дехкана (дехканами назывались тогда все землевладельцы, вне зависимости от размера владения; не путать этот термин с позднейшим его значением). Дехканы были почти независимыми, часто враждовали между собой и поэтому не могли оказать серьезного сопротивления завоевателям. Власть стоявших над ними местных династов была почти номинальной.

В 712 г. арабский полководец Кутейба захватил Самарканд. В середине VIII в. арабы прочно закрепились в Хорезме, Согдиане, Бухаре и других землях Средней Азии. С этого времени Мавераннахр вошел в состав халифата.

Наступление арабов в глубь Средней Азии столкнулось со встречным наступлением тюрков, а затем—китайцев. Встречи с китайцами окончились полной победой арабов, которые в 751 г.

разбили большую китайскую армию, причем, по сообщению арабского историка, вероятно преувеличенному, в сражении было убито до 50 000 китайцев и до 20 000 было взято в плен. Эта победа, как замечает крупнейший ориенталист, академик Бартольд, решила вопрос, какой из двух культур, китайской или мусульманской, будет принадлежать господствующее влияние.

К эпохе арабского завоевания относится замечательная находка, сделанная в 1933 г. в развалинах древнего согдийского замка на вершине горы Муг, у р. Зеравшана. Остатки замка были случайно обнаружены местными жителями и исследованы экспедицией Академии наук СССР. Изучение развалин и найденных предметов дало возможность восстановить обстановку жизни замка крупного дехкана VIII в. В его хозяйстве большое место занимало скотоводство. Наряду с ним существовала земледельческая культура, сеяли ячмень, просо, бобы. Повидимому, в окрестностях разводились сады и виноградники. Хорошо было развито текстильное производство, на что указывает большое количество найденных обрезков бумажных тканей разной окраски и выработки. Куски парчи и шелка свидетельствуют о связи местного хозяйства с рынком, о привозе товаров из Китая и Ирана. Большой интерес представляет изображение на щите крупного согдийского владельца, возможно, хозяина замка. На всаднике одет длинный кафтан. К поясу с левой стороны подвешен двуручный прямой меч, с правой—кинжал. Всадник, кроме того, вооружен колчаном стрел и двумя луками.

Исключительное научное значение имеет находка остатков архива владельца замка. Всего найден 81 документ, материалом которых служили бумага, кожа и дерево. Из этого числа 2 документа арабских, 8 китайских, а остальные написаны на местном согдийском языке. Расшифровка документов, произведенная в результате тщательной работы, открывает нам новые страницы в истории Средней Азии и борьбы с арабским завоеванием. Владельцем замка оказался крупный согдийский дехкан Дивастич. В найденных документах он называет себя: «согдийский царь самаркандский господин Дивастич». Это имя известно арабским историкам. Дивастич восстал против арабов, но был ими разбит и взят в плен. Повидимому, в это время был разрушен и его замок на вершине горы Муг.

После занятия Мавераннахра во многих городах образовались поселения арабских воинов. Арабы заставляли жителей отдавать им нужное число домов с прилегающими к городу полями и выполнять различные работы в пользу местных арабских гарнизонов. Для укрепления власти халифата большое значение имело распространение ислама. Вначале арабы даже освобождали перешедших в ислам от платежа податей. Они охотно завязывали дружеские связи с высшим слоем дехканов, которые сравнительно быстро примирились с арабской властью и старались использовать ее в своих интересах. В частности, арабы не тронули большинства местных династов, обратившихся в вассалов халифа (в Бухаре до

конца IX в. существовала местная династия Бухар-худатов, в Хорезме—Хорезм-шахов и т. д.).

Военная колонизация арабов в Мавераннахре прокладывала пути, по которым двинулись в среднеазиатские города купцы, ремесленники, чиновники и ученые. Арабский язык стал государственным языком.

Арабская культура впитала в себя богатое наследие древнего мира. На арабский язык были переведены сочинения знаменитых греческих мыслителей (Платона, Аристотеля, Плотина и др.), географов, математиков, медиков. Из Индии арабы заимствовали высокие для того времени математические познания, в том числе арифметику и алгебру. Быстрое расширение халифата обогатило арабских ученых сведениями по географии и этнографии современного им мира. В свою очередь арабы стали передатчиками этих знаний в завоеванных странах.

Большое значение имело также арабское влияние в области материальной культуры и искусства. Арабы создали геометрически стилизованный орнамент (цветы, растения, надписи), явившийся художественным образцом для всего мусульманского мира. Высокого совершенства он достиг в искусстве среднеазиатских народов (изразцы, резьба по мрамору и дереву, рисунки на коврах и тканях и т. д.).

Вся тяжесть эксплоатации арабами среднеазиатских земель ложилась на основную массу земледельческого населения Согдианы, Хорезма и других районов оседлого хозяйства. Самым тяжелым налогом был «хараджˮ», натуральный поземельный налог, в размере одной трети и даже половины продуктов сельского хозяйства. Поэтому, в то время как правящие слои дехканства объединились с верхушкой арабов-завоевателей, эксплоатируемая масса населения продолжала борьбу и с местными крупными дехканами и с арабской властью. Часто эта борьба облекалась в формы религиозных сектантских движений, руководители которых убеждали народ в близости социальных перемен. Большим распространением среди беднейших слоев городского населения и крестьян пользовалось учение «маздакитов», возникшее в Иране при Сасанидах. Основатель его, Маздак учил, что победа бога добра над богом зла может быть достигнута путем уничтожения злого начала на земле, к которому относилось имущественное неравенство. Маздакиты не отрицали рабовладения, но требовали для свободных людей общности имущества и равного наделения жизненными благами, в том числе рабами и рабынями. Маздакитское движение зародилось в обществе, сохранявшем пережитки патриархально-рабовладельческих отношений, но уже находившемся в процессе развития феодального строя. Учение маздакитов, распространившееся в Средней Азии и Закавказье, выражало социальный протест земледельческого населения против растущей феодальной эксплоатации.

Самое крупное восстание вспыхнуло в 70-х годах VIII в. в долине Кашка-Дарьи (в Согдиане). Оно было связано с движением маздакитов. Во главе крестьянских отрядов, «людей в белых

рубашках», стоял талантливый народный вождь Хашим Ибн Хаким, по прозвищу «Муканна» (в переводе: «закрытый покрывалом»). Народ видел в нем воплощение божества, будто бы поднявшегося на борьбу с завоевателями-арабами и местной знатью. Восстание длилось около семи лет (776—783 гг.) и вызвало крайнее напряжение сил халифата. Несмотря на неудачу, оно способствовало ослаблению власти халифата над среднеазиатскими владениями, чем немедленно воспользовались местные династы.

К IX в. власть арабского халифата в Средней Азии фактически прекратилась, во второй половине IX в. выдвинулась династия Саманидов (от селения Саман в Балхе, откуда происходили основатели этой династии). Саманидам удалось создать сильное среднеазиатское государство, просуществовавшее около ста лет (с конца IX в. до конца X в.). В конце IX в. власть Саманидов распространилась на Иран. Столицей государства была Бухара.

Саманиды главным образом опирались на торговое и ремесленное городское население, которому была необходима защита сильной властью торговых центров и караванных путей, постоянно подвергавшихся нападению со стороны степных кочевников. Систему централизованного государственного управления Саманиды заимствовали у арабов. Управление страной было распределено между десятью центральными ведомствами — «диванами». Во главе государства стоял эмир. Его основной военной силой была гвардия, составленная из рабов, главным образом тюрков. Это еще больше усиливало власть эмира и делало его независимым от местной знати.

При Саманидах наступил значительный подъем экономической жизни Средней Азии, выразившийся в восстановлении сельского хозяйства, развитии ремесленного производства и распространении торговли. Объединение с Ираном содействовало усилению иранского культурного влияния, причем персидский язык, близкий к местному таджикскому языку, стал вытеснять арабский язык. Саманиды не жалели средств для украшения своей столицы Бухары и покровительствовали при своем дворе ученым, писателям и поэтам. В богатой библиотеке в Бухаре работал знаменитый ученый Ибн Сина (Авиценна).

Авиценна родился в 980 г. в маленком поселке недалеко от Бухары. Еще мальчиком он обнаружил необычайные способности, в десять лет знал наизусть Коран, затем стал заниматься философией и медициной. Удачное лечение эмира открыло ему доступ в богатейшую библиотеку Саманидов в Бухаре. После падения Саманидов Авиценна продолжал научные занятия сначала в Ургенче (Хорезм), а потом в Иране.

Популярность Авиценны была огромной. Множество больных, среди которых находились важные сановники, каждый день приходило к дому гениального врача и ученого.

После Авиценны осталось более сотни сочинений по медицине, физике, философии, математике, астрономии, ботанике, стихи на персидском и арабском языках и другие работы. Особенно боль-

шое значение имели труды Авиценны по медицине, среди которых находился знаменитый «Канон врачебной науки».

Работы Авиценны получили большое распространение в средневековой Европе. В начале XVI в. «Канон» был переведен на латинский язык и стал руководством во многих европейских университетах. Даже в XVII в. научный авторитет Авиценны стоял очень высоко. Творчество гениального Авиценны свыше шести столетий оставалось источником научного и культурного развития.

Под покровительством Саманидов великий иранский писатель Фердовси приступил к созданию грандиозной поэмы «Шах-Намэ» («Книга царей»), в которой изложил историю иранского народа от мифической древности до VII в. Поэма написана на персидском языке. Фердовси работал над поэмой около 38 лет и закончил ее уже во время господства в Средней Азии тюрков сельджуков.

В Закавказье арабы появились в 40-х годах VII в. Как и в Средней Азии, вторжения больших арабских отрядов в Закавказье первоначально носили характер грабительских экспедиций. Арабы с большой поспешностью опустошали захваченные местности и уводили с собой десятки тысяч пленных. Ослабевшая к этому времени Византия, которой принадлежала власть над Арменией, была не в состоянии оказать серьезного сопротивления арабскому завоеванию. Раздробленность страны и вражда между нахарарами мешали армянам объединиться для защиты от врага.

Героем борьбы с арабами стал армянский военачальник (стратилат) Теодорос Рштуни. Во время второго похода арабов Теодоросу Рштуни удалось разбить большой отряд врагов и стать вождем народной борьбы с завоевателями. Тогда нахарары, опасавшиеся популярности Теодороса в народной массе, оклеветали его перед византийской властью. Теодорос в оковах был доставлен в Константинополь. Через несколько лет Теодорос был восстановлен в должности армянского стратилата, что дало ему возможность возобновить борьбу с арабами. Во время третьего нападения арабов на Армению он вновь уничтожил большой отряд врагов. К середине 50-х годов VII в. арабское войско овладело всей Арменией «от одного конца до другого». Сопротивление народа было сломлено. Теодорос Рштуни, убедившийся в силе халифата и в вероломной политике Византии, пошел на соглашение с арабами с целью спасения страны от окончательного разгрома.

В борьбе за завоевание Албании (Азербайджана) главными соперниками арабов оказались не столько византийцы, сколько хазары, проникавшие в Албанию с севера вдоль побережья Каспийского моря. Албанская знать даже пыталась найти у хазарского хакана помощь против арабских завоевателей. Это привело лишь к тому, что одно время Албания платила дань и хазарскому хакану, и арабскому халифу, и византийскому императору. Овладев Албанией, к началу VIII в. арабы укрепили горный проход у Дербента и устроили в нем пограничное военное поселение для отражения нападений с севера.

Восточная Грузия (Картли) была захвачена арабами почти одновременно с Арменией. Большинство крепостей и городов было

разрушено. В Западной Грузии (Лазика) арабам пришлось столкнуться с сильным противодействием со стороны Византии, не желавшей упускать из своих рук важного для ее экономических и политических интересов юго-восточного побережья Черного моря. Поэтому эта часть Грузии переходила из рук в руки.

Земли Закавказья под властью халифата составили отдельное наместничество. Присылавшийся халифом наместник (остикан) назначал из местной знати правителей Армении, Восточной Грузии и Албании. Умело пользуясь борьбой между крупнейшими феодалами, арабы не допускали их объединения. Так же, как и в других подвластных халифату странах, вся тяжесть налогов падала на крестьянство и беднейшие слои городского населения. Описывая состояние Армении в период арабского завоевания, историк Гевонд в сочинении «История халифов» дал яркие картины народного бедствия: «Вся земля наша подпала невыносимым бедствиям: серебро иссякло в Армении. Отдав последнее свое имущество, жители не находили средств для своего выкупа и для освобождения своей жизни от пыток, виселиц и горьких истязаний. Оттого многие убегали в пещеры и ущелья и скрывались; другие утопали в снегу и бросались в реки вследствие этих невыносимых бедствий, потому что не могли достать того, чего от них требовали. А тогда требовали с каждого подать серебром и, лишив всех собственности, сковали Армению оковами нищенства и бедности».

Через всю историю Закавказья времени арабского господства проходит цепь народных движений, то местных и ограниченных, то широкой волной разливавшихся на обширной территории. В этих восстаниях иногда принимала участие и феодальная знать, имевшая собственное войско и опиравшаяся на укрепленные замки. Широкий общенародный характер носило восстание в Армении в 774—775 годах.

Еще большего размера и силы достигло восстание, начавшееся в Албании (Азербайджане) в 816 г. и продолжавшееся свыше 20 лет. Оно известно под названием восстания хуремитов (учение хуремитов, требовавших уничтожения социального неравенства, было близко к маздакизму). Хуремиты выступали против налогов, повинностей и порабощения крестьян. Движение зародилось среди крестьян горных районов южной Албании, откуда распространилось на всю Албанию, захватило часть Армении и перекинулось на северный Иран.

Вождем этого восстания был Бабек. Рано лишившись отца, Бабек в детстве пас стада богатого скотовода, потом служил погонщиком верблюдов. Переходы с караваном позволили Бабеку хорошо изучить страну, узнать нужды и настроение населения. Одно время Бабек работал ремесленником в Тебризе. Городская беднота, подавленная налогами, ненавидевшая поработителей-арабов, оказала большое влияние на формирование взглядов Бабека. Еще 18-летним юношей Бабек стал участвовать в народной борьбе с арабами.

Основной движущей силой восстания было крестьянство. В то же время восстание захватило и другие слои населения. Вначале в нем участвовала значительная часть феодалов, пострадавших от

арабской власти. Устраивая поселения военных колонистов, арабы отбирали у местных землевладельцев лучшие, плодородные земли. Восстание Бабека привело арабский халифат в состояние крайнего напряжения. Арабы бросали против восставших крупные силы. Но даже тогда, когда феодальная знать покорилась и прекратила борьбу, крестьяне долгое время героически продолжали бороться, опираясь на трудно доступные горные районы. В 837 г. Бабек был вероломно схвачен в одном из замков, хозяин которого выдал его арабам. По приказанию халифа Бабек был казнен.

Восстание Бабека, как и восстание Муканы, способствовало ослаблению власти халифата над среднеазиатскими и закавказскими владениями. Вместе с тем усиливалась власть местных крупных феодалов. В результате ослабления халифата в VIII—X вв. в Грузии, Албании (Азербайджане) и Армении образовались самостоятельные феодальные княжества.

На территории Восточной Грузии (Картли), к началу IX в. выделилось Кахетинское царство. Во втором десятилетии IX в. на нижнем течении р. Чороха возникло Тао-Кларжетское царство (название происходит от двух главных областей: Тао и Кларжетии), основателем которого считался Ашот Багратион. В X—XI вв. оно стало центром объединения грузинских земель. В Западной Грузии в начале IX в. образовалось самостоятельное Абхазское царство со столицей в Кутаиси.

Албания (Азербайджан) делилась течением р. Куры на две части. В левобережной Албании самым крупным было Ширванское государство, владельцы которого носили титул ширван-шахов. В правобережной Албании возникло Ганджинское эмиратство (город Ганджа, ныне г. Кировобад) под властью Курдской династии.

В Армении среди крупных нахараров в VIII в. главную роль играл дом Багратидов. Ведя хитрую политику в отношении арабской власти, Багратидам удалось истребить и обессилить своих противников из числа армянских нахараров и захватить важнейшие области Армении. В 864 г. арабский наместник по приказу халифа назначил Ашота Багратуни правителем Армении с титулом «князя князей». В 886 г. Ашот был провозглашен царем. Однако потомкам Ашота I не удалось объединить Армению. Страна распалась на ряд феодальных государственных образований, в которых утвердились различные линии рода Багратуни. Самым крупным из них в X в. было Анийское царство, столицей его стала крепость Ани (недалеко от г. Эрзерума), выгодно расположенная на скрещении международных торговых путей. В конце X в. и в начале XI в. Ани превращается в один из самых многолюдных, богатых и красивых городов во всей Передней Азии. История этого города раскрыта благодаря многолетним раскопкам развалин, произведенным учеными Марром и Орбели. На холме, спускавшемся крутым обрывом к реке, стоял царский замок, окруженный стеной с высокими башнями. У подножия крепости расположился торгово-ремесленный город, представлявший сложное переплетение узких переулков и уличек, с лавками и тесными мастерскими и с обширными караван-сараями для приезжих купцов. Со стороны незащищенной равнины город был обнесен двой-

ным рядом высоких и крепких стен. Лучшие постройки были воздвигнуты на территории царского замка. Среди них выделяются двухэтажный дворец Багратидов и собор, построенный царем Гагиком I в подражание знаменитому храму «Звартноц» VII в. Во время раскопок была найдена статуя царя, держащего на руке небольшую модель храма.

Величайшим памятником армянского народного творчества является эпическая поэма, известная под названием «Сасунских богатырей» или по имени главного героя — «Давид Сасунский». Своими истоками она уходит в глубокую древность, хронологическую давность которой мы не в состоянии определить.

Сложение и оформление основных частей эпоса произошли в IX—X вв. в обстановке ожесточенной борьбы армянского народа с арабами-завоевателями. Главным местом действия героев поэмы была трудно доступная территория высокогорного Сасуна. Родоначальник богатырей Санасар выстроил в этой стране неприступную крепость, ставшую оплотом борьбы против арабов. Центральное место в поэме занимает внук Санасара и сын Мгера Старшего Давид. В ожесточенном сражении Давид разбивает многочисленное арабское войско и при этом отпускает пленных на свободу. Представителем последнего, четвертого, поколения богатырей был сын Давида Мгер Младший.

Подвиги храброго полководца VIII в. Теодороса Рштуни и жившего во второй половине IX в. Давида, сына Баграта Багратуни, а также многих других давали обильный материал для народного певца и поэта. Но народное творчество, вдохновлявшееся лучшими примерами борьбы с насилием чужеземных завоевателей, свободно развивалось на этой фактической основе. Поэма создала высоко идеализированные образы, воплотившие лучшие чаяния народа. Герои поэмы, обладавшие сверхестественной силой, мужеством, отвагой, честностью, борются за справедливость и правду во имя народного блага.

Поэма жила вместе с создавшим ее народом, переходя из поколения в поколение, покрываясь новыми наслоениями. Народ воплощал в эпосе свой вековой опыт, свой протест против насилия и неумиравшие мечты о лучшей жизни. Никакое угнетение не могло подавить веру в грядущее счастье народа, выразителем которой в эпосе стал Мгер Младший. Измученный борьбой со злом и несправедливостью, но не покорившийся им, Мгер Младший рассекает дедовским мечом скалу и на дедовском чудесном коне, в дедовском вооружении уходит в образовавшуюся от могучего удара расщелину. Он останется там до того времени, пока не исчезнет мир насилия и зла.

«Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля,—
На свете мне не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница, как грецкий орех,
Когда шиповника ягода будет с ячмень,—
Тогда придет мой день;
Отсюда я выйду в тот день».

***

Таким образом, история нашей страны с древнейших времен до конца I тысячелетия н. э. охватывает длительный процесс развития населявших ее народов, которые от первобытно-общинного строя перешли сначала к рабовладельческому, а затем к феодальному строю.

Мы видели, что уже в конце II тысячелетия до н. э. народы Закавказья, а затем и народы Средней Азии и Северного Причерноморья были связаны с народами восточной части Средиземноморского бассейна, являвшегося наиболее экономически развитой и культурной областью древнего рабовладельческого мира. В III—V вв. н. э. «варварские» племена Восточной Европы, наряду с «варварами» Западной Европы, участвовали в борьбе против рабовладельческого Рима и Византии.

Феодальное общество в нашей стране стало складываться одновременно с развитием феодального общества в странах Средиземноморского бассейна. Раньше всего феодальные общественные отношения сложились в Армении и Грузии. В исходе I тысячелетия н. э. процесс феодального развития захватил и славянские племена Восточной Европы.

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Славяне в VI веке

С начала VI в. славяне стали проникать в пределы Византийской империи. В связи с этим правители Византии укрепляют свою северную границу. На Дунае восстанавливаются и вновь выстраиваются десятки крепостей. Однако в середине VI столетия оборонительная линия на Дунае была прорвана. Масса славянского населения двинулась в северные провинции империи и положила начало образованию на Балканском полуострове славянских государств (Болгария). Этими событиями объясняется усиленное внимание с середины VI в. византийских авторов к судьбам славян.

Важным источником наших сведений этого времени является сочинение готского историка Иордана, который в 551 г. написал работу по истории готов. К сообщениям Иордана следует подходить с большой осторожностью. Иордан ставил своей задачей прославление подвигов готских вождей, причем не особенно стеснялся в выборе и использовании материала. Он соединил вместе историю готов сенатора Кассиодора, написанную по поручению остроготского короля Теодориха, народные готские предания и сведения, которые сам мог почерпнуть из окружающего мира, в том числе—этнографический материал VI в. Касаясь славян, Иордан говорит, что теперь они «всюду неистовствуют по грехам нашим», указывая этим на возросшую политическую силу славянских племен. Он сообщает, что славяне известны под тремя

названиями: венедов, словен и антов. Венеды обитали к северо-востоку от Карпат, в верховьях Вислы. Словен Иордан помещает где-то недалеко от устья Дуная, как предполагают, в Добрудже. Анты, которых Иордан называет самыми сильными из славян, жили в изгибе Черного моря от Днестра до Днепра.

Сообщения Иордана дополняются византийским историком Прокопием Кессарийским (умер в 562 г.), а также сочинением, которое раньше ошибочно приписывалось императору Маврикию (в новейшей литературе называется сочинением псевдо-Маврикия), но было написано кем-то из его современников. По словам Прокопия, анты были соседями словен и занимали территорию далеко на восток, переходя за Днепр. Поселения антов находились и к северу от Азовского моря. На основании этих сведений мы можем предположить, что территория антов тянулась широкой полосой от Дуная до Азовского моря.

В одной греческой надписи, найденной в городе Керчи и относящейся к III в. н. э., содержится имя с присоединенным к нему прозвищем «Антас». Возможно, что оно указывает на принадлежность этого человека к племени антов. Это первое, известное нам употребление данного термина.

В работах Иордана, Прокопия и псевдо-Маврикия содержатся весьма существенные сведения по общественному строю славян. Противопоставляя славян Византии, писатели VI в. указывают на то, что славяне не управляются одним мужем, а искони живут «демократически», у них нет общей власти. Эти сообщения совершенно определенно устанавливают наличие у словен и антов в рассматриваемое время значительных элементов первобытно-общинного строя. Славяне выступали в борьбе с Византией небольшими родо-племенными организациями, каждая из которых имела своего вождя. Органом власти являлось народное собрание и выбранный народным собранием вождь. Однако патриархальная организация родо-племенных коллективов уже не сохранялась в первоначальном чистом виде. Те же византийские писатели знают крупные объединения славян, предводители которых обладали сильной властью, постепенно отрывавшейся от деятельности народного собрания. Власть такого военачальника из выборной превращается в наследственную. Следуя указаниям Энгельса, мы можем видеть в этом социально-политическом строе славян характерные признаки «военной демократии», возникающей в период перехода от первобытно-общинных отношений к классовому обществу. Византийские авторы единогласно подчеркивают хорошие боевые качества славянских воинов. «Они многочисленны,— говорит псевдо-Маврикий,— выносливы, легко выдерживают зной и стужу, и наготу тела, и недостаток продовольствия».

По словам византийского писателя Менандра, когда аварский хан отправил посольство к восточнославянским князьям, требуя от них покорности и дани, он получил в ответ следующие гордые слова: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу».

Некоторые наблюдения позволяют сделать предположение, что уже в эпоху IV—VI вв. начали складываться элементы древне-

русского языка. Так, нам известны в передаче греческих писателей имена вождей антов. Среди них находятся имена: Бож, Доброгост, Целигост, Межамир. Им соответствуют в древнеславянском языке имена: Божан, Божо и многочисленные имена с окончанием на «гост» и «мир», например, Владимир, Добромир и пр. Эти немногие обрывки антских слов дают возможность предположить о развитии в IV—VI вв. древнеславянского языка, близкого к языку населения Киевской Руси.

В последний раз анты упоминаются в 602 г., затем сведения о восточных славянах прекращаются на два с половиной—три столетия. Причиной этому является не исчезновение славян, а новые крупные события в истории Византии. Внимание империи в VII—VIII столетиях было отвлечено далеко на Восток, где происходила ожесточенная борьба с арабским халифатом. В Северном Причерноморье в это время складываются болгарские и аварские племенные союзы, в которые частично входили и славянские племена.

Образование Киевской Руси

Рассмотренные явления в области общественного развития славян подводят нас к образованию первых славянских государств, охвативших в VII—X вв. весь мир западного, южного и восточного славянства.

Еще в первой половине VII в. в Богемии (Чехии) возник под предводительством Само крупный союз западнославянских племен, с успехом отражавший нападения франков и германцев на славянские земли.

В конце VII в. произошло политическое объединение славян на Дунае, положившее основу Болгарскому государству.

В первой половине IX в., образовался моравский союз племен (р. Морава — левый приток Дуная), среди которых действовали присланные из Византии проповедники христианства Кирилл и Мефодий. В конце IX в. в верховьях Эльбы (славянская Лаба) и ее притоков стало складываться Чешское государство. В середине X в. в бассейне Вислы и Варты возник союз племен, ставший ядром Польского государства.

Наибольшее значение среди этих славянских государств по политическому могуществу, влиянию на окружающие страны и историческим результатам принадлежит Киевскому государству, возникшему на основе объединения восточнославянских племен.

Буржуазные концепции происхождения Киевского государства исходили из предположения, что славяне появились в Восточной Европе относительно поздно, в результате переселения.

По мнению Ключевского, славяне, расселившиеся по Восточной Европе с северо-восточных склонов Карпат, стали жить в новых условиях разбросанными, одинокими, укрепленными дворами. Днепр со своими притоками втянул славян в торговое движение. С развитием торговли среди однодворок возникли мелкие сельские рынки. Они, в свою очередь, тянулись к более крупным торговым пунктам, возникавшим на особенно бойких торговых

путях. Из этих крупных рынков выросли древнейшие торговые города, расположенные по греко-варяжскому пути. Они затем стали центрами «городовых областей» или «торговых округов». Ключевский отрицал за этими областями племенное происхождение.

По его мнению, образовавшиеся в Восточной Европе «городовые области» были первой политической формой в жизни восточнославянского населения. Варяжские князья с дружинами, осевшие в некоторых славянских городах, превратили городовые области в «варяжские княжества». Соединение варяжских княжеств с сохранившими самостоятельность городовыми областями привело к возникновению Киевского княжества. Последнее подчинило себе соседние народы и «получило значение Русского государства». Таким образом, Ключевский в истории образования Киевского государства выдвигал действие двух факторов: внешней торговли и прихода варягов.

Антимарксистская концепция Покровского по вопросу о возникновении Киевского государства сложилась в значительной степени под влиянием схемы Ключевского. Вслед за Ключевским Покровский главную роль отводил торговле и развитию городов. Сочетанием войны и торговли он объясняет происхождение древнерусских городов, вытянувшихся по Днепровскому пути. Среди них Киев и Новгород были уже в IX в. «мировыми коммерческими центрами», а остальные города являлись «стоянками купцов-разбойников». Древняя Киевская Русь в целом представлялась Покровскому как Русь городовая, а деятельность князей—как «своеобразная форма первоначального накопления торгового капитала».

Концепция Ключевского и концепция Покровского исходят не из процесса внутреннего развития восточного славянства, не из развития производительных сил и сложения классового общества, а из внешних событий. Между тем в VII—IX вв. в социальном строе населения Восточноевропейской равнины произошли важные изменения. Главным результатом их было разложение патриархального рода и превращение патриархально-родовых общин в территориальные соседские общины. Одновременно происходило дальнейшее сближение местных культур, в результате которого складываются общие элементы в культуре восточнославянских племен.

Основной отраслью хозяйства у славян в VIII в. было земледелие. В настоящее время на основании археологических материалов сделано предположение, что в IX—X вв. совершался переход к пашенному земледелию, появилась соха с железным наконечником, пахать стали при помощи лошади. Наряду с земледелием восточные славяне занимались скотоводством и различными промыслами: рыболовством, охотой, бортничеством и др.

В древней летописи и в «Русской Правде» содержатся ценнейшие указания на общественный строй славян, которые поясняют и дополняют данные археологии. По словам летописца, славяне жили родами. Однако, как совершенно правильно установил академик Греков, летописец понимал термин «род» уже не в прежнем его значении, а нарисованная им картина социального строя славян далеко отходит от родового быта. Летописец указывает на

существование значительных отличий в быте разных славянских племен, среди которых он выделяет полян, как самое развитое племя. «Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих».

Территориальная община у восточных славян носила в «Русской Правде» название «мир» и «вервь». Община (вервь) занимала вполне определенную территорию, повидимому, довольно значительного размера. Внутри она распадалась на ряд семейных хозяйств, каждое из которых обладало комплексом хозяйственных угодий. Часть территории общины находилась в общем пользовании. К ней прежде всего принадлежали луга, бортные леса, промысловые места, водоемы и пр. В связи с развитием индивидуального хозяйства выдел прежде всего коснулся пашенной земли. Распадение общины на отдельные хозяйства подтверждается археологическими обследованиями славянских поселений, относящихся к IX—X вв. Примером может служить поселение у с. Борщева на Дону, население которого, по определению археологов, состояло из нескольких сотен человек. На площади этого поселения обнаружены многочисленные группы жилых (землянки) и хозяйственных построек (кладовые, ямы-погреба для хранения зерна и других предметов, навесы для скота и пр.). Каждая группа представляла самостоятельный хозяйственный комплекс, принадлежавший одной семье.

Известны также и менее крупные поселения, укрепленные рвами и валами. Эти искусственные оборонительные сооружения дополняли естественную защиту, образованную возвышенным берегом реки или оврагом. Места подобных поселений известны под названием «городищ», т. е. остатков укрепленных поселений (городков). Большое количество городков вытягивалось вдоль течения всех более или менее значительных рек Восточной Европы. Небольшой укрепленный городок служил административным и военным центром для расположенных вокруг него поселений, совокупность которых составляла древнерусскую «вервь».

Энгельс, первый давший научное объяснение древнерусской верви, сближал ее с древнегерманской «маркой», а также с аналогичными территориальными общинами западных и южных славян, которые в далматских законах были известны под тем же названием—верви.

Германская община—марка—занимала значительную по площади территорию, на которой были разбросаны отдельные поселения. «На том очень обширном участке земли, так называемой *марке*, который предоставлен был вначале каждому отдельному селу, быстро размножавшееся население основывало новые поселения, «дочерние села», которые вместе с материнским селом на равных или несколько урезанных правах образовывали теперь единую общину—марку»[1]. У южных славян (сербов) территориальная община, объединявшая группу селений вокруг главного укрепленного села, называлась «жупой». Укрепленное поселение было одновременно и крепостью, и рынком, и местом народных

[1] Ф. Энгельс. К истории древних германцев, стр. 114. Партиздат. ЦК ВКП(б). 1938.

собраний. В нем жил старейшина — жупан, являвшийся главою всей общины.

Наблюдения над организацией германской общины—марки и славянских территориальных общин позволяют яснее понять смысл кратких и недостаточно ясных указаний наших древних письменных источников о внутренней организации общины—верви. Выросшая из предшествующей ей патриархальной общины, вервь сохраняла более или менее значительные пережитки родового строя. Этим обстоятельством объясняются слова летописца, что «каждый жил своим родом». К числу родовых пережитков относится и обычай кровной мести родичей за убийство.

В «Русской Правде» мы встречаем ясные указания на имущественную диференциацию внутри общины— верви. Так, вервь не помогала в уплате штрафа за убийство тем из своих сочленов, которые не участвовали в образовании некоторого сбережения, из сумм которого вервь платила князю штраф («дикую виру»). Одна из статей наиболее древней части «Русской Правды» (ст. 12 краткой редакции) устанавливает, что нашедший «в своем миру» украденную у него лошадь, оружие или одежду берет украденное обратно и получает денежный штраф «за обиду». Как правильно отметил недавно академик Греков, эта статья имеет в виду жившего на территории общины воина, обладавшего конем и оружием. В более поздней редакции статья подвергалась характерному изменению: потерпевший ищет украденную вещь уже не в своем «миру», а в своем «городе», предварительно объявив о пропаже «на торгу». Город в данном случае—административно-хозяйственный центр общины — верви.

Древняя летопись упоминает «старцев градских». Их общественную роль можно сравнить с югославянскими «жупанами», стоявшими во главе общины—жупы. Подобно тому как жупаны в дальнейшем превратились в крупных землевладельцев—панов (слово «пан» есть сокращенное название «жупана»), восточнославянские «старцы градские» превратились в господствующий слой общества, хотя и не сохранили за собой старого названия.

Общественному развитию восточных славян соответствовало состояние их религиозных верований. В религиозном культе главное место занимали обожествленные явления природы. Солнце чтилось под именем Хорса или Даждьбога. Большим почитанием пользовался Перун, бог молнии и грома. С его образом было связано представление о грозовой туче, которая оплодотворяет землю дождем. Перун был не только благодетельным, но и грозным богом, богом войны. Ветер почитался под именем Стрибога. Славяне поклонялись, кроме того, огню, воде (озерам и родникам) и деревьям. Религиозный культ был связан с сельскохозяйственными работами. Покровителем и охранителем стад был «скотий бог» Велес (Волос). Огонь считался сыном Сварога (солнца)—«сварожичем». Огню обычно поклонялись у овина. Возможно, что этот обряд был связан с выпечкой хлеба и получением припека. В воде чтилась ее жизненная сила, необходимая для урожая. Земные источники воды соединялись в представлении с дождевой водой.

Поэтому при засухе приносились жертвоприношения (бросали в воду куриц и петухов), чтобы вызвать плодоносный дождь. Такой же характер носило поклонение священным деревьям и рощам.

Дальнейшее развитие религиозных верований привело к персонификации обожествляемых явлений и наделению их человеческими чертами. Так, нам известно, что у славян были изображения божеств в виде людей — идолы. В воде поселился «водяной», любивший избирать своим местом глубокий омут у мельниц. Зимою водяной спал, просыпаясь после весеннего вскрытия рек. Тогда, чтобы его успокоить и задобрить, в воде топили лошадь. В воде жили умершие, обратившиеся в русалок. Лес стал местопребыванием «лешего», который мог обращаться в любого зверя, то ржал, как лошадь, то подражал лаянью собак, то кричал, как ребенок. Он любил обманывать путника, сбивал его с дороги. Леший также требовал жертв. Часть религиозных верований переплелась с родовым культом умерших предков. Предок считался покровителем живущих членов рода. Его звали «родом» и «щуром» (отсюда происходит слово «пращур»). Предков по женской линии называли «роженицами». Развитие отдельной семьи привело к появлению семейных, домовых покровителей — «дедушки-домового». В нем воплощался идеал хорошего хозяина, следящего за тем, чтобы в доме был полный достаток. Когда семья переселялась в новое жилище, из старой печи в новую печь переносились горящие угли со словами: «Милости просим, дедушка, на новое жилье».

В религиозных верованиях древнейшего населения проявлялось чувство бессилия и беспомощности перед явлениями природы, с которыми человек не в силах был бороться, но старался их умилостивить жертвой или заклинанием.

Торговые дороги в Восточной Европе, особенно Ильменско-Днепровский путь, втягивали славянские племена в общую жизнь и связь с соседними народами. Восточная Европа примерно с VIII в. была прорезана двумя большими водными путями, соединявшими Балтийский бассейн с прикаспийскими странами и Черным морем.

Древнейшим водным путем в Восточной Европе был волжский путь, соединявший через систему балтийских рек и верховьев Волги Балтийское побережье с Каспийским морем. Этот путь особенно интенсивно действовал в VIII—IX столетиях, на что указывают многочисленные находки кладов арабских монет вдоль всего направления этой дороги. Несколько позже стал действовать путь, связывавший Балтийское море с Черным и открывавший от устьев Днепра дальнейшую дорогу вдоль западного морского побережья к богатым городам Византии, в том числе к Царьграду (Константинополю). Этот путь известен древнему летописцу под названием «Великого пути из варяг в греки».

В конце VIII в. для поездок из Балтийского моря пользовались течением реки Западной Двины, которая своими верховьями близко подходит к верховьям Днепра. В первой половине IX столетия стали пользоваться другим направлением в северной части

этого пути. Он проходил через Финский залив, остров Котлин, Неву, Ладожское озеро, Волхов. В 12 км. от впадения Волхова в Ладожское озеро находится город Старая Ладога. Этот город часто упоминается в исландских сагах. Здесь путешественники готовились к трудному переходу через волховские пороги. Дальше они следовали по р. Волхов. Недалеко от Ильменского озера на Волхове появился город Новгород. Переплыв Ильменское озеро, входили в реку Ловать, от верховьев которой начинались волоки на Волгу и Днепр. В самом начале Днепровского пути стоял древний город Смоленск. Остатки его в виде городища расположены в 12 км. от современного Смоленска. Раскопки обнаружили здесь старое славянское поселение, восходящее к началу IX в. От Смоленска дальнейшая дорога шла по течению Днепра через Любеч, Киев, пороги и устье Днепра.

В Киевской летописи («Повесть временных лет») сообщаются подробные сведения о расселении восточнославянских племен перед их объединением под властью киевских князей.

Оба берега Днепра, недалеко от устья реки Десны, занимало племя полян. Северо-восточными соседями их были северяне, обитавшие в бассейнах рек Десны и Сейма. Далее, к северу, находились радимичи, занимавшие в общем верхние притоки Днепра. Верховья Днепра и Западной Двины, а также отчасти и Волги населяли кривичи. Частью кривичей являлись полочане, жившие по реке Полоть, на Западной Двине. Область Ильменского озера была занята славянами (славяне без особого, племенного названия). В верхнем течении реки Оки находилась территория вятичей. На правом берегу Днепра к северу от полян жили древляне, поселения которых доходили до течения реки Припяти. Между Припятью и Двиной, т. е. на территории собственно Полесья, простирались поселения дреговичей.

Западными соседями древлян были дулебы, или волыняне, занимавшие часть правых притоков верхнего течения Припяти и верховья Западного Буга. По среднему и нижнему течению Днестра, до морского побережья, жили уличи и тиверцы. Северо-восточные отроги Карпат населяли белые хорваты. Такова в общих чертах картина, нарисованная нашим древним летописцем.

Некоторые племенные названия находят объяснение в географических терминах. Так, название полян, повидимому, произошло от лесо-степного характера местности, занятой полянами, дреговичей — от названия болота (дрягва), древлян — от лесистого характера их территории. «Зане седоша в лесах»,— говорит летописец про древлян. Название полочан соответствует названию реки, притока Западной Двины. Приведенные летописные данные позволяют сделать вывод, что к началу IX в. племенные союзы славян уже разлагались и заменялись новыми территориальными объединениями, которые включали в свой состав различные части старых племенных союзов.

Этот вывод подтверждается как некоторыми восточными авторами, так и в сообщениях нашей древней летописи. Араб Масуди, писавший во второй четверти X в., но использовавший более

ранние источники, рассказывает о существовании у восточных славян большого политического объединения: «Из этих племен (т. е. славянских) одно имело прежде в древности власть (над ними), его царя называли Маджак, а само племя называли Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались». Валинана, это—волыняне или дулебы, хорошо известные нашему летописцу и жившие в рассматриваемое время в области Прикарпатья и на Волыни.

Следы существования княжеств у восточных славян в VIII—IX вв. (до образования Киевского государства) сохранились в древнейших летописях, в легендах о построении Киева и его древнейшей истории. Летописцы сообщают, что братья Кий, Щек и Хорив стали родоначальниками династии, правившей у полян. Если сам рассказ носит легендарный характер, то все же в основе легенды лежит представление о существовании какой-то местной княжеской власти у полян, которая не могла быть выдумкой летописца. Подобные же династии существовали, по словам летописца, и среди других славянских племен: «И по сих братьи держати почаще род их княженье в полях, в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полсте, иже полочане».

Изучение общественно-экономического развития славянского населения Восточной Европы приводит к выводу, что появление среди них государственных образований было результатом не внешнего воздействия, а внутреннего процесса, разложения первобытно-общинного строя. Ускоряющее влияние оказала и общая политическая обстановка, втягивавшая славян в борьбу с Византией и населением южных степей, а также усилившееся торговое движение по «великим» водным путям.

Сложившиеся к началу IX в. славянские княжества являлись уже не чисто племенными, а территориально-племенными объединениями славян. Они послужили основой для создания более обширных объединений в рамках Киевского государства.

Начальная летопись сохранила легендарный рассказ о появлении в славянских городах варяжских князей, положивших начало киевской княжеской династии. По ее известиям, в середине IX в. южные славянские племена — поляне, северяне и вятичи— попали в зависимость от хазар и платили им дань. В это же время северные славянские и неславянские племена — славяне, жившие около Ильменского озера, кривичи, чудь и меря, принуждены были платить дань варягам, приходившим из-за моря. Затем покоренные варягами племена прогнали их и стали самостоятельными. Однако у них началась усобица. Тогда будто бы они сказали: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». Посланные за море обратились к варягам с предложением притти и княжить в славянской земле. На этот призыв откликнулись три брата — Рюрик, Синеус и Трувор, собравшиеся со своими родами. Старший — Рюрик сел в Ладоге (по другим известиям—в Новгороде), Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. Вскоре

Синеус и Трувор умерли, и власть перешла в руки одного Рюрика, который посадил по городам своих мужей. После смерти Рюрика княжение перешло к его малолетнему сыну Игорю, а опекуном его стал Олег, принадлежавший к роду Рюрика. Олег со многими воинами пошел к Киеву, где уже обосновались два предводителя варяжских дружин, еще ранее отпущенные Рюриком,— Аскольд и Дир. Олег вызвал Аскольда и Дира и убил их со словами: «Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есть роду княжа». С этого времени Олег обосновался в Киеве. От Игоря пошла династия киевских князей Рюрикова рода.

В исторической литературе XVIII и первой половины XIX вв. летописный рассказ об бразовании Киевского государства принимался без критической проверки. Спор между историками велся главным образом по вопросу о том, были ли варяги скандинавами или принадлежали к другим народам, в частности к славянам. Но историки не сомневались в правдивости основных событий, переданных летописным рассказом о призвании варягов.

Изучение русских летописей, сделавшее блестящие успехи еще в конце XIX столетия в результате работ Бестужева-Рюмина и Шахматова, позволило произвести критическую переоценку летописного рассказа о призвании варягов. Было установлено, что этот рассказ получил литературное оформление в конце XI в., когда составлялась начальная летопись. У летописца едва ли были точные документальные данные о начале киевской княжеской династии. Летописец мог использовать народную легенду, которая успела за два века приобрести форму, весьма далекую от действительных событий. Академик Шахматов выяснил, что рассказ летописца о призвании варягов не является однородным. В него вошло как древнее киевское предание, связанное с историей самого Киева, так и легенда о первых князьях-варягах, сложившаяся в Новгороде или на территории ильменских славян.

Таким образом, если отбросить легендарную часть этого рассказа и отвлечься от политических задач летописца, писавшего для киевских князей в XI в., то от всего рассказа останется весьма небольшое содержание: факт то боевых, то мирных отношений с варяжскими дружинами, приходившими из-за моря. Повидимому, в народной памяти твердо держалось воспоминание о длительной борьбе с хазарами и с варягами. Целый ряд славянских городов оказался связанным в этих воспоминаниях с теми или другими именами варяжских воителей.

Среди варяжских «находников» (пришельцев) могли быть и простые искатели приключений, грабившие славянские города и уходившие с награбленным за море, могли быть и наемные варяжские дружины, служившие населению охраной от нападения своих же соплеменников.

С этой стороны история отношений между Восточной Европой и Скандинавией не представляет чего-либо отличного от тех событий, которые в IX—X вв. охватили морское побережье Западной Европы, от Дании до Италии.

Усиленные походы норманнов из Скандинавии в разные страны

Европы стали производиться с середины IX в. Одной из причин этого было усиление королевской власти в Норвегии, сопровождавшееся борьбой с местными племенными князьками. Последние набирали дружины воинов и уходили с ними в далекие странствования. В 860 г. норвежцы открыли Исландию, к 862 г. относятся их набеги на саксов, в X в. норманны вызывают тревогу среди населения Северной Франции. Они поднимаются по рекам, углубляются внутрь страны и предают ее селения и жителей грабежу, мечу и огню. В это время в церквах даже пели особую молитву: «Избави нас, господи, от ярости норманнов». В IX в. норманны появились в Сицилии и в Южной Италии. В самом начале X в. на севере Франции возникло Норманнское герцогство.

Таким образом, нападения скандинавских дружин на Восточную Европу были лишь одним из эпизодов норманнских завоеваний. В Восточной Европе скандинавы пользовались водными путями, выводившими их, с одной стороны, в прикаспийские страны, а с другой — в бассейн Черного моря. На всем протяжении Великого днепровского пути «Из варяг в греки», получившего в скандинавских источниках название «Восточной дороги», встречаются отдельные находки оружия, предметов быта, надписи на камнях на древнем шведском языке и пр.

Древняя летопись называет варягов, появившихся в Новгороде и других городах, термином «русь». В исторической литературе XIX столетия происходил оживленный спор по вопросу о том, были ли варяги-русь скандинавами или принадлежали к славянам. Не только археологические памятники скандинавского происхождения, но и ряд письменных источников свидетельствуют о том, что летописец был прав, выводя варягов-русь из Скандинавии. Византийский император Константин Багрянородный отличает руссов, приезжавших в лодках в Константинополь, от славян. Он рассказывает, что славяне выдалбливали лодки и весной, когда вскрывались реки, по Днепру сплавляли их в Киев, где оснащали и продавали руссам. Описывая переезд через Днепровские пороги, Константин Багрянородный сообщает названия порогов по-славянски и по-русски, при чем русские термины находят объяснение в древнем шведском языке.

В западноевропейской Бертинской летописи есть рассказ, как в 839 г. византийский император Феофил послал к Людовику Благочестивому посольство, «вместе с ним отправил людей, которые себя, т. е. свой народ, называли русью и которых отправил к нему, Феофилу, их царь по прозвищу хакан, ради, как они уверяли, дружбы. Тщательно разузнав причину их прибытия, император пришел к заключению, что они родом шведы и что они скорее лазутчики обоих государств, чем искатели дружбы».

Лингвистическое изучение термина «русь» также связывает его происхождение с названием шведов у прибалтийских народов — руотси, которое в первоначальном смысле означало варяжскую дружину (скандинавский термин «Drötsmenn» — дружинник благодаря особенностям финского языка превратилось в «Ruotsi», а последнее в русском языке — в «Русь»). Таким образом выраже-

ние летописца, что Рюрик пришел «со всею Русью», если принять данное толкование, следует понимать в том смысле, что Рюрик пришел «со всею дружиною».

Однако теория варяжского (т. е. скандинавского) происхождения термина Русь совершенно недостаточна для объяснения, почему этот термин стал самоназванием восточных славян. Варяги играли слишком ничтожную роль в образовании Киевского государства, чтобы сообщить ему свое имя. Изучение топонимики (географических названий), а также свидетельств ряда древних писателей (сирийских, арабских и византийских) показывает, что этот термин был известен задолго до знакомства с варягами.

Академик Марр пришел к выводу, что корень «рось» принадлежит к яфетической системе и входит во многие местные географические названия Причерноморского бассейна (р. Волга называлась Рось, существует р. Рось, приток Днепра, народ роксаланы и др.). В одном из памятников сирийской письменности середины VI в. (сочинение псевдо-Захария) сообщается о народе «Рос», жившем к северо-западу от Дона. Константинопольский патриарх Фотий называет россами (Рос) народ, напавший на Константинополь в 860 г. Арабский писатель Ибн-Хордадбег в сочинении, написанном между 847 и 885 гг., относит русских купцов к племени из славян.

Таким образом, согласно последним изысканиям термин «Рос» (Русь) был древнего славянского происхождения. Так называлось одно из антских племен. С образованием Киевского государства Русью стало называться население Приднепровья. (Летописец в XI в. еще отличает Киевскую Русь от новгородских славян). Впоследствии это название распространилось на все славянское население Восточной Европы. В этом значении оно удержалось до XVII в.

Сущность «норманнской проблемы» заключается отнюдь не в вопросе об этническом составе варягов (вряд ли теперь можно сомневаться, что они были выходцами из Скандинавии), а в их значении в процессе складывания Киевского государства. Не отрицая исторического факта появления варяжских дружин среди восточнославянских племен, мы должны решить вопрос, какое влияние они оказали на общественно-экономическую жизнь славянского населения, принесли ли они ему более высокую культуру или сами подчинились славянскому влиянию.

По вопросу о роли завоевателей Маркс в работе «К критике политической экономии» говорит о возможности троякого исхода завоевания. Во-первых, народ-победитель может навязать побежденным свой собственный способ производства. Во-вторых, победители оставляют старый способ производства и довольствуются данью. Наконец, в-третьих, может иметь место взаимодействие, в результате которого слагается новое — синтез. Навязать побежденным свой способ производства может победитель, стоящий на более высокой ступени общественно-экономического развития, чем побежденный. По отношению к скандинавским выходцам IX—X вв. этого утверждать никак нельзя. Осаживаясь в славянских

городах, они не только подчинялись местной культуре, но очень скоро утрачивали свою народную обособленность.

Образование Киевского государства было вызвано не варяжским завоеванием, а общественно-экономическим и политическим развитием самого славянского населения. Первые Рюриковичи лишь ускорили процесс политического объединения восточно-славянских племен и положили начало особой династии киевских князей.

Уже в IX в. совершенно независимо от влияния варягов наметилось два возможных центра объединения — Новгород и Киев. Экономические и политические преимущества оказались на стороне последнего. Киев был главным городом самого развитого племени среди восточных славян—полян. Он являлся старым и важнейшим центром экономических связей, появившихся в результате общения западных и восточных стран. Наконец, от Киева открывалась дорога в Византию. «Такая же волшебная сила, которая привлекала других северных варваров к Риму Запада,— говорит Маркс,— привлекала варягов к Риму Востока».

Вследствие отсутствия необходимых данных мы не можем решить вопрос, был ли Рюрик легендарным или историческим лицом. Олег — первое достоверное имя киевского князя. Согласно летописи он захватил Киев и убил княживших в нем Аскольда и Дира, которые не принадлежали к роду Рюрика. Киев становится со времени Олега столицей государственного объединения восточных славян, «матерью городов русских» (слова летописи). Олег известен не только по русским летописям, но и по византийским и хазарским источникам. Его имя стоит в договоре Руси с греками 911 г. Обосновавшись в Киеве, Олег стал собирать дань с полян, древлян, северян и радимичей. Несколько позже он подчинил себе кривичей, живших в верховьях Западной Двины, и славян—в районе Ильменского озера. Быстрый успех Олега в расширении подвластной ему территории был подготовлен начавшимся задолго до него объединением мелких славянских племен. После овладения днепровским путем киевские князья перешли к подчинению населения, жившего в стороне от Ильменско-Днепровского пути. Раньше других были подчинены племена, занимавшие низовья Днепра, что, повидимому, было вызвано значением этой местности для сообщения с Черным морем.

Так слагалась огромная территория империи Рюриковичей, которая, по замечанию Маркса, непрерывно возрастала с IX по XI вв. Однако политический союз славянских племен под властью киевского князя был непрочным. Ближайшим преемникам Олега не раз приходилось подавлять восстания, вызванные тяжестью дани, и вновь покорять отложившиеся племена.

Одновременно с объединением восточных славян и усилением княжеской власти начинаются крупные военные походы Руси на Черное море и в восточные прикаспийские страны. Около середины IX в. Византии вновь пришлось встретиться с грозными нападениями, которые теперь угрожали самой столице. В греческих источниках подробно описано первое появление флотилии «россов»

перед Константинополем 18 июня 860 г. во время отсутствия императора Михаила III, отправившегося с войсками в Малую Азию против арабов. Константинопольский патриарх Фотий объяснил неожиданное бедствие, обрушившееся на византийскую столицу, божьим наказанием за грехи и непослушание. В своих посланиях (беседах) по этому поводу он дал картинное описание страшного набега. «Те, для которых некогда одна молва о ромеях (греках) казалась грозною,— говорит Фотий,— подняли оружие против самой державы их и восплескали руками, неистовствуя в надежде взять царственный город, как птичье гнездо». Население при виде русских воинов, проходивших мимо городских стен с поднятыми мечами, было охвачено паникой. Россы опустошили окрестности столицы и с добычей отплыли обратно.

По словам русской летописи, в 907 г. Олегом было произведено новое нападение на Константинополь с 2 тыс. кораблей, каждый из которых имел 40 воинов. Хотя это известие Киевской летописи (цифра несомненно сильно преувеличена) не подтверждается византийскими источниками, но самый поход нельзя считать вымышленным. Легендарный характер рассказа о нем выразился в сообщении летописи, будто Олег поставил корабли на колеса, ветер надул паруса и погнал корабли по суше к городу. Византийские источники знают нападение Игоря в 941 г., когда русь подплыла к столице на 10 тыс. кораблях. Корабли руси были сожжены искусственным огнем. Уцелевшие от гибели отплыли к берегам Анатолии, но на суше были разбиты полководцем Вардой Фокой. Однако, по словам византийских источников, русь натворила много бед, прежде чем подоспели греческие войска. В 944 г. Игорь отправился в новый поход, но, не достигнув столицы, заключил мир.

Морские походы Руси на Византийскую столицу не были простыми грабительскими нападениями, широко практиковавшимися на западе и востоке в века раннего средневековья. Объединение восточных славян под властью киевских князей не могло не беспокоить Византию за судьбу ее северных Причерноморских владений. Правительство империи старалось держать в своих руках торговлю с соседними «варварскими» народами. Киевские князья не могли согласиться с этими требованиями. Выход на Черноморское побережье давал Киевскому государству большие экономические и политические преимущества, и был необходим для успешной борьбы с кочевниками (печенегами, потом половцами), которые разоряли южные русские земли и закрывали пути для сношений с Византией. На этой почве между империей и Русью возникали многочисленные недоразумения, приводившие к боевым столкновениям. Обычно они оканчивались заключением мирных договоров, содержание их показывает, что киевские князья, опираясь на военную силу, сумели отстоять важнейшие интересы Руси.

Известны три договора: Олега 907—911 гг., Игоря 944 г. и Святослава 972 г. (Существует предположение, что договор 907 г. не является самостоятельным, а представляет собой фрагмент договора 911 г.). Византийские власти при заключении договоров

старались обезопасить свои владения. По отношению к приходящим руссам у них существует постоянное опасение, как бы мирная торговля не превратилась в войну. Однако эти же договоры показывают, что отношения между Византией и Киевским княжеством уже в начале X в. носили не только враждебный характер. Руссы, приезжая с товарами, останавливались в предместьях Царьграда. Греки переписывали приезжавших и затем пускали их в сопровождении императорских чиновников в город одновременно числом не больше пятидесяти.

Возникавшие недоразумения и ссоры должны были разбираться на основе равноправия по русским обычаям и греческому закону. Предусматривались охрана морских сообщений и помощь судам, потерпевшим крушение. Эти условия, устанавливавшие в сношениях между Византией и Русью элементы международного права, коренным образом расходились с обычаями и порядками, существовавшими в это время на Западе, где даже было узаконено присвоение чужого имущества при несчастных случаях (имущество, вынесенное с корабля на берег или упавшее с воза на землю, переходило в собственность владельца данной территории).

Договор 911 г. был заключен, несомненно, после удачного похода Руси на Константинополь. Договор 944 г. был менее благоприятным. Византия прекратила беспошлинную торговлю русских купцов. С целью обезопасить свои крымские владения греки запретили руссам оставаться в устье Днепра. Оговаривается военная помощь в случае нападения соседей на Византийское государство. Русь втягивалась в сложную систему международных отношений Причерноморского бассейна.

Около середины IX в. установились торговые связи Руси и с прикаспийскими странами Востока. В арабском сочинении Ибн-Хордадбега (оно было закончено около 885 г., но сохранилось в позднейшем пересказе) сообщается, что славяне, плавая по «Славянской реке» (Волге), прибывали в столицу Хазарии Итиль, а затем выплывали в Каспийское море. Они появлялись даже в Багдаде, куда привозили товары на верблюдах. Однако эти сношения не всегда были мирными. С начала IX в. в различных арабских описаниях встречаются указания на нападения руссов на побережье моря.

Арабский писатель Масуди сообщает о большом походе в начале второго десятилетия X в. (913—914 гг.). Южные и юго-западные берега Каспийского моря были подвергнуты жестокому опустошению. Когда руссы возвращались обратно, им нанесли поражение войска хазарского кагана.

О втором походе русского князя в Хазарию рассказывается в письме знатного хазарского еврея. Он сообщает имя царя руссов Хальгу, под которым, повидимому, разумеет Олега, хотя этот поход хронологически не совпадает с возможным временем княжения Олега. По словам хазарского еврея, руссам сначала удалось захватить хазарский город, но затем они потерпели поражение. По условиям мира князь руссов должен был предпринять поход против Византии: «и пали там богатыри его, потому что македоняне

осилили его огнем». Повидимому, имеется в виду неудачный поход киевского князя против Византии в 941 году.

По арабским и армянским источникам руссы предприняли большой поход в Закавказье в 943—944 гг. Руссы достигли р. Куры и, вторгнувшись в Азербайджан, напали на город Бердаа (Партав). Овладев им после «сокрушающей атаки», руссы захватили огромные богатства и несколько раз разбивали под городом мусульманские войска. «Народ этот,— пишет арабский писатель Ибн-Мискавейх по поводу нападения руссов на Бердаа,— могущественный, телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства, не убегает ни один из них, пока не убьет или не будет убит». На сторону руссов перешла и часть местных жителей, которым руссы обещали охранять безопасность их жизни и имущества. Больше полугода руссы оставались в Бердаа. Затем большинство руссов погибло от эпидемии. Оставшимся все же удалось пробиться к реке и уйти на судах.

Речные и морские походы Руси на Восток, так же как и одновременное нападение на Византию, преследовали определенные экономические и политические цели. По своему характеру эти походы резко отличаются от набегов норманнов, которые беспощадно все истребляли и уничтожали на своем пути. Для сношений с прикаспийскими странами руссы пользовались системой рек, которые образовывали почти сплошной водный путь от Днепра до устья Волги. Выплывая из Днепра, они огибали Крымский полуостров и через Керченский пролив входили в Азовское море. Далее руссы поднимались по Дону до волока на Волгу, находившегося в месте наибольшего сближения между этими реками. Здесь, вблизи нынешней станицы Цымлянской, стояла хазарская крепость Саркел (Белая Вежа), построенная по просьбе хазар византийскими инженерами во второй четверти IX века. В крепости находился постоянный военный гарнизон из нескольких сотен человек. Владея Саркелом, хазары в любое время могли преградить русским судам путь на Волгу. Перетащив суда и груз на Волгу, руссы спускались вниз по реке, достигали Итиля и выплывали в Каспийское море.

Походы Руси на Восток в X в. имели целью обеспечить для свободного плавания водный путь в прикаспийские страны и защитить торговые интересы Киевского государства. Хронологически они почти совпадают с морскими походами в Черное море и договорами с Византией (Восточный поход в 913—914 гг. и договор Олега 911 г.; поход в Закавказье в 943—944 гг. и походы Игоря в Черное море, закончившиеся заключением нового договора в 944 г.). Таким образом походы на восток и на юг были связаны между собой одними политическими задачами — расширить объединение славянских племен и обеспечить полную самостоятельность Киевского государства в сношениях с окружающими странами.

Объединение восточнославянских племен под властью киевских князей в основном было закончено при Святославе. В начале своего княжения Святослав предпринял поход на Оку и Волгу с целью подчинить самое восточное славянское племя — вятичей.

Этот поход втянул Святослава в борьбу с хазарами, которым вятичи платили дань, и камскими болгарами. Святослав нанес хазарам удар такой сокрушительной силы, что Хазарское государство пришло в окончательный упадок. «В это наше время,— сообщает современник Святослава арабский писатель Ибн-Хаукаль,— не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие руссы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть их (руссов); кто спасся от их руки, те расселились по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними (руссами) договор и вернуться под их владычество». Обеспечив восточную границу, Святослав устремился на юг, куда его призывало византийское правительство.

В X в. быстрый рост Болгарского государства на Дунае стал опасен для самой Византии. Болгарский царь Симеон назвал себя «царем болгар и самодержцем ромеев», выражая этим титулом притязания на императорскую власть. Когда Византия заметно усилилась, ее император Никифор II Фока разработал план покорения Болгарии и хотел использовать для этой цели киевского князя Святослава. Призванный Никифором на юг, Святослав разорил болгарские земли по Дунаю и захватил город Переяславец. Однако чрезмерные успехи русских встревожили Византию, тем более, что Святослав не выражал желания покинуть занятые им земли. Наоборот, он, повидимому, пытался создать себе особое Придунайское княжество со столицей в Переяславце. Между тем в его отсутствие печенеги напали на Киев. Тогда киевляне послали звать Святослава, передав ему следующий упрек: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив. Малы бо нас не взяша печенези».

Печенеги появились в причерноморских степях после того, как ослабевшее Хазарское государство на Волге не в силах было сдерживать прорыв кочевников из прикаспийских и среднеазиатских степей. В начале IX в. печенеги кочевали в области между рр. Яиком и Волгой. Затем, повидимому, под давлением родственного им тюркского племени узов (торков) они передвинулись в район между Доном и Днепром. По словам летописи, особенно упорная борьба с ними развернулась с 60-х годов X в. Весьма возможно, что нападение печенегов на Киев произошло не без влияния Византии, которая стремилась отвлечь печенегов от своих крымских владений и вместе с тем заставить Святослава уйти с Дуная.

Святослав с дружиной быстро пришел к Киеву, освободил его от осады печенегов, но не остался в нем жить. «Не любо мне в Киеве,— сказал он,— хочу жить в Переяславце на Дунае, потому что там средина моей земли. Там все хорошее сходится: из Греции поступают золото, шелк, вина и фрукты, из Чехии и из Венгрии — серебро и лошади, из Руси же — меха, воск и челядь».

Эти слова Святослава некоторые историки неправильно понимали в смысле желания его совсем покинуть Киев и основать для себя новое государство на юге. Между тем весь характер

деятельности Святослава и обстоятельства, вызвавшие поход на юг, показывают, что его целью было закрепление за Киевской Русью Придунайской области с выходом в Черное море, экономическое значение которой он ясно выразил в приведенных словах. Обладание территорией в непосредственном соседстве с империей дало бы ему большие преимущества в борьбе с притязаниями Византии на полное экономическое и политическое господство в Черноморском бассейне.

После возвращения в Болгарию Святославу пришлось вести войну не только с болгарским князем, которого он разбил и взял в плен, но и с выдающимся полководцем, византийским императором, армянином по происхождению, Иоанном Цимисхием. После упорной борьбы с Византией и трехмесячной осады византийцами русских войск в Доростоле (Силистрия) Святослав принужден был в 972 г. заключить мир. Во время возвращения в Киев Святослав был убит печенегами около Днепровских порогов.

Боевая деятельность Святослава, развернувшаяся на огромном пространстве от Волги до Дуная, наполненная военными тревогами и внезапными походами, запечатлена в народном образе этого князя, сохраненном киевским летописцем. По его словам, Святослав вместе со своей отважной дружиной разделял все лишения и неудобства боевой жизни. Он ходил налегке — «аки пардус» (барс), не имел даже котла, мясо не варил, а, тонко изрезав конину или другое мясо, подпекал его на углях. Князь не возил за собой шатра, а спал на земле, подложив седло под голову. Такими же, говорит летописец, были и все его воины. Отправляясь в поход, Святослав предупреждал об этом врага: «хочу на вы (вас) идти».

У нас есть возможность представить жизненный облик Святослава, данный современником и свидетелем борьбы Святослава с Византией — греком Львом Диаконом. После заключения мира Святослав просил императора Иоанна Цимисхия встретиться с ним для личных переговоров. Император согласился и в позлащенном вооружении, на коне, в сопровождении блестящей свиты подъехал к берегу Дуная. Святослав прибыл на лодке, в которой сидел за веслом и греб наравне с другими. Лев Диакон описал его наружный вид: среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритою бородою и с длинными усами, которые свешивались с верхней губы. На бритой голове с одной стороны висел локон волос, что, по словам Льва Диакона, означало знатность рода. В одном ухе висела золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином. Святослав имел толстую шею, широкие плечи, но довольно стройную фигуру. Одежда на князе была белая, ничем кроме чистоты не отличавшаяся от одежды других. Святослав, по словам грека, казался мрачным и диким. Поговорив с императором о мире, не поднимаясь во время этого разговора с лодочной скамьи, Святослав отправился обратно.

Походами Святослава кончаются устремления первых киевских князей к югу. Преемник Святослава отказался от надежд,

связанных с распространением власти на славянские придунайские земли. Киев окончательно становится политическим центром восточнославянского государства, которое мы по имени столицы называем Киевским государством.

По вопросу о характере общественного строя Киевского княжества, с момента его возникновения в IX в. до середины XI в., мы имеем случайные и скудные сообщения в наших исторических источниках.

Развитие частной собственности на землю приводило к разложению территориальной общины — верви. Среди славянского населения складывался господствующий класс, в состав которого вошли княжеские дружинники и выделившиеся из общины землевладельцы. Работу в хозяйстве землевладельца выполняла «челядь» его двора, под которой наши древние памятники разумеют все зависимое население — как рабов (патриархальное рабство), так и не рабов.

Древнейшие сохранившиеся известия о княжеских земельных владениях, селах и городах относятся ко второй половине X в., но до середины XI в. княжеское земледельческое хозяйство еще не достигало крупного размера. Значительное место в доходах князя занимали не продукты его хозяйства, а сбор дани.

Маркс называет первоначальный период в истории Киевского государства «империей Рюриковичей» (при этом, конечно, не имеет значения, был ли Рюрик легендарным или историческим лицом). Империя Рюриковичей по внутренней структуре и организации была «варварским государством». Маркс называет ее «готической» (в смысле раннего средневековья), «скороспелой» и «лоскутной». Эта характеристика очень глубоко выражает сущность социально-политического строя Киевского государства IX—X веков.

Энгельс с большой ясностью показал процесс развития государственной системы. В отличие от организации родов и племен в государстве происходит разделение населения по территориальному принципу. Частями государства являются не те или иные племенные союзы, а земельные территории. Важнейшим моментом в создании государственного порядка, как указывал Энгельс, является учреждение власти, независимой от народного собрания. Она необходима потому, что «самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы». В историческом развитии элементы государственного порядка возникают на развалинах родового строя. При этом государство стремится приспособить сохранившиеся остатки родовых организаций к новым задачам и целям. Энгельс приводит пример из истории северной части Англии, Франции, Германии, Скандинавии, где родовой строй перешел в территориальный и был поэтому в состоянии приспособиться к государству. Пережитки родового строя могут сравнительно долго сохраняться и после возникновения государственной системы. Эти характерные элементы складывающегося государственного порядка мы наблюдаем и в Киевском государстве IX—X вв.: территориальное подразделение населения, в результате которого происхо-

дило перемешивание прежних племенных союзов, отделение государственной власти от народной и наличие более или менее значительных пережитков родоплеменного строя.

«Империя Рюриковичей» состояла из отдельных частей, которые в той или другой мере сохраняли свои особенности и даже свои местные княжеские династии. Так, до середины X в. существовала княжеская династия у древлян, представителем которой был современник Игоря — князь Мал. В земле вятичей еще в XI в. упоминается князь Ходота. Сравнительно долго сохраняла свою самобытность Полоцкая земля. Политическое объединение земель вокруг Киева носило непрочный, «лоскутный» характер.

Из договора Руси с Византией мы узнаем, что «под рукою» киевского князя находились «светлые» и «великие» князья и «великие» бояре. К числу «светлых» и «великих» князей принадлежали члены Рюрикова рода и местные князья, признавшие власть киевского князя. В некоторые города киевский князь посылал своих «посадников».

Главной опорой князя была его дружина, состоявшая как из славян, так и из пришлых людей, среди которых особое место занимали варяги. С дружиной князь ходил в походы, подавлял восстания отложившихся племен, захватывал новые земли, делил военную добычу и собирал дань. Возможно, что ближайшая к князю часть дружины жила вместе с ним на княжеском «огнище» (огнище в смысле «очага», то есть домового хозяйства; отсюда происходит «огнищанин» — обитатель княжеского двора, княжой муж). Из состава дружины выходили советники и помощники князя, его «великие бояре», упоминающиеся в источниках X в. В этой организации княжеской власти еще существовали некоторые пережитки дружинного быта.

С развитием княжеского управления родо-племенная знать стала сливаться с княжеской дружиной. Древнейшие летописи упоминают «старцев градских», в которых правильно видят представителей старой племенной знати, утратившей прежнее обособленное и независимое положение.

Главнейшей формой материального обеспечения вассалов было пожалование князем населенных земель для сбора дани. Эту систему отношений, характерную для данного периода, Маркс выразил в следующей формуле: «вассалитет без ленов, или лены, состоящие из дани». Маркс подчеркивает то существенное обстоятельство, что лены княжеских вассалов базировались не на самостоятельном земледельческом хозяйстве, а на праве собирать дань с населения пожалованного владения.

Система сбора дани киевским князем и его вассалами описана в древнейших летописях и в сочинениях византийского императора X в. Константина Багрянородного. Часть населения привозила дань в установленные места (повоз). Отправляясь за данью, князья начинали объезд населения с поздней осени и кончали его к началу весны, когда вскрывались реки. Это называлось «полюдьем». Картину полюдья дает нам летописный рассказ о смерти Игоря. Князь Игорь собирал дань в Древлянской земле,

в которой собирал дань и его воевода Свенельд. Дружина обратилась к Игорю с укором, что отроки, т. е. дружинники Свенельда, «изоделись оружием и портами» (одеждою), а они наги. «Пойдем, князь, за данью, ты добудешь и мы». Игорь исполнил предложение своей дружины, но затем, отпустив большую часть воинов, пошел в третий раз за данью. Тогда древляне убили Игоря. Восстание древлян было подавлено Ольгой, отомстившей за смерть своего мужа. Повидимому, подобных восстаний было много. Летопись знает о восстаниях вятичей и радимичей.

Восстание древлян побудило Ольгу установить определенный порядок в сборе дани. По рассказу летописи, Ольга, усмирив древлян, совершила поездки по своим землям, установила в них погосты (административно-хозяйственные пункты) и дани (определила размер дани). Эти важные мероприятия указывают на развитие феодальной ренты.

Таким образом, в Киевском государстве IX— середины XI вв. феодальные общественно-экономические отношения еще не стали господствующими, хотя элементы их уже имелись налицо. Поэтому этот период в истории восточных славян (Руси) мы называем дофеодальным. Примерно с середины XI в. феодальные производственные отношения становятся господствующими.

Расцвет Киевской Руси

При Святославе власть киевского князя значительно усилилась. Святослав самовластно распоряжался на огромной территории и укрепил связь отдельных земель с Киевом. Благодаря этому ему удалось выставить на Дунай большую армию, которую Лев Диакон определил в 80 тыс. воинов. Только располагая силами всей страны, Святослав мог выдержать трехлетнюю войну на Дунае с сильнейшим европейским государством Византией.

Окрепшее при Святославе государственное единство едва не расстроилось после его смерти в 973 г. Власть в «империи Рюриковичей» перешла к трем братьям — Ярополку, Олегу и Владимиру. Однако старший — Ярополк, посаженный отцом в Киеве, не хотел разделять власть с братьями. Он пошел на Олега, сидевшего в земле древлян, и разбил его. Олег погиб. Владимир, княживший в Новгороде, узнав о гибели Олега, ушел за море. Ярополк посадил в Новгороде своего посадника и стал единодержавным. «Бе володея един в Руси», — говорит летописец. Между тем Владимир вернулся в Новгород с набранными варягами и прогнал посадников Ярополка.

Перед походом на Киев Владимир отправился к Полоцку и убил сидевшего там князя Рогвольда, который, повидимому, был сторонником Ярополка. Разгром Рогвольда полоцкого является одним из эпизодов в ликвидации местных княжеств, вошедших в состав Киевского государства.

Поход Владимира на Ярополка закончился гибелью последнего. Владимиру удалось вновь сосредоточить власть в одних руках и подчинить отложившиеся племена. Объединение страны под вла-

стью киевского князя позволило сосредоточить усилия на укреплении наименее обеспеченных южной и западной границ. По словам летописи, во время княжения Владимира с печенегами была «рать велика бес перестани». Владимир поставил города по рекам Днестру, Трубежу, Стугне и другим. В городах он сажал «лучших» людей, набирая их из разных мест. Так была создана цепь укрепленных линий со стороны южной степи. С запада и юго-запада Киев был прикрыт тремя линиями валов. Центром этих укреплений был город Белгород на реке Ирпени.

Не менее существенное значение имела борьба Владимира с Польшей. В 981 г. Владимир пошел на поляков (ляхов) и отобрал большую территорию между рр. Саном и Вепрем. В числе занятых им городов упоминаются Перемышль на р. Сане и червенские города, находившиеся в бассейне р. Вепря (правого притока Вислы). В летописи упоминается также поход Владимира в землю хорватов, под которыми, повидимому, следует понимать «белых хорватов», живших в бассейне верхнего и среднего течения Днестра. В результате этих походов к Киевскому княжеству были присоединены западные земли, получившие название Галицкой земли и Волыни (эта территория впоследствии вошла в состав Западной Украины). Таким образом при Владимире был по существу закончен процесс объединения восточнославянских племен в системе Киевского государства.

Очень важной по результатам была деятельность Владимира по внутренней организации обширной «державы Рюриковичей». В конце X и в начале XI вв. происходило расширение княжеского феодального хозяйства, обслуживавшегося трудом зависимого населения. В летописи упоминается принадлежавшее Владимиру под Киевом село Берестово, являвшееся, повидимому, центром загородного хозяйства князя. В связи с новыми условиями княжеской хозяйственной деятельности изменилось и значение княжеской дружины. Владимир, по словам летописи, любил свою дружину и советовался с нею «о строе землянем и о ратех и о уставе землянем». Раньше дружина была необходима князю для получения военной добычи и собирания дани (полюдья). Однако с течением времени военное ограбление населения заменялось регламентированным сбором налогов, для чего уже не требовалась посылка в каждом случае воинских отрядов. Дань собиралась садниками князя или привозилась самим населением в установленные административные пункты — погосты. Хотя летописец и приписывает Владимиру слова: «яко сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато» (т. е. скупясь на расходование золота и серебра, не получу дружины, а имея дружину, добуду серебро и золото), но в действительности основная роль дружины была в его время иной. Из добытчицы доходов она стала основой военной организации княжества и главной опорой князя в его внутренней деятельности и внешней политике. Поэтому прилив со стороны новых воинственных элементов в состав княжеской дружины был не только не нужным, но и опас-

ным для самой княжеской власти. Хорошим примером этого является отношение Владимира к тем наемным варяжским отрядам, которые он призвал из-за моря, готовясь к борьбе с братом Ярополком. После того как, победив Ярополка, Владимир овладел Киевом, варяги потребовали «окупа». Они сказали князю: «Это город наш, мы его взяли и хотим получить окуп по 2 гривны от человека». Владимир просил подождать месяц, пока соберет деньги, но через месяц ничего не дал пришлой варяжской дружине. Тогда варяги сказали: «Сольстил еси нам (т. е. обманул нас). Покажи нам пути к грекам». Владимир отвечал: «Идите». Затем он отобрал лучших мужей, которым роздал в управление города, а остальных отпустил в Царьград. Ко времени Владимира окончательно складывается русская, т. е. славянская, дружина киевского князя, с которой ассимилировались пришлые варяжские элементы.

С отправкой Владимиром варяжских дружин к византийскому императору связано появление варягов в Царьграде, из которых затем был образован шеститысячный корпус. С этого времени в византийских источниках появляется термин «варанги», т. е. варяги. Варяжский корпус в Византии, пополнявшийся новыми выходцами, играл крупную роль в составе военных сил императора.

Рассмотренные явления общественно-экономического и политического развития Киевской Руси подводят нас к вопросу о принятии христианства в качестве государственной религии. Языческие верования славянских племен, разбиваясь на ряд местных обрядов, были характерны для населения, жившего в рамках родовых и племенных организаций.

С целью укрепить политическое единство Владимир в первые годы княжения сделал попытку объединить местные религиозные культы и создать из них общий пантеон языческих божеств. Он поставил, по летописному рассказу, на холме недалеко от своего двора в Киеве изображения наиболее чтимых славянских богов: Перуна, Даждьбога, Хорса, Стрибога и других. Этим Владимир пытался превратить политическую столицу — Киев в общий религиозный центр.

Попытка Владимира создать общую для всего населения религиозную систему не увенчалась успехом. К этому времени значительное христианское влияние проникало из западнославянских земель — Моравии и Чехии, и с юга из Болгарии и Византии. Процесс распространения христианских верований в Киевской Руси мы имеем возможность проследить на летописном материале и договорах Руси с греками. В договоре Олега 911 г. Русь является еще вполне языческой. Дружина Олега клянется «по русскому закону» своим оружием и Перуном, и «скотьим богом Велесом». В договоре Игоря 944 г. уже были представлены обе религии. Если одна часть Руси, заключавшая договор, оставалась языческой, то другая состояла из христиан. Поэтому эта часть приносила клятву о соблюдении договора по христианскому обряду.

Таким образом, уже во время княжения Игоря, т. е. к середине X в., христианское влияние проникло в среду княжеской дружины. Для складывавшейся феодальной знати старые языческие верования не представляли таких преимуществ, какие давало христианство, облекшее княжескую власть в пышные формы и требовавшее полного ей послушания как власти, поставленной от бога. В княжеской семье христианкой стала мать Святослава Игоревича — княгиня Ольга. В 957 г. Ольга в сопровождении большой свиты посетила Царьград. Приезд и прием киевской княгини описал современник Ольги — византийский император Константин Багрянородный. В императорском дворце в честь русской княгини была устроена торжественная встреча. Княгиня была принята в парадном зале в присутствии многих сановников империи. В тот же день был устроен торжественный обед, во время которого певчие возглашали царское славословие и были показаны сценические представления. Византийское правительство, устраивая торжественный прием киевской княгине, стремилось воздействовать на нее пышностью и блеском придворного церемониала. Переговоры, которые вел император с Ольгой, по-видимому, касались каких-то вопросов внешней политики, возможно, связанных с болгарскими отношениями, очень тревожившими Византию. Переговоры кончились неудачей.

Хотя христианское влияние при Ольге и Святославе было значительным, но все же оно не стало господствующим в близжайшей к князю дружинной среде. На это указывает пример самого Святослава: когда Ольга обратилась к сыну с предложением принять христианство, последний отвечал, что он стыдится дружины, которая будет смеяться над князем-христианином. Однако относительно долговременное пребывание Святослава в Болгарии на Дунае должно было еще больше усилить христианские элементы в дружинной среде. Таким образом, ко времени Владимира вполне сложились социально-экономические и политические условия, подготовившие отказ от старых родовых и племенных культов и переход к новой религии. Влияние западных и южных славян, ранее принявших христианство, а затем влияние самой Византии, подражать которой стремились киевские князья, окончательно решили вопрос о принятии христианства.

По летописному рассказу, к Владимиру пришли представители разных верований, магометане, христиане западного латинского обряда, хазарские евреи и греки-христиане. Каждый из них рассказывал киевскому князю о сущности и преимуществах своей религии. Затем Владимир по совету с боярами отправил посланцев в разные страны для «испытания вер». После их возвращения он остановился на греческой вере. Однако крещение произошло не сразу. В тот же год Владимир пошел на греческий город Корсунь (Херсонес) и овладел им после осады. После этого он крестился и получил в жены греческую царевну Анну — сестру византийских императоров Василия II и Константина.

Этот рассказ сложился под пером летописца значительно позднее описанных событий. Греческие и арабские источники вносят

ряд важных дополнений. В недавно найденном арабском сочинении Мармази (начало XII в.) сохранилось известие о посылке Владимиром посольства в Хорезм для ознакомления с мусульманской религией. Это сообщение служит подтверждением летописного рассказа об «испытании вер», то есть о сознательном выборе Владимиром новой религиозной системы. Вполне понятно, что выбор остановился на Византии, пользовавшейся большим религиозным влиянием в киевской дружинной среде. Обстоятельства, при которых произошло крещение князя и населения, объясняются русско-византийскими отношениями. Поздней осенью 987 г. в Византии началось восстание полководца Варда Фоки. В это же время вспыхнуло восстание болгар. Тогда византийские императоры обратились за помощью к киевскому князю Владимиру. По-видимому, Владимир, соглашаясь на помощь, поставил ряд требований, в число которых входил брак на сестре византийского императора. Для киевского князя он имел большое политическое значение, так как поднимал его авторитет в международных делах и переносил на него представление о сильной власти, выработанное в Византии. Византийский императорский дом неохотно вступал в брачные связи с «варварскими» княжествами, к которым в Византии причисляли Киевское государство того времени. Но тяжелое положение, в котором оказалась Византия, заставило ее пойти на уступки.

Военная помощь, посланная Владимиром Святославичем, поправила дела императора: в апреле 989 г. восстание Варда Фоки было окончательно подавлено. Укрепив свое положение, византийские императоры не склонны были исполнять все условия договора с Владимиром. Это послужило причиной для похода Владимира против Корсуни, закончившегося взятием города. Владимир заставил выдать ему Анну, которая стала киевской княгиней.

Крещение Владимира произошло в конце 987 г. или в начале 988 г. За крещением князя последовало крещение дружины и части населения. Христианской церкви, утвердившейся в Киевском государстве, пришлось еще долго вести борьбу с остатками местных верований и культов, отзвуки которой сохранились в литературных памятниках XI—XIII вв. После крещения Владимир стал усиленно истреблять «кумиры» (идолы), приказывая «ови иссещи, а другие огневи придати». В летописи рассказывается, что народ сначала оплакивал низверженных богов. В особой повести о крещении, составленной в конце XI в., говорится, что жителей «загнивали (загоняли) в реку, аки стада». Но остатки языческой веры держались еще целыми столетиями и оказали известное влияние на религиозные представления христианского населения.

Принятие христианства в Киевском государстве имело исторически-прогрессивное значение. Христианская церковь, основанная в Киеве и распространившаяся в других городах Киевского государства, принесла с собой идеологию господствующего класса феодального общества. Церковь укрепляла власть господ-

ствующего класса и его представителя — князя. Она перенесла на него высокие представления о княжеской власти и этим еще сильнее поднимала его авторитет в глазах подданных. Владимир соединил «военную власть северного завоевателя с теократическим деспотизмом порфирородных» и стал «господином своих подданных на земле и их заступником на небе» (Маркс).

Церковь содействовала развитию политических и культурных связей с соседними христианскими государствами, среди которых особое значение для Киевского государства имели Византия и Болгария. Княжение Владимира Святославича (около 978—1015 гг.) является моментом высшего подъема «империи Рюриковичей».

После смерти Владимира Святославича повторилась та же борьба между братьями за единовластие, которая происходила и после смерти его отца. По летописным известиям, Владимир оставил от разных жен 12 сыновей, которые сидели по разным городам, подчиняясь власти отца. Один из его сыновей — Святополк — занял Киев и начал борьбу с младшими братьями. В самом ее начале погибли Борис, Глеб и Святослав. По словам летописи Святополк, истребляя братьев, хотел стать единодержавным князем: «Яко избью всю братию свою и приму власть рускую един».

После убийства трех братьев единственным серьезным соперником Святополка оставался Ярослав, княживший в Новгороде. С местной дружиной и отрядом варягов, призванных из-за моря, Ярослав направился против брата. Первая встреча произошла у Любеча и кончилась его полной победой. Святополк бежал в Польшу. Польский король Болеслав воспользовался междоусобной борьбой между сыновьями Владимира Святославича и сделал попытку подчинить Киевское княжество. В 1018 г. Святополк возвратился с Болеславом, который привел польские, немецкие, венгерские и печенежские отряды. Новая встреча между противниками на берегу реки Западного Буга кончилась победой Святополка и Болеслава, занявших Киев. По сообщению западной хроники, Болеслав захватил в столице богатую добычу, которой он щедро наделил своих воинов. Грабительские действия Болеслава облегчили борьбу Ярославу. В новой встрече со Святополком он одержал полную победу и в 1019 г. стал киевским князем. По выражению летописи, Ярослав «утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик».

Ярослав (1019—1054) продолжал борьбу за единство земель, входивших в состав Киевского государства, и за его политическую самостоятельность. С этой целью он ходил в Прибалтику, поставил город Юрьев, впоследствии названный немцами Дерптом. Удачная борьба с поляками отклонила угрозу для Киева и с этой стороны.

В это время главная опасность появилась со стороны южной степи, где усиливался натиск кочевников. Во второй четверти XI в. из-за реки Яика стали надвигаться половцы (кипчаки), вытеснившие своих западных соседей — торков. Под давлением по-

ловцев торки продвинулись на запад и в свою очередь потеснили печенегов. В 1036 г. печенеги в последний раз появились под Киевом. Ожесточенная битва, происходившая на территории Киева, кончилась полным поражением печенегов. Многие из них были перебиты, другие утонули в реке, а остальные ушли на Дунай. Место печенегов занял новый страшный враг южных киевских границ — половцы.

Успешно отбивая нападения кочевников, Ярослав одновременно прилагал большие усилия к тому, чтобы отстоять независимость своего государства от Византии. Правительство этой империи, основываясь на теории единства церковной и светской власти, во главе которой для всех христианских народов должен был находиться византийский император, старалось использовать принятие восточными славянами христианства от Византии для превращения Киевской Руси в одну из своих провинций. Эти политические и церковные притязания встретили самый энергичный отпор со стороны Ярослава. Он добился образования отдельной киевской митрополии, которая хотя в церковном отношении и подчинялась Константинопольскому патриарху, но сохранила внутреннюю самостоятельность. В 1036 г. первым митрополитом в Киеве был поставлен присланный из Византии грек Феопемпт. Однако Византии не удалось превратить его в проводника своего политического влияния. В момент наибольшего обострения отношений с империей Ярослав послал в 1043 г. на Константинополь значительный флот с посаженным на суда войском во главе со своим старшим сыном Владимиром. Русский флот, сильно потерпевший от шторма, был сожжен у устья Дуная «греческим огнем». Около 6 тыс. воинов, спасшихся на берег, решило пробиваться на Русь. Большинство из них было захвачено в плен. Пленные были приведены в Константинополь, где многие были ослеплены. Византийское правительство рассматривало их как «бунтовщиков» против Империи. Это был последний русский поход на Константинополь. Хотя он окончился неудачно, но Византии все же не удалось подчинить себе Киевскую Русь.

В 1051 г. Ярослав поставил митрополитом без разрешения византийской церковной власти русского человека, талантливого проповедника и писателя Илариона. Вскоре Ярославу все же пришлось принять митрополита — грека из Константинополя.

Около этого же времени при содействии Ярослава в Киеве возник первый монастырь — Печерский. Основатель его, Антоний, поселился в пещере на высоком берегу Днепра. Вскоре около него собралась «братья», в состав которой в ближайшие десятилетия вошло несколько выдающихся деятелей русского просвещения и церковно-политической жизни (Феодосий, Никон, Нестор и др.). В XII—XIII вв. Киево-Печерский монастырь стал крупным феодальным собственником.

В Киеве сходились многочисленные торговые пути из Средней Азии и других восточных стран, из Византии, из стран Балтийского бассейна и из Западной Европы. О торговле Руси с немецкими землями упоминается уже в таможенном уставе

начала X в. одного немецкого города на Дунае, где с русских купцов брались пошлины за привозимых ими рабов и воск. Центром торговли с Киевом в XI в. был г. Регенсбург на Дунае, имевший обширные торговые связи с верхнерейнскими городами. Купцы ездили в Киев через Прагу и Краков и привозили в Регенсбург меха и византийские ткани. В Регенсбурге купцы, торговавшие с Русью, входили в организацию, носившую название «Русариев». Хорошей иллюстрацией многочисленных и разнообразных торговых связей Киева служат монетные находки на территории города как целыми кладами, так и отдельными монетами. Среди них: арабские, среднеазиатские (Саманидов), византийские (в том числе Василия Македонянина и Иоанна Цимисхия) и немецкие.

По сведениям Титмара Мерзебургского, описавшего Киев, по-видимому, со слов побывавших в нем вместе с польским королем Болеславом в 1018 г. (во время борьбы Святополка с Ярославом), Киев был большим городом, имел 400 церквей (вероятно, преувеличено) и 8 рынков.

Начавшееся в конце X в. сближение Киевского государства с европейскими странами еще больше усилилось во времена Ярослава и при его сыновьях. Помимо Польши, отношения с которой были враждебными, Киевское государство находилось в сношениях с Венгрией и Чехией. Западноевропейские связи Киева не ограничились ближайшими соседями. Киевское государство представляло внушительную политическую силу. Многие европейские короли и их крупные вассалы искали союза с киевским князем. Политические сношения с соседями скреплялись брачными связями. Ярослав Владимирович находился в близких отношениях со всеми крупнейшими дворами Европы. Сам он был женат на дочери шведского короля. При его дворе постоянно находились родственники жены, в числе которых был норвежский король Олаф и его сыновья — Магнус и Гаральд Смелый. Три дочери Ярослава были выданы замуж за норвежского, венгерского, французского королей. Внучка Ярослава, дочь его сына Всеволода, Евпраксия была женой императора Генриха IV. Политические связи киевского князя показывают, какое значение он имел в Европе. На его киевском дворе подолгу жили иностранцы. Этим объясняется, между прочим, и тот замечательный факт, что Всеволод Ярославич сумел в Киеве изучить пять иностранных языков.

Культура Киевской Руси в X—XI вв.

Культура Киевской Руси развивалась на древней самобытной основе, созданной еще в докиевский период славянским населением Восточной Европы. Образование и быстрый рост политического могущества Киевского государства, распространение сношений с окружающими западными и восточными странами, особенно же с Византией и южными славянами, принятие христианства и распространение грамотности, — эти условия способствовали вы-

сокому подъему культурного состояния населения, проявившего свои творческие силы в изумительных памятниках искусства и литературы.

Мы не в состоянии точно установить время появления письменности у восточных славян. Намеки на существование письменности у Руси встречаются уже в первых договорах киевских князей с Византией, т. е. раньше введения христианства. В договоре Олега 911 г. предусмотрен случай, когда после смерти русского, находящегося на службе у византийского императора, останется письменное завещание о наследовании имущества. Из договора Игоря 944 г. мы узнаем, что «великий князь русский» посылал в Византию послов с грамотами.

Некоторые следы появления у восточных славян письменности сохранились в древней киевской летописи, вошедшей в состав «Повести временных лет». Есть основание предполагать, что славянская грамота первоначально проникла в Приднепровье не из Болгарии, а от западных славян, из Моравии и Чехии. Великоморавское государство после кратковременного расцвета во второй половине IX в. погибло под ударами венгров. Славянская литература, возникшая в Моравии, получила затем большое распространение в Чехии, границы которой в X в. соприкасались с восточнославянским миром. С другой стороны, в третьей четверти X в. в результате походов киевского князя Святослава на Дунай усилились культурные связи с Болгарией. Таким образом, христианское просвещение при Владимире и Ярославе падало на давно подготовленную почву. Этим объясняются необычно быстрые успехи в распространении переводной греческой и болгарской литературы.

Поэтому вполне понятно, что летопись связывает распространение грамотности и образованности со временем Владимира и Ярослава. Летописец сообщает, что Владимир брал детей у «нарочитой чади» и посылал их на «учение книжное». При этом он добавляет, что матери набранных учеников плакали по детям, как по мертвым. Ярослав же был большим любителем книг, читал их днем и по ночам, собрал переписчиков для перевода книг с греческого на славянский язык и устроил книгохранилища в построенном при нем Софийском соборе в Киеве. Касаясь своего времени, летописец, писавший в конце XI или в начале XII вв., видел ясные результаты распространения грамотности и образования, что дало ему повод разразиться восторженной похвалой в честь «учения книжного» и «словес книжных». «Книги суть реки, наполняющие вселенную»,— такими словами он определяет значение книжного образования.

Из богатого культурного наследия Киевской Руси до нас, к сожалению, дошли ничтожные остатки. Выжигавшаяся то половцами, то татарами, то собственными князьями страна не могла сохранить своего книжного богатства. Подлинные рукописи XI—XII вв. почти полностью погибли. Из случайно сохранившихся следует особенно отметить две рукописи-книги: Остромирово Евангелие и «Изборник» Святослава. Остромирово Евангелие

является самым древним памятником русской письменности. Оно было переписано дьяконом Григорием в Киеве в 1056—1057 гг. для новгородского посадника Остромира (в настоящее время хранится в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина). Другим древнейшим письменным памятником является «Изборник» разных сведений, переведенный с греческого языка и переписанный в 1073 г. для князя Святослава Ярославича. Он украшен многоцветными миниатюрами, на одной из которых изображен сам Святослав со своим семейством. Большая часть произведений древней письменности (переводной и оригинальной литературы) дошла до нас в позднейших копиях, сделанных в XIV—XV веках.

Развитие христианской церкви привело к созданию обширной догматической литературы, необходимой для церковных обрядов. Но наряду с ней проникла и непризнанная церковью литература. Она состояла из разных нравоучительных произведений и содержала сведения по естественным наукам, зоологии, ботанике, минералогии и др. В переведенных сочинениях древнерусский читатель мог познакомиться с отдельными мыслями или высказываниями античных ученых и писателей: Платона, Аристотеля, Эврипида, Демокрита, Пифагора и других.

Особое место занимала историческая литература, расширявшая кругозор исторических знаний. К ней относится история Александра Македонского, изложенная в виде исторической повести (Александрия). Не позже X в. появился хронограф (обзор всемирной истории) Иоанна Малалы, составленный в Византии в VI в. Для русской летописи большое значение имел перевод хроники, составленной в IX столетии греческим монахом Георгием Амартолом и продолженной затем до середины X в.

В византийской литературе, переведенной на болгарский и церковно-славянский языки (церковно-славянский язык, близкий к болгарскому, являлся литературным языком Киевской Руси), русские книжники нашли богатейший материал, обилие тем и разработанную форму для сочинений различного жанра. Идейное же содержание собственных произведений было совершенно самостоятельным. Слагаясь под впечатлением огромных политических успехов Киевского государства, его могущества и силы, они проникнуты горячим патриотическим воодушевлением. Византийским притязаниям на мировое господство империи они противопоставляют требования политической, церковной и культурной самостоятельности Киевской Руси.

Древнейшая летопись была составлена около 1039 г. при Софийском соборе. Составитель ее задался целью возможно полнее представить всю историю славян Руси от первых легендарных известий до времени Владимира и Ярослава. Он широко использовал фольклорный материал, отдельные записи, припоминания, а для близкого к нему времени и рассказы современников. Летопись написана простым понятным языком и дает высокохудожественное изображение ряда выдающихся событий. Особое внимание летописец обратил на характеристику тех князей (Олега,

Святослава, Владимира, Ярослава), деятельность которых прославила Киевскую державу.

Возникшее при Софийском соборе летописание вскоре перешло в Киевско-Печерский монастырь. Около этого же времени стала составляться летопись и в Новгороде, причем главное внимание здесь обращалось на события местной жизни. В Печерском монастыре в Киеве летопись несколько раз дополнялась и перерабатывалась, превращаясь в своеобразную энциклопедию исторических знаний, способных удовлетворить интерес патриотически настроенного русского читателя к прошлому родной земли. Монах этого монастыря Нестор, человек большой учености и выдающегося литературного таланта, обработал труд своих предшественников, привлекая для этого ряд переводных греческих памятников, в том числе хронограф (обзор всемирной истории) Георгия Амартола, договоры Руси с Византией и другие источники. Перередактированный им летописный свод получил характерное название: «Повесть временных (т. е. прошлых) лет откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Труд Нестора дошел до нас в переработке настоятеля Выдубецкого монастыря в Киеве Сильвестра, произведенной в княжение Владимира Мономаха в начале XII в.

Исторический труд Нестора имел исключительно большое значение для развития народного самосознания. Рассказ о прошлом Руси, сумевшей создать могущественную державу, включен в широкие обобщающие рамки мирового процесса развития человечества. В основе его лежит идея о культурном единстве всех славянских народов, о самостоятельности и величии Киевской державы, созданной «великим трудом» предков. Этот летописный свод представляет собой выдающиеся явления во всей исторической средневековой литературе. В настоящее время существуют его переводы на немецкий, французский, польский, шведский, датский и даже латинский языки.

Другим выдающимся литературным памятником, проникнутым таким же патриотическим чувством, являлось «Слово о законе и благодате» русского митрополита Илариона, бывшего раньше священником загородной дворцовой церкви вблизи Киева. Основная мысль — прославление русской земли и ее устроителя «учителя и наставника, великого кагана» (т. е. князя) Владимира. Заслугой Владимира, по мнению автора, являлись не только христианское просвещение, но и военная доблесть, высоко поднявшая значение Киевской державы. С этой точки зрения он прославляет и предшественников Владимира, киевских князей — язычников: «старого Игоря» и сына его «славного Святослава».

Крупные достижения следует отметить в области материальной культуры, особенно в развитии монументального зодчества. И здесь плодотворное влияние византийского искусства сочеталось с самостоятельным творчеством, обладавшим собственными историческими традициями. При помощи греческих мастеров русские научились возводить большие каменные сооружения со сво-

дами и купольными перекрытиями. Еще при Владимире в Киеве была построена Десятинная церковь. Она сильно пострадала при разрушении города татарами и впоследствии была разобрана. К постройкам времени Ярослава принадлежат: Софийский собор в Киеве (начат постройкой в 1037 г.), Софийский собор в Новгороде (1045—1050 гг.) и Спасо-Преображенский собор в Чернигове (заложен в первой половине XII в.).

Софийский собор в Киеве, единственный в своем роде памятник искусства мирового значения, был построен Ярославом не столько в подражание, сколько в противовес известному Юстиниановскому собору в Константинополе.

Греческие и русские мастера покрыли внутренние стены собора изумительной мозаикой и фресками. Наряду с церковными сценами, которые в духе религиозного миросозерцания того времени раскрывали перед зрителями всю картину мира, они представили ряд бытовых сцен, а также портретные изображения семьи Ярослава — его жены, дочерей и сына. В целом величественный собор воплощал ту же идею могущества, которая в иной форме была выражена в литературных произведениях этой эпохи.

Совершенно не сохранились гражданские сооружения. На месте каменного княжеского дворца в Киеве были найдены при раскопках отдельные фрагменты и строительный мусор, которые могут дать лишь отдаленное представление о великолепии этого здания. От построенных при Ярославе укреплений вокруг Киева остались лишь развалины «золотых ворот».

Однако, несмотря на скудость сохранившихся остатков, они все же дают возможность установить то историческое место, которое занимает культура Киевской эпохи. Это было время необычайно быстрого культурного подъема, совершавшегося в результате раскрытия творческих сил народа. Культура Киевской Руси являлась самобытной, исторически связанной со всей предшествующей историей восточных (русских) славян.

Социально-экономический и политический строй Киевской Руси в XI—XII веках

С середины XI в. происходил быстрый рост частного землевладения. Князья заселяют земли, устраивают на них свое хозяйство, дарят села монастырям и разоряют села у своих противников. Дружина князя распускается после войны по селам. В летописи наряду с княжескими селами упоминаются и боярские. Возникает монастырское и вообще церковное землевладение. Примером крупных княжеских владений могут служить черниговские земли сыновей Олега Святославича. Противники, разорившие села Игоря и Всеволода Ольговичей, нашли в них богатую добычу, характерную для крупного феодального хозяйства. У князя Игоря был хорошо устроенный двор, в котором хранилось огромное количество меда и вина. На гумне нахо-

дилось до 900 стогов хлеба. Победители забрали столько разнообразных товаров, что не могли их полностью вывезти. Не менее богатым был двор князя Святослава Ольговича в Путивле, где, между прочим, его противники захватили и разделили между собой 700 человек челяди.

В XI в. уже сложилось крупное княжеское, боярское и монастырское хозяйство. Изучение внутренней структуры этого хозяйства и основной рабочей силы приводит нас к выводу об утверждении к этому времени феодального способа производства.

Важнейшим источником для изучения общественно-политического строя Киевского государства в XI—XII вв. является сборник княжеских законов, известный под названием «Русской Правды». В летописи сохранились два известия об «Уставах», т. е. законах, данных Ярославом. По одному известию в 1016 г. Ярослав после занятия Киева щедро одарил своих воинов. Отпуская новгородцев домой, он дал им «Правду» и «Устав» со словами: «По сему ходите и держите, якоже списав вам». В другом месте летопись сообщает, что в 1036 г. Ярослав пошел в Новгород, посадил там княжить своего сына Владимира и новгородским людям дал грамоту со словами: «По сей грамоте дадите дань». Таким образом, в летописи сохранились некоторые хотя и неточные указания на законодательную деятельность Ярослава.

В первоначальном виде «Уставы» Ярослава до нас не дошли. «Русская Правда» известна в трех основных вариантах: краткой редакции, которая является наиболее древней, пространной и сокращенной. Краткая редакция «Русской Правды» подразделяется на несколько частей, причем древнейшая часть относится ко времени Ярослава («Суд Ярослава Владимировича»). В литературе ее сокращенно называют «Правдой Ярослава». За нею следует «Правда Ярославичей», т. е. сыновей Ярослава: Изяслава, Святослава и Всеволода. Пространная редакция имеет еще более сложный состав и включает большое количество княжеских законов, появлявшихся по мере соответственной надобности. Эта редакция сложилась в конце XII в. или в начале XIII в. Разновременные дополнения к закону Ярослава перемешаны. Поэтому не всегда можно отделить различные наслоения на древней части «Русской Правды».

«Русская Правда» дошла до нас в многочисленных списках, внесенных в некоторые летописи и разные церковно-юридические сборники. (В настоящее время в связи с подготовкой Академией наук СССР научного издания «Русской Правды» стало известно 112 списков, большинство которых относится к XV—XVI вв.). Древнейшим из них является Синодальный (название происходит от Синодальной библиотеки, где этот список хранился), который датируется около 1282 г.; Троицкий список, близкий по тексту к Синодальному (происходит из Троицкого монастыря), относится ко второй половине XIV в. Оба эти списка дают пространную редакцию «Русской Правды». В. О. Ключевский на основании близости некоторых постановлений «Русской Правды» к церковным законам считал, что текст «Руской Правды» сложился не в сфе-

ре княжеского, а церковного суда. Этот взгляд на происхождение «Русской Правды» следует решительно отбросить. «Русская Правда» своим основным содержанием тесно связана с интересами княжеского хозяйства и управления, что, конечно, не исключает возможности церковного влияния. Язык «Русской Правды», как показали последние исследования, близок не к церковно-славянскому книжному, а к разговорному языку XI—XII веков.

Древнейшая часть «Русской Правды», принадлежащая Ярославу, сохранила и еще более древние обычаи. В ней еще заметны ясные пережитки родовых обычаев. Возможно, что в нее вошли также и части того «закона русского», который упоминается в договорах киевских князей с Византией. Так, в самом начале «Русской Правды» устанавливается право кровной мести за смерть убитого члена патриархальной общины. Эта же статья ограничивает круг мстителей ближайшими кровными родственниками (сыновьями, братьями и племянниками), что указывает на начавшееся ограничение этого родового обычая. В случае отсутствия мстителей из числа ближайших родичей виновный уплачивал денежный штраф. При сыновьях Ярослава произошло дальнейшее ограничение кровной мести: убийство окончательно было заменено денежным штрафом (выкупом).

Ограничение народного суда происходило одновременно с развитием княжеского суда, что являлось одним из элементов общего процесса отделения общественной власти от народной. Поэтому устав Ярослава имел характерный подзаголовок: «Суд Ярослава Владимировича». Вначале княжеский суд распространялся не на все население, а на определенные его категории, которые поступали под защиту княжеской власти и этим, в свою очередь, ее усиливали. В древней части «Русской Правды» перечислены эти люди: княжеский муж (член княжеской дружины), гридь, ябетник и мечник (служители княжеского двора), русин, купец, славянин (повидимому, бывший член славянской верви, выделившийся из нее). Все эти люди стояли вне патриархально-родовых союзов. Вполне понятно, что в княжеском покровительстве были заинтересованы представители состоятельного слоя местного населения, которые видели в княжеской власти опору своего классового господства. Развитие княжеского суда вызвало необходимость точно установить денежные штрафы за разные преступления, которые шли в пользу князя. Эти статьи составляют основное содержание «Правды Ярослава». В них иногда до мелочей предусмотрены отдельные случаи уголовных проступков. Например, в отношении удара мечом были рассмотрены следующие случаи: удар рукоятью меча или мечом, не вынутым из ножен; удар не нанесен, но меч вынут из ножен; вынутым мечом нанесено увечье.

Другой характер носит «Правда» сыновей и внуков Ярослава, сложившаяся в основной своей части во второй половине XI и начале XII вв. Хотя и здесь вопросы уголовного права занимают заметное место, но наряду с ними значительное число статей было посвящено княжескому хозяйству. Поэтому «Русская

Правда» дает возможность достаточно ясно представить организацию княжеского хозяйства (домена). Можно с уверенностью сказать, что оно мало отличалось от другого крупного хозяйства — монастырского или боярского — и подчинялось одним и тем же формам, характерным для феодального способа производства.

Центром отдельного владения был двор князя, состоявший из жилых и хозяйственных построек. Уже в XI—XIII столетиях село было не только поселением, но и хозяйственно-административным центром с расположенным в нем господским двором. На дворе феодала упоминаются хозяйственные службы: гумно для хранения хлеба, клеть, хлев в качестве помещения для скота. Стадо состояло как из мелкого, так и крупного рогатого скота. Значительное место занимало молочное хозяйство. Большое значение имело конское хозяйство, так как табун лошадей был необходим для организации военной силы. К двору феодала прилегала пашня. Второстепенную роль играли охота, бортничество и рыбная ловля.

Во главе этого сложного хозяйства стоял огнищный тиун, которого можно сравнить с майор-домом франкских королей. Под начальством огнищного тиуна работали низшие агенты княжеской администрации из числа несвободных. Княжескими стадами заведывал конюшний тиун. Сельские тиуны заведывали сельским хозяйством. Ратайные тиуны следили за пашней. Ключники и рядовичи ведали более мелкими отраслями хозяйства. В таком виде «Русская Правда» изображает администрацию крупного феодального владения.

Феодальное хозяйство носит натуральный характер. Все основное, необходимое для удовлетворения несложных потребностей феодального двора, производилось в самом хозяйстве трудом зависимого населения. Поэтому связи его с рынком носили более или менее случайный характер.

Крупное княжеское, монастырское и боярское хозяйство обслуживалось трудом зависимого населения. Изучение форм зависимости и положения различных категорий этого населения с полной ясностью устанавливает господство феодальных производственных отношений.

Рабство имело большое распространение и в рассматриваемый период времени. Недаром «Русская Правда» уделяет значительное внимание вопросам, связанным с положением рабов. В XII—XIII вв. в летописях мы встречаем многочисленные случаи обращения «полона» (пленных) в рабов. Например, когда в 1169 г. новгородцы победили суздальское ополчение, одних пленных они избили, а других превратили в рабов, причем продавали пленного по две ногаты. Это стоило примерно в три раза дешевле, чем стоила овца или коза по «Русской Правде».

«Русская Правда» выделяет несколько источников рабства, продажу или самопродажу в холопы, женитьбу на холопке без заключения условий с ее господином и вступление на службу тиуна или ключника также без заключения условий с господином. Дети несвободных оставались несвободными; «плод» от челяди

так же, как и приплод от скота, входил в состав движимого имущества наследователя. Наконец, в рабство обращали за совершенные преступления (разбой, кража и бегство от своего господина).

Рабы, составляя собственность господина, были лишены имущественных или личных прав. Они не могли быть свидетелями, за исключением особых случаев, не могли вступать в самостоятельные обязательства. Их имущество принадлежало господину. Убийство холопа не являлось уголовным преступлением: в случае убийства невиновного холопа убийца должен был заплатить лишь стоимость убитого хозяину и штраф князю в том же размере, в каком взимался штраф за убийство коня или другой скотины.

Однако, чтобы установить действительную роль холопов в хозяйстве, нельзя ограничиваться указанием на распространенность холопства; нужно выяснить положение холопа в системе производственных отношений. Часть холопов была втянута в административно-хозяйственную жизнь феодального двора. Из числа холопов брались люди для заведывания княжеским или боярским хозяйством. Они носили название тиунов. Мелкие отделы хозяйства также находились под заведыванием холопов — ключников. Значительную роль холопы играли в торговле, где они являлись агентами своих господ по совершению торговых операций. Часть холопов обслуживала своим ремесленным трудом потребности феодального двора.

Наибольший интерес для определения роли рабского труда в производстве представляет участие рабов (холопов) в сельском хозяйстве. В наших источниках мы не встречаем указаний, чтобы рабский труд в сельском хозяйстве был организован по примеру античных рабовладельческих латифундий. Холопов (рабов) сажали на землю, предоставляя им участки и возможность вести свое хозяйство. Таким образом, холопы, оставаясь рабами, использовались в качестве крепостных людей. В качестве примера можно привести тот факт, что в 1031 г., когда Ярослав и его брат Мстислав повоевали Ляшскую землю и привели с собой большое число пленных, Ярослав посадил своих пленных по р. Роси, т. е., очевидно, поселил их в деревнях и селах в качестве крепостных людей. В положении этих посаженных на землю холопов было много общего с западноевропейскими колонами. Известную роль в деле смягчения рабства играла церковь. Ее материальной основой было феодальное хозяйство. Поэтому церковь была заинтересована в развитии не рабского труда, а труда феодально-зависимых людей. Влияние церкви, смягчавшее рабство, проникало через церковную литературу и в законодательство. Среди сборников церковного права большое распространение имел сборник, получивший в славянском переводе название «Кормчих книг». В него вошли некоторые византийские кодексы законов, а впоследствии были присоединены и русские законодательные памятники: церковные уставы русских князей и «Русская Правда». В Византии греко-римское право о рабстве стало смягчаться под влиянием церковных норм.

Церковь восставала против торговли рабами, особенно против продажи пленных христиан в руки нехристиан. Хотя обязательного отпуска холопов на свободу не существовало, но часть их получала освобождение путем добровольного отпуска или выкупа. В памятниках этого времени известна категория «задушных людей», т. е. людей, подаренных церкви «по душе» (по завещанию). Такие люди переходили в состояние феодально-зависимого населения.

К категории людей, освободившихся от рабства, принадлежали также «изгои». По вопросу об изгоях существует обширная литература. Главное затруднение в определении социальной сущности этой категории населения заключалось в стремлении найти такое определение изгоев, которое соответствовало бы всем упоминаниям о них в источниках. Термин «изгой» в первый раз появляется в древнейшей части «Русской Правды», а в последний раз упоминается в памятнике, относящемся к середине XII в. (Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича). За время около двух столетий термин «изгой» претерпел по своему социальному содержанию крупные изменения, соответствующие общим переменам в социальном строе древнего русского общества. В древнейшей части «Русской Правды» изгой еще стоит в одном ряду со свободным славянским купцом и с людьми княжеской дружины. В памятниках более позднего времени изгоями назывались люди, вышедшие из своего первоначального состояния, на что указывает самый термин (по наиболее вероятному предположению он происходит от славянского слова «гоить», что значит жить). Единственное древнее определение изгоев находится в уставе князя Всеволода о церковных судах (1125—1136 гг.). В нем перечисляются три вида изгоев: «Попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает». Во всех трех случаях люди, попадавшие в число изгоев, выходили из своего первоначального состояния. На основе указаний других памятников приходим к заключению, что изгоями, если не исключительно, то преимущественно были холопы, выкупившиеся или отпущенные на свободу. Один из церковных памятников, дошедший до нас в списках XV в., но относящийся к более раннему времени, употребляет термин «изгойство» в значении лишних денег, взятых сверх цены раба (холопа). Тот же памятник восстает против обычая брать изгойство с детей, отцы которых выкупались на свободу, а дети родились уже после освобождения отцов. Вольноотпущенники все же не становились вполне равноправными с остальными свободными людьми и сохраняли некоторую связь с бывшими владельцами. Этим объясняется тот факт, что изгои садились на землю целыми деревнями, оставаясь в зависимости от землевладельца. Смоленский князь Ростислав Мстиславич отдал смоленской епископской кафедре села с изгоями. Изгои часто встречаются среди церковных людей, т. е. людей, работавших на земле, принадлежавшей церкви. Можно поэтому предположить, что после освобождения изгои преимущественно передавались церкви.

Таким образом, рабы (холопы) не могли быть основной рабочей силой в хозяйстве XI—XIII вв. Их положение соответствовало не рабовладельческим, а феодальным производственным отношениям.

Главной силой в феодальном хозяйстве были не рабы, а крестьяне, жившие на земле феодала и несшие в его пользу феодальные повинности. В Киевской Руси непосредственные производители на земле, крестьяне, носили общее название смердов. Попытки историков найти общее определение для смердов не могли быть удачными, так как в XI—XIII вв. смерды не представляли собою однородную социальную категорию. Академик Греков правильно установил, что необходимо искать общее определение для смердов не в юридических признаках, а в социальных отношениях. Смерд был вначале свободным членом крестьянской соседской общины — верви. Развитие частного землевладения, сопровождавшееся ростом феодальных производственных отношений, привело к частичному разрушению общины, вследствие чего часть смердов попала в зависимое положение от землевладельцев. Крестьянские общины могли существовать и на территории частного феодального владения. В таком случае все члены общины несли феодальные повинности. Со времени развития феодальных отношений можно установить две основные категории смердов: во-первых, смердов, являвшихся лишь данниками князя, и, во-вторых, смердов, находившихся в той или иной степени зависимости от феодального собственника земли. Приниженное положение смердов отразилось в «Русской Правде», которая за убийство смерда взимала такой же штраф, как и за убийство холопа (5 гривен). Презрительное отношение господствующего феодального класса к смердам выразилось в превращении названия «смерд» в ругательное слово. Этим объясняется и происхождение слова «смердеть» — дурно пахнуть.

В своих высказываниях о крестьянах эпохи Киевской Руси В. И. Ленин относит смердов к категории феодально-зависимого населения. В работе «Левонародничество и марксизм» В. И. Ленин говорит: «Но крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)».[1] Таким образом, В. И. Ленин устанавливает общий хронологический период развития крепостнических, т. е. феодальных, отношений IX—XIX веков.

В двух других своих работах В. И. Ленин обращает особое внимание на XI—XII вв. как на время развития феодальной зависимости. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин говорит: «...отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»)...».[2]

К этому же вопросу В. И. Ленин возвращается в работе «Проект речи по аграрному вопросу во Второй Государственной Думе»:

---

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 514.
[2] Ленин. Соч., т. III, стр. 150.

«И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же,* как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!».[1]

В этих двух высказываниях В. И. Ленин, во-первых, сближает крестьян Киевской Руси, смердов, с крепостными крестьянами эпохи феодализма; во-вторых, отмечает их бедственное материальное положение, в силу которого землевладельцы кабалили смердов.

Категории закабаленных крестьян наши источники присваивают термин «закуп». В исторической литературе были попытки рассматривать закупов в качестве наемных рабочих (Чичерин, Сергиевич). Явление закупничества в XII—XIV вв. было широко распространено не только в Киевской Руси, но и среди югославянского и западнославянского населения. Под таким же термином эта категория зависимого населения встречается у чехов — закуп, у сербов — закупь. Существует также ряд других терминов, выражающих те же или близкие социальные отношения. Сущность закупничества заключалась в том, что крестьянин получал от землевладельца землю, а также помощь, необходимую для хозяйственного обзаведения. За пользование землей и за свое покровительство феодал требовал от закупа определенных повинностей, а также отработок в своем хозяйстве. Закуп по «Русской Правде» брал у господина подмогу (купу) и получал участок земли (отарицу). Часто закуп работал инвентарем своего господина (лошадь, борона, плуг). Повинности носили различный характер: закупы работали на барщине, но возможно, что и платили господину натуральный оброк. Господин мог распоряжаться закупом и посылать его по тому или другому делу. В случае побега закуп превращался в холопа. Но в то же время закон охранял личные и имущественные права закупа (в отличие от холопов). Закуп имел право жаловаться князю и его судьям на обиды, нанесенные ему господином. Весьма возможно, что статьи, ограждающие закупа от порабощения или обиды со стороны господина, появились в «Русской Правде» в связи с восстанием в Киеве в 1113 году.

Особую категорию среди феодально-зависимых людей составляли «рядовичи». По наиболее вероятному толкованию этого термина, основным признаком рядовича было заключение «ряда» (договора с господином). Подобный договор «Русская Правда» предусматривает при женитьбе свободного человека на рабыне, а также при поступлении на службу тиуном или ключником. Хотя рядович был свободным человеком, вступившим в особые отношения с господином на основании заключенного соглашения — ряда, однако характер этих отношений для обеих сторон был неравноправным. Академик Греков правильно устанавливает, что рядович вступал в зависимость крепостнического характера. Наряду с тиуном и ключником рядовичи являлись агентами княжеской администрации. Один из писателей XIII в. (Даниил Заточ-

[1] Ленин. Соч., т. XI, стр. 98.

ник) советует не селиться вблизи княжеского имения, чтобы не быть обиженным со стороны его агентов: «Тиун бо его (князя) яко огнь трепетицию (можжевельником) накладен, а рядовичи его яко искры».

Большое распространение в XI—XII вв. различных форм феодальной зависимости указывает на значительное развитие в это время феодального хозяйства, которое становится экономической основой всего социально-политического порядка. Одновременно изменяется и роль городов, превращавшихся в феодальные центры мелкого производства и торговли.

Городское ремесло достигло больших успехов во второй половине XII в. как в отношении распространения, так и в области техники и художественного совершенства. В производстве перегородчатой эмали русские мастера стояли значительно выше своих западноевропейских современников. Отдельные вещи поражают виртуозностью исполнения. Наряду с производством на заказ, удовлетворявший спрос со стороны феодальной знати и высших слоев городского населения, появляется массовое производство предметов широкого потребления из бронзы, железа и глины. Во многих, даже небольших городах заводятся домницы для варки железа, гончарные горны, возникает выделка кирпича для нужд местного строительства.

Хотя при господстве феодального натурального хозяйства рыночные связи и не могли быть значительными, тем не менее не следует преуменьшать развития торговли в Киевском государстве XI—XII вв. Если в предшествующий период торговля носила преимущественно транзитный и внешний характер, то в это время усиливались местные рыночные связи. Это оказало большое влияние на положение городов. В конце X и в течение XI вв., особенно во время Владимира Святославича и его сына Ярослава Владимировича, было построено много городов, которые являлись по существу княжескими феодальными замками, оборонявшими границы владения или служившими военными или административными пунктами. В том случае, когда города-замки располагались на удобных дорогах, около их укрепленных стен возникали поселения ремесленников и купцов. Город превращался в экономический центр, распространявший влияние на более или менее значительную территорию. Примером такого города служит недавно исследованное Райковецкое городище (недалеко от гор. Бердичева). Город, повидимому, был сооружен в конце XI в. и входил в систему укрепленной линии, тянувшейся по рекам Случу, Тетереву и Верхнему Бугу. Эта линия прикрывала Киев с юго-западной стороны. Около середины XIII в. город стал жертвой меча и огня. По счастливой случайности остатки разрушенного города, покрытые пеплом пожара, были занесены слоем песка и земли. Они сохранились почти в полной неприкосновенности до тех пор, пока лопата археологов не сняла лежавшего на них в течение многих столетий покрова. Сотни костяков, лежавших в одиночку и группами, свидетельствуют об ожесточенных схватках на улицах и площадях, которыми навсегда закон-

чилась жизнь этого города. В нем было развито железоделательное производство, сырьевой базой которого являлся болотный железняк, добывавшийся в непосредственной близости от городища. Найдены остатки литейного горна и кузнечной мастерской. Железные изделия имели разнообразное назначение; среди них найдено много предметов вооружения (копья, топоры, стрелы, мечи, булавы и пр.), сельскохозяйственный инвентарь (косы, серпы, наральники и пр.), инструменты, предметы домашнего обихода и др. В городе существовало производство медных изделий, в том числе украшений, и ювелирное производство из серебра и золота.

Найденные в большом количестве однотипные предметы сельскохозяйственного инвентаря местного производства и скелеты рабочего скота служат показателями постоянных связей, существовавших между городом и сельским хозяйством. В городе находился замок феодала, готовый, в случае военной тревоги, принять под свою защиту окрестное население; город был одновременно административным и хозяйственным центром для тяготевшей к нему территории.

Таким образом за период времени IX—XII вв. город на территории восточных славян прошел разные стадии развития. Вначале он был укрепленным центром сельской общины — верви. С образованием Киевского государства наиболее распространенным типом города (за исключением Киева, Новгорода и других крупнейших городов) был укрепленный замок князя или его феодала. Экономическое развитие превращало укрепленные города в центры ремесленного производства и торговли. Вырастали местные экономические центры, которые затем становились политическими центрами обособившихся феодальных княжеств.

С развитием феодального хозяйства княжеская дружина превратилась в феодальных землевладельцев. Вследствие этого в самой дружине произошло неизбежное расслоение. Из состава дружины выделилась высшая часть, получившая название «старшей» или «отней» (отцовской) дружины. Старшая киевская дружина сложилась в основном в княжение Владимира и Ярослава. Боярин-землевладелец, член старшей княжеской дружины, выходил на войну уже не один, а выводил с собой своих вооруженных слуг. Осев на земле, дружина князя связывала себя более прочно с местными интересами. Если раньше дружина называлась по имени князя: Игорева, Святославова, Владимирова, то теперь ее обозначением стало название земли или города (дружина Киевская, Черниговская, Переяславская и др.).

Другой частью дружины была младшая, или «молодшая», княжеская дружина. Вначале она, повидимому, действительно состояла из юношей, сыновей княжеских дружинников, служивших в княжеском дворе в качестве дворцовой прислуги. К ее составу принадлежали: «гриди», «детские», «отроки», позже появляются названия «дети боярские» и «дворяне». (Впервые термин «дворяне» встречается во второй половине XII в.). Из состава младшей дружины комплектовалась княжеская дворцовая прислуга, а также вооруженные слуги княжеской охраны.

Превратившись в землевладельцев, дружина стала более независимой от княжеской власти. Князья не только советуются с дружиной, но заключают с нею «ряд» — договор. Дружина, недовольная князем, нередко открыто говорила ему об этом. Например, когда в 1169 г. князь Владимир Мстиславич задумал поход на Киев, не посоветовавшись предварительно с дружиной, то дружина ему сказала: «О себе еси, княже, замыслил, а не идем по тобе, мы того не ведали».

До середины XI в., когда феодальные отношения только складывались и основная масса сельского населения сохраняла общинное устройство, князья для военных предприятий часто пользовались вооруженною силою народа. С распространением феодальной зависимости значение этого народного ополчения резко упало. Но в результате социально-экономического развития городов и образования относительно многочисленного свободного городского населения стала заметно увеличиваться роль городского ополчения. Военная сила городов поднимала политическое значение веча, которым оно в предшествующий период не обладало. Хотя вече XI—XII вв. имело отдаленную генетическую связь с народными собраниями более раннего времени, но его деятельность происходила в совершенно иной социально-экономической обстановке. Летопись об участниках вечевых собраний говорит неопределенно: «люди» или «кияне» (киевляне) или «гражане» (т. е. жители города). Таким образом, на вече могли присутствовать все свободные и дееспособные жители города (не участвовали женщины, дети, холопы). Но в действительности главная роль в вечевых собраниях принадлежала жителям, входившим в состав городского войска. Так, например, в 1068 г. на вече участвовали киевляне, прибывшие в город после неудачного похода на половцев. Вече не могло быть формой демократического участия населения в правлении. Им руководили богатые и влиятельные граждане, которые, вероятно, участвовали своими средствами в вооружении ополчения. Во главе городского войска стоял тысяцкий, игравший крупную роль в жизни города. Опираясь на собственную военную силу, вече действовало в интересах городской знати, вступало в соглашение с князем, призывало его на княжение и в случае конфликта выступало против княжеской власти. Князья, нуждавшиеся в дополнительной военной силе городского ополчения, принуждены были считаться с решениями веча.

Социально-экономические и политические условия, повышавшие значение веча, изменились во второй половине XIII в. К этому времени окончательно сложилось феодальное ополчение крупных землевладельцев во главе с князем. Опираясь на своих феодалов, князь перестал нуждаться в помощи городов. Поэтому в тех землях, где усилилась княжеская власть, вечевая деятельность к концу XIII в. замирает. Наоборот, в Новгороде и Пскове наступает расцвет вечевой организации, которая просуществовала до конца политической самостоятельности этих городов.

Развитие феодального хозяйства вызвало обострение классовой борьбы. К сожалению, наши источники мало сообщают о жизни

эксплоатируемого населения. Но и в них классовая борьба нашла некоторое отражение. Феодальные владения складывались в очень напряженной и враждебной обстановке. Развитие княжеского или боярского землевладения происходило за счет общины, которая сопротивлялась этому насилию. Поэтому «Русская Правда» много внимания посвятила убийствам княжеских агентов, случаям умышленного поджога гумна или разорения тех или иных хозяйственных угодий.

Первым народным восстанием, известным нам по летописям, является восстание в Суздальской земле в 1024 г. По словам летописи, когда Ярослав находился в Новгороде, в Суздальской земле начался голод. Тогда население под предводительством волхвов стало избивать «старую чадь». Старая чадь — это высшие слои местного населения, возможно, это выделившиеся из общины землевладельцы. В других памятниках «старая чадь» противопоставляется «простой чади», под которой разумеются бедные слои населения. Ярослав прибыл из Новгорода и наказал участников восстания.

Подобный же характер носило восстание 1071 г. В этом году в Ростовской земле также была «скудость». Во главе восставших появились волхвы из Ярославля, которые говорили населению, что они знают, «кто обилие держит». Приходя в погосты, расположенные по Волге и Шексне, волхвы указывали на «лучших жен», уверяя, что одни из них прячут хлеб, другие — мед, рыбу и меха. По рассказу летописи, они надрезывали кожу на плечах у женщин и вынимали спрятанные продукты. Затем они убивали женщин, а их имущество брали себе. Смысл этого летописного рассказа становится понятным из религиозного обычая, который наблюдался среди мордовского населения еще в XIX в. Во время праздника Веленмолян особые сборщики обходили избы и собирали у женщин различные продукты. Замужние женщины заранее заготовляли приношения в мешочках, обнажали плечи и грудь и становились спиной к двери в ожидании сборщиков. Войдя в избу, один из сборщиков делал особым ножом легкие уколы в спину женщины и получал от нее мешочки с мукой, медом, маслом, яйцами и другими продуктами.

Действительной причиной движения в 1071 г. было тяжелое экономическое положение населения. Когда толпа восставших подошла к Белоозеру, она, по летописным сведениям, достигла 300 человек. В это время в Белоозере оказался Ян Вышатич, посланный черниговским князем Святославом собирать дань. Узнав от белоозерцев, что восставшие убили многих жен, Ян Вышатич спросил, чьи это смерды. Ему ответили, что они были смердами князя Святослава. Тогда Ян Вышатич усмирил восставших и захватил волхвов. В обоих рассмотренных случаях восстание было вызвано голодом, в условиях которого феодальная дань приобретала особую тяжесть для беднейших слоев населения. Недовольством народа стремились воспользоваться служители старого языческого культа (волхвы). Религиозные мотивы сплетались с классовым выступлением.

Начало раздробления Киевской Руси

Во второй половине XI в. стали появляться первые признаки начинающегося раздробления Киевского государства. На южной границе в это время усиливается напор половецких орд.

По рассказам византийских писателей XII в., половецкая орда представляла грозную силу. Евстафий Солунский говорит о неожиданных нападениях половцев: «В один миг половец близко, и вот его уже нет. Он вихрем несется, как бы желая перегнать быструю птицу. Еще его не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз». Другой византийский писатель — Никита Акоминат называет половцев «крылатой стаей, налетавшей на землю и опустошавшей ее хуже саранчи».

Нападения половцев на русские земли сопровождались уничтожением сельского хозяйства, уводом населения, разрушением городов. Половцы прорывались через укрепленные линии на юге, вторгались в Переяславское княжество, а при удаче — подходили к самому Киеву. Населенные земли после таких походов превращались в пустыню. С 1061 г. по 1210 г., по данным русских летописей, насчитывается 46 больших половецких набегов. Все Приднепровье с середины XI в. находилось в состоянии постоянной тревоги. Борьбу с половцами затрудняли княжеские усобицы, так как русские князья приглашали половцев для борьбы друг с другом.

Ярослав Владимирович еще при жизни составил завещание сыновьям, распределив между ними города и земли Киевского государства. Старший сын Изяслав получил Киев, следующий Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль, Игорь — Владимир-Волынский, Вячеслав — Смоленск. Изяслав был старшим между братьями, он сидел в Киеве «в отца место», т. е. ему передавалось старейшинство над всеми братьями-князьями.

Изяслав после смерти отца княжил в Киеве до 1068 г. В этом году русские князья потерпели поражение от половцев на р. Альте (правый приток р. Трубежа). Разбитый Изяслав вернулся в Киев. Тогда киевские люди собрались на вече на торговой площади и послали сказать князю: «Вот половцы распространились по земле. Дай нам, князь, оружие и лошадей, и мы еще пойдем биться с ними». Изяслав отказал им в этом. Киевляне с веча пошли на двор княжеского воеводы Коснячко, но его не нашли. После этого часть толпы отправилась освобождать посаженную в тюрьму (погреб) городскую дружину; этот эпизод указывает на то, что еще до выступления веча были какие-то волнения среди городского ополчения (дружины). Другая часть киевлян пошла к князю на двор. Летописец картинно описывает, как народ стоял внизу и разговаривал с князем, находившимся вместе со своей дружиной в сенях; во время переговоров князь выглядывал в оконце. Когда Изяслав убедился в том, что ему не справиться с восставшими киевлянами, он вместе с приближенными бежал в Польшу. Вместо него восставшее население посадило князем в Киеве полоцкого князя Всеслава, которого Изяслав держал в заключении. Двор

Изяслава был разграблен. Таким образом, поводом для этого восстания послужил неудачный поход против половцев и связанная с этим угроза разгрома Киева. Тяжесть половецких набегов ложилась главным образом на сельское население, которое подвергалось разграблению или уводу в плен. Следует поэтому предполагать, что в составе восставших «киевских людей» находились как жители самого города, так и близ расположенных сел и деревень (смерды).

Вскоре Изяслав вернулся из Польши вместе с племянником своей жены польским королем Болеславом II. Изяслав жестоко расправился с киевлянами. Польские войска были распущены по земле «на прокорм». Насилия поляков вызвали сильное возбуждение среди населения, которое, по словам летописца, «избиваху лях:ı отай» (т. е. избивали поляков тайно, неожиданно). Болеслав принужден был возвратиться в Польшу.

В 1073 г. произошла ссора между старшими братьями — Изяславом, Святославом и Всеволодом. Святослав и Всеволод напали на Изяслава и выгнали его из Киева. Киевским князем стал Святослав, а после его смерти (1076 г.) освободившийся киевский стол занял третий брат — Всеволод. Между тем изгнанный из русских земель Изяслав скитался по Западной Европе в поисках союзника. Ему удалось заручиться поддержкой папы и польского короля. Он вернулся на родину и вновь занял Киев (1077).

Старшим братьям пришлось встретиться с притязаниями младших князей, их племянников, которые требовали выделения им «отчин». Среди последних были сыновья ранее умершего Ростислава Владимировича (Володарь и Василько), сыновья Святослава Ярославича (Глеб, Олег, Роман), Давид Игоревич, Борис Вячеславич. Младшие князья, недовольные распоряжениями старших, уходили обычно в самую отдаленную русскую землю — Тмутаракань (Таманский полуостров), откуда со сборными дружинами и с половецкой подмогой нападали на Киевское княжество. В 1078 г. Всеволод Ярославич пошел против племянников, но был разбит. Тогда он обратился за помощью к княжившему в Киеве Изяславу. Союзники на Нежатиной Ниве (вблизи Чернигова) одержали победу над младшими князьями, но в сражении был убит Изяслав Ярославич. Киевский стол занял Всеволод Ярославич (1078—1093).

Время княжения Всеволода было очень беспокойным. Он продолжал непрекращавшуюся борьбу с младшими князьями, осложнившуюся вмешательством половцев. После его смерти киевляне приглашали занять киевский стол сына Всеволода — Владимира Мономаха. Но последний не хотел столкновений с двоюродным братом — Святополком Изяславичем. Он сказал: «Если я займу стол отца (т. е. Киев), то мне придется вести войну со Святополком, потому что его отец занимал еще раньше этот стол». Святополк, старший из внуков Ярослава, стал киевским князем (1093—1113).

В межкняжеских отношениях после Ярослава Владимировича происходило постепенное обособление княжеских владений, при-

чем каждый князь стремился сохранить «отчину», т. е. землю своего отца. Первые три старших сына Ярослава (Изяслав, Святослав и Всеволод) в важнейших случаях действовали еще совместно. После смерти последнего из них положение киевского князя стало менее устойчивым. Киевский князь уже не представлял для других князей авторитета высшей политической власти. Он мог заставить других князей подчиниться, лишь опираясь на фактическую силу, находившуюся в его распоряжении. Поэтому киевские князья стремились владеть по крайней мере главными городами, держать в них своих сыновей и союзников. Но стремление к увеличению собственно киевских владений встречалось с противоположным желанием остальных князей не только отстоять свои отчинные земли, но и увеличить их новыми приобретениями. При этом вследствие того, что один и тот же город последовательно занимали разные князья, отчинные права их сыновей и внуков переплетались между собой. При отсутствии сильной политической власти единственной возможностью для урегулирования княжеских отношений был съезд князей.

По предложению Владимира Мономаха русские князья в 1097 г. собрались на съезд в Любече. Они говорили на съезде: «Зачем губим русскую землю, сами возбуждая смуту, а половцы раздробляют нашу землю и рады тому, что мы боремся друг с другом. Пусть с этого времени мы будем иметь единое сердце и сообща охранять русскую землю. Пусть каждый владеет своей отчиной» («Каждо да держит отчину свою»).

Таким образом, Любецкий съезд признал обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений, т. е. признал политическое раздробление Киевского государства. Однако князья, заинтересованные в выполнении этого постановления съезда, не обладали достаточной силой. Решения Любецкого съезда были тотчас же нарушены. Один из князей — Давид Игоревич, князь владимиро-волынский, желал отнять земли у своего соседа — теребовльского князя Василько Ростиславича. Он совместно с киевским князем Святополком Изяславичем заманил Василько в Киев, где на него вероломно напали и выкололи глаза. Это событие вызвало новый съезд в Витичеве (1 100 г.). Собравшиеся князья обвиняли Давида в том, что он первый бросил нож между ними, чего раньше не бывало в русской земле. Было решено в наказание отнять у него город Владимир-Волынский.

Наступившее временное соглашение между князьями позволило возобновить борьбу с половцами. В 1 103 г. киевский князь Святополк и Владимир Мономах вместе с дружинами сошлись на совещание под Киевом, у Долобского озера. Владимир Мономах предложил ранней весной предпринять совместный поход в половецкие степи. Дружина Святополка возражала, указывая на то, что весенний поход помешает смердам произвести пахотьбу. («Хочем погубити смерды и ролью их»). Повидимому, дружинники Святополка опасались за состояние своего хозяйства. На это Владимир Мономах отвечал: «Странно мне, что вы жалеете лошадь, а не жалеете самого смерда. Ведь придет половчанин, убьет

смерда стрелою, захватит его жену, детей и имущество. Не будет ли тогда жаль самого смерда?». Поход закончился разгромом половцев, которые на некоторое время перестали нападать на южнорусские земли.

Князь Святополк Изяславич умер в Киеве в 1113 г. Население города не любило этого корыстного князя. Тотчас после его смерти киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты, который держал сторону князя Святополка, затем пограбили дворы сотских и ростовщиков-евреев. Тогда киевляне стали звать Владимира Мономаха в Киев, говоря ему, что если он не придет, то произойдет много зла, так как не только пограбят тысяцкого, сотских и ростовщиков-евреев, но пойдут и на бояр, и на монастыри, и на княжеское семейство. Восстание носило классовый характер и было вызвано как феодальным угнетением, так и эксплоатацией городского населения со стороны ростовщического капитала. Владимир Мономах поспешил занять киевский стол. Он подавил восстание, но одновременно несколько ослабил давление ростовщического капитала. Для этой цели он собрал в загородном княжеском селе Берестове своих ближайших дружинников и вместе с ними выработал новый закон (устав) для взимания процентов при заключении займа: заимодавцу, отдавшему капитал в рост за 50 проц. годовых, разрешалось брать проценты в течение двух лет. В случае если заимодавец брал проценты за третий год, он лишался капитала, отданного в рост. С восстанием 1113 г. связано также законодательство Владимира Мономаха о закупах, включенное в «Русскую Правду». Оно несколько смягчило положение закупов, которым разрешалось жаловаться князю на обиды со стороны их господина.

Княжение Владимира Мономаха (1113—1125) является временем нового усиления власти киевского князя и укрепления политического единства Киевского государства. Владимиру Мономаху удалось заставить повиноваться себе большинство русских князей. В главнейших городах — Новгороде, Переяславле, Смоленске, Суздале — он держал своих сыновей. Под его непосредственным влиянием находилась Волынская земля, которую он успешно защищал против польских притязаний. Владимир Мономах властно вмешивался и в дела Полоцкого княжества.

Установление внутреннего мира и укрепление внутреннего единства позволили Владимиру Мономаху направить общие усилия на борьбу со степняками. Даже беспокойные черниговские князья во главе с Олегом Святославичем не только прекратили борьбу с киевским князем, но стали ему помогать против половцев и тех русских князей, которые не хотели подчиняться киевской власти. Владимир Мономах старался не доводить своих противников до гибели и охотно шел на примирение.

Во все время княжения Владимира Мономаха русские земли отдыхали от половецких нападений. Не ограничиваясь обороной, Владимир Мономах стремился отогнать половцев возможно дальше на восток, за Дон.

Владимир Мономах, следуя примерам своего деда и отца, на-

ходился в сношениях со многими европейскими дворами. Сам он был женат на Гите, дочери последнего англо-саксонского короля Гаральда; старший сын его Мстислав был женат на дочери норвежского короля. Одна дочь Владимира Мономаха была замужем за греческим царевичем, другая — за венгерским королем. Опираясь на брачные связи с византийским домом, Владимир Мономах вооруженною силою поддерживал права своего зятя и внука, греческого царевича, на императорский трон.

Владимир Мономах умер на 74-м году жизни и был погребен рядом с отцом в Софийском соборе в Киеве. Летописец, посвятивший ему прочувствованные строки, назвал его «добрым князем». По его словам, Владимир Мономах «просветил русскую землю, как солнечными лучами, слух о нем прошел по всем странам, больше же всего был страшен поганым (половцам), был братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец (труженик) за русскую землю».

Владимир Мономах оставил после себя «Поучение к детям», прекрасно обрисовавшее образ этого князя. Повидимому, оно было написано незадолго до смерти. В течение жизни Владимир Мономах вел какие-то записи. Он выписывал понравившиеся ему места из прочитанных книг, принадлежавших к нравоучительной церковной литературе. Кроме того, он вел краткие записи о главнейших событиях своей жизни. Этими записями определяется состав и план «Поучения», тематически распадающегося на две части: на наставление сыновьям и на краткое описание жизни.

В наставлении сыновьям Мономах в привлекательных чертах рисует идеализированный образ умного и деятельного правителя, хорошего и гостеприимного хозяина дома, храброго и предусмотрительного полководца на войне. Нужно, говорит он, избегать лени: «леность мать всем порокам: ленивый человек не только ничему не научится, но и забудет то, чему выучился». Мономах приводит пример своего отца, Всеволода, который дома изучил пять иностранных языков. Особенно Мономах предостерегает детей от лжи, пьянства и блуда (разврата). В жестокое время кровавых феодальных усобиц он рекомендует сохранять умеренность и справедливость: «совершая походы по своим землям, не давайте своим и чужим отрокам совершать пакости, ни в селах, ни на обработанных полях, да не станут вас проклинать». Мономах наставляет детей, чтобы они не забывали убогих, защищали от сильных людей сирот и вдов. Про себя он говорит, что он не дал обидеть «ни худого смерда, ни убогой вдовицы». Дети должны почитать старых, как отца, а молодых — как своих братьев.

Во второй части «Поучения» Владимир Мономах рассказал о главных событиях своей беспокойной жизни. Он совершил 83 больших похода, не считая более мелких, которые не мог и припомнить. Во время борьбы с половцами он «полонил», т. е. захватил в плен, до 100 лучших половецких князей. Любимым занятием князя была охота. Своими руками Владимир Мономах связал несколько десятков диких коней, два раза тур его метал на рога, бодал олень, однажды лось топтал его ногами, в другом случае

лось бодал, вепрь сорвал с бедра меч, медведь укусил за подкладку (попону) у колена, «лютый зверь» (барс) повалил его вместе с лошадью. Описывая примеры своей боевой и охотничьей жизни, Владимир Мономах рекомендовал сыновьям быть храбрыми. «И с коня много падал,— говорит он про себя,— голову разбивал дважды, и руки и ноги свои повреждал в юности, не жалея жизни своей, не щадя головы своей».

Огромное значение литературного труда Мономаха, помимо большой художественной ценности, заключалось в тех проникнутых патриотическим чувством наставлениях, которые для его современников должны были служить правилами поведения. Мономах требовал поставить благо страны выше личных и семейных интересов. Для Мономаха «русская земля» — не только его собственное владение, но вся территория, населенная русскими славянами, какому бы князю она ни принадлежала.

Сын Владимира Мономаха — Мстислав I, заняв после смерти отца киевский стол (1125—1132), старался продолжать политику отца в деле поддержания политического единства русских земель под главенством киевского князя. Однако Владимиру Мономаху и Мстиславу I удалось лишь на короткое время приостановить распад Киевского государства, причина которого заключалась не в политике киевского князя, а в новых экономических и политических условиях, возникших в результате развития местных феодальных центров. Начавшийся с середины XI в. процесс распада Киевского государства, несколько задержавшийся при Владимире Мономахе и Мстиславе I, привел в XI—XII вв. к образованию большого числа самостоятельных или полусамостоятельных феодальных русских княжеств. Единое Киевское государство перестало существовать.

Объединение восточных славян под киевской властью спасло их от истребления и поглощения другими народами. В рамках общей государственной организации восточные славяне нашли необходимые исторические условия для быстрого общественно-экономического и политического развития. В поразительно короткий срок Киевское государство отвоевало себе достойное место в международной жизни; оно было самым крупным государством в период раннего средневековья, превосходя по размерам империю Карла Великого. Общение с восточными и европейскими странами, особенно же с Византией и южными славянами, имело важные последствия для расцвета собственной культуры, исторически выросшей на местной, славянской почве.

Киевское государство не было ни украинским, ни белорусским, ни великорусским. Оно являлось их общей исторической колыбелью. Традиции киевской эпохи в течение многих веков оказывали мощное воздействие на культурную жизнь великорусского, украинского и белорусского народов, поддерживая в них сознание братской близости.

РАЗДЕЛ III

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—XV вв.)

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ В XI—XIII ВВ.

Раздробление Киевской Руси

Вопрос о причинах раздробления Киевской Руси и возникновения на ее территории обособившихся княжеств давно привлекал внимание русских историков. Первые серьезные попытки найти объяснение этого явления были сделаны С. М. Соловьевым. По его мнению, раздробление больших княжеств киевского периода на «уделы» (Соловьев называл княжеские владения, передававшиеся по наследству, «удельными») произошло под действием особых условий, сложившихся на северо-востоке русских земель. Согласно концепции Соловьева, князья Рюриковичи, явившись в Приднепровье, занятое старыми насельниками-славянами, среди которых господствовали родовые отношения, подчинились их общественному порядку. На северо-востоке наблюдается другая картина: славянские поселенцы с берегов Днепра пришли в бассейн Оки и Волги, где уже хозяйничал князь на свободном, но незаселенном просторе. Это привело на севере к развитию землевладения и к усилению княжеской власти.

В противоположность киевским князьям, легко бросавшим один город ради другого, переходившим с места на место, северные князья крепко держатся за свои отцовские владения и стараются об их увеличении. Они смотрят на землю, как на свою собственность. Поэтому наравне с остальным имуществом северные князья делили территорию княжества на части, отделяя каждого из своих сыновей. Так, по мнению Соловьева, сложилась «удельная система».

Концепция Соловьева оказала большое влияние на В. О. Ключевского, который изложил ее в более стройном виде и внес некоторые, в общем несущественные, дополнения. Вслед за своим учителем, Ключевский также считал, что в действиях южных князей не было заметно мысли о праве собственности на землю. На северо-востоке, наоборот, территория княжества стала считаться личным и наследственным владением князей. «Удельный порядок,— говорит Ключевский,— держался на двух основаниях, на

географическом и политическом: он создан был совместным действием природы страны и ее колонизации». Географической особенностью Северо-Восточной Руси была частая сеть рек и речек, текущих в различных направлениях. Колонисты, пришедшие в этот край с южной Киевской земли, оседали в речных долинах, которые служили готовыми рамками для удельного дробления и поддерживали его. Князья-колонизаторы не нашли здесь сложившегося общественного порядка. Чувствуя себя полными хозяевами, они приучились смотреть на землю как на свою собственность. Соединение права земельной собственности с желанием никого из сыновей не обидеть, каждому дать часть из отцовского достояния, и привело, думал Ключевский, к все возраставшему дроблению территории княжеств на «удельные» владения.

Соловьев и Ключевский отрицали существование феодальных отношений в русских землях. По мнению Ключевского, «удельная» система только напоминала феодальные порядки Западной Европы. Но это были явления не сходные, а параллельные. Для сходства, по мнению Ключевского, недоставало двух «феодальных особенностей»: 1) соединения служебных отношений с поземельными и 2) наследственности тех и других. Ключевский утверждал, что этих феодальных явлений в России не было.

Концепция Соловьева и Ключевского, отрицавшая феодальный период в истории России, встретила возражения в конце 90-х годов XIX в. со стороны Н. П. Павлова-Сильванского. В ряде статей, позднее обобщенных в работе «Феодализм в древней Руси», Павлов-Сильванский обратил внимание на большое сходство между русскими и западноевропейскими феодальными порядками. При этом Павлов-Сильванский в определении признаков феодализма следовал за западноевропейскими буржуазными историками. Он видел их не в способе производства, а в политической организации общества.

Ошибочной оказалась и концепция М. Н. Покровского о распадении Киевского государства. М. Н. Покровский возражал против представления, что Киевская Русь распалась на мелкие политические единицы. По его мнению, распадаться было нечему, так как и раньше Киевская Русь не имела политического единства. М. Н. Покровский не видел принципиальной разницы в политическом устройстве Киевской Руси X—XII вв. и Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. «Во внутреннем управлении,— говорит Покровский,— «володеть» в XIII и XIV ст. значило то же, что и в XII и даже в X в.: и раньше и позже дело сводилось к собиранию доходов в разных видах». Поэтому Покровский отрицал особый «удельный период» в русской истории.

По мнению Покровского, новый период в русской истории был обусловлен двумя внешними «катастрофами»: падением Киева во второй половине XII в. и завоеванием Руси татарами. Первая причина привела к передвижению центра исторической жизни русского населения на северо-восток. Вторая причина вызвала упадок городской жизни. При этом Покровский замечает, что оба

«переворота» были подготовлены передвижением мировых путей, так как после взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г. стал действовать для сообщения Запада с Востоком средиземноморский путь, более короткий и удобный, чем дорога через Балтийское море и волховско-днепровскую систему.

Методологические указания классиков марксизма позволяют нам найти правильное объяснение процесса раздробления Киевской Руси.

В. И. Ленин первый дал научное определение русскому феодализму, исходя из способа производства и системы общественных отношений. Феодальное натуральное хозяйство неизбежно приводит к политической обособленности. И. В. Сталин на примере феодальной Грузии показал, что экономическая раздробленность препятствует политическому объединению страны.[1]

Причины распада Киевского государства следует искать в условиях его экономического развития. В XI—XII вв. в Среднем Приднепровье, как и в других землях Киевского государства, сложилось крупное княжеское, боярское и церковное землевладение. Каждое более или менее значительное владение было в экономическом отношении вполне самостоятельным комплексом различных угодий, группировавшихся вокруг общего административного центра — двора феодала. Экономические связи в большинстве случаев ограничивались теми ближайшими городами, в которых под защитой укрепленных стен успело сложиться мелкое ремесленное производство и где существовал местный рынок.

Небольшой феодальный мирок не нуждался в постоянных внешних связях. Незначительные торговые сношения между городами еще не могли соединить их в общую экономическую систему. Не только крупный, но и мелкий феодал чувствовал почти полную экономическую самостоятельность. Еще более независимым и в экономическом и в политическом отношении был властитель отдельного княжества.

Признаки политического раздробления Киевской Руси появились вскоре после смерти Ярослава Владимировича. Оставляя «ряд» (завещание) своим сыновьям, Ярослав по существу поступил так, как поступали его отец и дед, предоставлявшие своим детям разные города, а в Киеве садившие старшего сына. Но тогда борьба между братьями кончалась единовластием одного из них. Борьба между сыновьями и внуками Ярослава привела к другим результатам — к образованию обособившихся княжеских владений, что было признано Любецким съездом в 1097 году.

В середине XII в. обособление отдельных частей Киевского государства еще больше усилилось. В руках киевского князя уже не было средств поддержать прежнее единство. Даже такие сильные и властные князья, как Владимир Мономах и его сын Мстислав, могли лишь временно поднять значение киевской власти, но не в силах были предотвратить последующего разложения Киевского государства на отдельные части. Прежде всего обособились

[1] См. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 5—6. Партиздат 1937.

крупнейшие земли: Галицкая, Волынская, Полоцкая, Чернигово-Северская, Ростово-Суздальская, Новгородская, Смоленская. Процесс экономического обособления и политического дробления с такой же закономерностью повторялся внутри этих земель, каждая из которых превращалась в систему мелких полунезависимых феодальных княжеств. В каждом крупном княжестве появляется отдельная княжеская династия со старшими и младшими линиями, с главной столицей и с второстепенными княжескими резиденциями.

Таким образом, выделение самостоятельных феодальных княжеств происходило не на одном северо-востоке русских земель, а на всей территории Киевского государства. Это был не местный, а общий процесс.

Раздробление Киевской Руси нельзя также рассматривать как последствие запустения Поднепровья, как экономическую деградацию. Наоборот, экономический подъем русских городов был вызван развитием местной хозяйственной жизни. Если раньше Киев не имел соперников, был единственным крупным экономическим и политическим центром для всего восточного славянства, то в XI—XIII вв. это значение Киева было утрачено независимо от его разорения половцами, русскими князьями и татарами. Теперь ряд городских центров—Новгород, Полоцк, Смоленск, Галич, Холм, Ростов, Суздаль, Рязань и некоторые другие — сами сосредоточивали вокруг себя местную экономическую жизнь. При этом они не зависели от Киева и были мало связаны между собою. При этих условиях они неизбежно становились политическими центрами для обособившихся феодальных образований. Поэтому феодальное раздробление Киевского государства было неизбежным этапом в социально-экономическом развитии Восточной Европы и соответствовало общему характеру феодальной системы. Подобные же исторические условия привели в Западной Европе к распадению империи Карла Великого.

После превращения обособившихся земель в полусамостоятельные феодальные княжества борьба между князьями стала еще более ожесточенной. Князья попрежнему требовали себе «отчины» и «дедины», т. е. отцовских и дедовских владений. Но дедовские владения были общими для всех внуков, интересы которых сталкивались. Действительные мотивы борьбы заключались в стремлении каждого князя расширить свою территорию, захватить доходные земли и богатые города. Недаром поэтому среди князей сложилась поговорка, что «не место идет к голове, но голова к месту».

Князь-«добытчик», а он был типичной фигурой этого времени, не считался ни с родовым старшинством, ни с договором, подкрепленным клятвенным обещанием. Его помыслы постоянно были обращены на то, чтобы прихватить кусок чужой территории, согнать соседа с княжения, а при удаче — занять киевский стол. Успех в борьбе зависел от тех средств, которыми располагал тот или иной князь.

В результате обособления Полоцкой, Новгородской, Ростово-Суздальской и других земель владения собственно киевского князя

сокращались, превращались в небольшую территорию, окружавшую Киев. В соответствии с этим уменьшались и материальные средства, находившиеся в распоряжении киевского князя. Князья, боровшиеся за Киев, который еще считался общим политическим центром, опирались главным образом на свои местные владения. В случае победы князь занимал Киев, а при поражении возвращался обратно в свое княжество.

В борьбе за Киев потомство Владимира Мономаха, считавшее Киев своей «отчиной», столкнулось с черниговскими князьями, потомками Святослава Ярославича, который также когда-то владел Киевом. Но ни черниговские князья, ни Мономаховичи сами не имели внутреннего единства. В семье Владимира Мономаха в свою очередь происходила жестокая борьба между старшими князьями (дядьями) и младшими князьями (племянниками).

После смерти Мстислава I Киев то переходил в руки черниговских князей, то подпадал под власть сыновей и внуков Мономаха. Младший сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий вел борьбу за Киев из далекого Суздаля: не раз ему приходилось терпеть неудачи, после которых он возвращался в свои северные владения. Только в конце жизни Юрию Долгорукому удалось окончательно укрепиться в Киеве и сохранить его за собой до смерти (1155—1157).

Едва умер Юрий, как Киев вновь занял один из черниговских князей. Однако вскоре он должен был уступить город Мономаховичу — Мстиславу Изяславичу. На последнего вооружился его двоюродный дядя Андрей Юрьевич Боголюбский, сидевший после смерти отца в Суздале. Он послал против киевского князя большое ополчение, в котором участвовало 11 князей. В 1169 г. войска Андрея Боголюбского взяли Киев и подвергли его разгрому. Победив своего противника, Андрей Юрьевич Боголюбский остался в Суздале, а в Киеве посадил одного из младших братьев. Этот поступок наглядно показывает, насколько Киев в то время уже потерял прежнее значение.

Признаки хозяйственного запустения Поднепровья, появившиеся около середины XII в., стали быстро увеличиваться в последующее время. Одна из главных причин заключалась в неравномерности развития феодального хозяйства, которое в бассейне днепровского пути сложилось раньше, чем на окраинах Киевского государства. С развитием феодальной эксплоатации крестьяне стали уходить на неосвоенные феодалами земли.

Разброду населения способствовали и княжеские усобицы. Территория, лежавшая вокруг Киева, была в XI—XII вв. ареной ожесточенных столкновений. Борьба между князьями приняла наиболее губительную для населения форму, так как противники уничтожали сельское хозяйство, избивали или угоняли жителей. Не менее опустошительные последствия оставляли вторжения половцев, участившиеся в конце XII века. Разорение коснулось не только Киева, но и всех южных городов, в том числе Новгород-Северского, Переяслава и Чернигова. Кроме того, на города днепровского пути неблагоприятно повлияло перемещение европейских

торговых сообщений. В 1204 г. крестоносцы овладели Константинополем. Вскоре после этого события основная торговая магистраль между Европой и восточными странами была перенесена на Средиземное море. Этот путь был короче и удобнее ранее действовавшей кружной дороги через Балтийское море и волховско-днепровскую систему. Однако перемещение торговых путей нельзя считать основной причиной запустения Поднепровья, как это делал Покровский.

Разгром Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. стал возможным потому, что Киев к этому времени потерял прежнее экономическое и политическое значение. Тем не менее во второй половине XII в. Киев еще остается объектом спора и кровавой усобицы между разными княжескими линиями. Его попеременно занимают суздальско-владимирские, черниговские, смоленские и галицкие князья. Самые сильные князья того времени, особенно галицкие и владимиро-суздальские, стремились держать Киев под своим контролем. В 1203 г. Киев подвергся со стороны половцев, наведенных русскими же князьями, страшному погрому, результаты которого превосходили, по словам летописца, все предшествовавшие случаи разорения города. Последний удар, нанесенный Батыем в 1240 г., лишь довершил начавшееся задолго до этого падение Киева, превратив древнюю цветущую столицу Киевского государства в груду развалин.

Феодальные княжества в XII—XIII вв.

Развитие феодальных отношений привело Киевскую Русь к раздроблению на самостоятельные земли, в большинстве которых утвердились местные княжеские династии. В Новгороде образовалась феодально-боярская республика. Таким образом, при наличии главных общих явлений в процессе феодальной раздробленности, охватившем всю территорию Киевской Руси, существовали местные особенности как в экономике, так и в политическом строе отдельных земель.

Галицко-Волынское княжество. Галицкая земля, упираясь в северо-восточные склоны Карпат, вытягивалась к берегу моря длинной полосой между Днестром и Прутом. Северная граница ее проходила в бассейне правых притоков Вислы: Сана и верховьев Вепря. Лесистые отроги Карпат, спускаясь к долине Днестра, переходят на левом берегу реки в холмистую гряду (Кременецкие горы), составлявшую водораздел между Черным и Балтийским морями. На этом водоразделе расположены верховья Южного и Западного Буга, а также правых притоков Припяти. Постепенно понижаясь, местность вблизи Припяти превращается в заболоченные лесные пространства, составляющие южную часть Полесья. За перевалом Кременецкой гряды начиналась Волынская земля, лежавшая в своей основной части на правых притоках Припяти: Стоходе, Стыре, Горыни со Случем. Западная граница Волыни захватывала среднее течение Западного Буга и достигала верховьев Вепря.

Галицкая земля и южная половина Волыни обладали прекрасными природными условиями. Широкие речные долины отличались плодородием; тучный чернозем толстым слоем покрывал почву. Лиственные леса состояли преимущественно из дуба и березы. В верховьях Прута (около Колымыя) находились богатейшие залежи соли.

Галицкая и Волынская земли, являвшиеся колыбелью Западной Украины, издавна были заселены славянскими племенами. В отрогах Карпат жили белые хорваты. По среднему и южному течению Днестра, до морского побережья, жили уличи и тиверцы. Основную часть Волыни занимали дулебы, или волыняне. С 80-х годов X в. эти земли входили в состав Киевского государства. Рассказывая о походе в 981 г. Владимира Святославича на ляхов (на Польшу) и о занятии им Червена, Перемышля и других городов, киевский летописец замечает: «иже суть и до сего дне под Русью». Упорную борьбу за эти земли с польским королем продолжал Ярослав Мудрый.

Общий для всего Киевского государства процесс выделения и обособления отдельных земель привел к образованию в конце XI в. Галицкого и Волынского княжеств, впоследствии соединившихся в одно Галицко-Волынское княжество. На съезде князей в Любече в 1097 г. Галицкая земля была отдана двум сыновьям Ростислава Владимировича (внука Ярослава Мудрого): Володарю и Василько. Оба князя упорно отстаивали свои галицкие владения в борьбе с поляками, венграми и соседними волынскими князьями. Василько говорил про себя: «аз бо ляхом много зла творих, и хотел есмь сотворити и мстити Русской земли» (я много зла сделал полякам и хотел еще им сделать и мстить за русскую землю).

По мере экономического развития Галицкая земля втягивалась в торговые связи с соседними странами. Днестр близко подходит верховьями к правому притоку Вислы, Сану. Благодаря этому устанавливался почти сплошной водный путь по Висле и Днестру из Балтийского моря в Черное. Сближавшиеся между собою верховья Днестра, Одера и Вислы способствовали установлению экономических связей между Силезией, Чехией, Моравией, немецкими землями, южной Польшей и Галицкой землей. С другой стороны, из устья Днестра легко было попасть в устье Дуная, в Византию и Болгарию. С прекращением волховско-днепровского пути экономическое значение Днестра еще больше повысилось. С его торговым оживлением был связан рост галицких городов: Перемышля и Ярославля на Сане и Галича на Днестре.

Другой особенностью Галицкой земли, наложившей отпечаток на ее историю, было раннее образование крупного боярского землевладения. На днестровском черноземе, в отдалении от Киева, боярское феодальное хозяйство развивалось в очень благоприятных для него экономических и политических условиях. В XII в. в Галицкой земле существовали старые боярские роды, в обладании которых находились обширные земельные владения. Приток переселенцев из Поднепровья еще больше их экономически усиливал.

Соседство с германскими землями, Венгрией и Польшей не могло не оказать влияния на организацию боярства по примеру западноевропейских феодалов. Недаром в одном из венгерских памятников галицкие бояре называются «баронами». Галицкое боярство окрепло раньше, чем окончательно утвердилась в Галицкой земле одна из ветвей киевских князей. И по своему составу оно несколько отличалось от боярства в других русских княжествах, где крупную роль играли осевшие на землю княжеские дружинники.

Возвышение Галицкого княжества началось во второй половине XII в., при Ярославе Осмомысле (1152—1187). Летописец рисует его умным и образованным князем; он был, говорит летописец, «мудр и речен языком» (знал разные языки). Может быть, эта образованность, поражавшая современника, и послужила причиной прозвища «Осмомысл» (по одному предположению, этот эпитет произошел от слов: «восемь смыслов»). По словам автора «Слова о полку Игореве», галицкий князь держал в своих руках ключ от Киева, преграждал венгерскому королю проходы через Карпаты и простирал свое влияние до самого Дуная.

После смерти Ярослава Осмомысла в 1187 г. боярство приняло деятельное участие в династической борьбе между двумя сыновьями умершего князя, происходившими от разных матерей. Этой смутой воспользовался волынский князь Роман Мстиславич. С другой стороны, венгерский король пытался посадить в Галиче своего сына. Однако Роману после нескольких лет борьбы удалось в 1199 г. утвердиться в Галиче. Роман Мстиславич объединил Галицкую землю и большую часть Волыни в составе Галицко-Волынского княжества.

Роману пришлось выдержать тяжелую борьбу с боярством. Отзвуки ее сохранились в словах, приписываемых этому князю: «не раздавив пчел, меду не есть». Галицкая летопись назвала его «самодержцем всея Руси». Роман продолжал дело своих предшественников, стараясь объединить все юго-западные русские земли. В зависимости от него некоторое время находился Киев. Особенно ожесточенной была борьба с мелкими литовскими князьками, владения которых граничили с северной частью Волыни и с Польским королевством. Усиление Галицко-Волынского княжества подняло его влияние в международных отношениях. Византийское правительство обращалось к Роману с просьбой о помощи против половцев, которые вместе с болгарами опустошали Фракию. Роман предпринял удачный поход в половецкие вежи и заставил половцев, вторгнувшихся в северную часть Балканского полуострова, поспешно вернуться назад.

В Галицкой летописи сохранилась характеристика Романа, повидимому, заимствованная из народного творчества. Она свидетельствует о том большом впечатлении, которое производила на современников боевая деятельность Романа: «Он устремлялся на поганых, как лев; сердит был, как рысь; губил их, как крокодил; землю облетал подобно орлу; был храбрым, как тур». Тот же летописец по поводу удачной борьбы Романа с половцами замечает, что этот князь «ревновал» (подражал) деду своему Владими-

ру Мономаху. Несмотря на то, что Роман имел родственные связи с польским королевским домом и в борьбе за Галич пользовался польскою подмогою, он деятельно защищал галицко-волынскую Русь от захватов со стороны Польши. В 1205 г., во время войны с поляками, Роман был убит. Смерть Романа Галицкого вызвала бурное ликование среди польских феодалов. Король даже поставил в Краковском соборе особый алтарь в честь тех святых, в день празднования которых погиб Роман.

Наследником Романа был старший сын Даниил, которому в год смерти отца было всего четыре года. В начале его княжения Галицко-Волынская земля вновь стала ареной ожесточенных столкновений между соседями — Венгрией, Польшей и русскими князьями. Внутри Галицкого княжества поднялось боярство, пытавшееся захватить власть в свои руки. Боярам на короткое время даже удалось поставить князя из своей среды — Владислава Кормиличича. Этот случай показывает, какой крупной социальной и политической силой являлось галицкое боярство в начале XIII в. Однако ни венгерский, ни польский короли, пользовавшиеся в своих политических расчетах молодостью Даниила, не хотели допустить восстановления самостоятельного Галицко-Волынского княжества. По заключенному между ними соглашению пятилетний сын венгерского короля был обручен с трехлетней дочерью польского короля. После этого они поделили между собою Галичину и Волынь. Осуществление польско-венгерских планов встретило яростное противодействие со стороны князя Мстислава Мстиславича Удалого (из линии смоленских князей). Мстислав Удалой дважды изгонял венгров из Галича и дважды принужден был уступать Галич венгерскому королевичу. Борьбу за Галицкую землю не прекращал и Даниил Романович, которому в детстве пришлось много скитаться по чужим краям. Мальчик рано возмужал и понял, что не в иноземной помощи, а в русском населении края, горячо желавшем освободиться от иноземного господства и видевшем в нем наследника славных традиций Романа Мстиславича, заключается его настоящая сила. Галицкий летописец замечает, что с малолетства Даниил не имел покоя: бесчисленные походы, почти не прекращавшиеся войны и мятежи бояр — такой была обстановка, в которой складывался сильный характер этого князя, терпеливого и настойчивого в достижении заветной мечты,—освобождения родной земли, пылкого и храброго в сражениях, сурового и властного в отношениях с противодействующим ему боярством: «Был он,—говорит летописец,— дерзновенен и храбр, от головы до ног не было в нем порока». Только в 1238 г., незадолго до Батыева погрома, Даниилу удалось утвердиться в Галиче.

Во время похода Батыя Даниил ушел в Венгрию и Польшу. После ухода татар он вернулся в Галич и принялся за восстановление разрушенных городов. В 1245 г. у стен гор. Ярославля Даниил окончательно разбил своих врагов, черниговского князя Ростислава Всеволодовича и поддерживавших его венгров и поляков. Этой победой закончилась сорокалетняя борьба за Галицко-Волынскую землю. Но оставалась другая, не менее грозная опас-

ность со стороны Золотой Орды. Вскоре Даниил получил грозное требование хана: «Дай Галич!». Даниил не решился на открытое сопротивление и отправился в ставку Батыя на Волгу. Появление в Сарае Даниила, одного из самых храбрых и деятельных русских князей, вызвало, по словам волынского летописца, большую радость Батыя. Подобно своему современнику Александру Ярославичу Невскому, Даниил сознавал невозможность сопротивления ордынской силе и, выполняя требования хана, спасал свою землю от окончательного разорения. Однако и после поездки к Батыю Даниил не оставил мысли о борьбе с татарами. Повидимому, с этой целью он вступил в сношения с владимирским князем (Андреем Ярославичем, братом Александра Невского).

Даниил Романович, обладавший большими дипломатическими дарованиями, умело использовал промежуточное положение своего княжества между владениями Золотой Орды и западными странами, боявшимися повторения монголо-татарского нашествия. Для Золотой Орды было важно сохранить Галицкое княжество в качестве сильного заслона с запада. Западные соседи также искали союза с галицким князем, стараясь вовлечь его в круг своих интересов. В отношениях с ними Даниил Романович руководствовался интересами своей русской земли, не оставляя надежды на освобождение ее от золото-ордынской власти. С этой целью он в течение ряда лет вел переговоры с папой Иннокентием IV, который обещал объявить крестовый поход против татар. Папа при этом преследовал собственные цели, думая при помощи Даниила заключить унию для объединения под своей церковно-политической властью западной католической и русской православной церквей. Не отказываясь от союза церквей, Даниил требовал действительной помощи против татар. Но обещанной помощи Даниил не получил, папа ограничился призывами к христианскому населению западных государств, но эти призывы никакого практического результата не имели. Надеясь все же вовлечь галицкого князя в круг церковных и политических интересов Рима, папа усиленно предлагал Даниилу королевский титул. В 1253 г. (по другим известиям — в 1255 г.) Даниил был коронован. Однако и после коронования Даниил сохранил полную самостоятельность в отношениях с Римом.

Несмотря на зависимость от Золотой Орды, политическое влияние Даниила Романовича распространялось на очень большую территорию. На севере оно достигло Западного Буга. Расположенная в бассейне верхнего течения этой реки, «Черная Русь» с городами Волковыском, Слонимом и другими находилась в зависимости от Даниила. В Киеве Даниил держал своего наместника.

Борьбой с боярством объясняется перенос Даниилом столицы из Галича в основанный им город Холм. В короткое время новая столица была выстроена с поразительным великолепием. Для постройки города Даниил призывал ремесленников из разных земель: «Немцы и Русь, иноязычники и ляхи, идяху день и во день, и уноты (юноши), и мастера всяции бежаху ис Татар, седельницы и лучницы, и тульницы (мастера, делающие колчаны), и кузнецы же-

лезу, и меди, и серебру, и бе жизнь, и наполниша дворы окрест града, поля и села».

Особое восхищение у летописца вызывал храм Иоанна Златоуста. Высеченные из камня человеческие головы поддерживали колонны главной арки. В окна были вставлены римские расписные стекла. Входные двери были выложены белым галичским и зеленым холмским камнем с узорчатой резьбой русского «хитреца» (художника) Авдия. Внутри, на лазурных сводах, сверкали золотые звезды; бронзовые плиты, покрывавшие пол, казались зеркалом. Наружные стены собора были украшены выпуклыми изображениями, покрытыми красками и позолотой. Описание, сохранившееся в летописи, дает лишь общее представление об этом выдающемся памятнике русского зодчества XIII в.

В связи с большим пожаром Холма в 1259 г. в летописи впервые упоминается город Львов. По рассказу летописца, пожар был так ужасен, что отблеск его зарева наблюдали во Львове. Благодаря чрезвычайно выгодному расположению на Днестре Львов впоследствии стал экономическим и политическим центром Западной Украины.

Галицкий король Даниил Романович умер в 1264 г. Крупной исторической заслугой Даниила Романовича было то, что в тяжелое время монголо-татарского владычества ему удалось создать на самой западной окраине русских земель сильное государство.

Во второй половине XIII в. преемникам Даниила Романовича не удалось преодолеть распад Галицко-Волынского княжества. Сжатое со стороны Венгрии, Польши и Литвы, обессиленное в борьбе с ними и разоренное татарами, Галицко-Волынское княжество стало добычей сильных соседей. Последний потомок Даниила Романовича, Юрий II, еще носил титул «короля всей Малой Руси». Он умер в 1340 г. Вскоре после его смерти Волынь была захвачена Литвой, а Галицкая земля — Польшей.

Чернигово-Северская земля. По завещанию Ярослава Черниговская земля досталась второму по старшинству сыну — Святославу. Она занимала бассейн верховьев Десны, Сулы (земля северян), бассейн р. Сожи (земля радимичей) и бассейн верхнего течения р. Оки (земля вятичей). Племенное имя северян перешло впоследствии в название Северской земли. Первый черниговский князь Святослав Ярославич умер киевским князем, но был похоронен в Чернигове, который с этого времени становится особой княжеской столицей. По Любецкому съезду Черниговская земля вместе с Муромо-Рязанской землей была признана отчиной сыновей Святослава.

Недолгий экономический подъем Чернигово-Северской земли приходится на вторую половину XI в. В следующем столетии появляются ясные признаки ее экономического запустения, причины которого были общими для всего среднего Приднепровья.

Экономический упадок Чернигово-Северской земли ускорял в XIII в. ее политический распад на неустойчивые небольшие княжеские владения: Черниговское, Новгородское, Путивльское, Рыльское, Курское, Трубчевское и другие.

Полоцкое княжество. Основная территория Полоцкой земли представляла собою лесистую низменность с большим количеством озер, болот и с разветвленной речной системой. В южной части проходила невысокая холмистая гряда, принадлежавшая к отрогам Валдайской возвышенности. Она является водоразделом между бассейнами Западной Двины, Немана и Днепра. Западная Двина своими верхними притоками близко подходит к системам рек Финского залива, Каспийского и Черного морей. Такое расположение водных путей оказывало большое влияние на экономическое развитие Полоцкой земли.

Обособление Полоцкой земли в самостоятельное феодальное княжество началось еще в конце X в. Владимир Святославич предоставил Полоцкую землю своему сыну от Рогнеды Полоцкой — Изяславу, ставшему родоначальником особой полоцкой династии. Основным фактором политической жизни Полоцкого княжества в XI в. была ожесточенная борьба с киевскими князьями, о которой древний летописец говорил: «Мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлим внуком» (меч поднимают Роговольдовы внуки на Ярославовых внуков). Полоцкие князья пытались объединить под своей властью северо-западные русские земли, в том числе Псков и Новгород. В конце XI в. полоцкий князь Всеслав (внук Изяслава Владимировича) на короткое время стал даже киевским князем.

Экономическое развитие Полоцкой земли привело в конце XI в. и в начале XII в. к появлению значительного числа городов. Среди них упоминаются, кроме самого Полоцка, Витебск, Минск, Борисов, Друцк, Изяславль.

Однако после кратковременного подъема Полоцкого княжества уже в начале XII в. стали обнаруживаться признаки ослабления. Владимир Мономах и Мстислав I неоднократно опустошали Полоцкую землю, разоряли города и уводили население. В то же время исчезло и политическое единство Полоцкой земли; в ней так же, как и в других частях Киевского государства, образовались мелкие феодальные владения, враждовавшие между собою (Полоцкое, Витебское, Друцкое, Изяславское и др.). Разрозненным и слабым полоцким князьям не под силу было сдерживать усиливавшийся с каждым десятилетием натиск литовских племен, а с другой стороны — выдерживать давление окрепшего Смоленского княжества. В конце XII в. полоцкие князья по существу превратились в вассалов смоленского князя.

В начале XII в. северные владения Полоцкого княжества оказались под ударами ливонских рыцарей. Это окончательно лишило Полоцк прежнего экономического и политического значения.

Смоленское княжество. Смоленская земля лежала в верховьях трех рек: Западной Двины, Волги и Днепра. Эта территория очень богата лесом и водой. Реки и озера, прерывающиеся небольшими волоками, составляли сплошную извилистую ленту сообщений. Население жалось к речным долинам, где с успехом развивалось сельское хозяйство. Значение Смоленска как экономического и политического центра определялось в значительной степени его вы-

годным местоположением в верховьях Днепра, вблизи рек Балтийского бассейна. Для киевского князя Смоленск имел чрезвычайно важное значение, так как позволял ему владеть всей днепровской системой. Этим объясняется сравнительно позднее обособление Смоленской земли. Хотя признаки самостоятельности появились в конце XI в., но только в середине XIII в., во время княжения в Смоленске внука Владимира Мономаха, Ростислава Мстиславича, Смоленская земля сложилась в отдельное княжество; от Ростислава Мстиславича пошла династия смоленских князей. При нем была учреждена самостоятельная смоленская епископия.

Ростислав Мстиславич дал епископской кафедре уставную грамоту, по которой отдавал в ее пользу несколько сел и десятину (десятую долю) своих доходов со смоленских городов и волостей. Этот документ содержит ценные сведения по экономическому состоянию Смоленской земли и развитию феодального хозяйства. Он свидетельствует о значительной населенности края и о его экономическом подъеме. Перечисленный в грамоте княжеский доход, состоявший из дани и пошлин, доходил до 2 977 гривен, что примерно соответствует 600 тыс. руб. в золотом исчислении конца XIX в. Помимо денежных и натуральных поступлений с городов и волостей, смоленский князь получал доходы с собственного хозяйства, в которое входили населенные земли с бортными лесами, озерами, огородами и пр. Это составляло полный хозяйственный комплекс, создававший экономическую независимость его владельцу.

Во второй половине XII в. Смоленское княжество достигло наибольшего размера. На севере оно простиралось до бассейна верхнего течения Волги. На западе в его состав вошел район среднего течения Москва-реки. Среди значительного числа городов самыми крупными, кроме Смоленска, были: Торопец, Дорогобуж, Белый, Вязьма, Можайск.

В результате усиления экономических связей с Прибалтикой и Западной Европой Смоленск, наряду с Новгородом и Псковом, стал одним из главных центров балтийской торговли. С XIII в. основные торговые сношения Смоленска проходили через Ригу и остров Готланд. В 1222 г. между Смоленском и Ригой был заключен торговый договор, подтвержденный в 1229 г. В основу этого договора была положена «Русская Правда». Немецкие купцы, прибыв на волок, отделявший Западную Двину от Днепра, уведомляли о своем приезде особого тиуна волока, который должен был послать артель для перевоза купцов с товарами и для их охраны в пути. По приезде в Смоленск немецкие купцы давали княгине постав (кусок) полотна, а тиуну волока — «готские перчатки».

В Смоленске существовала постоянная колония западных купцов, центром объединения которых была выстроенная ими церковь. Купцы имели самостоятельную организацию. Договор 1229 г. устанавливал право свободной торговли для обеих сторон. Из договора следует, что русские купцы ездили из Смоленска и связанных с ним городов не только в Прибалтику и на остров Готланд, но и в Германию.

Смоленский князь в конце XII в. занимал очень влиятельное положение среди своих соседей. Его вассалами стали полоцкие князья. Он властно вмешивался в киевские отношения, соперничал в Новгороде с суздальским князем. Однако перед походом Батыя Смоленское княжество уже не было единым. Во второй половине XIII в. на его территории существовало несколько крупных княжеских владений: Можайское, Вяземское, Брянское. Смоленское княжество вступило в период мелкого феодального раздробления.

Новгородская земля. Новгородская земля с самого начала образования Киевского государства занимала особое место. Раннее появление княжеской власти в Новгороде указывает на ту роль, которую играл Новгород в процессе объединения населения Приильменья. После того как центр славянского государства окончательно сложился на Днепре, Новгород утратил прежнее политическое значение, которое перешло к Киеву. Обосновавшись в южной части Великого водного пути, киевские князья не теряли связи с Прибалтикой и держали Новгород под своею властью. В случае неудачи в южных землях они уходили в новгородские владения, где собирали новую военную силу и призывали наемные скандинавские отряды.

В начале XI в., при Ярославе, положение Новгорода в системе Киевского государства изменилось. Экономическое и политическое значение его для Киева увеличилось в силу того, что власть киевского князя над Новгородом обеспечивала владение не только этим городом, но и обширной, зависевшей от Новгорода территорией. Киевские князья с этого времени держали в Новгороде своих старших сыновей и посадников. Так, Ярослав послал в Новгород своего старшего сына Владимира. Этот князь построил в Новгороде новую крепость — кремль, а в 1045—1050 гг. соорудил Софийский собор, являющийся одним из замечательных памятников древнерусского искусства.

В XI—XII вв. новгородцы подчинили своей власти население, жившее по южному берегу Финского залива, которое новгородские источники называют водью. Движение новгородцев на север было вызвано желанием прочно закрепить за собою Невско-Волховский речной путь. В XII в. новгородцы встретились со шведами, которые около середины этого столетия укрепились на северо-западном берегу Финского залива, устроив опорный пункт недалеко от Або. Во время борьбы со шведами новгородцы ходили на финское племя емь, занимавшее территорию нынешней Финляндии. Неизменными союзниками новгородцев в борьбе с емью и шведами были карелы, жившие около Ладожского озера. Новгородцы защищали свои владения по южному берегу Финского залива против нападения шведов и еми, имея на своей стороне местное водское население. Таким образом, новгородцам удалось отразить шведов и благодаря этому сохранить за собой выход к Балтийскому морю.

Иной характер имели действия новгородцев в землях эстов (чудь), живших на территории современной Эстонии. Походы в эту страну начинаются в 30-х годах XII в., причем новгородцы неод-

некратно доходили до морского берега. Главной их целью был сбор дани с населения. Однако зависимость эстов от Новгорода не была прочной и постоянной. В начале XIII в. земли эстов были захвачены ливонскими рыцарями. Новгородская граница пошла по линии Чудского и Псковского озер.

Большое экономическое значение для Новгорода имело присоединение обширной территории северного Поморья, от «терского берега» у Белого моря (восточная часть Кольского полуострова) до Урала, а затем и Зауралья. В этой области образовались самые богатые новгородские владения. Земли, простиравшиеся на северо-восток от Белоозера и р. Шексны, новгородцы называли «Заволочьем», т. е. землями, находившимися за волоком, который нужно было преодолеть, чтобы с р. Шексны попасть в верховья северодвинской речной системы. Заволочье географически совпадало с Двинской землей. Двигаясь далее на восток, новгородцы выходили в бассейн р. Печоры, с которой перебирались за Урал на нижнее течение Оби, носившее у новгородцев название Югры. Легендарные рассказы о неиссякаемых пушных богатствах страны, которая на многие месяцы погружается в мрак полярной ночи, заставляли предприимчивых добытчиков пушнины отваживаться на переход через «Камень» (Урал), где, по словам летописи, была «высота гор, ако до небес». В Новгороде рассказывали легенду, что в «полунощной стране» из туч на землю падали белки и молодые олени, которые затем расходились целыми стадами. Жители Югры (остяки-хантэ), употреблявшие еще каменные орудия, молча указывали новгородцам на железные предметы как на наиболее ценный для них товар, в обмен на который охотно отдавали пушнину. Так складывалась обширная территория новгородских владений.

С историей нашего северного Поморья, входившего в XI—XII вв. в состав новгородских владений, связана легенда о существовании на северо-востоке Европы богатой страны Биармии, о которой упоминают древние скандинавские саги. В них рассказывается, как витязи, покоряя жившие в Биармии народы, «блистающий меч окрашивали в кровавый цвет». По этим рассказам, фантастическая Биармия была страной несметных золотых и серебряных сокровищ. Скандинавские и финские ученые, а также некоторые русские буржуазные ученые XIX в. считали, что под именем Биармии древние саги разумели северное Поморье; некоторые связывали название Биармии со страной, известной русским летописям под названием Перми (верховья камской речной системы, населенные коми-зырянами). Финская историческая литература объявила Биармию, будто бы охватывавшую территорию от Белого моря до Урала, страной высокой древней финской культуры. Однако рассказы скандинавских саг о баснословном богатстве Биармии не подтверждаются ни письменными источниками, ни археологическим материалом. Детальный анализ всех данных о местоположении Биармии приводит к выводу, что ею могла быть лишь часть Кольского полуострова.

В северном Поморье новгородцы не нашли ни многочисленного населения, ни богатой культуры. Мелкие родоплеменные союзы

звероловов не могли оказать новгородцам сколько-нибудь серьезного сопротивления. Лучшим богатством этой страны были «студеное» море, обильное рыбой и морским зверем, да девственные леса, богатые пушным зверем. Продукты морских и лесных промыслов имели огромное значение для новгородской торговли.

Торговые связи Новгорода со странами Балтийского бассейна стали усиливаться с середины XII в. К этому времени Днепровский водный путь частично потерял прежнее экономическое значение.

В XII в. торговля Новгорода с западными странами проходила через остров Готланд. В конце XII в. в самом Новгороде было два двора иностранных купцов: готский (готами в Новгороде называли жителей Готланда) и немецкий. Большое участие в новгородской торговле принимали купцы города Любека и вестфальских городов. В XIII в. начала развиваться торговля Новгорода с ливонскими городами. Двор иностранных купцов в Новгороде представлял собой купеческую контору, управлявшуюся по собственным законам и имевшую выборную администрацию. Крепкие стены отделяли этот иностранный купеческий мирок от окружающей новгородской жизни. На запад из Новгорода вывозились меха, моржевая кость, воск, сало, лен, пенька и пр. Предметами ввоза были сукна, оружие, металлы и другие товары.

Крупное новгородское купечество было организовано в «сотни», которые несколько напоминают западноевропейские купеческие гильдии. Высший слой новгородского купечества назывался ивановским по имени церкви «Ивана Предтечи на Опоках», являвшейся центром этой организации. При церкви производилось взвешивание товаров и происходил суд по торговым делам. Чтобы стать «пошлым» (полноправным) ивановским купцом, нужно было в казну этой организации внести 50 гривен серебра. В середине XII в. в Новгороде существовала еще организация «заморских купцов».

Экономический рост Новгорода подготовил необходимые условия для его политического обособления в самостоятельную феодальную систему. Есть основания предполагать, что на основной новгородской территории развитие крупного боярского землевладения происходило быстрее, чем в Поднепровье. Экономическая мощь местного, новгородского боярства вырастала, кроме того, на эксплоатации покоренного населения, жившего на огромной территории от Балтийского моря до Урала. Еще Ярослав, по словам летописи, дважды давал новгородцам грамоты: в 1019 г. (по другим известиям — в 1016 г.) и в 1036 г. Точного содержания их мы не знаем, но новгородцы в сношениях с князьями ссылались впоследствии на «грамоты Ярослава», от которых вели начало своей самостоятельности. Новых крупных успехов в этой области новгородское боярство достигло во второй четверти XII в. В 1132 г. со смертью Мстислава Владимировича закончилось временное усиление киевского князя. Началась особенно ожесточенная борьба за Киев. Старая столица, переходя из рук в руки, клонилась к упадку. Летописец очень метко охарактеризовал это время: «Раздрася вся земля русская». В условиях политического бессилия

киевских князей новгородские стремления к независимости от Киева неизбежно должны были привести к обособленности Новгородской земли.

Представителем князя в Новгороде был посадник, который обычно присылался из Киева или назначался князем из состава его дружины. В 1126 г. в летописи мы впервые встречаем сообщение, что новгородцы сами выбрали себе посадника. В 1132 г. киевский стол достался брату Мстислава Владимировича — Ярополку. Последний тотчас вызвал из Новгорода княжившего там племянника, сына Мстислава Владимировича и внука Мономаха, Всеволода, и посадил его в Переяславле на юге. По этому поводу новгородский летописец упрекает князя Всеволода, что он изменил новгородцам, так как целовал крест быть у них князем до конца жизни. Всеволоду недолго удалось удержаться на юге, в Переяславле. Выгнанный из этого города своим дядей Юрием Долгоруким, он вернулся в Новгород. Тогда в Новгороде вспыхнуло восстание: «бысть встань велика в людех». В 1136 г. новгородцы призвали псковичей и ладожан и решили изгнать князя Всеволода. Князь был посажен под стражу вместе со всей своей семьей. Через два месяца новгородцы выпустили Всеволода из города, предъявив ему обвинения в том, что он «не блюдет» смердов, хотел стать переяславским князем и обнаружил в походе личную трусость.

Обвинения князя в том, что он не блюдет, т. е. не охраняет смердов, не могло исходить от самих смердов, находившихся в феодальной зависимости и не имевших никакой возможности для предъявления подобных жалоб. Это обвинение станет понятным, если мы примем во внимание интересы феодального хозяйства, которому было необходимо закрепить и сохранить рабочие руки смердов. Князя обвинили в том, что он недостаточно охранял феодальное хозяйство и необходимую для него рабочую силу — смердов.

Второе обвинение, очевидно, было вызвано нарушением какого-то не дошедшего до нас соглашения. Новгородское боярство старается сохранить независимость от княжеской власти, но пользуется ею на договорных началах для военной защиты Новгорода. Усиление политической самостоятельности Новгорода отразилось и на положении новгородской церкви, зависевшей раньше от киевского митрополита. В 1156 г. новгородцы впервые самостоятельно избрали епископа Аркадия.

Для истории отношений Новгорода с князьями очень важное значение имело ограничение княжеского землевладения, благодаря которому князь на новгородской территории потерял необходимую для усиления его влияния социально-экономическую опору. Еще князья Мстислав Владимирович и его сын Всеволод свободно распоряжались своими землями на новгородской территории; эти князья, не спрашивая согласия Новгорода, пожертвовали часть земли Юрьевскому монастырю. После событий 1132—1136 гг. это положение резко изменяется. Князь Изяслав Мстиславич также пожертвовал землю монастырю, но должен был предварительно испросить разрешения у Новгорода. Если раньше посадник яв-

лялся простым помощником князя, то теперь он стоял наравне с ним как представитель новгородских интересов и как глава отдельной новгородской административной системы. Любопытный случай, рисующий независимое положение посадника, произошел в 1218 г. Княживший в Новгороде князь Святослав Смоленский прислал сказать на вече, что не хочет быть с посадником Твердиславом и отнимает у него посадничество. Тогда новгородцы спросили: «Князь, виноват ли посадник?». Святослав ответил: «Без вины». Твердислав обратился к вече: «Тому я рад, что моей вины нет, а вы, братия, и в посадничестве и в князьях вольны». Новгородцы сказали князю: «Князь, у него вины нет, а ты нам крест целовал без вины мужа не лишать. Это наш посадник и мы его не отдадим». Князь Святослав должен был согласиться.

Слова новгородцев, что князь «крест целовал без вины мужа не лишать», уже совершенно определенно указывают на существование договора, скрепленного присягой князя. Впоследствии такое обязательство новгородцы вносили во все договорные грамоты с князьями.

Таким образом, к началу XIII в. в результате экономического обособления Новгорода усилилась и его политическая самостоятельность.

Основой общественного и политического строя Новгорода были феодальные производственные отношения. Господствующим классом в Новгороде были крупные землевладельцы-бояре. Особенностью Новгорода, по сравнению с другими русскими землями этого времени, являлось развитие внешней торговли. Она содействовала еще большему обогащению боярства, продукты феодального хозяйства которого частично поступали на рынок, и поднимала значение новгородского купечества. Экономически сильное новгородское боярство не позволило княжеской власти утвердиться на новгородской территории.

Поэтому в Новгороде сохранилось вече, в то время как в большинстве других городов оно исчезло в результате усиления княжеской власти. Однако вече не было органом новгородской демократии, так как его деятельность в действительности направлялась интересами новгородского боярства и купечества. Представителями их были новгородские власти: епископ, посадник, тысяцкий и другие более мелкие агенты управления. Полного развития новгородская политическая система, которая может быть названа феодальной боярской республикой, достигла в конце XIV и в начале XV веков.

В XIII столетии у Новгорода появились новые опасные соседи: с одной стороны — Смоленское княжество, быстро расширявшееся на границах с Новгородом, в области Западной Двины и Приильменья; с другой стороны — не менее сильное Ростово-Суздальское княжество, претендовавшее на северо-западные русские земли, по которым пролегали пути в Прибалтику. Только в продолжительной борьбе с этими княжествами Новгороду удалось отстоять самостоятельность своего политического устройства.

Ростово-Суздальское княжество. Ростово-Суздальская земля занимала междуречье Оки и Волги. Этот лесистый край был издавна заселен в области Верхней Волги и Верхней Оки славянскими племенами. Помимо славян, в районе Белоозера обитала весь; в бассейне Верхней Волги до Клязьмы, перемешиваясь со славянскими поселениями, жила меря; в области Средней и Нижней Оки наши летописи упоминают мурому. На восток от нижнего течения Оки жили мордовские племена. Древнейшими городами этого края были Ростов, Суздаль и Муром. Время возникновения их неизвестно.

В IX—X столетиях славянское население Окско-Волжского междуречья увеличивалось, помимо естественного прироста, за счет колонизационного притока, направлявшегося несколькими путями— из Новгородской области и из земли смоленских кривичей. К началу XI в. все течение Волги, до р. Костромы и даже ниже, было усеяно славянскими поселениями. Славянами был занят и бассейн нижнего течения р. Оки.

То значение, которое в качестве основной торговой магистрали для Юго-Западной Руси имел Днепр, в Ростово-Суздальском крае принадлежало Волге. Волжская речная система связывала Прибалтику с прикаспийскими странами почти сплошной водной дорогой. Многочисленными притоками Волга глубоко врезывалась в северо-восточные русские земли. Экономическое значение Волжского пути, возросшее в VIII—IX вв. во время арабского господства в Средней Азии, не исчезло и после падения арабской власти. В бассейне Средней Волги и нижнего течения Камы лежала территория Камской Болгарии, находившейся в оживленных торговых сношениях со Средней Азией и другими восточными странами. Многочисленные находки в области Верхней Волги восточных и западноевропейских монет X—XII вв. служат показателями широких рыночных связей, соединявших Ростово-Суздальскую землю с отдаленными западными и восточными рынками.

При сыновьях Ярослава Владимировича Окско-Волжское междуречье вместе с Суздалем и Ростовом досталось третьему сыну Всеволоду, севшему княжить на юге, в Переяславле. Всеволод и его сын Владимир Мономах, поглощенные киевскими событиями, не забывали и о своей северо-восточной окраине, старательно оберегали ее против нападений черниговских князей. Владимир Мономах в конце жизни послал в Суздаль своего младшего сына Юрия.

Юрий Владимирович, по прозвищу Долгорукий, большую часть жизни провел на севере. При нем в Ростово-Суздальском крае появился ряд новых городов, в том числе Юрьев-Польский, Дмитров и Москва. Первое упоминание о Москве в летописи относится к 1147 г. В этом году Юрий Долгорукий позвал в Москву своего союзника в борьбе с киевскими и смоленскими князьями, черниговского князя Святослава Ольговича: «Приди ко мне, брате, в Москву». Судя по краткому летописному известию, Москва в это время была еще неукрепленным княжеским селом, расположенным на окраине суздальских владений, при впадении р. Неглинки в Москва-реку. В одной из позднейших летописей есть известие,

что Юрий Долгорукий построил город Москву, т. е. на месте села соорудил деревянную крепость.

Владея Ростово-Суздальской землей, Юрий Долгорукий вел упорную борьбу с племянниками за Киев, который ему удалось закрепить за собой только в конце жизни. Юрий поступил по примеру отца: старших сыновей держал при себе около Киева, а младших посылал в Суздальскую землю. Но этот порядок нарушил старший сын Андрея, который родился и вырос на севере. Андрей не любил Киева и не понимал желания отца бросить свою залесскую сторону ради киевского стола. Еще при жизни отца он ушел в Ростов и с согласия суздальцев и ростовцев после смерти отца остался там княжить. Из Ростова Андрей Боголюбский зорко следил за киевскими делами. Когда Киев попал во враждебные руки, он тотчас послал большое ополчение, которое захватило и разграбило Киев в 1169 году.

Овладев Киевом, Андрей Боголюбский, однако, не переехал в старую столицу, а посадил в ней одного из младших братьев. Этот поступок указывает на перелом, происшедший в отношениях князей к Киеву, который потерял значение политического центра. Андрей Боголюбский перенес столицу в новое место—во Владимир на р. Клязьме. В лице Андрея в Ростово-Суздальском крае еще раз возродилась традиция властной политики Владимира Мономаха. Утвердившись на севере, Андрей Боголюбский прилагал большие усилия к тому, чтобы удержать в своих руках сильную власть и вновь объединить все части Киевского государства.

Молодое Ростово-Суздальское княжество вырастало в борьбе с соседними землями. Самым опасным соседом для владимирского князя был Новгород. И новгородские и суздальские дружины встречались в Поморье, куда они одновременно ходили собирать дань с населения. Соперничество в захвате богатого поморья дополнялось борьбой за область Верхней Волги. Владимирский князь не мог допустить, чтобы в Новгороде садился кто-либо из враждебных ему князей. С другой стороны, включение Новгорода в политическую систему Владимиро-Суздальского княжества давало бы последнему огромные экономические и политические преимущества. Поэтому Андрей держал в Новгороде подручных князей: сыновей, племянников или послушных ему смоленских князей. В 1169 г. новгородцы послали дружину в Заволочье (Двинскую землю) собирать дань. Андрей отправил туда же свою дружину. Новгородцы разбили суздальцев и взяли дань с суздальских смердов (т. е. с населения, платившего дань владимиро-суздальскому князю). Желая наказать новгородцев, Андрей Боголюбский отправился в поход на Новгород с большой силой. Новгородцы под стенами своего города вновь нанесли такое поражение суздальскому войску, что пленного суздальца покупали за две ногаты (ногата — мелкая денежная единица; около этого времени овца стоила 6 ногат, в три раза дороже, чем пленный суздалец). Однако разрыв с Владимиро-Суздальской землей, откуда в Новгород поступал хлеб, немедленно вызвал страшную дороговизну и го-

лод в самом Новгороде. Тогда новгородцы послали к Андрею просить мира.

Андрей Боголюбский много сделал для усиления великокняжеской власти. По словам летописи, он хотел быть «самовластцем в своей земле». Андрей изгнал из Суздальской земли младших братьев и племянников, а также старших бояр своего отца. Этой же политикой объяснялось то предпочтение, которое Андрей отдавал Владимиру на Клязьме перед старыми городами — Ростовом и Суздалем. При нем Владимир превращается в княжескую столицу. Андрей с помощью иноземных мастеров построил во Владимире великолепный Успенский собор, на украшение которого не жалел средств. Недалеко от города, в селе Боголюбове, был сооружен загородный замок князя, ставший его любимым местопребыванием.

Обосновавшись во Владимире, Андрей вел борьбу со старыми городами — Ростовом и Суздалем. Вокруг этих городов находились боярские владения, создававшие экономическую опору для политических притязаний старейшей дружины. Интересы феодалов-землевладельцев были связаны с интересами крупного купечества старых городов. Наоборот, в молодом городе Владимире не было ни крупного боярского землевладения, ни старых политических связей. Младшая дружина, набиравшаяся из разных слоев населения, в том числе из холопов, поддерживала своего князя, так как полностью от него зависела. Для боярства старых городов это были «мизинные люди», — так оно с презрением называло владимирцев.

Самовластная политика Андрея Боголюбского вызвала большое озлобление среди бояр и привела к заговору, в котором, по словам летописи, участвовало до 20 человек. Во главе заговорщиков стояла боярская семья Кучковичей. В июне 1174 г. заговорщики проникли в княжескую спальню и убили Андрея Боголюбского. На следующий день в Боголюбове началось народное волнение. Жители разграбили княжеский дом, а население в окрестностях избивало посадников и тиунов князя. Народное волнение затем перебросилось во Владимир, где продолжалось несколько дней. Народное восстание имело другие цели, чем дворцовый переворот: если бояре стремились избавиться от самовластного князя, то низшие слои населения восставали против общего усиления феодальной эксплоатации.

После смерти Андрея старшие города (Ростов и Суздаль) пригласили не его братьев, а племянников — сыновей умершего брата Ростислава Юрьевича, надеясь с их помощью восстановить утраченное политическое значение. Начались новые междоусобия, причем Ростов и Суздаль выступили против молодого города Владимира, стоявшего за младшего брата Андрея Боголюбского — Всеволода. Летописец сообщает об угрозе ростовцев и суздальцев, брошенной жителям Владимира: «Сожжем Владимир или опять посадим в нем посадника, ведь то наши холопы каменщики».

Всеволод Юрьевич с владимировцами разбил своих противников,

выступавшие против него бояре были схвачены, а их села отобраны. Благодаря этой победе город Владимир на Клязьме окончательно стал главной княжеской столицей. Княжение Всеволода III Большое Гнездо (1176—1212) представляет собой время высшего подъема могущества Владимиро-Суздальского княжества. Всеволод III продолжал политику отца и старшего брата. В отношениях с Новгородом ему удалось вновь завоевать влиятельное положение. Он называл Новгород своей «отчиной» и «дединой», т. е. достоянием своего отца и деда. Новгородцы должны были выполнять волю этого князя. В постоянной зависимости от Всеволода находилось и Мурсмо-Рязанское княжество. Рязанские князья попытались отложиться от Всеволода и для этой цели вступили в переговоры со своими далекими родичами — черниговскими князьями. Тогда Всеволод III переарестовал большинство рязанских князей и с семьями отправил их на север. В Рязани и по другим городам он посадил своих сыновей или посадников.

В киевских отношениях Всеволод использовал борьбу между потомками Мономаха и черниговскими князьями. Не давая ни одной стороне усиливаться, он благодаря этому держал общий контроль над юго-западными землями. На восточной границе княжества продолжалась успешная борьба с камскими болгарами.

Высокое политическое положение, которое занял Всеволод III, было отмечено автором «Слова о полку Игореве». В его представлении Всеволод является самым сильным русским князем. Призывая его помочь в беде русскому войску, автор «Слова о полку Игореве» говорит: «Ведь ты Волгу можешь разбрызгать веслами, а Дон вычерпать шлемами». Летописец называет Всеволода III «великим князем».

После смерти Всеволода между его сыновьями вспыхнула борьба, осложнившаяся новгородскими отношениями. Ярослав Всеволодович, поссорившись с новгородцами, занял город Торжок и не пропускал в Новгород хлеб. В Новгороде в этом году был большой неурожай. Начался голод. Новгородцы вступили в союз с Константином Всеволодовичем и призвали к себе торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удалого.

В 1216 г. на р. Липице, около города Юрьева-Польского, произошла битва между новгородцами, на стороне которых находился Константин Всеволодович, и суздальскими князьями Юрием и Ярославом. Битва, кончившаяся победой новгородцев, имела для Новгорода важные последствия, так как благодаря этой победе новгородцы отстояли свою самостоятельность.

После краткого княжения Константина Всеволодовича владимирский стол занял его брат Юрий Всеволодович (1218—1238). Юрию Всеволодовичу снова удалось усилить свое влияние в Новгороде. Опасность, нависшая над Новгородом с северо-запада, где возник Ливонский рыцарский орден, а также нападения со стороны Литвы заставили новгородцев, ради помощи и защиты, примириться с господством владимирского князя.

На восточной границе владимиро-суздальских владений продолжалась борьба с мордвой и с камскими болгарами. В 1221 г.

при впадении р. Оки в Волгу был заложен город Нижний-Новгород. Поход войск Юрия Всеволодовича внутрь мордовской земли усилил объединение среди мордовских племен, вождем которых был князь Пургас. В 1228 г. мордва во главе с Пургасом подходила к самому Нижнему-Новгороду.

Однако политическое положение Юрия Всеволодовича было значительно слабее его предшественника. Ему уже не удавалось держать под своей властью большинство тех русских земель, на которые распалось Киевское государство. Круг княжеской политики все больше замыкался. Внутри самой Владимиро-Суздальской земли появились признаки распада, который безуспешно пытался предотвратить Юрий. Хотя суздальские князья, принадлежавшие к роду Всеволода III, и называли Юрия своим «отцом» и «господином», но полного единства между ними уже не было. Крупнейшие города Владимиро-Суздальской земли — Переяславль, Ярославль, Суздаль, Ростов — становились центрами новых феодальных образований.

Попытки суздальских князей создать из северо-восточных русских земель большое и сильное государство, объединенное под властью великого князя, не привели к успеху по той же причине, по какой обширное Киевское государство распалось на отдельные части: развитие феодального хозяйства усиливало экономическую самостоятельность и укрепляло политическую независимость феодальных владельцев.

Характеризуя политику Андрея Боголюбского и его преемников, Маркс в «Секретной дипломатии XVIII века» писал: «Попытка Андрея Суздальского снова объединить некоторые крупнейшие части государства перенесением столицы из Киева во Владимир имела результатом лишь распространение разложения с юга на центр. Третий преемник Андрея отказывается даже от последнего признака верховной власти — звания великого князя и чисто номинального почитания, которым он еще пользовался».

Культура русских княжеств

После распада Киевского государства местные князья прилагали много стараний для устройства своих столиц, каждая из которых в местных вариациях повторяет облик феодального политического и религиозного центра. Везде выстраивали крепости из деревянных, а иногда и каменных стен; в каждой столице внутри крепости сооружались дворцовые и церковные здания.

Сильные и богатые князья в устройстве своих столиц подражали и соперничали с Киевом. Однако только немногим из них удалось подобно Киеву создать величественные сооружения, требовавшие больших материальных затрат и значительных технических средств.

Среди русских городов в XII в. первое место занимает Владимир на Клязьме, быстро поднявшийся при Андрее Боголюбском. Выстроенный на средства этого князя, Успенский собор вызывал общее удивление современников и являлся одним из самых выда-

ющихся памятников архитектуры XII в. В его постройке участие принимали западные, в частности, возможно, итальянские мастера. Фасад Успенского собора украшен резным камнем. Внутренность его была отделана с исключительной пышностью—золотом, мозаикой и фресками. В целом собор должен был производить на современников даже более грандизоное впечатление, чем Софийский собор в Киеве. Андрей Боголюбский построил во Владимире новые укрепления, часть которых составляли «Золотые ворота», подражавшие «Золотым воротам» в Киеве. Недалеко от Владимира, в Боголюбове, был выстроен замок, ставший любимым местопребыванием князя. От этого замка сохранилась небольшая часть в виде каменной башни.

В начале XIII в. во Владимире по соседству с Успенским собором был построен Дмитровский собор. Наружные стены собора охвачены арочным поясом. Отделенная ими верхняя половина стен покрыта изображениями людей, животных и растений, искусно вырезанных из белого камня. По своему содержанию они воспроизводят сцены из церковной истории, с чертами, характерными для средневекового романского (итальянского и французского) искусства. В архитектурных формах владимиро-суздальской постройки XII—XIII вв. заметно, помимо романского, влияние грузинского искусства, что объясняется развитием сношений между Владимиро-Суздальским краем и Закавказьем.

Большие сооружения воздвигались в XII в. галицкими князьями. По летописным известиям, с исключительным великолепием была отстроена новая столица Даниила Романовича — Холм. Памятники галицкой архитектуры этого времени полностью погибли.

Крупнейшим памятником новгородского зодчества конца XII в. является Спасо-Нередицкая церковь, в архитектуре и украшениях которой романское влияние встретилось с восточным, в частности — с искусством Закавказья. Внутренние стены храма покрыты замечательной фресковой росписью. Среди изображений имеется портрет новгородского князя, как предполагают, Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского).

Монументальные сооружения XI в. и отчасти XII в. символически отображали могущество княжеской власти. В небольших феодальных центрах XII—XIII вв. такие постройки были уже не под силу их небогатым владельцам. Княжеское строительство мельчает. В украшениях внутренних стен дорогая мозаика вытесняется фресковой росписью. В северо-западных городах, все больше втягивавшихся в торговые связи с Западной Европой, возникает церковное строительство на средства городских организаций и отдельных богатых купцов.

Развитие каменного зодчества в русских землях XI—XIII вв. коснулось преимущественно культовых построек, затем — крепостных сооружений (крепостные ворота в Киеве и Владимире, крепостная стена в Новгороде) и отчасти — княжеских дворцов. Основным материалом для остального строительства оставалось дерево. Даже укрепления многих крупных городов состояли из зем-

ляных валов и деревянных стен. Ни одного из деревянных сооружений этого времени не сохранилось.

В промежуток времени после распадения Киевского государства и до монголо-татарского погрома (с конца XI в. до середины XIII в.) литература продолжала следовать тем направлениям, которые установились при Ярославе и его сыновьях.

В области церковно-назидательной литературы большое распространение получила торжественная проповедь. Обильно насыщенная риторическими украшениями, торжественная проповедь была рассчитана на изысканный вкус образованной части господствующего класса. В этой области выдвинулось несколько блестящих представителей ораторского искусства и литературного мастерства — в том числе Климент Смолятич и Кирилл Туровский.

Климент Смолятич (Климент из Смоленска) был киевским митрополитом в середине XII в. О нем летописец отзывается как о большом книжнике и философе. Климента упрекали в том, что он в своих сочинениях ссылался не на отцов церкви, а приводил примеры из Гомера, Аристотеля и Платона. Эти интересные указания показывают, какими путями через византийскую литературу проникало в Киевскую Русь влияние классической Греции.

Значительное число поучений («слов») сохранилось от Кирилла, родом из Турова (Кирилла Туровского), жившего во второй половине XII в. Его произведения представляют наиболее чистые образцы церковного ораторского искусства, в которых мы не находим отклика на современные политические события. Особенностью литературного стиля Кирилла Туровского было ритмическое построение речи, местами переходящее в рифмы. Эти произведения показывают образованность автора и его начитанность в византийской литературе.

По мере того как в русской церкви создавался собственный пантеон «святых», складывалась и особая «житийная» литература, состоявшая из жизнеописаний (житий) прославленных церковью «подвижников» и «мучеников». Образцом для них являлась византийская житийная литература, выработавшая строго определенную форму и стиль подобных произведений.

Светская литература киевского периода (т. е. литература, разрабатывавшая темы, непосредственно не связанные с церковной деятельностью) сохранилась еще в меньшем размере, чем церковная. Исключение составляют летописи, писавшиеся при княжеских дворах, монастырях и епископских кафедрах. Они имели большое значение в междукняжеских отношениях, тщательно сохранялись и переписывались.

С образованием ряда феодальных княжеств в них возникла местная летопись, воспринявшая опыт киевского летописания. В период возвышения Галицкого княжества появилась Галицко-Волынская летопись, излагавшая преимущественно события, касавшиеся Галицкой земли или деятельности галицких князей. Из Киева летописание перешло в Переяславль, откуда было перенесено во Владимир на Клязьме и Ростов. В конце XII в. во Владимире был

составлен летописный свод общерусского характера. Необходимость в таком своде возникла в связи с той политической ролью, которую в это время играл Владимир на Клязьме по отношению к другим русским землям. Большого развития в XII—XIII вв. достигло также новгородское летописание.

Светская литература, уделявшая главное внимание политическим событиям, почти не касалась социальных вопросов. Исключение составляет произведение, известное под именем «Моления Даниила Заточника». Предполагается, что оно было написано в Суздальской земле в промежуток времени 1224—1236 гг. Темой его являются страдания бедного человека и поиски средств к избавлению от холопского состояния. По мысли автора, три пути вели к избавлению от холопства. Можно было стать свободным человеком, женившись на богатой невесте, потому что тесть мог выкупить из холопства. Но освобождение посредством выгодного брака автор решительно отвергает: «Лучше бо ми трясцою (лихорадкой) болети, трясца бо, потрясчи пустит, а зла жена и до смерти сушит». Другое средство к освобождению от холопства — путь в монахи, в чернецы. Сам Даниил был невысокого мнения о монахах. Оставалась еще одна возможность — стать княжеским холопом. Даниил доказывает, что князю нужны умные и знающие люди. Про себя он говорит, что он на «рати не вельми храбр... но в словах крепок». Не получив систематического образования, он почерпнул знания из чтения книг. Служба князю давала возможность надеяться на освобождение. «Всякому дворянину имети честь и милость у князя...».

Даниил Заточник в своем произведении поднимал важный социальный вопрос о положении холопов и о путях к освобождению от рабского состояния. Повидимому, сам Даниил Заточник принадлежал к составу боярских холопов. Возможно, что он был холопом не по рождению, а попал в рабскую неволю вследствие бедности или разорения. Он — «заточник», т. е. человек, находящийся в заточении, в тюрьме.

Особое место в литературе данного времени занимает знаменитое «Слово о полку Игореве». Своим историческим содержанием оно связано с концом XII в., когда с распадом Киевского государства все более грозной становилась опасность для южных русских земель со стороны половецкой степи.

«Слово о полку Игореве» было впервые случайно обнаружено богатым собирателем древностей графом Мусиным-Пушкиным в 1795 г. среди рукописей, приобретенных в одном монастыре в Ярославле. В первый раз замечательный памятник был издан в 1800 г., но, к сожалению, рукопись постигла трагическая судьба: во время страшного московского пожара в 1812 г. богатейшая библиотека Мусина-Пушкина сгорела; вместе с ней погибла рукопись. Поэтому исследователи последующего времени были лишены возможности изучить приобретенную Мусиным-Пушкиным рукопись.

Уже вскоре после московского пожара в литературе стали раздаваться голоса о подложности этого памятника, причем основным

доказательством являлось его высокое поэтическое совершенство, на которое будто бы ни один русский писатель древнего времени не был способен. В свое время еще Пушкин остроумно заметил, что, обозревая писателей XVIII и начала XIX в., он и среди них не может указать ни одного, кто бы мог написать подобное поэтическое произведение. Вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве» был решен лишь в середине XIX в., когда была найдена повесть о Куликовской битве, относящаяся к началу XV в. Оказалось, что в этой повести есть заимствования из «Слова о полку Игореве». Следовательно, автор, писавший о Куликовской битве и воспевавший мужество и храбрость русских воинов, пользовался как образцом памятником XII в. Этим были уничтожены подозрения в подделке «Слова». Дальнейший анализ памятника с литературной и исторической стороны вполне подтвердил выводы о подлинности «Слова о полку Игореве».

Основной темой произведения «Слово о полку Игореве» был неудачный поход в 1185 г. новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, описание которого сохранилось в летописи.

Выбор именно такого сюжета объяснялся желанием в живых художественных картинах показать, с одной стороны, смелость и отвагу русского войска, а с другой — причину его гибели и бедствий русской земли. Автор «Слова» использовал трагический конец похода русской дружины в половецкую степь, чтобы с большей исторической правдивостью и огромной художественной выразительностью обрисовать бедственное положение русских земель в конце XII века.

Княжеские усобицы всей своей кровавой тяжестью ложились на население. Одним из первых поднял меч князь Олег Святославич, которого автор называет Гориславичем. Ведь «тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял... Тогда по русской земле редко пахари перекликалися, но часто вороны каркали, деля между собою трупы...». Автор хорошо понимает причины этих усобиц. Князь сказал князю, брат говорил брату: «это мое, а это тоже мое», и начали князья про малое говорить: «это великое» и сами на себя «крамолу ковать», а враги со всех сторон с победами приходили на русскую землю. «И застонал Киев от печали, а Чернигов от напасти. Тоска разлилась по русской земле. Печаль обильная текла среди земли Русской».

Таким образом, успех половцев объясняется своекорыстной и хищнической политикой самих русских князей, которые замыкались в своих местных феодальных мирках и оттуда производили губительные нападения друг на друга. Автор дает общую картину состояния русских земель, а также внутренних и внешних отношений. Со страстным призывом обращается он к самым сильным князьям — галицкому Ярославу Осмомыслу и суздальскому князю Всеволоду — оказать помощь попавшему в беду игореву войску. Но ни тот, ни другой князь не двинулись из своих далеких владений. С горечью, с тоской вспоминает он времена «старого» Владимира Мономаха. «Того старого Владимира нельзя было при-

гвоздить к горам киевским». Но стяги его поделили между собой князья, соперничающие друг с другом; в разные стороны развеваются их бунчуки на знаменах.

Неизвестный нам автор был хорошо образованным и начитанным человеком, прекрасно осведомленным о политической жизни на всей огромной территории русской земли. Литературная манера, отдельные выражения и умелое использование литературных приемов показывают знакомство его с другими литературными памятниками, в частности можно установить влияние византийских военных повестей. Однако не следует преувеличивать этот подражательный элемент, как пытались сделать некоторые исследователи. В основном «Слово» проникнуто народной поэзией, в нем сохранилось много элементов фольклора. Близостью к народному творчеству объясняется и чрезвычайное богатство языческой мифологии. Здесь представлен весь старый пантеон русских богов: Велес, Стрибог, Хорс и различные мифические существа. Маркс писал: «Вся песнь носит христианско-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».[1] Сильное влияние народного творчества объясняет нам и то место, которое занимает в этом произведении одухотворенная природа, составляющая одно целое с человеком; в знамениях природы, то грозных, то благоприятных, человек читает свою судьбу.

Автор «Слова», не ограничиваясь художественно-литературной стороной, ставил перед собой и определенную политическую цель. Все произведение проникнуто сознанием общих интересов русской земли, страдающей от кровавых усобиц князей и не менее губительных нападений степных хищников. Вся поэма является страстным призывом к единению русских сил, и в этом смысле «Слово» обращено не столько в прошлое, сколько в будущее. Маркс, давая историческую характеристику «Слова», отметил: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».[2]

«Слово о полку Игореве» сохранило в своем содержании ряд элементов народного творчества в виде эпитетов, поговорок, пословиц. К сожалению, от народного творчества киевской эпохи до нас дошли самые незначительные остатки, частью вошедшие в древние письменные памятники (следы народного творчества, кроме «Слова о полку Игореве», обнаружены в «Молении Даниила Заточника» и в летописях), частью сохранившиеся под слоем позднейших напластований в русском эпосе (былинах).

В XI—XIII вв. певцы под аккомпанемент музыкальных инструментов исполняли бытовые, обрядовые и исторические песни. К ним, повидимому, принадлежал и упоминаемый в «Слове о полку Игореве» «вещий» Баян, под искусными («вещими») перстами которого струны «рокотали» славу князьям. Народными певцами были также «скоморохи».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.
[2] Там же.

Последующие исторические события в Приднепровье закрыли в народной поэзии древнейшие исторические темы, связанные с эпохой Киевского государства. На Украине они были вытеснены казацкими думками и песнями, рассказывавшими о горькой крестьянской неволе под панским господством. Древние темы в народном репертуаре постепенно исчезли и в других местах страны, за исключением северного Поморья.

Побережье Белого моря и область северных рек — Северной Двины, Мезени, Пинеги, Печоры и др.— оказались настоящей сокровищницей народной поэзии. Исследователи фольклора (Гильфердинг, Рыбников и др.) с изумлением услышали в крестьянской избе далекого севера, среди лесов и снегов, песни, в которых вспоминались бескрайние просторы южных степей, теплые реки, развесистые дубы, большие города, могущественные киевские князья, сильная «застава богатырская», стерегущая русскую землю от хищных степняков. В результате особых условий (консерватизм быта, отсутствие крепостного права) север оказался хранителем художественной старины. Русское население Поморья образовалось путем многолетней колонизации из разных мест; поселенцы приносили с собой эпические песни, сложенные в разное время и в разных местах—и в Киевской земле, и в Новгороде, и в центральных областях Московского государства. В народе они известны под именем «старин» или «старинок» (в литературе с 30-х годов XIX в. утвердилось за этими произведениями название «былины»). Передаваясь из поколения в поколение, старинки-былинки подвергались различным изменениям, а их исторические сюжеты оказывали взаимное влияние. Тем не менее в некоторых из них ясно выделяется древняя основа, сложившаяся не позднее XII—XIII веков.

К числу наиболее древних былин относятся былины о Добрыне Никитиче и Илье Муромце. Древнейшие элементы былины о Добрыне Никитиче восходят к XI—XII вв. Предполагают, что исторической основой этой былины была деятельность Добрыни (дядя Владимира Святославича) и борьба христианства с языческими верованиями. Былина об Илье Муромце, одна из самых распространенных и любимых в народе, в своей древнейшей части сложилась около XIII в., возможно, в Черниговской земле. Главной темой этой былины является защита богатырями русской земли: Илья стоит на «заставе богатырской».

Былина об Алеше Поповиче, повидимому, возникла в Ростово-Суздальской земле на основе исторических преданий конца XI и начала XII вв. Упоминаемый в былине змей Тугарин соответствует половецкому Тугор-хану, жившему в конце XI в. Интересно отметить, что в летописях сохранилось предание об Александре Поповиче. В одной из них рассказывается, как Александр Попович вместе с семьюдесятью «храбрыми» (богатырями) погиб в бою с татарами на р. Калке.

***

До нас дошли лишь незначительные остатки материальной культуры и литературы русского населения XI—XIII вв.; они не в состоянии дать полного представления о русской культуре того времени, несмотря на высокое совершенство отдельных памятников. С распадом Киевского государства увеличилось и культурное обособление крупнейших феодальных центров. Катастрофа, разразившаяся над русскими землями во время монголо-татарского нашествия, в значительной степени уничтожила неглубокий слой культуры феодального общества. Вследствие этого на некоторое время была прервана преемственная линия культурного развития, связанная с политическим расцветом Киева, Новгорода и Владимира на Клязьме.

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ И ШВЕДСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Юго-восточное побережье Балтийского моря, от Финского залива до Вислы, в XII в. было занято племенами прибалтийской (эсты и ливы) и литовско-латышской (леты-латыши, куроны, семигалы и др.) групп. Эсты жили на полуострове, образованном Финским и Рижским заливами. Впоследствии он получил название Эстонии или Эстляндии. Оба берега по нижнему течению Западной Двины, а также морское побережье к северу от нее занимали ливы. От их названия страна стала называться Ливонией. Выше ливов по Западной Двине жили леты (летьголы, латыши). Территорию к югу от нижнего течения этой реки занимали семигалы. Западными соседями последних были куроны.

Среди населения Прибалтики в XII в. существовали еще значительные пережитки первобытно-общинного строя. Во главе мелких племенных союзов стояли старшины, объединявшиеся вокруг более сильных вождей. Главным занятием были лесные и морские промысла. В некоторых местах велось пашенное сельское хозяйство.

В XII в. население, жившее в бассейне Западной Двины, платило дань полоцкому князю. На среднем и верхнем течении этой реки находились небольшие замки полоцких князей: Куконойс (Кокенгаузен) и выше, по течению реки — Герцыке.

Через остров Эзель и устье Западной Двины проходил один из старых путей из Прибалтики в Восточную Европу, которым еще в IX в. пользовались скандинавы. В начале XII в. на нем появились купцы из северо-немецких городов. Недалеко от устья Западной Двины возникла купеческая фактория. Юго-восточная Прибалтика, населенная слабыми, раздробленными и враждующими племенами, являлась заманчивой целью для завоевания и эксплоатации.

Систематическое вторжение немецких рыцарей на юго-восточный берег Балтийского моря началось с экспедиции монаха Августинского ордена Мейнарда из Дании. Он высадился в 1184 г. с купеческого корабля несколько выше устья Западной Двины, не-

далеко от фактории немецких купцов, у селения ливов Икскуль. Примерно через два года прибыли мастера и каменщики с Готланда и построили рядом с небольшим селением первый каменный замок. Затем появились другие замки, была сооружена первая церковь. Мейнард был немедленно возведен папой в звание архиепископа Ливонии с предоставлением права обращать «неверных» в христианство. Однако попытки насильственного крещения местного населения встретили упорное сопротивление. Крещеные ливы и семигалы, поняв действительную цель христианской проповеди, спешили смыть в водах Западной Двины навязанную им религию. Семигалы даже пришли с корабельными канатами, наивно пытаясь растащить на куски прочные стены каменного замка. Мейнард принужден был тайком бежать из Ливонии. Римский папа, узнав о крещении нескольких десятков ливов, нашел, что их «не надо покидать, а принудить к сохранению веры». Поэтому он дал полное отпущение грехов всем тем, кто будет участвовать в распространении христианства в Прибалтике, иначе говоря, вступит в борьбу с мирным населением этого края. Сам Мейнард вскоре умер в Германии. Его преемник Бертольд был убит в одном из столкновений с ливами. Привезенные им саксонские рыцари должны были отправиться за новой помощью. Тогда ливы отреклись от христианства. Выйдя из бань, они обливали себя водой и говорили: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и само христианство, принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам».

Миссионерская деятельность первых епископов Ливонии послужила толчком к военно-колонизационному движению в Прибалтику немецкого феодального рыцарства. Завоевание Прибалтики под видом христианской проповеди продолжал Альберт, которого Маркс назвал «паршивым бременским каноником». После посвящения в сан епископа Ливонии Альберт набрал до 500 вооруженных пилигримов. Весной 1200 г. он с рыцарями и купцами на 23 кораблях прибыл к устью Двины. С этого времени началась ожесточенная борьба рыцарей с местным населением. Чтобы иметь прочный опорный пункт, Альберт основал в 1201 г. недалеко от устья Двины город Ригу. Осенью этого года Альберт отправился в Германию за новыми пополнениями, так как прибывшие рыцари с награбленной добычей возвращались домой. Папа Иннокентий III призвал рыцарство к крестовому походу против ливов. Северогерманские купцы охотно давали на это предприятие деньги и корабли. «Жаждущие добычи и приключений рыцари принимаются за дело».[1]

Для удержания вооруженных пилигримов в Ливонии Альберт приступил к созданию постоянной рыцарской организации. Для этой цели он раздавал немецким рыцарям земли в качестве бенефиций. В 1202 г. с благословения папы был основан в Прибалтике, по образцу духовно-рыцарских организаций в Сирии, новый рыцарский Орден, члены которого вначале носили название «бра-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 341.

тьев рыцарства христова», или просто «воинов бога». Впоследствии за ними утвердилось название меченосцев (от изображения меча и креста на орденской одежде), или Ливонского ордена. Орденская корпорация подразделялась на братьев-рыцарей, орденских священников и орденских служителей (оруженосцы, ремесленники). Во главе Ордена стоял магистр, имевший в принципе неограниченную власть.

Братья-рыцари давали обеты целомудрия, послушания, бедности и обещание всю свою жизнь посвятить борьбе с «неверными». В действительности рыцари не отличались ни воинской дисциплиной, ни скромностью, ни бедностью. В 1207 г. рыцари потребовали от епископа Альберта в награду «за свой труд» предоставления Ордену одной трети всех завоеванных земель. Папа Иннокентий III особой буллой подтвердил это соглашение.

Население Прибалтики — ливы, эсты, куроны, семигалы и др.— оказывало отчаянное сопротивление Ордену и войскам епископа. Началось жесточайшее истребление населения; пленные избивались целыми толпами, деревни выжигались, женщины уводились. Жители Прибалтики, вооруженные примитивным оружием, не могли с успехом сражаться против рыцарей, закованных в броню. Блестящие шлемы и панцыри вызывали среди них суеверный страх. Опустошение довершали голод и болезни. Поэтому захват Ливонии был совершен в сравнительно короткий срок.

По мере продвижения вверх по Западной Двине рыцари приближались к русским владениям. Полоцкий князь считал Прибалтику своим владением и собирал дань с населения. Захват епископом и Ливонским орденом юго-восточного побережья Балтийского моря ставил под удар ближайшие русские города, особенно Полоцк, Витебск и Псков. Попытки полоцких князей уничтожить Рижский замок успеха не имели.

В борьбе с епископом и Орденом русские находили поддержку со стороны местного населения, для которого угнетение, принесенное рыцарями, было во много раз тяжелее дани, собиравшейся полоцким князем. Но в 1222 г. смоленский князь, заинтересованный в возобновлении экономических сношений с Прибалтикой, заключил торговый договор с Ригой.

Закончив завоевание Ливонии, рыцари с 1212 г. начали наступление на Эстонию. Походы, обычно совершавшиеся зимой, когда замерзали болота и реки, сопровождались ужасными опустошениями края: мужчин поголовно убивали, женщин и детей забирали в плен, скот уводили, деревни сжигали. Современник, участник этих событий, Генрих Латвийский, автор очень интересной и ценной в историческом отношении хроники, оставил нам чрезвычайно яркие картины рыцарских «подвигов». Описывая один из таких походов, он с восторгом рассказывает о возвращении победителей: «Бегущих эстов повсюду преследовали и убивали направо и налево, пока не обессилили от усталости и люди и кони». Закончив разорение страны, «тогда, наконец, на четвертый день собрались все в одном месте со всем награбленным, а оттуда, гоня с собой коней и массу скота, ведя женщин, детей и девушек, с боль-

ной добычей радостно возвратились в Ливонию, благословляя господа за это возмездие, посланное на язычников. И смутились язычники, и был у них великий плач и вопль. Плакала и Эстония о детях своих, и не могла утешиться...»

Однако епископ Альберт и Орден не имели достаточно сил для полного покорения Эстонии. Альберт отправился в Германию для проповеди нового крестового похода, которая привлекла многих знатных рыцарей, в том числе нескольких герцогов, спешивших принять участие в ограблении Прибалтики. Даже архиепископ города Магдебурга обратился к германскому императору с просьбой выдать ему грамоту на земли, находящиеся за Ливонией. Император исполнил эту просьбу и подарил навеки архиепископу и магдебургской церкви «земли языческие за Ливонией и ее пределами, которые будут обращены в христианство». Подарок, очевидно, предполагал занятие русских земель, но этого ни архиепископ, ни его преемники осуществить не могли.

Одновременно с организацией новой экспедиции Альберт обратился к датскому королю с предложением принять участие в покорении Эстонии. Датский король высадился на эстонском берегу и основал город Ревель. Вскоре между немцами и датчанами начались столкновения. Так как условием зависимости местного населения считалось крещение, то священники обеих сторон с большой поспешностью бросились распространять христианство. Два ливонских священника успели окрестить много народа около Юрьева. Тогда пришли датчане и повесили местного старшину за то, что он принял крещение от рижан, а не от датчан. В дальнейшем, чтобы ускорить распространение христианства, по деревням рассылали «святую воду», требуя, чтобы жители кропили ею свои жилища, женщин и детей.

Между тем в Эстонии появился еще один претендент — шведский король. Однако попытки шведов овладеть берегом, лежавшим на восток от острова Эзель, кончились полной неудачей. Изгнав шведов, жители Эзеля продолжали борьбу с датчанами. Им удалось истребить часть датчан, а остаток их выгнать со своего острова. Эзельцы разослали гонцов по всей Эстонии с объявлением о победе. В короткое время поднялась вся страна. Население нападало на рыцарские замки. Когда в одном из замков был истреблен весь гарнизон, местные старшины послали к соседним племенам окровавленные мечи — призыв к общему восстанию. В то же время эстонцы обратились за помощью к русским в Псков и Новгород. Подошедшие русские отряды были поставлены в разных местах. Тогда население стало отрекаться от христианства, умерших вырывали и сжигали по языческому обряду, дома обмывали водой и обметали вениками.

Слабой стороной восстания было отсутствие единства: Орден и епископ искусно пользовались враждой между отдельными племенами, особенно между ливами, латышами и эстами, и поочередно расправлялись с населением разных областей. Эстонцы вновь обратились за помощью к владимирскому князю Юрию II. Русские отряды дошли до Ревеля. Город Юрьев был занят русским гарни-

зоном. Туда прибыл из Новгорода князь Вячко (из полоцких князей), радостно встреченный местным населением.

К началу 1224 г. во всей Эстонии оставался только Юрьев, занятый небольшим русским гарнизоном во главе с князем Вячко. Ливонская хроника называет Вячко «древним корнем всякого зла», т. е. злейшим противником Ордена и епископа. Но русская помощь в это время не могла быть значительной, так как на юге русских земель появился новый враг — монголо-татары. Летом 1224 г. на Юрьев были направлены крупные силы. В походе участвовали два епископа со своими отрядами, крестоносцы, орденская братия, рижские купцы, вооруженные горожане, зависимые ливы и латыши. В Юрьеве засели две сотни русских и несколько сот эстонцев. Когда рыцарские войска подошли к Юрьеву, «то поля покрылись палатками». Осаждающие сначала действовали камнеметными машинами, затем была построена подвижная деревянная башня, которую придвинули к крепостному рву. После продолжительной осады, в течение которой ежедневно повторялся яростный штурм, осаждающим удалось проникнуть в замок. Тогда, пишет Генрих Латвийский, «тотчас начали убивать народ как мужчин, так и некоторых женщин, и не щадили никого, пока убитых не дошло до тысячи». Вместе с князем Вячко погиб весь гарнизон крепости. Юрьев был переименован в Дерпт и стал местопребыванием особого епископа. Вся Эстония должна была признать власть Ордена.

В 30-х годах XII в. положение Ордена ухудшилось. В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович с новгородскими и суздальскими дружинами разбил рыцарские войска около Юрьева. Осенью 1236 г. Орден послал экспедицию против литовцев. Рыцарям удалось проникнуть далеко в Литовскую землю и по обычаю сильно ее опустошить. Но на обратном пути литовцы и соединившиеся с ними семигалы нанесли им жесточайшее поражение. В числе убитых находился магистр Ордена.

Эти неудачи заставили Ливонский орден в 1237 г. объединиться с Тевтонским орденом, находившимся в Пруссии. Тевтонский орден, основанный в Сирии, перенес затем свою деятельность в Европу. По приглашению польского князя Конрада, боровшегося с литовцами-пруссами, Орден обосновался на нижнем течении Вислы.

С захватом Эстонии Орден стал непосредственным соседом Новгорода. Положение Новгорода осложнялось тем, что ему приходилось одновременно отбиваться с трех сторон: с севера, со стороны Невы, угрожали шведы, с запада — Ливонский орден и с юго-запада с первой половины XIII в. усилились нападения литовских князей. Междоусобная борьба между русскими князьями мешала им оказывать своевременную помощь Новгороду. Наконец и внутри Новгородской земли не было единства. Псков становился все более и более самостоятельным и вел независимую от Новгорода политику. Новгородские и псковские купцы встречались как конкуренты на путях балтийской торговли. Псков в своих торговых связях зависел от западнодвинского направления, Новгород обычно пользовался дорогой по Волхову и Неве. Враждеб-

ные отношения с Орденом больше затрагивали торговые интересы Пскова, чем Новгорода. Кроме того, Псков прикрывал собой новгородские земли и получал первые удары рыцарского наступления. Поэтому в Пскове часть боярства и купечества готова была итти на уступки Ордену с целью оградить свои экономические интересы в Прибалтике.

На всей северо-западной границе в 30-х годах сложилось неустойчивое равновесие. Если орденским войскам не удавалось проникнуть глубоко в новгородские области, то, с другой стороны, и русские отряды разбивались о рыцарские замки, за крепкими стенами которых могли отсиживаться даже небольшие гарнизоны. Между тем в 1238 г. русские земли подверглись опустошению со стороны полчищ Батыя. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться Орден для новых попыток осуществить обширные завоевательные планы. С благословения папы подготовлялся настоящий крестовый поход в русские земли, в котором, помимо Ордена и войск ливонского епископа, должны были принять участие датчане, шведы и норвежцы. Такой состав союзников давал возможность нанести удары по Новгороду и Пскову сразу с нескольких направлений.

Героем борьбы со шведами и ливонскими рыцарями стал князь Александр Ярославич Невский. Если новгородцы, не имевшие постоянного князя, могли о каком-нибудь князе сказать как о своем, новгородском, то это название больше всего подходило к Александру Ярославичу. В Новгород Александр Ярославич впервые попал 8-летним ребенком. В Новгороде он вырос, возмужал и приобрел большой боевой опыт, защищая северо-западные рубежи русских земель.

Батый не дошел до Новгорода, и Александр Ярославич благополучно переждал его поход. Осведомленный о планах Ордена, Александр Ярославич начал в этот год укреплять линию р. Шелони. Однако ближайший удар последовал не с этой стороны, а с севера, со стороны шведов.

Шведы выступили летом 1240 г. под предводительством ярла (герцога) Бергера, фактически правившего страной. Под влиянием папских посланий, проповедывавших крестовый поход, Бергер собрал крестоносное ополчение из шведов, норвежцев, финнов и др. Шведы подошли Невой к устью р. Ижоры и остановились здесь, намереваясь итти дальше, на Старую Ладогу. В случае успеха они захватывали основную магистраль в торговых сношениях Новгорода с Западной Европой. Когда Александр Ярославич, находившийся в это время в Новгороде, услышал о движении шведов, он немедленно выступил в поход с небольшим отрядом воинов, но «в ярости мужества своего». Это выступление было произведено с такой поспешностью, что Александр Ярославич даже не сообщил отцу о присылке помощи и не собрал всего новгородского ополчения. Александр Ярославич неожиданно напал на шведский лагерь, расположившийся на левом берегу р. Невы, при впадении Ижорки. Здесь 15 июля 1240 г. произошло знаменитое «Невское побоище».

Наша древняя летопись точное описание даже выдающихся по своему значению битв в большинстве случаев заменяет условными литературными приемами. Но в отношении «Невского побоища» летопись делает исключение. Повидимому, в народе долго сохранялись воспоминания о наиболее ярких эпизодах этого сражения. В вошедшей в летопись повести о «Невском побоище» описаны подвиги шести храбрых воинов. Гаврила Алексич в разгар боя верхом на коне по доскам вскочил на палубу шведского корабля, но был сброшен вместе с конем в реку. Выбравшись на берег из воды, он продолжал сражаться. Недавно установлено, что к нисходящей линии Гаврилы Алексича принадлежит гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Новгородец Сбыслав Якунович поражал врагов одним топором, многих он убил, удивляя всех силой и храбростью. Княжеский ловчий Яков Полочанин с мечом врезался во вражеский полк. Он заслужил похвалу от князя. Новгородец по имени Миша с пешей дружиной уничтожил три корабля. Пятый, по имени Савва, наскочил на златоверхий королевский шатер, подрубил его столбы, шатер упал. Русские полки, увидев падение шатра, приняли это за предзнаменование победы. Шестой, Ратмир, бился пеший. Когда шведы окружили его со всех сторон, он продолжал сражаться, пока не был убит. Самому Бергеру Александр Ярославич нанес удар по лицу, «возложил печать на лицо острием своего меча». Разгром шведского крестоносного войска был полный. «С великой победой» вернулся Александр Ярославич в Новгород. Эта победа дала ему почетное народное прозвание «Невского».

В год победы над шведами на р. Неве ливонские рыцари начали наступление на Псковскую землю. На помощь рыцарям пришли «датские королевские люди». Немцы, датчане и дружинники дерптского епископа захватили город Изборск, имевший для Пскова очень большое стратегическое значение. Псковичи сделали попытку отобрать обратно Изборск, но, потеряв большое количество убитыми, укрылись за стенами своего города. Рыцари опустошили окрестности Пскова, но взять его не могли. Тогда псковский посадник Твердила Иванович, став изменником, сдал город и передал Псковскую землю рыцарям с условием, что будет владеть городом под покровительством Ордена.

Зимой 1240 г. орденские войска вторглись в Новгородскую землю. Рыцари построили крепость на месте новгородского погоста Копорья. Новгород был окружен почти со всех сторон, даже крестьяне в окрестностях города не могли пахать землю. Между тем после победы над шведами Александр Ярославич, рассорившись с новгородским боярством, ушел к отцу в Переяславль. Возможно, что причина ссоры заключалась в том, что бояре опасались усиления княжеской власти в связи с военными успехами Александра Невского, который был сторонником решительного отпора притязаниям Ордена. Опасность, угрожавшая Новгороду, заставила новгородцев призвать Александра Невского.

В 1241 г. Александр Невский вернулся в Новгород «и рады

быша новгородцы». С дружиной, состоявшей из новгородцев, ладожан, карелов, ижор, он в том же году отобрал Копорье и очистил от рыцарей Вотскую землю. Затем Александр Невский двинулся к Пскову. На помощь к нему пришло суздальское войско.

По поводу похода для освобождения Пскова русский летописец замечает: да не похвалятся немцы, говоря: «укорим словенский язык нежели собе». Александр Невский освободил Псков и взял много пленных. По словам одной ливонской хроники, в Псковской земле не осталось ни одного ливонского рыцаря. Не возвращаясь в Новгород, Александр Невский отправился дальше— в землю дерптского епископа. Ордену удалось разбить один из его передовых отрядов. Когда Александр Невский узнал о наступлении рыцарского войска, он немедленно занял позицию на льду Чудского озера в урочище Узмень, у Вороньего камня. Несмотря на начало апреля, лед на озере был еще достаточно крепким. Такой выбор позиции объяснялся желанием затруднить действия рыцарской конницы, тогда как в русском ополчении находилось много пеших воинов.

Сражение 5 апреля 1242 г. началось наступлением рыцарей, по обычаю двигавшихся клином. Такое построение русские называли «свиньею». Рыцарям удалось прорвать центр русского расположения. Однако, предвидя этот обычный прием, Александр Ярославич поставил сильные отряды по флангам. Поэтому сомкнувшиеся фланги сжали рыцарей с двух сторон. Последовало жестокое сражение, рыцари не выдержали и побежали: «И секахуть гоняще, аки по аеру и не бе им камо утещи и биша их на 7 верстах по леду» (и секли их убегавших так, будто по воздуху они неслись, и не было куда им убежать и били их на протяжении 7 верст на льду). В этом сражении пало около 500 ливонских рыцарей. Многие утонули в озере, часть раненых разбежалась. В плен было захвачено 50 рыцарей, которых привели в Новгород. В том же году Орден прислал посла в Новгород с поклоном, отказываясь от всех захваченных земель.

Победа Александра Невского над шведами и ливонскими рыцарями имела выдающееся историческое значение. Рыцарское наступление на восток было приостановлено. Александр Невский, про которого летопись говорит: «Бе побежая везде, а не победим николи же», дал на берегах Чудского озера столь решительный отпор немцам, что, по словам Маркса, «...прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы».[1] Патриотическая деятельность Александра Невского служила для всех последующих поколений примером преданности и любви к Родине.

Средняя Азия в XI—XII вв.

В конце X в. государство Саманидов пало под ударами тюрков, вторгнувшихся в Мавераннахр.

Среди тюркских племен, занимавших территорию Семиречья и Кашгарии, самыми многочисленными и культурными были карлу-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344.

ки. Они вели полуоседлый образ жизни, занимались скотоводством, знали также и земледелие. Через земли карлуков пролегал «Шелковый путь», связывавший западную часть Туркестана с Центральной Азией и Китаем. На этой дороге находилось несколько значительных городов. Караванная торговля втягивала тюркское население Семиречья в экономическую жизнь Средней Азии и ее оседлых районов. Торговые сношения, установившиеся между кочевым хозяйством и городскими рынками, способствовали расслоению среди кочевников и переходу их к оседлой жизни.

В конце X в. семиреченские тюрки, карлуки и другие племена были объединены под властью правящей династии, известной под именем Караханов. Выступление семиреченских тюрков под предводительством Богра-хана привело к падению Саманидского государства. Богра-хан встретил на основной территории саманидских владений, в Мавераннахре, лишь слабое сопротивление. Местные дехканы были недовольны властной политикой последних Саманидов. Крестьяне, подавленные тяжелыми налогами, также не были заинтересованы в защите их престола.

Борьба семиреченских тюрков под предводительством Богра-хана с Саманидским государством была облегчена выступлением против Саманидов Махмуда, по прозвищу «Гази» (воителя), властителя государства, образовавшегося в западной части Афганистана со столицей в гор. Газне (Махмуд вел происхождение от начальника гвардии из рабов, находившегося на службе у Саманидов. Основанная им династия получила название «Газневидов»). В союзе с тюрками эмир Газны нанес последние смертельные удары Саманидскому государству.

По соглашению, заключенному Махмудом с тюрками, весь бассейн Сыр-Дарьи отошел к Караханидам, тогда как владения Газневидов простирались на юг от Аму-Дарьи. В начале XI в. владения Махмуда достигли очень больших размеров. После падения Бухары Махмуд Газневид принял почетный титул «султана», а также получил от халифа грамоту на владение Хорасаном (к юго-востоку от Каспийского моря). Под властью Махмуда оказались не только Афганистан и земли, лежавшие к югу от Аму-Дарьи, но и большая часть Ирана и даже западная часть северной Индии. Махмуд предпринимал многочисленные походы из Газны, с одной стороны, в Хорезм, с другой стороны, в область Северной Индии. За 32 года он совершил 17 больших походов в Индию. Колоссальные ценности, собиравшиеся в Газне в результате этих грабительских экспедиций, поглощались жизнью роскошного султанского двора и богатой знатью.

Подражая Саманидам, Махмуд для придания блеска своей власти привлекал ко двору ученых и поэтов. Среди них находился знаменитый астроном, историк и филолог Бируни, родом из Хорезма. Он должен был заниматься астрологией и указывать своему повелителю удачные дни для походов, охоты и развлечений. Некоторое время при дворе Махмуда жил и знаменитый Фердоуси, который поднес султану «Шах-намэ» в окончательной редакции. Однако великому персидскому поэту вскоре пришлось бежать из

Газны. Газневидам, жившим преимущественно ограблением соседних стран, не удалось создать прочной государственной организации. Держава Газневидов просуществовала всего около 40 лет; она распалась в результате выступления туркменских племен.

В X в. туркмены (тюрки-огузы) жили в низовьях Сыр-Дарьи. В конце этого столетия они под предводительством беков, из рода Сельджука, заняли правый берег реки Заревшана и обосновались в местности между Бухарой и Самаркандом. Теснимые Караханидами, они от Заревшана отошли дальше на юг, в район Мерва. Недалеко от Мерва Сельджуки разбили Газневидов. Затем они овладели Ираном. Сельджукское государство, в основе которого лежало объединение туркменских племен, достигло крупных успехов во второй половине XI в., особенно при Мелик-шахе (1072—1092). Владения Сельджуков в это время распространились на все Закавказье. Фактически власть сельджукского султана признавало все мусульманское население, считавшее халифа своим духовным главой. На постройках вырезывалась надпись, внушавшая подданным необходимость полного повиновения султану. «Султан есть тень бога на земле». Столицей государства был город Мерв, переживший новый период расцвета, памятником которого в настоящее время являются развалины величественных монументальных сооружений. (Развалины древнего города находятся в 25 км. от современного Мерва).

В городе были многолюдные ремесленные кварталы, обширный базар, оросительные каналы, в окрестностях находились большие сады. Одним из замечательных памятников архитектуры и искусства является сооружение, известное в народе под названием мавзолея султана Синджара (сельджукский султан Синджар правил в 1118—1157 гг.). Исследование этого памятника, недавно произведенное Туркменским институтом истории, установило, что мавзолей был украшен с изумительным великолепием и мастерством, наружные стены были сплошь покрыты позолотой из чистого листового золота по рельефной резьбе. Купол мавзолея был, повидимому, голубого цвета. По словам знаменитого арабского географа Якута, жившего в Мерве в начале XIII в., город был крупным культурным центром: «Мерв во время моего отъезда, — пишет Якут, — имел десять библиотек вакфов, более богатых отборными сочинениями, чем библиотеки любого другого города». Мерв был полностью разрушен во время похода Чингис-хана в Среднюю Азию.

Движение тюркских кочевых племен в Мавераннахр имело важные социально-экономические последствия для населения земледельческих оазисов. Саманиды сделали попытку создать в земледельческих оазисах и кочевой степи централизованную систему управления по типу арабского халифата. После того как государство Саманидов было разрушено карлуками и газневидами, вся система, державшаяся на строгом подчинении местных вассалов общему государю, также была уничтожена.

Основным видом материального обеспечения господствующего слоя тюрков было пожалование ханом во временное пользование

земли—икты—с правом собирать налоги с населения. Для Караханидов, не расстававшихся с кочевой жизнью, такая форма эксплоатации населения была наиболее удобной. Она не связывала владельца с определенной местностью и вместе с тем позволяла ему существовать путем регулярных поборов. Караханидское государство представляло собою политическое объединение местных владений, во главе которых стояли представители господствующей династии (илек-ханы), подчиненные власти главного хана, ставка которого продолжала оставаться в Кашгарии (государство Караханидов называют также государством илек-ханов).

Караханиды нанесли сильный удар по местным дехканам. В источниках по истории Средней Азии дехканы старого типа (многие из них были очень крупными земельными собственниками) почти исчезают при Караханидах и Сельджуках. Это исчезновение связано с иной формой эксплоатации населения и с подавлением дехканства, которое после установления власти Караханидов пыталось оказывать им сопротивление.

После того как тюркская знать, втянутая в жизнь земледельческих оазисов и торговых городов, превратилась в оседлых землевладельцев, икта из временного, в большинстве случаев пожизненного, владения стала наследственной феодальной собственностью. Это имело большое значение для полного развития и в земледельческих районах Средней Азии феодальных производственных отношений со всеми характерными особенностями общественного и политического строя.

В XI в., с установлением более спокойного времени и порядка, вновь оживают среднеазиатские города. Сельджуки покровительствовали торговле, так как она приносила им значительные доходы. В Самарканде, Бухаре и других городах быстро вырастали кварталы, населенные ремесленниками и купцами, стали строиться караван-сараи, мечети, дворцы и другие сооружения.

Государство Караханидов распалось в XII в. в результате нового вторжения кочевых племен. В 30-х годах этого столетия в восточной части Туркестана появились кочевники, известные под именем кара-китаев. Их точная племенная принадлежность не может считаться вполне установленной. Одни исследователи сближают кара-китаев с тунгусскими народностями, другие—с монгольскими. Во всяком случае кара-китаи вышли из глубины Центральной Азии. Заняв долину реки Чу в Семиречье, они начали вторжение в область Мавераннахра. К этому времени государство Караханидов заметно ослабело, так как местные властители фактически стали независимыми от центральной власти.

Такой же участи подверглось и государство Сельджуков. В 1141 г. сельджуки были разбиты кара-китаями к северу от Самарканда. Поражение могущественных властителей Сельджукской державы произвело огромное впечатление в восточных странах и дало сильный толчок к распадению Сельджукского государства. Известие об этом событии достигло даже крестоносцев, воевавших с мусульманами в Сирии.

Овладев Мавераннахром, кара-китаи обложили население данью и ушли обратно в долину реки Чу. Глава кара-китаев носил титул «гурхана». Гурханы не раздавали уделов подобно Караханидам. Они оставили нетронутыми и местные порядки. Илекханы, сидевшие по разным городам, стали вассалами Гурхана.

Среди земледельческих оазисов Средней Азии одним из наиболее многолюдных и цветущих был Хорезм, по территории которого пролегала важнейшая караванная дорога в прикаспийские страны. С экономическим подъемом Хорезма было связано политическое усиление во второй половине XII в. его властителя—хорезм-шаха. Хорезм-шах Текеш в конце XII в. вступил в успешную борьбу с кара-китаями и сельджуками. Сын Текеша хорезм-шах Мухаммед (1200—1220) достиг дальнейших политических успехов. Умело пользуясь недовольством вассалов гурхана и возмущением населения, обложенного тяжелой данью, Мухаммед нанес тяжелое поражение кара-китаям. Таким образом было завершено создание крупного Хорезмийского государства, в состав которого вошла вся основная территория Средней Азии. Он окончательно присоединил к своим землям все бывшие владения Газневидов и поставил во главе их своего сына Джелаль-ад-Дина. В официальных документах Мухаммеда даже стали называть «вторым Александром». Обширное по территориальному размеру Хорезмийское государство не было внутренне прочным. Власть хорезм-шаха с неудовольствием признавали местные феодалы, сохранившие почти полную самостоятельность. Во враждебном отношении к нему находилась его собственная мать, пользовавшаяся большим влиянием в Хорезме. Ссора Мухаммеда с халифом Багдада вызвала оппозицию и со стороны высшего мусульманского духовенства. Единственную опору его власти составляло наемное войско, но оно не было достаточным для защиты всех его обширных владений. Поэтому он не смог выдержать удара со стороны свежих сил кочевников, организованных и объединенных под властью знаменитого завоевателя Чингис-хана.

Закавказье в XI—XII вв.

Начавшееся во время борьбы с арабским господством объединение мелких феодальных княжеств привело к образованию в Закавказье нескольких более или менее крупных феодальных государств. Эти государственные образования не были прочными. Их экономической основой оставалось раздробленное феодальное хозяйство. Товарищ Сталин говорит: «...Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян».[1]

Среди государств Закавказья XI—XII вв. первое место по размеру и политическому значению занимало Грузинское царство.

[1] Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 10. Госполитиздат. 1939.

Грузия. На территории Грузии к исходу X в. образовалось три царства: Абхазское—в Западной Грузии, Тао-Кларджетское—в долине р. Чороха, Кахетинское, охватывавшее бассейны рек Арагвы и Алазана. Тифлис с окружающей территорией составлял отдельное эмирство.

Тао-Кларджетское царство, в котором утвердилась одна из линий Багратидов, стало центром объединения феодальной Грузии. Под властью царя Баграта III (980—1014) находилось большинство грузинских земель, в том числе Картли, Абхазия и сама Тао-Кларджетия. Баграт III сломил сопротивление крупных феодалов. Таким образом, он фактически объединил большинство грузинских земель, разбивавшихся раньше на обособленные феодальные владения.

Вскоре после смерти Баграта III вновь усилилась оппозиция со стороны феодальной знати. Последнюю поддерживала Византия, упорно стремившаяся помешать объединению Грузии. Для этой цели византийское правительство подкупало отдельных представителей грузинской знати и пользовалось ими как средством для укрепления своего влияния, особенно в юго-западных частях Грузии.

Около середины XI в. Грузия подверглась вторжению сельджуков. Несколько раз Мелик-шах с большими полчищами появлялся во внутренних грузинских областях, разрушая города и опустошая страну. В конце XI в., после того как сельджукский султан заставил Византию согласиться на унизительный для империи мир, Грузия почти с трех сторон оказалась окруженной сельджукскими владениями. К этим бедствиям, ложившимся всей своей тяжестью на народную массу, в конце XI в. присоединились последствия катастрофического землетрясения, во время которого многие города были совершенно разрушены.

В течение XI—XIII вв. феодальное хозяйство в Грузии достигло полного развития. Большинство плодородных земель, а также хороших пастбищ оказалось во владении царя, церкви и светских феодалов. Основной рабочей силой в этом хозяйстве были крепостные крестьяне (глехи), распадавшиеся на ряд категорий (купленные, пожертвованные, пожалованные, добровольные и пр.). Землевладельцы получили право разыскивать беглого крестьянина в течение тридцати лет. Свободные крестьяне оставались главным образом в высокогорных районах.

Господствующий класс в Грузии—феодальные землевладельцы — в свою очередь подразделялся на несколько категорий. Общим наименованием этого класса, сложившегося в более или менее замкнутое сословие, — было азнауры (такое название грузинские дворяне носили до XV в.). Высшее положение среди них занимала феодальная знать («дидебули-азнаури»), состоявшая из немногих старых аристократических родов. За нею следовал многочисленный слой мелких азнауров, владевших относительно небольшими участками земли и находившихся в вассальной зависимости от крупной знати. На мелких азнаурах лежали тяжелые повинности в пользу выше их стоящих сеньоров, военная служба,

обязательное угощение сеньора, сопровождение его в походах и т. д.

Внутри класса феодальных землевладельцев образовались сложная система феодальных взаимоотношений и феодальная иерархия, очень близко напоминающие соответствующий порядок в Западной Европе. Сеньор в Грузии назывался патроном, т. е. покровителем или попечителем. Каждый сеньор, имевший собственных вассалов, мог быть в свою очередь вассалом выше его стоящего патрона.

Экономически сильной и политически влиятельной частью феодальной организации была грузинская церковь. На ее обширных владениях находилось множество поселений как с земледельческим крестьянским населением, так и ремесленников и купцов. Во главе церкви стоял католикос, имевший собственный двор и управление, подражавшие обиходу царской жизни. В середине XI в. власть в церкви перешла в руки крупнейших феодалов, из числа которых назначались епископы, настоятели крупнейших монастырей и пр. Церковь пользовалась большим влиянием во внутренней жизни Грузии и являлась могущественной опорой для притязаний феодальной знати.

Грузия была страной высокой сельскохозяйственной культуры. Большое распространение получили зерновые культуры, затем плодоводство, виноградарство, животноводство, пчеловодство, шелководство, хлопководство. Часть получаемой в сельском хозяйстве продукции вывозилась на заграничный рынок, в том числе лошади прекрасных пород, шелк, ковры, великолепные златотканные материи и т. п. Развитие торговли привело к накоплению больших материальных средств и к экономическому усилению купечества. Высший слой купечества состоял из крупных привилегированных и влиятельных негоциантов, в руках которых была сосредоточена торговля с другими странами.

Главою объединенного феодального Грузинского государства был царь, который со времени Баграта III носил титул «Царя царей». При царе находился феодальный совет (дарбази) и четыре министерства: военное, финансовое, внутреннего управления и оберцеремониймейстера. Страна делилась на воеводства, во главе которых стояли воеводы (эриставы).

В конце XI в. Грузия стала выходить из состояния экономического разорения и политической слабости. Царствование Давида II «Строителя» (1089—1125) началось в очень тяжелых условиях. Крупный политический деятель, обладавший большой настойчивостью и широким кругозором, образованный для своего времени человек, знавший многие языки, грузинскую и иностранную литературу, Давид II с огромной энергией принялся за восстановление государственной системы, дезорганизованной в результате нашествия сельджуков и сопротивления крупных феодалов. Давид II понимал, что укрепление государственного порядка могло произойти лишь в случае подавления оппозиции крупной знати. Ему приписывают слова: «Как нельзя выровнить собачьего хвоста и нельзя за-

ставить рака двигаться вперед, так нельзя выправить спесивых феодалов».

Большое значение имела реформа церковного управления, которая лишила феодальную знать поддержки со стороны церкви. Созванный по предложению царя церковный собор вынес постановление о смещении ряда церковных иерархов, происходивших из крупных аристократических фамилий. Места последних были замещены новыми лицами, не связанными непосредственно с интересами влиятельной знати.

Не менее важной была военная реформа. Грузинский царь не имел собственного войска, которое составлялось из феодальных ополчений его вассалов, и поэтому зависел от своих феодалов. Давид II впервые создал отдельную царскую армию. Для этой цели, пользуясь через жену родственными связями с половецкими племенами, он переселил часть половцев на территорию Грузии и из переселенных воинов образовал отборную армию. Создание постоянной вооруженной силы помогло Давиду II сломить сопротивление крупных феодалов, а затем освободиться от власти сельджукских султанов.

Борьба с сельджукскими султанами в эпоху Давида II была облегчена ослаблением Сельджукского государства в результате его распадения и походов крестоносцев. После занятия крестоносцами Антиохии и Иерусалима Давид II прекратил уплату дани султану. Так была восстановлена независимость Грузии.

При Давиде II, после присоединения восточной части грузинских земель, входивших в состав Кахетии и Эретии, и уничтожения Тифлисского эмирства было завершено объединение феодальной Грузии. Под власть Давида II подпали и некоторые соседние негрузинские земли. Он присоединил часть Армении, в том числе город Ани с окружной территорией, находившейся раньше под властью курдских эмиров. В борьбе с ними Давиду помогло местное население, страдавшее от господства курдов. В зависимости от грузинского царя оказались и властители северного Азербайджана.

Объединение Грузии содействовало общему подъему экономической и культурной жизни страны. В конце XI и начале XII вв. еще сильнее окрепли торговые связи Грузии с окрестными странами. При Давиде II было построено множество новых мостов, были проведены новые дороги, связывающие горные районы и торговые города; были основаны два научных центра: академии в Икалте и Гелати. В историю Давид II вошел с именем «Строителя», т. е. организатора Грузинского государства.

Ближайшим преемникам Давида II пришлось выдержать яростные попытки сельджукских правителей отобрать назад потерянные ими земли. Борьба с ними затруднялась внутренней борьбой с феодальной знатью, а также борьбой внутри царской семьи.

Внук Давида II «Строителя» Георг III (1156—1184) успешно отражал нападения мусульманских правителей и подавлял движение крупной аристократии. Одержав над нею победу, Георг III

произвел важные перемены в личном составе высшего управления. Он сместил сановников, замешанных в заговоре против царской власти, и назначил на их место лиц неродовитого происхождения. Не имея сыновей, Георг III при жизни возвел на престол единственную дочь — Тамару. Родовитая знать не без колебаний согласилась признать ее царицей.

После смерти отца Тамаре сначала пришлось пойти на значительные уступки в пользу феодальной знати. Для последней особенно было важно соединение должности канцлера, пользовавшегося большими политическими правами и влиянием, с высшей церковной должностью католикоса. Благодаря этому один из представителей аристократических фамилий, становившийся католикосом, объединял в своих руках высшую светскую и духовную власть. Затем родовитая знать постаралась избавиться от высших должностных лиц неродовитого происхождения, выдвинувшихся при Георге III. Государственный совет стал органом аристократии. Только ему стало принадлежать право выдвигать кандидатов на высшие должности и предлагать новые законы. Однако между аристократическими родами продолжалась борьба за первенство в управлении. Умело используя противоречия внутри феодальной знати, Тамаре удалось провести своих сторонников на важнейшие государственные должности.

После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Византия уже не могла вмешиваться в грузинские дела. Сельджукское государство окончательно ослабело. Воспользовавшись этим, Тамара подчинила значительную часть Азербайджана и Армении. Грузинское государство достигло при ней наибольших размеров — оно протянулось от Черного до Каспийского моря.

Из отвоеванной у Византии территории на южном побережье Черного моря было образовано самостоятельное Трапезундское государство, первым императором которого стал родственник Тамары Алексей Комнен. В Северной Армении грузины заняли Карс. Владея ранее занятыми Ани и Двином, грузины господствовали на всей территории севернее р. Аракса. В последние годы царствования Тамары была предпринята экспедиция в северную часть Персии, откуда совершались вторжения в область Ани. Результатом ее было временное подчинение Грузии Южного Азербайджана.

Царствование Тамары (1184—1213) было временем высокого политического расцвета феодальной Грузии. Сама личность Тамары представляет редкое сочетание мягких, женственных черт с мужественной волей, настойчивостью и большим политическим кругозором. Деятельность царицы, ее жизнь и подвиги стали излюбленной темой для народных поэтов и певцов. Имя Тамары знали далеко за пределами Закавказья. Как отзвук этой популярности, побеждавшей расстояния и время, мы встречаем рассказ о мужественной царице Иверской Динар (Тамаре) в русских литературных памятниках XVI века.

Время царицы Тамары завершает целый период культурного развития грузинского народа.

При Тамаре были созданы великолепные монументальные памятники, одним из образцов которых служит высеченный в скале Вардзийский монастырь. Внутренние стены обширного храма этого монастыря покрыты прекрасной фресковой росписью.

Сохранившиеся, к сожалению, лишь небольшие остатки литературного наследия указывают, как высоко поднялись грузинская научная мысль и поэтическое творчество грузинского народа.

Очень большое значение для грузинской культуры имело влияние античной литературы и философии. Грузинские монастыри, разбросанные среди византийских и иранских владений, собирали в своих богатых хранилищах разнообразную мусульманскую, античную и христианскую литературу. Есть основания предполагать, что в первой четверти XII в. появился сокращенный перевод Гомера. Крупнейший философ Иван Петрици, обладавший большими познаниями в греческой литературе, был последователем идей неоплатонизма. Античное влияние в противовес церковной догматике и схоластике прививало интерес к светским темам. Крупное значение имело также ознакомление с литературой мусульманского мира. К числу талантливых писателей времени Тамары принадлежали Шавтели и Чахрухадзе.

Самым замечательным памятником грузинской литературы этой эпохи является гениальная поэма «Витязь в тигровой шкуре» (Вепхвис Ткаосани), принадлежащая современнику Тамары — Шота Руставели. Древнейшие сохранившиеся списки поэмы относятся только к XVII в. Более ранние рукописи с произведением Шота до нас не дошли.

Беспокойная жизнь Грузии, территория которой постоянно подвергалась страшным разрушениям, не благоприятствовала сохранению древних рукописей. Среди множества других ценных памятников письменности погибли и древние списки бессмертной поэмы Шота Руставели. Кроме того, творчество великого поэта подвергалось преследованиям со стороны церкви, так как поэма, героями которой являлись сильные и смелые люди, находилась в полном противоречии с церковной средневековой схоластикой. Когда в начале XVIII в. царь Вахтанг VI велел напечатать поэму «Витязь в тигровой шкуре», то патриарх Грузии Антоний I приказал бросить печатные экземпляры этой поэмы в Куру. По образному выражению одного исследователя, вода не могла погасить огня поэтических строчек, а пламя костров не в силах было сжечь волнующую поэму.

В настоящее время собрано более семидесяти различных вариантов поэмы. Произведение Шота Руставели раздробилось на сотни частей, которые вошли в народные изречения, стихи, песни, поговорки и пр. Возникшая на основе народного творчества поэма вновь стала достоянием народа. По древнему обычаю в старой Грузии на свадебном пиру «руководитель стола» провозглашал

тост за новобрачных с пожеланием им всякого счастия и благополучия и заканчивал его словами:

«Приданое все по закону
Я дочери отдал своей,
Вдобавок «Вепхвис Ткаосани»,—
Всех в мире жемчужин ценней».

Наши сведения о великом поэте Шота Руставели очень скудны. Источниками для его биографии являются краткие упоминания о поэте в поэме и устные народные предания. Предание сообщает, что отец Руставели также был поэтом. Он умер незадолго до рождения сына. Шота сначала учился в церковной школе, а затем в основанной Давидом II Икалтийской академии. Слух о даровитом поэте, распространившийся по Грузии, дошел до царицы Тамары, которая отправила молодого писателя в Грецию. По преданию, Шота провел в Греции шесть лет. Возвратившись на родину, он стал заниматься литературной деятельностью. Вскоре он был приближен к царице и занял одну из придворных должностей.

В основе поэмы «Витязь в тигровой шкуре» лежат распространенные на Востоке сказочные сюжеты, которые получили в произведении Руставели дальнейшее литературное развитие. Есть все основания предполагать, что Руставели знал Гомера. В поэме рассеяны указания на ряд выдающихся памятников литературы X—XII вв.: «Вис и Рамин» Гургани, «Книга царей» Фердоуси. Следует отметить влияние и замечательного современника Руставели — азербайджанского поэта Низами Ганджеви. Огромное, хотя и не поддающееся точному учету, значение имело грузинское народное творчество.

Основным содержанием поэмы являются похождения рыцарей, которые в поисках любимой женщины обходят весь мир. Поэма Шота Руставели представляет собой своеобразную энциклопедию современной ему образованности. Описанные в ней события происходили во всех известных в то время географических пределах земного шара. В поэме упоминаются Аравия, Венецианское государство, Трапезунд, испанская Мавритания, Индостанский султанат, Китай, Хорезм, Византия. В ней нет только самой Грузии. Близкая каждому современнику родная обстановка скрывалась под вымышленными именами. Поэт создавал волшебный мир, но в его описании Аравии и Индии современник узнавал Грузию конца XII века.

В поэме ясно показана система феодального вассалитета, лежавшая в основе политического строя этих стран. Цари ведут борьбу с непокорными вассалами. При этом все симпатии поэта находятся на стороне сильной царской власти, необходимой для политического объединения страны и ее защиты.

Внутренняя жизнь Грузии была наполнена борьбой за родную землю против вторжения со стороны сельджуков, византийцев и других завоевателей. Борьба с врагами является основной темой

поэмы. В этом заключалось ее большое политическое значение. Героями поэмы (Автандил, Тариэль, Фридон) были наделенные чудесной силой, бесстрашные рыцари, готовые сражаться с многочисленными вражескими полчищами. Их основными качествами являются: мужество, упорство, честность и дружба. Герои поэмы не мирятся со злом.

«Лучше смерть, но смерть со славой,
Чем постыдной жизнью жить».

Самым позорным для них является страх:

«Что случиться может хуже—
Смертный страх увидеть в муже».

Мужество сочетается с дружбой. Только дружба героев позволяет им преодолеть все препятствия, стоящие на их пути.

Руставели создал и замечательные женские образы (Тинатин, Нестан-Дареджан, Асмат), в которых чарующая женственность соединена с мужественной волей. Женщине отведено очень почетное место в поэме. Один из героев говорит: «Женщину обидев, где найду себе покой». Любовь к женщине помогает героям переносить невыразимые мучения, любовь оказывается сильнее смерти. В этом культе женщины нет ничего принижающего ее достоинства, нет и намека на то оскорбительное отношение, которое, несмотря на внешнюю почтительную форму, господствовало среди рыцарей средневековой Европы. Женщина в поэме Руставели стоит рядом с мужчиной.

Представляя зло в разнообразных образах и проявлениях, Руставели показал торжество над ним человеческой воли. Благодаря этому поэма проникнута чувством светлой жизнерадостности. Интерес к человеку позволил поэту показать его в новом свете, раскрыть богатство его внутреннего мира и укрепить уверенность в своих силах. С этой стороны великое произведение Руставели представляет собою памятник раннего гуманизма. Оно появилось примерно на столетие раньше возникновения гуманистического движения на Западе. Нас не должно удивлять, что очаг этой культуры возник в горах Закавказья, так как именно здесь прочно хранились традиции античной культуры. Без этих условий Руставели, несмотря на гениальность, не в состоянии был бы создать памятник такого высокого совершенства, проникнутый любовью и верой в человека.

Творчество Руставели было в то же время глубоко народным. Страдания героев и их мужество были хорошо понятны свободолюбивому народу, который веками вел борьбу за существование. Образы рыцарей, наделенные привлекательными чертами, не были похожи на тех рыцарей-феодалов, которых знал народ как своих угнетателей. Эти образы воплощали лучшие народные чаяния, мечту о счастливой человеческой жизни. Поэтому народ бережно донес в своей памяти гениальное произведение Шота.

Армения. В течение первой половины XI в. большая часть Армении, разбитой на мелкие феодальные княжества, перешла под власть Византии. В захваченных областях была введена византийская административная система. В армянских городах были расположены византийские гарнизоны. Множество армян было переселено в Болгарию, где их заставляли сражаться со славянами. В свою очередь болгары переселялись в Армению.

Современник византийского господства в Армении в самых мрачных чертах рисует когда-то густо населенную и затем опустошенную страну. Для Армении византийское господство имело тяжелые последствия, так как, лишенная военной силы, она оказалась беззащитной перед сельджукскими нашествиями.

Как и в Грузии, сельджуки появились в Армении около середины XI в. В течение примерно пятнадцати лет произошло четыре крупных сельджукских нашествия, причем последнее было наиболее сильным. В это время был окончательно разрушен город Ани. «Осквернили и разорили страну нашу, — говорит современник, армянский историк Аристакос,— не один раз, а трижды. При этом каждый раз они возвращались в те же места, пока не лишалась вся страна жителей и не прекратился рев животных».

После того как византийские войска потерпели поражение в сражении с сельджуками в 1071 г., сельджукские правители стали полными хозяевами во всей Армении. Лишь в конце XI в. в разоренной Армении стала постепенно восстанавливаться экономическая жизнь.

После смерти сельджукского султана Мелик-шаха (1092) Сельджукская империя стала распадаться; на ее территории появились местные династы. В Армении в это время образовались отдельные армянские княжества. Значительная часть населения во время походов сельджуков бежала в область Киликийского Тавра. Здесь, скрываясь в ущельях и высокогорных районах, население продолжало вести борьбу с окружающими византийскими и мусульманскими властителями.

В неприступных теснинах Киликийского Тавра обосновался князь Рубен, родственник убитого армянского царя. Сын князя Рубена, воспользовавшись походами крестоносцев, отложился от Византии и объявил себя независимым. Преемники Рубена (Рубениды) стали владетелями всей Киликии. Объединив под своею властью мелкие армянские княжества, они организовали Армянское Киликийское царство, просуществовавшее около трех столетий (1080—1375).

На территории остальной Армении также образовался ряд мелких феодальных княжеств, во главе которых стояли преимущественно династы курдского происхождения. Северная часть Армении при Давиде II и Тамаре вошла в состав Грузинского государства.

Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия, в которых существовала Армения в XII—XIII вв., народное творчество этого времени оставило и в области материальной и в области духовной культуры ряд замечательных памятников. В армянской литературе

этого времени, как и в Грузии, наблюдается значительное гуманистическое влияние. Наряду с церковно-моральными сочинениями и догматической литературой в ней появляются светские темы.

В числе выдающихся писателей этого времени следует назвать сочинителя басен и притч — Вардана. Небольшие произведения Вардана легко воспринимались в народе, так как в понятной, конкретной и художественно-простой форме Вардан касался важнейших вопросов социальной жизни.

Примером таких произведений может служить маленькая басня «Князь и вдова». Жил князь — очень злой и несправедливый. В этом же городе жила бедная вдова. Князь, требуя податей, притеснял ее. Вдова молилась, чтобы князь имел долгую и спокойную жизнь. Об этом сказали князю: «В ответ на твое зло вдова за тебя молится». Князь был очень удивлен и велел передать вдове: «Я тебе не делаю добра, о женщина, почему же ты молишься за меня?». Тогда вдова отвечала: «Твой отец был дурной человек. Я его прокляла, и он умер. Ты сел на его место — и ты еще злее его. И теперь я боюсь, что ты умрешь и твой сын будет злее тебя».

Другим крупным писателем-гуманистом был Фрик, живший в начале XIII в. В своих произведениях он также выражал протест против социальных несправедливостей, причем причину их искал в отношениях между людьми: «Один богатеет за счет лишения другого,—говорит Фрик,—а другой теряет честно приобретенное».

Азербайджан. После распада арабского халифата в Азербайджане возник ряд мелких политических образований, во главе которых стояли правители и эмиры. В Северном Азербайджане самым крупным было государство Ширван-шахов со столицей в Шемахе. На юге находилось Ганджинское эмирство (столица — гор. Ганджа, теперь Кировабад). Особое княжество составлял Дербент с прибрежным районом. Дербент преграждал проход между отрогами большого Кавказского хребта; этим определялось его крупное экономическое и политическое значение.

После завоевания Армении Азербайджан подчинился сельджукским султанам. Местные азербайджанские династы стали вассалами сельджуков и уплачивали им дань.

В средней части Азербайджана образовалось даже отдельное сельджукское наместничество, которое впоследствии стало отдельным эмирством. С ослаблением Сельджукского государства вассальная зависимость от них местных династов прекратилась. В то же время усилилось влияние Грузии. При Давиде II и Тамаре значительная часть Азербайджана находилась под властью Грузии.

Экономически выгодное положение Азербайджана, через территорию которого проходили основные торговые связи между Северным Кавказом и Закавказьем, а также с прикаспийскими странами, создавало благоприятные условия для развития торговых городов и городской жизни. Самыми крупными среди городов были Ганджа, Шемаха, Дербент, Тебриз.

В промежуток времени между XII и XIV столетиями сложилась азербайджанская народность. Буржуазно-националистическая шко-

ла утверждала, что азербайджанцы произошли от пришлых тюрков, переселившихся на территорию Азербайджана после сельджукского завоевания. В действительности процесс образования азербайджанской народности был более сложным и совершался в основном на местной этнографической почве. Основу этой народности составляло древнее яфетическое население, жившее на территории будущего Азербайджана, родственное яфетидам остального Закавказья; с местным яфетическим населением впоследствии слились различные тюркские элементы (половцы, туркмены).

Близость к культурным областям Персии и сильное персидское влияние имели своим последствием разделение языка: на официальный, которым стал персидский, или фарсидский язык (классовый язык феодальной знати), и народный — «азери».

Ширван-шахи, следуя обычаю, распространенному на Востоке в это время, покровительствовали придворным поэтам, которые должны были прославлять деятельность и подвиги своих повелителей.

К числу лучших мастеров придворной поэзии принадлежал живший в XII в. Хакани.

Основателем классической литературы Азербайджана был Низами (Ильяс-Юсуф-оглы). Великий азербайджанский поэт родился в гор. Гандже (Кировабад) около 1140 г. Почти вся его жизнь протекала в родном городе. Низами был хорошо образованным человеком, имел познания в области философии, астрономии, медицины, обладал большой начитанностью в арабской, персидской и греческой литературе. Настоящим призванием Низами, которому он посвятил всю свою жизнь, была поэзия.

Низами, однако, не пошел по примеру своих предшественников путем придворных льстивых поэтов. К стихам придворной поэзии он применил старинное изречение, что «лучшие из них наиболее лживые из них». Стихи Низами уже при жизни доставили ему большую почетную известность, но не принесли богатства. Низами умер, как предполагают, в 1203 г. Его гробница находится на месте старой Ганджи (в нескольких километрах от Кировабада).

Литературное наследство Низами поражает своим размером. Достаточно сказать, что им было написано более 100 тысяч стихотворных строк, среди которых, по мнению литературоведов, нельзя найти ни одной строчки слабой в техническом отношении. Низами с большой строгостью относился к своей литературной работе. Он говорил, что «тому легко складывать слова, кто довольствуется пустыми стихами».

Главными произведениями Низами являются пять больших поэм, известных под общим названием «Хамсэ» (пятерица). Низами использовал для них старые народные сказания, иранские хроники и сюжеты, получившие большое распространение на Востоке. Вводя в рассказ многочисленные драматические эпизоды, Низами пользовался ими для показа внутренней жизни человека. Певец человеческой любви и мастер в раскрытии душевных движений влюбленных, Низами создал изысканную любовную лирику.

Характерной особенностью творчества Низами была его горячая любовь к человеку. С нею он соединял любовь к своему народу, к его языку и культуре. Разделяя участь других писателей Азербайджана своего времени, Низами принужден был писать на персидском языке. Однажды Ширван-шах заказал ему поэму, но потребовал при этом, чтобы она была написана на персидском языке:

«Нам не приличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие да слышим языки!»

На это Низами ответил словами, выражавшими протест и чувство скорби:

«Прочел я... Кровь мне бросилась в лицо,
Так, значит, в ухе рабское кольцо!
И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах, как пелена легла,
И не найти сокровищ золотых...
И замер я, и ослабел, затих
И голову запрятал от стыда...»

(«Лейли и Меджнун»)

Любовь Низами к человеку и угнетенному народу вызвала в его творчестве социальные темы. Низами высоко ценил труд человека: «Ради труда пришли мы в мир», — поучал он. В своих произведениях Низами дал ряд замечательных по художественности и реализму картин народного угнетения. В поэме «Семь красавиц» Низами вывел добродетельного царя, который в борьбе с коварными вельможами опирался на «людей, связанных с землей», т. е. крестьян. В последней поэме, посвященной Александру Македонскому («Искандер-намэ»), Низами описал легендарную страну, где не было ни насилия, ни угнетенных, ни воровства. Люди, во всем равные между собой, считали друг друга братьями. У них не было правителей, даже стада не нуждались в пастухах. Так мечты о счастливой жизни вызвали идеализацию первобытно-общинного строя, вылившуюся в своеобразную социальную утопию XII века.

В борьбе между феодалами симпатии Низами, так же как и его великого современника Руставели, находились на стороне сильной царской власти, способной объединить страну и отразить нападения врагов. В поэме «Семь красавиц» Низами рассказывает, как однажды царь увидел пастуха, который повесил за измену свою собаку. Тогда царь велел казнить своего визиря, находившегося в тайных сношениях с врагами страны, а пастуха сделал визирем.

Творчество Низами Ганджеви оказало могущественное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской литературы и вызвало многочисленные подражания.

Исполнились слова, когда-то сказанные Низами:
«Пока есть слово, да будет слава от слова,
Имя Низами, благодаря его словам, вечно юным да будет».

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛО-ТАТАРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Образование державы Чингис-хана. Завоевание монголами Средней Азии и Закавказья

В XI—XII вв. лесные и степные пространства, от верховьев Амурской речной системы до Алтайских гор, занимали различные кочевые племена. Территории около озера Байкал, а также верховья Енисея и Иртыша были покрыты лесами. Обитавшее здесь население жило главным образом охотой и отчасти рыболовством. Степи, лежавшие на юг от Байкала, тянувшиеся сплошной полосой от озера Буир-Нур к Восточному Туркестану, представляли прекрасные условия для кочевого скотоводства.

Скотоводы-кочевники делились на большое число мелких, независимых друг от друга племен, каждое из которых носило отдельное название. Монгольское героическое сказание для всего населения этих степей употребляло описательное наименование: поколения людей, «живущих в войлочных кибитках». Каждое племя имело определенный район кочевья. Около озера Буир-Нур кочевали татары, являвшиеся одним из самых многочисленных и сильных племен. Впоследствии название татары распространилось на остальные родственные им племена Монголии. К югу от Байкальского озера находились кочевья меркитов. Еще южнее, в верховьях р. Орхона, кочевали кереиты. В западной части Монголии, между Хангайскими горами и Алтаем, жили найманы. Найманы частично занимались земледелием и находились в постоянных сношениях с Семиречьем. Значительное культурное влияние на найманов оказывали уйгуры, занимавшие часть Восточного Туркестана.

Общественной единицей скотоводов был патриархальный род, представлявший собой союз кровных родственников, объединенных единством происхождения.

«Разлучиться с родными, — говорится в монгольском героическом сказании («Сокровенное сказанье», написанное в 1240 г. в Монголии), — значит сделаться добычей посторонних. Отделиться от многочисленного семейства — значит сделаться добычей малочисленного семейства. Если распадется многочисленное семейство, то оно сделается добычей малочисленного народа. Можно найти движущихся (живые существа), но родных не найдешь. Можно приобрести народ, но родных приобрести нельзя».

Кочевники переходили с места на место с огромными стадами скота. Китайский путешественник, посетивший монгольские степи в первой половине XIII в., в таких словах описал жизнь их населения: «Куда ни приезжали, повсюду были соленые полосы и лужи стоячей воды; целый день не встречал ни одного путника; в целый год, разве изредка, пробежит встреченный конь... хлеба здесь не растут, питаются же молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы».

Монгольская юрта представляла собой целое хозяйство, жизнь которого не останавливалась и во время передвижения. Юрту ставили на большую повозку, запряженную в два ряда быками; число последних достигало двух десятков.

Совместно кочевавший род состоял из нескольких сотен и даже тысяч юрт (кибиток), составлявших «курень». На стойбищах юрты устанавливались кольцом, середину которого занимала юрта предводителя.

В XI—XII вв. монгольский род находился в процессе разложения, хотя в общественной жизни монголов сохранились значительные пережитки родовых отношений. Монголы вели происхождение от общего предка по мужской линии. Они заботились о поддержании чистоты рода. Была распространена экзогамия; согласно брачному обычаю невеста бралась непременно из чужого рода. Типичным родовым обычаем была кровная месть, передававшаяся даже из поколения в поколение. В монгольском героическом сказании говорится: «Хотя бы пришлось стереть все ногти на пяти пальцах и потерять все десять пальцев, мстите». Среди монголов существовал родовой обычай побратимства. Люди, обменявшиеся между собой подарками с произнесением соответствующей клятвы, становились братьями — аньда. По словам монгольского сказания, аньда имели как бы одну жизнь, они никогда не должны были покидать друг друга. Был распространен родовой культ, причем участвовать в жертвоприношении могли только члены данного рода. Старший в роде был хранителем культа.

Самым существенным признаком разложения родовой организации был переход основного имущества — скота — во владение индивидуальной семьи. Отец перед смертью делил наследство между сыновьями, причем главная часть доставалась старшему сыну, который носил название «господина огня и юрты». Он получал в наследство юрту отца и его жен, кроме собственной матери. С выделением имущества в собственность отдельной семьи внутри монгольского рода все глубже развивался процесс имущественной и социальной диференциации. Выделившиеся богатые семьи, владевшие большими стадами скота, предпочитали не связывать своего хозяйства с родом или более крупным объединением, а кочевать отдельно вместе со своими зависимыми людьми. Такое отдельное кочевье носило название аила.

В XII—XIII вв. монгольский род имел сложный состав. Помимо кровных родственников в него входили люди, находившиеся по отношению к свободным членам рода в различных формах зависимости. Одну из категорий их составляли лица, по-

павшие в зависимость в результате военного поражения. Они носили название вассалов-крепостных (унаган-боголы). В некоторых случаях даже весь побежденный род должен был стать в зависимость от рода-победителя. Вассалы-крепостные служили своим владельцам в мирное и военное время. Их крепостное состояние считалось наследственным. Кроме них, в состав рода входили различного рода прислужники (конюхи, погонщики, служители у богатых людей) и простые рабы. В составе рода различались богатые люди, которыми могли быть и унаган-боголы, и низшая, все более и более эксплоатировавшаяся богатыми, «чернь».

В XII—XIII вв. происходило относительно легкое дробление рода. Когда род по тем или иным причинам рассеивался, сородичи попадали в такие объединения кочевников, в которых родственные связи заменялись социальными, основанными на подчинении и господстве.

Объединение нескольких родов или их частей составляло родо-племенной союз — улус. Во главе такого союза находились уже не родовые старейшины, а влиятельные и богатые вожди. Они получили общее название ноянов с характерными прозвищами: богатырь, мудрый силач, меткий стрелок. Жен их величают ханшами, а дочерей—хатунями. Ноянов окружали свободные дружинники, известные под названием нукеров. Нукеры, происходившие из зажиточной части степняков, обычно не принадлежали к роду своего повелителя. В основе их отношений к вождю лежало свободное принятие обязанностей. Нукеры составляли военную дружину, участвовали в походах, в облавах и делились со своим повелителем охотничьей или военной добычей. Поэтому нукеры были очень заинтересованы в усилении власти своего вождя. Нояны с окружающими их нукерами представляли собой слой высшей степной аристократии, которой принадлежало экономическое и политическое господство среди кочевого населения монгольских степей.

Вожди улусов (нояны) руководили кочевьями всего подвластного населения, распределяли пастбищные угодья, устанавливали стоянки в определенных местах, объявляли запретные места для охоты и пр. С другой стороны, зависимые от ноянов люди должны были нести ряд повинностей: предоставлять мелкий скот на убой, отдавать дойных кобылиц, участвовать в облавах в пользу нояна. На войне нояны получали лучшую часть из военной добычи. При сохранении кочевой скотоводческой базы между степной аристократией и зависимыми от нее людьми устанавливаются отношения, основой которых являлось внеэкономическое принуждение.

Таким образом, в XII в. существовали необходимые социально-экономические условия для образования среди кочевого населения монгольских степей родо-племенных союзов (улусов). Начавшийся процесс объединения кочевников не мог остановиться на этом этапе. Те же социально-экономические условия, которые разрушали замкнутость отдельных родов, приводили к образованию еще более крупных объединений. В конце XII в. среди монгольских племен сложилось несколько крупных союзов, которые вели же-

стокую борьбу между собой. Успех в борьбе зависел главным образом от численного превосходства и предприимчивости вождей.

Богатая знать кочевников с зависимой от нее дружиной сама была заинтересована в покровительстве крупного вождя. Поэтому нояны разбитых союзов охотно переходили под власть своего победителя.

Объединителем монгольских племен стал в начале XIII в. Темучин (Чингис-хан).

Темучин принадлежал к одному из старых родов кочевников. Отец Темучина—Иесугей-багатур был типичным нояном. Отделившись от главного рода, он образовал отдельный род, имел своих унаган-боголов, нукеров, прислужников. С этими людьми Иесугей совершал нападения на соседей и делил добычу. В 1155 г. жена Иесугей-багатура родила сына, который, согласно легенде, занесенной в монгольское сказание, появился с комком запекшейся крови в правой руке—признак будущей власти. Когда ребенку исполнилось 9 лет, отец повез его в другой род для приискания невесты. Согласно монгольским обычаям мальчик был оставлен в доме отца невесты. На обратном пути Иесугей-багатур был отравлен татарами.

После смерти предводителя улус, сократившийся в своем размере, окруженный враждебными родами, попал в самые тяжелые условия. Даже для детей Иесугей-багатура наступили годы нужды. Когда Темучин подрос и превратился в смелого, энергичного юношу, к нему снова стали собираться старые прислужники отца. Мать воспитывала в нем традиции вождя кочевников. Большое значение для Темучина имело покровительство со стороны вождя соседнего племени кереитов Ван-хана, который когда-то был другом его отца. Помощь Ван-хана позволила Темучину еще больше усилить собственный улус и разгромить врагов своего рода. К Темучину стали прикочевывать люди других родов. Сам он установил связи со степной аристократией. Собравшаяся знать кочевников провозгласила его своим повелителем и принесла ему присягу. С этого времени Темучин стал называться Чингис-ханом (пока не найдено точного объяснения этого названия).

Вскоре Темучину представился случай разгромить старых врагов своего рода татар: он приказал вырезать всех — кто ростом выше колесной чеки. Этим была исполнена кровная месть, лежавшая на Темучине за смерть отца. Татары перестали существовать как самостоятельное целое. Но их название сохранилось в более крупном монгольском объединении.

Окрепнув и усилившись, Чингис-хан перестал нуждаться в покровительстве Ван-хана. Выждав удобный момент, он неожиданно напал на кереитов и нанес им тяжелое поражение. Ван-хан бежал и вскоре погиб.

В последующие годы Чингис-хан с таким же успехом расправился с вождями других крупных объединений. Сначала он разбил найманов, живших в верховьях Енисея, затем покорил меркитов, кочевавших на юг от Байкала. После этих побед Темучин

становится единственным объединителем кочевых племен. Это положение было признано кочевой аристократией на особом съезде (курултае) в 1206 г. Съезд, состоявший из представителей кочевой знати, провозгласил Чингис-хана своим повелителем. Объединенный им народ стал называться монголами, или татарами.

Чингис-хан усовершенствовал военную организацию кочевников, во главе которой поставил отборную гвардию. Затем он распределил важнейшие должности между ближайшими лицами. Замещая эти должности представителями кочевой знати, он вместе с тем выдвигал людей по личным качествам и заслугам.

Вскоре старший сын Чингис-хана Джучи предпринял поход против «лесных народов» (ойротов и киргизов), живших по Енисею. Около того же времени Чингис-хану добровольно подчинились уйгуры, вождь которых стал его вассалом.

С этого времени владения Чингис-хана не только охватывали всю степную часть, но и подходили к горным массивам Алтая и к Восточному Туркестану. На Енисее и в Восточном Туркестане монголы Чингис-хана столкнулись с племенами, находившимися под влиянием среднеазиатской мусульманской культуры. Это обстоятельство в дальнейшем сыграло важную роль в образовании монгольской державы.

После завершения объединения степняков монголы под предводительством Чингис-хана представляли огромную силу, очень опасную для культурных земледельческих областей. Первые удары ее испытали страны Китая.

В XII—XIII вв. северо-западные области Китая входили в состав Тангутского государства, центр которого находился в Ордосе. Северная часть Китая составляла отдельное государство. В X столетии народ кидань, находившийся раньше в вассальном подчинении от богдыханов Таннской династии, завоевал северные провинции Китая. Предводитель киданей принял название Ляо (по-китайски «железо»). Имя этого народа перешло на название всей страны: Кидань—Хатай—Китай. Южный Китай входил в самостоятельное Китайское государство под властью местной династии Сун.

В начале XII в. государство Ляо было разрушено ньючженями, жившими в Северо-Восточной Манчжурии. После победы над киданями предводитель ньючженей дал своей династии название Цзинь, что означает «Золотая монархия». Государство Цзинь в Северном Китае сыграло крупную роль в истории монгольских народов, так как являлось для них передатчиком китайской культуры.

Незадолго до похода в Северный Китай Чингис-хан произвел первое нападение на Тангутскую империю. Захватив юго-западную часть Монголии, он подготовил базу для завоевания Северного Китая (Цзинь). Чингис-хан тщательно подготовлялся к этому походу, изучал страну, расположение войск, укрепления.

В 1211 г. Чингис-хан пересек пустыню Гоби и вторгся в пределы Цзиньской империи. Он удачно использовал восстание киданей против их покорителей. Война продолжалась около четырех лет и закончилась в 1215 г. взятием Пекина. Чингис-хан с огромной военной добычей, состоявшей из захваченных драгоценностей,

скота и пленных, вернулся в монгольские степи. Знакомство с китайским государственным порядком значительно усилило власть Чингис-хана и укрепило объединение монгольских племен. Вскоре новые события направили колоссальную силу монгольской державы на юго-запад, в сторону Средней Азии.

Походы 1211—1215 гг. в Северный Китай положили прочное основание монгольскому господству во всей северо-восточной половине Азии. В 1218 г. один из полководцев Чингис-хана покорил Корею; монгольское завоевание остановилось у морского берега. Дальнейшее движение в восточной части Азии было возможно только в сторону густо заселенного Южного Китая, где существовала Сунская империя. Однако завоевание Южного Китая представляло для монголов большие трудности, тем более что еще не было закончено покорение Тангутского государства. Между тем, во время борьбы с племенами, занимавшими верховье Енисея и отроги Алтая, монголы Чингис-хана вступили в область, находящуюся в постоянных сношениях со Средней Азией; от верховья Енисея в глубь Средней Азии пролегал один из древнейших караванных путей. В 1218 г. один из полководцев Чингис-хана овладел Восточным Туркестаном. Путь в Среднюю Азию через верховье Енисея служил кочевникам в течение многих веков основной магистралью для вторжений в Среднюю Азию. Если раньше волна кочевников медленно двигалась на запад, то поход Чингис-хана представлял собою тщательно подготовленный и молниеносно нанесенный удар. Прежде чем решиться на это крупное предприятие, Чингис-хан собрал через мусульманских купцов, хорошо знавших Среднюю Азию, нужные сведения о состоянии державы хорезмшаха Мухаммеда.

Успехи Чингис-хана на востоке Азии встревожили хорезм-шаха Мухаммеда. После падения Пекина хорезм-шах отправил к Чингисхану посольство с целью получить сведения о монголах. Чингисхан доброжелательно встретил послов и велел передать хорезмшаху, что он считает себя повелителем Востока, а своего далекого соседа — владыкой Запада. В свою очередь Чингис-хан отправил посольство в Среднюю Азию. Послы, передавая Мухаммеду подарки от Чингис-хана, вместе с тем сообщили ему следующие слова своего повелителя: «Я знаю, что ты царствуешь над большей частью земли. У меня великое желание жить с тобой в мире. Я буду смотреть на тебя, как на возлюбленного сына». Последние слова были приняты Мухаммедом, как намек на подчинение, так как сын должен слушаться и подчиняться отцу. Когда посланный Чингис-ханом большой торговый караван прибыл в пограничный город Отрар, наместник этого города задержал караван под предлогом подозрения в шпионстве; все купцы были перебиты, а имущество их было разграблено. Эти события стали ближайшим поводом для похода Чингис-хана. План похода был разработан на курултае монгольской знати.

Осенью 1219 г. Чингис-хан выступил с берегов Иртыша. По сведениям мусульманских писателей, численность монгольской армии достигала 600—700 тыс. воинов. Повидимому, эти цифры

значительно преувеличены. По соображениям академика Бартольда, монгольское войско едва ли насчитывало больше 150—200 тыс. человек. Однако и в этих размерах оно представляло чрезвычайно грозную силу. Хорезм-шах Мухаммед, опасаясь собственных военачальников и вассалов, не мог собрать достаточного количества войск, которые были разбросаны по разным городам. Покоренное хорезм-шахом население только под страхом жестокой расправы подчинялось власти победителя. Готовясь к войне, хорезм-шах в течение одного года собрал три раза подать, что вызвало в населении еще большее недовольство.

Начиная войну, Чингис-хан имел на своей стороне ряд важных преимуществ. При большой численности монгольская армия была подчинена суровой и строгой дисциплине. Чингис-хан мог полностью рассчитывать на верность своих полководцев. Он умело использовал недовольство мусульманского духовенства и части населения властью хорезм-шаха. Наконец, его противник из-за разбросанности отрядов везде уступал по численности монголам. Это заставляло хорезмийские войска держаться пассивно. Они предпочитали укрываться за глинобитными стенами городов.

Война началась осадой Отрара. Не ожидая падения этого города, Чингис-хан направил другие отряды вниз и вверх по течению Сыр-Дарьи; Мавераннахр сразу охватывался на широком фронте. Сам Чингис-хан с главными силами пошел на Бухару. Этот многолюдный город оборонялся только три дня. Затем Чингис-хан направился к Самарканду. Монголы вели с собой большую толпу пленных, которые предназначались для осадных работ. Гарнизон Самарканда, по свидетельству восточных авторов, насчитывал несколько десятков тысяч воинов. Однако и этот укрепленный глинобитными стенами город пал на пятый день осады. Монголы разрушили укрепления, разграбили город и перебили большинство жителей, но пощадили ремесленников и духовенство. Ремесленники были распределены между сыновьями Чингис-хана. Духовенство должно было молиться за победителя. Овладев нижним течением Сыр-Дарьи, Чингис-хан отправил несколько отрядов для захвата остальных городов, а три больших группы (тьмы) под начальством своих лучших полководцев — Джебе и Субудая — для преследования Мухаммеда за реку Аму-Дарью. Мухаммед не сумел организовать сопротивления. Уходя от преследования, он сначала направился в сторону Багдада, а затем повернул к Каспийскому морю. Вскоре он умер на одном из островов у южного берега моря. Джебе и Субудай, преследуя остатки войск хорезм-шаха, вторглись в Закавказье и произвели там страшные опустошения.

Современник, армянский писатель Киракос, говорит, что внезапно появившиеся громадные массы войск предавали мечу все, что встречали на своем пути: людей, скот, даже собак. Джебе и Субудай прошли Северный Кавказ, разгромили половцев и на реке Калке в 1223 г. (по другим источникам в 1224 г.) разбили половецко-русское ополчение.

Сын хорезм-шаха Мухаммеда Джелаль-ад-Дин ушел в Афганистан, где стал готовиться к возобновлению борьбы, ему даже уда-

лось нанести поражение значительному монгольскому отряду. Тогда Чингис-хан отправился против Джелаль-ад-Дина с главными силами. Преследование продолжалось до реки Инда, на берегу которой осенью 1221 г. произошла битва, кончившаяся полным поражением Джелаль-ад-Дина.

Поход Чингис-хана к Инду и обратное возвращение в Среднюю Азию через горы Северного Афганистана, где по пути приходилось брать перевалы и штурмовать горные высоты, представляет одно из замечательных военных предприятий восточного средневековья. Чингис-хан оставил в Средней Азии старшего сына Джучи, а с остальными сыновьями вернулся в Монголию.

Разгром Чингис-ханом державы хорезмшаха Мухаммеда и завоевание Средней Азии произвели огромное впечатление на Востоке. Арабский историк, современник монгольского нашествия (Ибн ал-Асир) говорил, что татары никого не щадили; избивали женщин, мужчин и младенцев, раскрывали утробы беременных и умертвляли зародышей. Искры этого погрома разлетались во все стороны, зло распространилось на всех, «как туча, которую гонит ветер».

Последние два года жизни Чингис-хан был занят борьбой с Тангутским государством и подавлением восстания в Северном Китае. Во время этой войны Чингис-хан умер в 1227 году.

Поход Джебе и Субудая через Закавказье и Северный Кавказ в причерноморские степи положил начало завоеванию монголо-татарами Армении, Грузии и Азербайджана. Монголы вновь появились в Закавказье в 1238 г. под предводительством Чармагана. Этот поход, как и предыдущий, сопровождался невероятным опустошением страны. Город Ганджа почти полностью был разрушен, причем уцелевшая часть жителей сама перебила друг друга, чтобы не попасть в руки завоевателей. Отсюда монголы двинулись в глубь Закавказья несколькими отрядами. Все самые крупные города Закавказья (Ани, Карс, Тифлис, Ганджа, Шемаха и др.) были разрушены.

Деятельность Чингис-хана тесно связана с историей возникновения обширной монгольской державы. Чингис-хан начал свою жизнь бедным сиротой захудалого монгольского рода, а кончил ее повелителем самого большого государственного образования кочевников, какое когда-либо существовало в истории. Чингис-хан действовал в то время, когда в Монголии уже созрели экономические и политические условия для объединения разбросанных на колоссальной территории племен под одной политической властью. Чингис-хан обладал качествами, необходимыми для предводителя господствующей знати кочевников. Он прекрасно знал жизнь кочевого населения, был настойчивым и смелым, предусмотрительным и хитрым, обладал огромным жизненным и политическим опытом.

Чингис-хан установил в организации кочевников строгий порядок. Весь народ был подразделен на десятки, сотни, тысячи и тьмы (10 тысяч). Во главе этих подразделений были поставлены

десятники, сотники, тысячники, темники. Каждый мужчина, владевший оружием, был в то же время и воином. Организованный таким образом народ превращался в военную силу, всегда находящуюся в боевой готовности и не связанную с определенной территорией. Военную организацию Чингис-хан подчинил строжайшей дисциплине, в основе которой лежал принятый им закон — яса, устанавливавший строжайшую кару за малейшее преступление. Дисциплина была связана с абсолютным повиновением начальнику и вождю. Чингис-хан, чтобы подать пример монголам, предавал смерти неприятельских воинов за измену своему предводителю. Строгий порядок Чингис-хан стремился поддержать не только во время войны, но и в мирное время. Он вел борьбу против излишеств, расслабляющих человека и притупляющих его боевые качества.

Овладев городом противника, монголы почти поголовно истребляли в нем воинов. Иногда вырезывалось все мужское население. Исключение делалось лишь для тех категорий населения, которые могли быть использованы в хозяйстве или в военных предприятиях монголов. Чингис-хан не трогал духовенства, потому что заставлял его проповедывать среди побежденных безропотное подчинение его власти. Он щадил ремесленников, потому что они нужны были в скотоводческом хозяйстве монголов, не имевших ремесленного производства.

Как полководец, Чингис-хан соединял осторожность и предусмотрительность с большой смелостью и настойчивостью. Его походы в Китай и в Среднюю Азию показывают, что он прекрасно знал территорию, на которой действовал, знал препятствия, с которыми приходилось встречаться, расположение и настроение противника и т. д. Чингис-хан умел выжидать благоприятную обстановку, несмотря на горячий темперамент. Но, дождавшись, он действовал с такой решимостью и быстротой, на которую только была способна степная монгольская конница, легко переносившаяся через огромные пространства. Тогда Чингис-хан ошеломлял врага сокрушающим ударом, а затем преследовал его, не давал ни опомниться, ни собраться с силами. Опираясь на основные социальные силы своей власти — на господствующую аристократию кочевников, Чингис-хан вместе с тем выдвигал на высшие должности способных и храбрых воинов. Он говорил: «Тот, кто хорошо командует своим десятком, заслуживает того, чтобы ему вверили командование тысячью. Но если десятник,—прибавляет он,— не умеет вести своего взвода, я предаю смерти его самого, жену и детей и выбираю из его части нового десятника. Я так же поступаю в отношении начальника сотни, тысячи и десятка тысяч». Среди вассалов Чингис-хана был ряд выдающихся полководцев, к которым, например, принадлежали Джебе и Субудай.

Чингис-хан не создал нового общественного порядка для монголов и не мог, конечно, его создать. Он значительно усилил организацию монгольских племен и укрепил свою кочевую империю заимствованиями от более культурных народов, прежде всего тех народов, которые он завоевал и поработил. Первыми учителями

монголов были уйгуры, находившиеся в давних отношениях с мусульманским Востоком. От уйгуров монголы заимствовали грамотность. Сам Чингис-хан, повидимому, до конца жизни оставался неграмотным, но придавал большое значение грамотности и заставлял учиться своих приближенных.

Затем учителями монголов стали китайцы. Во время походов в Северный Китай с монголами сблизился один из выдающихся знатоков китайской культуры, поэт и философ, крупный государственный деятель и политик, киданец по происхождению, Елюй Чуцай. При его посредстве монголы познакомились с основами китайского государственного порядка и китайской культуры. Это сыграло крупную роль в организации Монгольского государства.

Наконец, во время похода в Среднюю Азию монголы многое заимствовали от мусульман, в том числе и военную технику.

Чингис-хан оставил завещание в виде записи различных распоряжений и указов — ясу. К сожалению, подлинный текст ясы до нас не дошел. Мы можем составить представление об этом важном памятнике лишь на основании передачи содержания ясы восточными авторами. В ясе отразилось расслоение монгольского общества и связанное с ним появление элементов феодальных отношений. Маркс видел в ясе выражение феодальных прав: «...В Ясе есть упоминание о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз. (Этот вид феодальных прав возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни)».[1]

Чингис-хан был уверен в том, что созданный им порядок является прочным и окончательным. Поэтому каждый, преступивший ясу, должен был подвергнуться смертной казни. Однако общественно-экономическое развитие монголов не остановилось на формах, сложившихся в эпоху Чингис-хана. Дальнейшее развитие феодальных отношений среди монгольских племен, ускорившееся под влиянием завоеванных земледельческих народов, разбило обширную монгольскую державу на самостоятельные феодальные государства.

Во второй половине XIII в. Монгольская империя заняла почти весь материк Азии (кроме Индии, Сирии и Аравийского полуострова) и Восточную Европу. Впечатление от военных успехов монголов было одинаково велико как на востоке Азии, так и на крайнем западе Европы.

Завоеванные монголами земли считались владениями всего «золотого рода» Чингис-хана, во главе которого стоял монгольский император. Сам Чингис-хан был избран на курултае степной аристократии. После его смерти установился порядок, по которому новый преемник выбирался на курултае из числа чингис-ханидов (потомков Чингис-хана), причем на результат выборов оказывали влияние как желание предшествующего императора, так и факти-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 220. Госполитиздат. 1938.

ческое соотношение сил между претендентами на императорский престол. Первым преемником Чингис-хана был его третий сын — Угедей (1229—1241).

Завоевание монголами Восточной Европы

Впервые монголо-татары появились в Восточной Европе во время похода Джебе и Субудая, посланных Чингис-ханом для преследования хорезм-шаха. Эти полководцы прошли южным берегом Каспийского моря, опустошили по дороге земли Армении, Грузии и Азербайджана, прорвались через Дербентский проход и в степях Северного Кавказа разгромили половцев. После победы над половцами татары произвели нападение на Крым, где захватили город Судак (Сурож). Между тем разбитые половецкие ханы обратились за помощью к русским князьям: «Если не поможете нам, то мы будем избиты сегодня, а вы — завтра». По предложению Мстислава Мстиславича Удалого, княжившего в это время в Галиче, русские князья собрались для обсуждения этого предложения на съезд в Киеве. «Лучше нам встретить врагов на чужой земле, нежели на своей», — говорили князья. Было решено итти в степь против нового и неизвестного противника. «Явишася языци, их же никто добре ясно не весть, кто суть и отколе взидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их, и зовут я татары, а иные глаголють таумены, а другие печенези». Так записала Лаврентьевская летопись первое появление монголов в Восточной Европе. «Приде неслыханная рать», — говорит юго-западный летописец.

В начале похода русские князья были уверены в успехе. Недалеко от Днепра русские разбили передовой татарский отряд. Под впечатлением этой победы русские князья отвергли предложение татар заключить мир. Двигаясь дальше к берегам Азовского моря, русское ополчение продолжало теснить слабые передовые части татар. По восточным известиям, татары умышленно заманивали русских в степь. Не зная ни характера нового противника, ни его приемов ведения войны, русские готовы были принять небольшие стычки за победу над главными силами; про татар с насмешкой говорили, что они «пуще половцев», т. е. хуже половцев.

Главные силы татар встретились с половецко-русским ополчением на берегу реки Калки, впадающей в Азовское море, 16 июня 1223 г. (по другим источникам 31 мая 1224 г.). В русском ополчении не было ни единства, ни дисциплины. Увлеченные первыми успехами и уверенные в близкой победе над врагом, князь Мстислав Мстиславич и 18-летний князь Даниил Романович Галицкий не хотели ждать помощи от других князей. Когда же татары обратили в бегство половцев, которые расстроили русские полки, остальные князья спокойно наблюдали с возвышенности за ходом сражения и не приняли в нем участия. Мстиславу Удалому и раненому Даниилу Галицкому удалось переправиться через реку и отбиться от преследования. Тогда татары осадили оставшихся князей и через три дня принудили их сдаться. Все русские были пере-

биты, а князья задавлены под досками, на которых пировали победители.

Джебе и Субудай, одержав на Калке полную победу над русскими и половцами, дошли до Днепра, откуда повернули обратно в среднеазиатские степи. Во время этого похода татары собрали важные сведения о состоянии Восточной Европы, не способной по причине раздробленности оказать сильное сопротивление могущественным завоевателям. Между тем русские не имели правильного представления о характере нового противника. «И не сведаем откуда суть пришли и где ся деша опять» (и не знаем, откуда они пришли и куда делись опять). После ухода татар «бысть вопль и плач и печаль по городам и селам»,— так заканчивает летописец рассказ о первом появлении татар в южных русских землях.

После смерти Чингис-хана его обширные владения были разделены на улусы, выделенные сыновьям и внукам. Улус, или удел, старшего сына Чингис-хана Джучи находился на западе монгольских владений. Он не имел точных границ. Джучи должны были принадлежать земли, лежавшие на запад от Иртыша, «до которых доходили копыта монгольских коней». Эту территорию предстояло еще завоевать. Джучи умер в год смерти отца (1227). Его наследником стал старший сын Батый (Бату), которому и предстояло выполнить план завоевания западных земель. Таким образом, поход Батыя в Восточную Европу представлял общее монгольское предприятие. В нем участвовали несколько царевичей и большая часть ноянов. В числе полководцев был победитель на Калке—Субудай.

В 1236 г. татары Батыя появились в приволжских степях. Осенью того же года татарский отряд разорил земли болгар на Каме. С Батыем двигалась не одна армия, а весь выделенный ему народ со скотоводческим хозяйством. Кроме того, по пути монголо-татары по обычаю уводили с собою побежденных жителей. Поэтому в составе полчищ Батыя было много половцев и других тюрков. Общая численность полчищ, двинутых с востока на запад, не поддается определению, но во всяком случае была очень велика. Один мусульманский писатель дал картинное описание этого похода, в котором отразилось впечатление об огромной силе Батыя: «От множества воинов земля стонала. От громады войска обезумели дикие звери и ночные птицы».

В начале зимы 1237 г. татары прошли через лесистую землю мордвы и появились в пределах Рязанского княжества. Они обратились к рязанским князьям с требованием дать им дань в размере десятины с людей, коней и разного имущества. Рязанские князья ответили гордым отказом: «Коли нас не будет, то все ваше будет». В то же время они послали за помощью к черниговскому князю и к наиболее сильному из русских князей — владимирскому князю Юрию Всеволодовичу. Но Юрий не был заинтересован в поддержке рязанских князей, с которыми он соперничал. Наоборот, ослабление их поднимало значение Владимирского княжества. По словам летописца, Юрий «хотел сам особь сотворити брань». Рязанские князья ни от кого не получили помощи. Татары в короткое время разорили многие города Рязанской земли, а затем

осадили и разрушили Рязань, в которой затворились князья. Разорение было таким полным, что город на прежнем месте больше никогда не восстанавливался. (Городище «Старая Рязань» находится недалеко от города Спасска). «Град и земля Рязанская изменися... и отыде слава ея, и не бе что в ней было ведити, токмо дым и земля и пепел».

Опустошив Рязанскую землю, монголо-татары двинулись на север, в сторону Владимирского княжества. Под Коломной они разбили передовые отряды суздальских войск, несмотря на то, что последние, по словам летописца, «бишася крепко и бысть сеча велика». Двигаясь дальше, татары сожгли Москву. Великий князь Юрий Всеволодович не решился на защиту своей столицы—Владимира, и, оставив в ней семью, сам уехал на Волгу, где, поджидая помощи от братьев и других князей, стал лагерем на берегу реки Сити (правый приток реки Мологи). В действиях Юрия Всеволодовича не было решимости. Вместо того, чтобы при появлении татар собрать все русские силы, он еще больше их разбрасывал и тем облегчал татарам борьбу с разрозненными русскими отрядами. Для татар, получивших хороший боевой опыт в разрушении глинобитных стен в среднеазиатских городах, русские деревянные остроги, защищавшиеся небольшими дружинами, не представляли серьезного препятствия. Монголы сожгли Суздаль, затем овладели Владимиром. Город был подвергнут полному разрушению, население было вырезано.

От Владимира Батый послал несколько отрядов в разные стороны: к Ростову, к Ярославлю, к Переяславлю и на Волгу. В течение одного февраля 1238 г. татары овладели территорией от Клязьмы до Торжка, разорив 14 городов, не считая слобод и погостов.

В начале марта главные силы Батыя подошли к реке Сити. Несмотря на то, что Юрий давно готовился к этой встрече, татары неожиданно напали на суздальское войско, не подготовившееся к бою. Сражение кончилось полной победой татар. В битве погиб и великий князь Юрий Всеволодович. Двигаясь дальше на северо-запад, татары продолжали опустошать страну. «Все люди секуща яко траву», — говорит летописец. Примерно в 200 километрах от Новгорода Батый повернул на юг. Причиной внезапного изменения направления похода, как полагают, была ранняя оттепель. Новгородские леса, среди которых находились многочисленные болота и озера, представляли серьезное естественное препятствие для монгольской конницы, привыкшей действовать в свободных степных пространствах. Кроме того, длительный поход на Восточную Европу должен был измотать конский состав. Батый ушел на юг, в половецкие степи, простиравшиеся между Днепром и Азовским морем. Лишь по пути он на семь недель задержался около небольшого городка Северского княжества — Козельска. Население героически оборонялось, пока все не погибло в ожесточенной резне.

Весь 1239 г. Батый провел на юге, посылая отдельные отряды в сторону Днепра и Оки. В этот год монголы захватили южный

Переяславль, Чернигов и подходили к самому Киеву. Существует рассказ, что двоюродный брат Батыя долго любовался с другой стороны Днепра панорамой красивого города. В суздальской земле монголы разорили местность по Клязьме и доходили до Мурома и Гороховца.

Зимой 1240 г. Батый появился под Киевом «в силе тяжце». Ни один из князей не решился остаться в городе, обороной которого руководил тысяцкий Дмитрий. По словам южного летописца, жители города не могли слышать друг друга от скрипа телег, рева верблюдов и ржания лошадей. Татары пробили пролом стенобитными орудиями и овладели городом после жестокой рукопашной битвы.

Продолжая поход на запад, Батый через Каменец, Владимир-Волынский и Галич ушел с главными силами через Карпатские проходы в Венгерскую равнину. Другие татарские отряды ворвались в Венгрию с двух сторон: с юга, через Семиградию и Валахию, и с севера—со стороны Силезии. В первое время монголо-татары имели успех; разрозненные феодальные рыцарские ополчения венгров, немцев и поляков терпели поражения. В течение всего 1241 г. Батый опустошал Венгерскую долину. Венгерский король, спасаясь от преследования, укрылся на одном из островов Адриатического моря. Батыю удалось дойти до города Оломунца, в окрестностях которого он встретил первое серьезное сопротивление со стороны крупных чешских и немецких феодалов, соединившихся под влиянием общей опасности.

Между тем в Монголии произошло событие, которое побудило Батыя поспешить с возвращением: умер первый преемник Чингис-хана—Угедей. Курултаю предстояло выбрать нового императора. Возвращаясь обратно, Батый прошел через Дунайскую равнину, Болгарию и Валахию в прикаспийские степи, где главная орда Батыя остановилась в низовье Волги. Здесь появилась его первая кочевая ставка — Сарай Батыя, которая стала центром нового монголо-татарского государства, известного в русских источниках под именем Золотой Орды.

Золотая Орда

Единство Монгольской империи после смерти Чингис-хана продержалось не более 30—40 лет.

В 1229 г. императором стал третий сын Чингис-хана Угедей (1229—1241). Затем ханский престол занял сын Угедея Гуюк (1246—1248). После его недолгого правления власть перешла в род младшего сына Чингис-хана — Тули. Власть императора в принципе была совершенно неограниченной. Гуюк-хан объем своей власти выражал следующими словами: «Исполнять мою волю, являться, когда позову, итти, куда велю, предать смерти всякого, кого назову». В действительности неограниченной властью пользовался только Чингис-хан и с некоторыми ограничениями — Угедей. В дальнейшем монгольскому императору также не удалось удержать в своих руках всю полноту власти, как и не удалось сохранить огромную державу от распада.

Монгольское население, а также завоеванные земли и покоренные народы распределялись между членами ханской семьи в качестве их улусов или уделов. При Чингис-хане царевичи, получившие улусы, находились в полном послушании отцу, хотя в конце его жизни начались столкновения между ним и его старшим сыном Джучи, владевшим самым отдаленным улусом на западе. Эти столкновения едва не вызвали войну, но Джучи неожиданно умер. Ходил слух, что он отравлен по приказу отца.

Царевичи, владевшие улусами, были первыми вассалами императора. С течением времени их зависимость от императора становилась все больше и больше номинальной.

После образования империи Чингис-хана основная масса кочевников, приведенная им в среднеазиатские степи, вернулась обратно в Монголию, за исключением тех родов, которые были выделены сыновьям Чингис-хана. В Монголии, на реке Орхоне, возникла ставка монгольского императора — Каракарум. При императоре Хубилае (сыне Тули) она была перенесена в Пекин. Сам Хубилай в конце своей жизни провозгласил себя китайским богдыханом и дал своей династии название Юань.

В государство Юань входили Монголия и Северный Китай. Оно просуществовало около ста лет. Большая часть Средней Азии, от Семиречья до Аму-Дарьи, входила в состав улуса сына Чингисхана — Чагатая. В начале XIV в. слово Чагатай стало официальным термином для обозначения монгольского среднеазиатского государства. На западе Чагатайское государство граничило с Золотой Ордой. Закавказье с Грузией, Арменией и Азербайджаном, а также Персия вошли в состав улуса Хулагу (внука Чингис-хана). Это государство по имени его основателя называется государством Хулагидов. Таким образом, из состава огромной империи Чингис-хана к концу XIII в. выделились четыре самостоятельных монгольских государства, каждое из которых имело свои особенности в экономическом и политическом строе.

Находясь на более низкой ступени общественно-экономического развития, монголо-татары с течением времени подчинились более высокой культуре завоеванных земледельческих народов. Останавливаясь на характере завоеваний, Энгельс писал: «Само собой разумеется, что при каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил. Но в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной стране; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык».[1]

Каждое из монгольских государств было поставлено в различные исторические условия и испытало разное культурное влияние. Для крайнего восточного Юаньского государства преобладающим было китайское влияние. Для Среднеазиатского государства, а

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 185.

также Золотой Орды — хорезмийское, для Хулагидов — персидское.

Золотая Орда, составлявшая улус потомков Джучи, была самым западным монголо-татарским государством. У восточных авторов она известна под именем Синей Орды. Восточной границей золотоордынских владений служило верхнее течение р. Иртыша до впадения в него Тобола. На запад от Иртыша в состав территории Золотой Орды входили низовья Сыр-Дарьи с городом Сыгнаком и Хорезм на нижнем течении Аму-Дарьи. На северо-востоке Европы власть Золотой Орды распространилась до «страны мрака», т. е. примерно совпадала с границей северных русских владений. В области Северного Причерноморья золотоордынские владения достигали Днестра, а по другим сведениям — даже Дуная. Таким образом, Золотая Орда включала комплекс разнообразных земель с различными естественно-географическими условиями, с разным историческим прошлым и с населением, стоящим на разных ступенях общественно-экономического развития. Под властью золотоордынского хана оказались как земли старой земледельческой культуры (Хорезм, Камская Болгария, русские земли), так и большие степные пространства с хорошими условиями для скотоводческого хозяйства.

Центр Золотой Орды находился в низовьях Волги, по обе стороны которой на сотни километров простиралась половецкая степь (Дешт-и-Кыпчак). Татары застали на этой территории мелкие половецкие племена, которые в общественно-экономическом отношении близко стояли к завоевателям-монголам. Поэтому приведенные Батыем монголо-татары сравнительно быстро были ассимилированы местным тюркским и, в частности, половецким населением. Все это население стало называться татарами, хотя собственно монголо-татарские роды составляли в нем незначительную часть.

Большую роль в экономической и политической жизни Золотой Орды играли торговые города, находившиеся на важнейших торговых путях. Основная территория Золотой Орды, расположенная на низовьях Волги, занимала очень важное место в системе европейских и азиатских торговых сообщений. Через эти места проходили древние караванные дороги, связывавшие запад Европы с крайним востоком Азии. Одна из них пролегала через Волгу—Яик—Эмбу— Ургенч—Отрар и далее—в Китай. Другая дорога проходила севернее Аральского моря. Прикаспийские страны были связаны через Крым с бассейном Средиземного моря. Таким образом, местоположение Золотой Орды обеспечивало ей постоянные сношения с окружающими странами Запада и Востока.

Обосновавшись в половецких степях, татары Батыя в первое время продолжали оставаться кочевниками-степняками. Современники, посещавшие Золотую Орду в XIII в., оставили наглядное описание кочевого хозяйства, в котором главную и наиболее ценную часть попрежнему составляли табуны лошадей и огромные стада крупного рогатого и мелкого скота. Земледельческое хозяйство велось в тех местах, где оно уже существовало в предшествующее время. Переход скотоводческого татарского населения

на оседлое сельское хозяйство занял значительный промежуток времени. До конца XV в., т. е. до конца существования Золотой Орды, скотоводческое хозяйство в Нижнем Поволжье продолжало играть ведущую роль.

В период образования державы Чингис-хана в общественном строе монголо-татар уже имелись зародыши феодальных отношений. В последующее время на завоеванных землях феодальное хозяйство продолжало укрепляться и развиваться. В Золотой Орде, как и в других частях державы Чингис-хана, господствующий слой населения состоял из родственников ханской семьи и крупных вассалов. В руках этой знати находилось фактическое распоряжение территорией. Кочевое и земледельческое население несло в ее пользу разнообразные повинности. Примером богатого и знатного скотовода является один из родственников хана, Бату-Скатай, описанный путешественником Плано Карпини. «Утром мы встретили повозку Скатая, — пишет Плано Карпини, — нагруженную домами, и мне казалось, что навстречу мне двигается большой город. Я также изумился количеству стад, быков, лошадей и овец. Я видел, однако, немногих людей, которые ими управляли. Я остановился и спросил, сколько же человек имеет Скатай под своей властью. И мне было сказано, что не больше 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой обстановке».

Путешественников поражало большое количество рабов у татар. Известно также, что во время хищнических набегов и походов татары охотно уводили в плен здоровых мужчин, женщин и детей. Однако рабы не играли основной роли в производстве, а обслуживали преимущественно домашнее хозяйство. Множество рабов, из числа пленных, продавалось на малоазиатские рынки. Основная роль в хозяйстве монголо-татарских феодалов принадлежала феодально-зависимому населению, среди которого были как кочевники, так и земледельцы.

Столица Золотой Орды — Сарай, основанная Батыем, находилась на одном из рукавов нижнего течения Волги. По рассказам посещавших его иностранцев, вначале это было еще обширное поселение, состоявшее из войлочных юрт, среди которых выделялся огромный ханский шатер. В убранстве шатра Батыя был уже заметен налет роскоши, не свойственной раньше обитателям монгольских степей. По словам Плано Карпини и Рубрука, «Бату жил с полным великолепием». Однако это великолепие было создано не на базе местного производства, а являлось результатом колоссальной добычи, захваченной Батыем в русских землях и в Западной Европе. Брат Батыя Берке основал выше по Волге (недалеко от нынешнего Сталинграда) новый город — Сарай. Он стал официально столицей государства при хане Узбеке. В начале XIV в. новый Сарай был уже многолюдным и очень обширным городом, со множеством прекрасных каменных построек. Секретарь египетского посольства с изумлением рассказывает в своих воспоминаниях, что город Сарай был одним из красивейших городов, достигшим чрезвычайного размера, с большим базаром и

широкими улицами. Каждому народу были отведены определенные участки.

В настоящее время развалины нового Сарая занимают площадь до 12 км. длины и около 4 км. ширины. Раскопки, произведенные в XIX столетии и продолженные в недавнее время, открыли замечательные памятники культуры столицы Золотой Орды. Город имел сложную ирригационную систему, многочисленные водоемы были соединены между собой каналами; сохранились остатки фонтанов. По остаткам каменных сооружений можно судить о высокой технике строительства и о большом искусстве художников и мастеров. Город в ремесленной части перерезывался узкими уличками и переулками, каждая из которых предназначалась для ремесленников определенных видов производства. Среди последних были кузнецы, мастера по выделке оружия, изготовлению сельскохозяйственных орудий, бронзовой и медной посуды, гончары, художники и пр. Ханы Золотой Орды, особенно в первоначальный период, переселяли ремесленников из других среднеазиатских городов, особенно из Ургенча, положив этим начало развитию местного производства. Вместе с техникой ремесла была перенесена и организация ремесленников, заимствованная из Средней Азии. В городах Золотой Орды ремесленники были объединены в союзы, напоминающие средневековые цехи. Большое место в жизни золотоордынских городов занимали базары, на которых встречались купцы из стран Востока и Запада. Важнейшие города Золотой Орды, в том числе Ургенч и новый Сарай, являлись крупнейшими центрами торговли.

Во главе Золотоордынского государства стоял хан, принадлежавший к потомкам Чингис-хана. Ханская власть с момента образования Золотой Орды и до 1359 г. находилась в роде Джучи, отца Батыя. Хотя в принципе она была неограниченной, но в действительности хан делил свою власть с близкими родственниками и крупными вассалами. Основная часть Золотой Орды подразделялась на отдельные области (улусы), находившиеся во владении царевичей—джучидов и важнейших ноянов. Фактически наместники областей были почти независимыми от ханской власти. В некоторых случаях они не только оказывали сильное влияние на политику хана, но и распоряжались по своему усмотрению ханским престолом. К числу крупных правителей принадлежали: Ногай, правивший землями всего Причерноморья; Сартак, ведавший русскими княжествами; брат Батыя Шейбан, владевший восточной частью Золотой Орды, и другие. При Узбеке очень влиятельное положение занимал правитель Хорезма Кутлуг-Тимур. На построенном при нем минарете в Ургенче вырезана надпись: «Царь могущественный патрон царей и арабов и неарабов, властитель земного мира и веры, величие ислама и мусульман Кутлуг-Тимур». Под властью крупнейших вассалов хана находились представители половецко-монгольской знати, занимавшие высшие должности — темников, тысячников, сотников и другие.

Правители областей (уделов) и другие крупные вассалы стремились усилиться в противовес ханской власти. Поэтому Золото-

ордынское государство с самого начала не было централизованной системой, несмотря на существование большого разветвленного административного аппарата со множеством разнообразных должностей, связанных главным образом с извлечением доходов. Многие названия этих должностей монголы заимствовали у тюркского населения Средней Азии и у арабов. В системе золотоордынской администрации большую роль играли даруги или баскаки (даруга—монгольский термин, баскак—тюркский термин). В завоеванных странах они являлись представителями ханской власти. Их главной обязанностью был сбор дани. Доходы хана и его крупных феодалов состояли из трех главных частей: из доходов с кочевого хозяйства и разнообразных податей, собиравшихся с завоеванных народов, а также с торговли и из военной добычи. Если первоначально военная добыча составляла основную часть доходов, то и впоследствии, с развитием устойчивого феодального хозяйства, она все же не потеряла своего значения. В результате военной добычи у хана, царевичей и крупнейших вассалов накапливались большие сокровища. Поэтому хан и его вассалы охотно посылали карательные экспедиции в завоеванные страны, пользуясь малейшим поводом для ограбления населения.

Приведенные Батыем монголо-татарские роды быстро стали сливаться с господствующей знатью местного тюркского населения. Уже в XIV столетии монголы приняли тюркский язык. При хане Берке среди монгольской знати стало распространяться мусульманство, которое в первой половине XIV в. при хане Узбеке стало государственной религией. Принятие мусульманства еще больше усилило культурные связи монголо-татарской знати с мусульманством.

Таким образом, Золотая Орда постепенно втягивалась в экономическую и культурную жизнь стран мусульманского Востока.

Русские княжества под властью Золотой Орды

Поход Батыя оставил на территории русских земель страшный след разрушений. Население частью погибло, частью разбежалось. Многие города, особенно те из них, где население сопротивлялось, были превращены в развалины. Летопись замечает, что в Суздальской земле почти не осталось «ни места, ни веси, ни села», которого не разорили бы татары. В 1246 г. через Южную Русь пробирался в Монголию францисканец Плано Карпини, посланный папой к монгольскому императору. В Киеве он насчитал лишь 200 домов. «Когда мы ехали через их земли,—пишет Плано Карпини,—мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на полях». После того как Батый ушел из Восточной Европы на Запад, население начало возвращаться на старые места. В Северо-Восточной Руси великим князем стал брат погибшего в битве на реке Сити Юрия Ярослав Всеволодович (1238—1245).

Возвратившись в низовья Волги после похода из Венгрии, Батый потребовал от русских князей признания его власти. Каждый из них должен был побывать в ставке, пройти через очищение

огнем, стать на колени перед ханом и выполнить другие унизительные требования. В случае отказа или сопротивления виновный подвергался смерти. Так погиб в Орде черниговский князь Михаил Всеволодович. Огромное большинство русских князей выполнило унизительные требования и превратилось в вассалов хана Золотой Орды и монгольского императора. Татары, как и в других землях, сохранили существовавший политический строй русских княжеств. Батый признал старшинство над другими русскими князьями за Ярославом Всеволодовичем. По словам летописца, он отпустил его со словами: «Ярославе! Буди ты старей всем князем в русском языце». (Ярослав! Будь ты старшим среди всех русских князей). Батый потребовал прибытия к нему и других русских князей. Согласно установившемуся с этого времени порядку князья в подтверждение своих владыческих прав получали от хана ярлыки (грамоты).

Великий князь Ярослав Всеволодович должен был предпринять далекое путешествие в Монголию, в ставку императора, на реку Орхон, где его встретил францисканец Плано Карпини. Во время этого путешествия русский князь внезапно умер.

Первое время зависимости от Золотой Орды было наиболее тяжелым для русских земель. Некоторые русские князья продолжали оказывать сопротивление монгольской власти. Во враждебное отношение к ней встал и великий князь Андрей Ярославич (1249—1252). Преследуемый татарами, он бежал из Владимира сначала в Новгород, а потом в Швецию. Александр Ярославич Невский, сознавая бесцельность сопротивления, не примкнул к политике брата. В 1252 г. он вернулся из Золотой Орды и с согласия хана занял великокняжеский престол (1252—1263).

Возникшая в восточных частях империи под китайским влиянием перепись была затем перенесена в другие монгольские улусы, в том числе и в русские земли. Есть сведения, что в 1245 г. татары переписали население в Киевской земле. В 1257 г. перепись производилась в северо-восточных русских землях. По словам летописи, в этом году татарские численники «исщетоша» (переписали) все земли — Суздальскую, Рязанскую, Ростовскую. Через несколько лет татары приехали в Новгород и сказали новгородцам: «Дайте нам число или бежим проче». Низшее население Новгорода, «чернь», не хотело позволять татарам производить перепись, но состоятельные люди — «вятшие»—стали требовать, чтобы меньшие подчинились. Тогда, говорит летописец, «творяху бо себе бояре легко, а меньшим бе зло». Татары стали ездить по улицам и переписывать дома. В 1273 г. (по другим сведениям в 1275 г.) была произведена вторая перепись. Перепись послужила основанием для более регулярного сбора дани.

Главную часть податей, наложенных на русское население в пользу золотоордынского хана, составляла дань, или «выход». Дань вначале собиралась в натуре, а потом была переведена на «серебро», т. е. на деньги. Единицей измерения служило отдельное хозяйство (плуг). Кроме постоянной дани, существовали экстренные или неожиданные требования, носившие названия «запроса».

Поездка любого представителя ханской власти, от крупного баскака или темника и до мелкого чиновника, сопровождалась приношением даров и почестей. Они были так же многочисленны, как были разнообразны поводы, в силу которых посланник хана требовал себе подарков. Были дары въездные (при въезде), поклонные, выходные, становые (при остановке), мимоездные (при проезде без остановки) и другие. Кроме дани в различных ее формах, население несло натуральные повинности, кормило ханских послов и их лошадей, поставляло им средства передвижения и пр. Очень тяжелой была военная повинность, в силу которой русское население должно было посылать людей в войско хана.

В особое положение была поставлена церковь. Монголо-татары стремились использовать ее как орудие для укрепления своей власти. Ханы выдавали русским митрополитам ярлыки (грамоты) с перечислением предоставленных им льгот. «Из давних, из добрых времен и доселе, что молятся богомольцы и весь поповский чин, и те никаких не ведают пошлин, самому богу молятся за племя наше в род и род и молитву воздают». Церковь, возносившая молитвы за благополучие ханского рода, призывавшая население к покорности и смирению, получила в награду полное освобождение духовенства и церковных людей от дани и всех других поборов. Ярлыки охраняли церковные владения не только от татарской, но и от русской княжеской власти; в церковные земли не вступает никто. Придавая большое значение церкви, татары в 1261 г. перевели русского православного епископа из Переяславля Южного в Сарай и основали там особую Сараевскую епископию, стремясь превратить ее в орудие ханской политики в русских землях.

До 1262 г. дань собирали присланные татарами откупщики, состоявшие преимущественно из мусульманских купцов. Летописец сообщает о чрезвычайных насилиях, которые производили откупщики над русским населением. Пользуясь сбором дани, они закабаляли должников, а затем продавали их в восточные страны. Насилия откупщиков вызвали в 1262 г. восстания в Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле, Переяславле и, повидимому, во многих других русских городах. После подавления восстаний татары изменили систему собирания дани, передав ее присылавшимся из орды данщикам. В конце XIII в. ордынскую дань стали собирать сами русские князья, которые затем отвозили или посылали ее в Орду.

Для надзора за русскими землями татары в первое время держали в русских городах наместников хана — баскаков, среди которых главным был «великий» баскак владимирский. Баскаки наблюдали за поведением князей и русского населения и пользовались по существу неограниченной властью. В большинстве русских княжеств баскаки, повидимому, исчезли в конце XIII в. Дольше они удержались в Ростовском княжестве, где баскаки по источникам упоминаются еще в начале XIV в. Баскаки потеряли прежнее значение после того, как Орда перешла к эксплоатации русского населения при посредстве княжеской власти.

Наложенная на русских князей дань тяжелым бременем ложи-

лась на плечи зависимого населения, которое несло разные повинности в пользу местных князей и землевладельцев. Таким образом, татарская власть усиливала феодальную эксплоатацию и удлиняла систему феодального подчинения. Над русскими феодалами, возглавлявшимися «великими» и «удельными» князьями, стояли еще более высокие сеньоры — хан Золотой Орды и монгольский император. Денежные и натуральные поборы, однако, не покрывали всех требований Орды. Крупную роль в доходах татарской знати продолжала играть военная добыча, сбор которой сопровождался жестоким разрушением городов и разорением сельского населения.

Погром Батыя и угнетение русских земель под властью Золотой Орды вызвали в литературе появление ряда произведений, посвященных теме о «татарском нашествии».

В одном литературном памятнике XIII в., известном под названием «Слово о погибели русской земли», перечисляются те богатства, которыми обладала «светло-светлая и прекрасно украшенная земля русская». За этим следует воспоминание о «грозных князьях» прежнего времени, внушавших страх соседним народам. «Так было раньше, — говорит «Слово», — теперь же приключилась болезнь христианам».

Современник похода Батыя, епископ Серапион, в написанных «Словах» (поучениях) дал яркую картину бедственного положения русских земель под игом «иноплеменников». «Кровь отцов и братьев наших, как вода, обильно напоила землю. Исчезло мужество князей и воевод наших: богатыри наши, охваченные страхом, бежали. Множество же братьев и детей наших уведено в плен. Села наши поросли лесом. Смирилось величие наше, погибла красота наша; богатство наше и труд стали достоянием иноплеменников. Соседям нашим мы стали в поношение, посмешищем стали врагам нашим».

Воспоминание о татарском иге запечатлелось и в народном эпическом творчестве — в былинах. В былине о Щелкане Дюдентьевиче (Чол-хан, двоюродный брат хана Узбека) рассказывается о насилиях завоевателей над русским населением:

«Брал он млад Щелкан
Дани, не выходы, царевы не выплаты;
С князей брал по сту рублев,
С бояр — по пятидесять,
С крестьян по пяти рублев —
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет».

Народное творчество объясняло татарские насилия над населением гибелью русских богатырей, которые раньше стояли на «заставе богатырской» и защищали русские земли от врагов. В одной

былине рассказывается о том, как собравшиеся богатыри во главе с Ильей Муромцем и Алешей Поповичем, встретив большую татарскую силу,

«Стали силу колоть — рубить.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут;
Бились три часа и три минуточки, —
Изрубили силу поганую».

Вскоре перед ними появились новые воители. Сколько ни рубили их богатыри — из каждого разрубленного татарина появлялось двое живых. Продолжали их рубить богатыри. «А сила все растет, да растет, все на витязей с боем идет». Сражались витязи три дня и три минуточки. Наконец,

«Намахались их плечи могутные,
Уходилися кони их добрые,
Притупились мечи их булатные:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет».

Тогда побежали русские витязи в каменные горы и в них окаменели. «С тех-то пор, — говорит былина, — и перевелись витязи на святой Руси». В этой былине отразилось народное представление об огромном численном превосходстве врагов, подавивших русскую богатырскую силу.

Однако борьба русского народа не кончилась с завоеванием монголо-татарами русских княжеств. Она продолжалась после того, как русские князья стали послушными вассалами хана.

Господство Золотой Орды над русскими землями привело к колоссальному уничтожению производительных сил. Маркс указывает, что «...монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[1]

Тяжелое татарское иго задерживало экономическое и культурное развитие русских земель, что явилось одной из причин их отсталости по сравнению с Западной Европой. Еще Пушкин говорил, что «татары не походили на мавров (арабов); они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля».

Важным последствием монголо-татарского завоевания было почти полное прекращение экономических и политических связей между населением северо-восточных, западных и юго-западных русских земель, которые были захвачены Литвой и Польшей.

Оценивая общее значение татарского ига для русской земли, Маркс указывал на исключительно тяжелые последствия его для русского народа: «Это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа».

Приняв на себя страшный удар с востока со стороны монголо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

татарских полчищ, русский народ спас от разорения и угнетения многие страны Западной Европы и этим сыграл крупнейшую, историческую роль в защите европейской цивилизации.

Средняя Азия и Закавказье под властью монголов

Большая часть территории Средней Азии, включавшая Мавераннахр и Семиречье, была выделена в состав удела второго сына Чингис-хана—Чагатая. Сам Чагатай с принадлежащими ему монгольскими родами остался кочевать в Семиречье и Кашгарии. На остальной территории Средней Азии монголы не изменили существовавшего там общественного и политического порядка. Местные властители в большинстве случаев остались на своих местах, за исключением тех из них, которые оказывали сопротивление завоевателям.

Для получения дани монголы в Средней Азии, как и в других местах, пользовались посредничеством крупных мусульманских купцов и ростовщиков. Мавераннахр был отдан в управление хорезмийцу купцу Махмуду Ялавачу. По городам и крупным селениям были расставлены монгольские военные отряды под начальством баскаков, которые составляли военную опору монгольской власти.

Местное население еще до прихода монголов находилось в тяжелой зависимости от феодалов. Особенно в тяжелом положении были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Помимо дани, население должно было поставлять различные предметы, вооружение и снаряжение, отдавать продукты натурой, кормить многочисленных ханских посланцев и сборщиков. Мусульманские купцы иногда вносили в ханскую казну заблаговременно всю сумму налогов, а затем собирали ее с населения. Один из современных персидских историков дал очень яркое описание бедственного положения населения под тяжестью непосильных поборов. Он говорил, что крестьяне и ремесленники часто предпочитали бросать свои дома и хозяйства, чем уплачивать дань, которую фактически не могли уплатить. Жители деревень или городов забивали двери в свои жилища камнями и устраивали выход через крышу. Завидя издали сборщика, жители прыгали с крыши и при этом часто ломали себе ноги. Сборщики устраивали настоящие облавы на плательщиков налогов: шли из квартала в квартал, захватывали женщин и детей. Потом их подвешивали за ноги, били и подвергали другим мучительным пыткам.

Хищническая эксплоатация монголов, соединенная с тяжелыми феодальными повинностями, вызвала среди сельского населения и городских ремесленников подъем классового и народно-освободительного движения. Еще до завоевания Средней Азии монголами было несколько случаев открытого возмущения против феодальной знати. В 1238 г. в Бухаре вспыхнуло народное восстание под предводительством Махмуда Тараби. Ремесленник по выделке сит, Махмуд жил в селении Тараби, в окрестностях Бухары. Махмуд пользовался большим влиянием среди беднейшего населения Бу-

хары. В нем видели вождя, который должен был освободить народ от непосильного угнетения. Обеспокоенные власти решили убить Махмуда и с этой целью пригласили его в город. Этот план не удался, так как Махмуд был окружен таким тесным кольцом бедного народа, что, по словам современников, кошке нельзя было пройти. Предупрежденный об опасности, Махмуд ушел на один из холмов, в окрестностях Бухары, и «сразу узда правления выпала из рук больших и малых».

Бедное население Бухары отправилось к холму, где собралось около Махмуда. В час вечернего намаза (молитвы) Махмуд обратился с призывом к народу восстать, чтобы очистить мир от неверных. «Пусть каждый, — говорил он, — приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин». После этого Махмуд вернулся в город, где произошел погром богатых домов. Население провозгласило Махмуда своим «халифом», то-есть своим главой.

Между тем бежавшая из Бухары знать собрала значительное войско, против которого с вооруженным народом, «с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны», вышел Махмуд. Сам Махмуд был убит, но сражение закончилось победой его сторонников. Тогда население окрестных деревень, вооруженное лопатами и топорами, присоединилось к восстанию.

«Всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали топором голову». Восстание было подавлено после прибытия нового монгольского войска. Однако монголы из опасения новых народных движений должны были принять некоторые меры к ограничению хищнической деятельности местных властей. В одном из ярлыков (Мангу-хана), изданных по этому поводу, говорилось, что «дела насилия и притеснения достигли высшей ступени, причем особенно были доведены до крайности от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами земледельцы, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий в виде повинностей».

Первый период монгольского господства в Средней Азии, от завоевания до начала XIV в., очень тяжело отразился на экономической жизни земледельческих районов и городов. Особенно сильно пострадало Семиречье, на территории которого находилась ставка монгольских ханов, владевших улусом Чагатая. Старые города лежали в развалинах. Земледельческая культура была вытеснена скотоводством. В одном памятнике XIV в. сообщается, что там «можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием». Между потомками Чагатая и потомками Чингиса от других его сыновей происходила борьба за власть над Мавераннахром. В начале XIV в. среднеазиатское монгольское го-

сударство (улус Чагатая) стало называться Чагатайским государством.

В первой половине XIV в. часть монгольских родов переселилась из Семиречья в Мавераннахр, где подверглась отуречиванию. К этому времени относится попытка монгольских ханов перенести ставку в Мавераннахр, взять в свои руки непосредственное управление страной. Однако это встретило сопротивление со стороны Чагатайской родоплеменной знати (улусных беков или эмиров), не желавшей усиления ханской власти. Около середины XIV в. эмиры одержали победу над ханскими войсками.

В XIV в. Чагатайское государство разделилось на две части: Восточная часть, включившая Семиречье и Кашгарию, стала называться Моголистаном (т. е. страной монголов). За Мавераннахром сохранилось прежнее название Чагатайского государства.

В 1246 г. завоеванные монголо-татарами Персия и Закавказье были выделены в удел внуку Чингис-хана, Хулагу-хану. Владения его потомков составили государство Хулагидов, столицей которого до начала XIV в. был город Тебриз в Южном Азербайджане.

Между хулагидами и ханами Золотой Орды шла длительная борьба за Северный Азербайджан, во время которой золотоордынские татары неоднократно прорывались через Кавказский хребет и опустошали земли Азербайджана и Грузии.

Хулагиды, носившие титул иль-ханов («повелителей»), заимствовали элементы государственного устройства преимущественно из Персии, но не создали сильной централизованной системы. Иль-ханы предоставляли большую самостоятельность местным феодалам при условии исправного взноса дани и выполнения ими всех других повинностей. Поэтому система социально-экономических отношений не была нарушена завоевателями. Это до известной степени примиряло крупных феодалов с властью иль-ханов, несмотря на исключительную тяжесть обложения населения. Особенно тяжелой была обязанность поставлять воинов в ханское войско и людей в вспомогательные отряды («толпы») для различных тяжелых работ. По словам одного арабского писателя, военная повинность была настолько тяжелой, что отцы продавали своих детей работорговцам, так как не имели средств, чтобы снарядиться на ханскую службу.

Вся тяжесть налогов и натуральных повинностей падала на разоренное сельское население и на бедные слои городов. Масса крестьян покидала свои деревни и аулы и уходила в высокогорные районы. Уход крестьян тяжело поразил мелкое хозяйство средних и мелких азнауров, за счет которых усиливались крупные феодалы. Из плодородных долин и лучших высокогорных районов грузинские хозяйства вытеснялись в районы с менее благоприятными условиями. Произошло общее сокращение площади, занятой под посевы. Закавказье вступило в полосу хозяйственного упадка.

Около середины XIII столетия монголы произвели перепись населения. С этой переписью была связана регламентация дани и натуральных повинностей. Усиление местных феодалов при поддерж-

ке ханской власти привело к ослаблению царской власти, к постепенному политическому раздроблению Грузии.

В особенно тяжелом положении под властью Хулагидов находился Азербайджан. В южной части Азербайджана монголы и соединившиеся с ними другие кочевники нашли наилучшие условия для скотоводческого хозяйства. Зимою кочевья располагались преимущественно в Муганской степи, а летом скот перегонялся на прохладные высокогорные луга. В Южном Азербайджане монголы почти полностью устранили местных феодалов.

Для обеспечения господствующей знати кочевников (эмиров) им выделялись земли с оседлым населением, обозначавшиеся старым арабским термином—«икта». Эмиры в свою очередь выделяли части икты подчиненным им начальникам. Между владельцами икты различного размера устанавливались вассальные отношения. Икта хотя и переходила по наследству, но ее нельзя было продавать. Сами владельцы икты не жили на ее территории, а продолжали кочевать со своими племенами, получая доход с зависимого населения. Поэтому они не были заинтересованы в развитии производительных сил внутри собственного кочевого хозяйства. Икта задерживала социально-экономическое развитие господствующего кочевого населения и консервировала в нем остатки патриархальных отношений.

Во время господства монголов тяжелый экономический кризис поразил большинство городов Закавказья. Он был вызван не только разорением и ограблением этих городов монголами, но и длительным разрывом налаженных торговых связей. В результате борьбы между Золотой Ордой и государством Хулагидов почти полностью замер торговый путь вдоль западного берега Каспийского моря. Проходившие по Армении большие караванные пути были перенесены к югу. Таким образом, армянские города, выраставшие на транзитной торговле, остались в стороне от основного торгового движения.

Владычество Хулагидов в Закавказье продолжалось до середины XIV в. Во второй половине этого века Закавказье стало выходить из состояния экономического и политического упадка.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР в XIV—XV вв. РОСТ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ МОНГОЛО-ТАТАРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ. ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Общественно-экономический и политический строй Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв.

Распад Владимиро-Суздальской земли. Владимиро-Суздальская земля, достигшая большого политического подъема при Всеволоде III, начала распадаться вскоре после его смерти. Во второй половине XIII в. политическая связь между князьями, принадлежавшими к потомству Всеволода III, быстро ослабевала. Выделенные княжеские владения превратились в княжеские «отчины», которые затем стали независимыми друг от друга феодальными княжествами.

Процесс политического раздробления Владимиро-Суздальской земли был результатом развития местного феодального хозяйства. Далеко не каждое княжеское владение превращалось в отдельное княжество. Для последнего были необходимы благоприятствующие обособлению экономические и политические условия. Чем сильнее были развиты экономические связи между отдельными частями княжеской отчины, тем прочнее они были объединены в системе одного «княжения». Если экономической связи не было или она легко прерывалась, княжеская отчина легко распадалась на более мелкие политические мирки.

Сын Всеволода III Ярослав получил от отца Переяславскую землю, из которой в XIII в. выделилось два княжества: Тверское и Московское. Каждое из них впоследствии стало самостоятельной политической системой со своими «удельными» княжествами. Большое число мелких княжеств сложилось в бассейне среднего течения Волги и к северу от него. В этом краю, покрытом густыми лесами, водоразделы между небольшими речными долинами притоков Волги, Шексны и Мологи служили естественными границами для замкнутого феодального хозяйства. Связь между этими мирками была ничтожной, что затрудняло их политическое объединение. К числу более крупных поволжских княжеств принадлежали: Ярославское, Белозерское, Углицкое, Ростовское, Суздальско-Нижегородское. Каждое из них, в свою очередь, подразделялось на мелкие «удельные» княжества. К югу от Московского княжества лежала территория Рязанского княжества.

После распада Владимиро-Суздальской земли великим князем Владимирским становился тот из потомков Всеволода III, который получал ярлык от хана Золотой Орды. До конца XIII в. татары обычно поддерживали старшего в русской княжеской семье. После окончательного обособления местных княжеских династий старшинство потеряло значение. Хан отдавал ярлык на великое княжение более сильному и богатому князю, который лучше других русских князей мог обеспечить сбор ордынской дани, но следил за тем, чтобы его усиление не стало опасным для золотоордынской власти. Князь, становившийся по ханскому пожалованию великим князем Владимирским, сначала переезжал в стольный город Владимир на Клязьме. С конца XIII в. великий князь обычно жил уже не во Владимире, а в столице своего княжества. Во время своего великого княжения он мог пользоваться доходами с земель великого княжества, которые не смешивались с основной его территорией. В случае потери великокняжеской власти князь лишался прав и на земли великого князя Владимирского.

Феодальное хозяйство. В результате развития феодального хозяйства на территории северо-восточных русских княжеств огромные пространства заселенной и свободной земли оказались во владении различных феодальных собственников, которые, как и в Киевском государстве, состояли из трех основных групп: частновладельческой, княжеской и церковной. Крупное боярское землевладение, достигшее больших размеров к концу XIV в., росло путем новых заимок, княжеских пожалований, покупок и, наконец, открытых захватов волостной крестьянской земли.

Другую часть феодального хозяйства составляли многочисленные княжеские владения. Особенно значительным было хозяйство московских князей, состоявшее из большого числа разбросанных хозяйственных угодий, группировавшихся вокруг городов и княжеских сел. Ивану Калите принадлежало более 50 сел, находившихся как в Московском, так и в других княжествах. Великий князь Василий Васильевич Темный оставил своим наследникам более 125 сел.

Третьей частью феодальной земельной собственности были владения церкви: митрополита, монастырей и отдельных епископских кафедр. Крупные недвижимые богатства митрополита начали образовываться в первой четверти XIV в. при митрополите Петре, который усиленно скупал села и деревни и даже приобрел город Алексин с прилегавшими к нему волостями и всеми угодьями. К началу XV в. земельные владения митрополита достигли очень больших размеров. Еще более крупными землевладельцами были монастыри. С середины XIV в. монастырская колонизация проложила несколько путей в область верхнего Заволжья и дальше, в Поморье, к «студеному морю-окияну». В краю, где, выражаясь словами древнего жития, были лишь «леса черные, болота, мхи и чащи непроходимые», возникли десятки монастырских «пустынь», превращавшихся в центры быстро расширявшегося феодального хозяйства. Московские и другие князья охотно давали разрешение инокам «братью собирать» и «пашню пахать».

Особенно крупную роль в развитии монастырского землевладения сыграли монастыри: Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский и Соловецкий. Троице-Сергиевский монастырь был основан в сороковых годах XIV в. в лесных дебрях, вблизи гор. Радонежа иноком Сергием, происходившим из ростовского боярского рода. Благодаря деятельной поддержке московских великих князей небольшая «пустынька» Сергия Радонежского превратилась в мощное монастырское хозяйство. Только в конце XIV в. монахами Троице-Сергиевского монастыря было основано 13 «пустынных монастырей», многие из которых в свою очередь стали рассадниками монастырских организаций. В конце XIV в. постриженники московского Симонова монастыря Кирилл и Ферапонт ушли в Белозерский край, где основали Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри. Оба эти монастыря, особенно последний, стали обладателями многочисленных вотчин. Постриженник Кирилло-Белозерского монастыря Савватий в 1429 г. поселился на Соловецком острове, где положил начало богатому северному монастырю — Соловецкому, игравшему очень крупную роль в экономической жизни Поморья.

Монастыри пользовались различными средствами для расширения монастырской вотчины. Большое значение при этом имела колонизационная деятельность в неосвоенных землях. Огромные пространства дикого леса с озерами и речками переходили в монастырское владение по княжеским пожалованиям. По таким же пожалованиям монастырям отдавалась заселенная и устроенная земля: села и деревни с живущим в них крестьянским населением. Поднявшееся и окрепнувшее на новом месте монастырское хозяйство немедленно переходило в наступление на соседние земли, а потом, прикупая «села к селам» и «нивы к нивам», разбрасывало свои владения и в более отдаленных местах, не стесняясь при этом ни естественными, ни междукняжескими границами. Третьим крупным источником монастырского обогащения были «вклады в душе» частных землевладельцев, имевшие для последних не только морально-религиозное, но и хозяйственное значение. Небогатый вотчинник предпочитал отдать на тех или других условиях свою землю в монастырь, чтобы обеспечить его покровительство или полное монастырское содержание. Такими различными путями в XIV—XV вв. сложилось мощное монастырское землевладение, ставшее серьезным конкурентом светским вотчинам, часть которых, дробясь и мельчая, постепенно переходила в обладание церкви.

При наличии особенностей, зависевших от местоположения, размера, естественных условий и др., феодальное хозяйство в рассматриваемое время обладало общими характерными признаками, позволяющими рассматривать его в целом. Процесс образования крупного землевладения, в виде заимок, куплей, захватов, пожалований и семейных разделов, приводил к большой дробности и разбросанности отдельных его частей на значительной территории. Каждая из этих частей представляла некоторый независимый хозяйственный комплекс. Экономическая связь между отдельными

землями, входившими в состав одного землевладельческого хозяйства, как правило, отсутствовала. Рыночные связи при натуральном характере хозяйства были незначительными. Таким образом, крупное землевладение сочеталось с мелким натуральным хозяйством.

Каждое отдельное хозяйство обычно состояло из села с тянувшимися к нему угодьями и деревнями, число которых доходило до нескольких десятков. Село с расположенным в нем двором «боярина» было хозяйственным и административным центром владения. В боярском дворе стояли жилые хоромы и хозяйственные постройки, — овин, гумно, сенник, конюшня, поварня и др. Хозяйственные угодья состояли из пахотной или «орамой» земли (от слова «орать» — пахать), пожен, лесов и промысловых угодий. К ним принадлежали бортные леса, бобровые ловища и другие места для охоты, рыбные ловли в реках и озерах, соляные источники и пр.

К селу, как к хозяйственно-административному центру, тяготело более или менее значительное число деревень, представлявших небольшие поселения в 1—3 двора. Каждая деревня имела свои угодья, частью расположенные у самой деревни, частью разбросанные в разных участках. В некоторых случаях пожни и пахотные земли отстояли от деревни на 10—15 и более верст. Эксплоатация таких отдаленных участков земли могла производиться только «наездом».

При существовании больших неосвоенных пространств, точных границ как для деревенских владений, так и для всего феодального владения не могло быть. Определяющим признаком для установления принадлежности того или иного участка земли служил факт хозяйственной эксплоатации — «куда из тех земель плуг ходил и соха, куда топор ходил и коса». Часто между владениями простирался «великий бор» и дикий лес, где «топор с топором не сходится». Межа, отмеченная зарубками на деревьях и естественными признаками — кудрявой березой, развесистым дубом, ямой, камнем и пр.,— возникала там, где на неосвоенном просторе подходили с разных сторон хозяйственные заимки.

Можно считать, что примерно до середины XV в. собственная запашка феодала была незначительного размера, особенно в мелком хозяйстве. Большое хозяйственное значение имели скотоводство (отсюда постоянная борьба за пожни) и эксплоатация промысловых угодий. Хозяйство велось, главным образом, при помощи «людей» вотчинника, т. е. холопов. Холопы, работавшие на пашне, носили названия «страдных людей», «страдников», «людей полных в селах». Часть их помещалась на боярском дворе и работала хозяйским инвентарем. Другая часть жила в отдельных деревнях, имела собственную запашку и по своему положению приближалась к крепостным крестьянам. Особенно широко применялся труд холопов в мелком ремесле, обслуживавшем нужды «боярского» двора. К холопам принадлежала, за редким исключением, вся хозяйственная администрация: приказчики, ключники, тиуны и другие.

В Северо-Восточной Руси крестьянское население носило об-

щее название «сирот», «хрестиан» (крестьян). Термин «хрестиане» впервые появляется в источниках конца XIV в. В новгородско-псковских землях сохранилось, кроме того, старое название «смердов».

Полный перечень крестьянских повинностей конца XIV в. находится в грамоте митрополита Киприяна Константиновскому монастырю. Крестьяне, названные в этом документе «большими людьми», под которыми следует понимать более зажиточную часть крестьян, имевших лошадей, должны были «взгоном», то-есть сообща, запахать участок (жребий) игумена, засеять, сжать и убрать урожай, скосить сено и свезти его на монастырский двор. Эти крестьяне выполняли ряд работ в монастыре: устраивали церковь, строили хоромы, огораживали монастырский двор, оплетали сады, копали пруды. Трудом этих же крестьян велась эксплоатация промысловых угодий, состоявшая в обязанности ходить осенью на бобров, ловить рыбу неводом и «бить ез» (способ рыбной ловли) весной и осенью. Кроме того, крестьяне — «большие люди» — приходили на праздники, на пасху и в день Петра и Павла, с приношениями — «что у кого в руках».

Другая часть крестьян названа в грамоте Киприяна «пешеходцами», т. е. безлошадными. Они производили в монастырском хозяйстве более мелкие работы: мололи рожь, пекли хлеб, приготовляли солод, варили пиво, молотили рожь на семена, из розданного игумном льна пряли и изготовляли неводные сети. Все крестьяне как «большие люди», так и «пешеходы» давали в монастырь на праздник яловицу (корову). В случае приезда игумена в село на «братщину» (праздник) коням игумена давалось по «зобне» (мере) овса.

Таким образом, преобладающим видом повинностей крестьян в Константиновском монастыре были мелкие «изделия», т. е. работы в монастырском хозяйстве (отработочная рента). Работа в пашенном хозяйстве была еще незначительной. Натуральный оброк (рента продуктами), выражавшийся в нерегламентированных приношениях к празднику, также не имел самостоятельного значения. В памятниках второй половины XV в. натуральный оброк занимал уже основное место в крестьянских повинностях и охватывал все продукты крестьянского хозяйства. Крестьяне несли землевладельцу и его приказчику рожь, пшеницу, ячмень, горох, лен, печеный хлеб, масло, мясо, сыр, яйца, куры, овчины и др. продукты. Все приношения были точно установлены.

До начала XV в. при отсутствии общих законов, определявших положение крестьян, и при относительно небольшом размере крестьянских повинностей. отношения между крестьянами и землевладельцем регулировались еще обычаем, «стариной».

Феодал-землевладелец, чтобы заставить крестьян выполнять лежавшие на них повинности, которые в том или другом размере касались всего крестьянского населения, обладал, во-первых, средствами своей вотчинной власти и, во-вторых, помощью высшего сеньора (князя и высших церковных властей). При большой дробности феодального владения и при земельном просторе переход

крестьян из одного княжества в другое был лучшим средством для изменения положения и хотя бы временного облегчения своего состояния. Переход крестьян не только затрагивал интересы местного феодального собственника, но и интересы его сеньора — князя, который в лице ушедших терял плательщиков налога. Поэтому уже в XIV в. князья вносили в договоры между собою условия не принимать «письменных» (внесенных в списки плательщиков) и «тяглых» людей. Эти условия устанавливали первые общие ограничения для свободного передвижения крестьян. Нам неизвестны законодательные памятники, которые в рассматриваемый период времени ограничивали бы переход крестьян внутри отдельного княжества или юридически привязывали их к феодальному владению. Однако, основная масса крестьян была более или менее прочно связана с феодальным хозяйством, покинуть которое крестьянину было очень трудно.

С начала XV в. в составе крестьянского населения появляется категория «старожильцев», которые противопоставляются «новоприходцам» (в памятниках более раннего времени эти термины неизвестны). «Старожильцы» полностью несли все феодальные повинности. Князья, заинтересованные в заселении территории своего княжества, охотно давали частным землевладельцам льготу для переселенных крестьян, призванных из «других княжений», освобождая их на 10—15 лет от всех или большинства повинностей и налогов. Так же поступали и сами землевладельцы, призывая крестьян «на льготу» и поселяя их целыми «свободами» (слободами).

После окончания льготных лет «новопришлые» сливались с остальной массой «старожилых» крестьян. Юридически старожильцы не были лишены возможности ухода. В действительности же они были прочно связаны со своим хозяйством. Старожильцы представляли наиболее ценную категорию крестьян как для феодальных собственников, так и для князя, заинтересованного в исправном поступлении доходов, собиравшихся в княжескую казну. Отсюда возникло стремление возможно прочнее связать основное население и прежде всего старожильцев с данным владением и феодальным хозяйством. К этому приводила и экономическая зависимость, которая легко возникала при общей неустойчивости и бедности крестьянского хозяйства, в результате различных недоимок, а также хозяйской подмоги продуктами и деньгами, носившей общее название «серебра».

Ссуда «серебром», существовавшая и раньше, получила большое распространение в XV в. В это время в составе крестьянского населения появилась значительная категория крестьян-«серебреников». Существовали два основных вида «серебра» — серебро «дельное» или «издельное» и серебро «ростовое». «Дельное» серебро давалось крестьянам в ссуду под условием выполнения дополнительно «изделья» (разных работ в хозяйстве феодала), которое заменяло уплату процентов. Крестьяне, взявшие «дельное» серебро, носили название серебреников-«издельников». Одним из видов этого серебра было серебро или деньги «в пашне». В этом случае предусматривался один вид крестьянской работы — работа на бар-

ской пашне. «Ростовым» серебром называлось серебро, отданное в долг под условием уплаты процентов (роста). Разновидностью его было «летнее» серебро, погашение которого происходило в рассрочку по годам.

Развитие серебреничества в XV в. указывает на расширение и интенсификацию феодального хозяйства. Ссуда крестьян «серебром» была в руках землевладельцев одним из средств для привлечения крестьян и для усиления их связи с данным хозяйством. Таким образом, в развитии крепостнических отношений внеэкономическое принуждение, как основное, сочеталось с условиями экономической зависимости.

Крестьяне, жившие на великокняжеской земле (вся земля, не находившаяся в частном владении, считалась собственностью великого князя), были обложены данью и разными натуральными поборами в пользу князя и носили название «черных» людей (впоследствии они стали называться «черносошными крестьянами»). Среди этого населения существовало общинное устройство. В территориальную общину — «волость» (не смешивать с позднейшим административным значением волости) входило более или менее значительное число деревень. В некоторых местах, например, в Новгородской земле и Рязанском княжестве, общины назывались также «погостами».

Община объединяла крестьянское население не по кровнородственным отношениям, а по территориальному признаку. Крестьяне, входившие в общину, владели индивидуальными участками, которыми они распоряжались как своей собственностью: передавали по наследству, продавали и даже сдавали в монастырь. Общинной считалась вся остальная земля, состоявшая из разных угодий, пожен, лесов, озер, а также пустопорожних участков. Во главе общины стояли выборные крестьянами старосты (они назывались также сотскими) и десятские. Дела, касавшиеся общины, решались на собрании «мира». «Мир» во главе со старостой распоряжался общинными землями, призывал новых поселенцев, передавал в индивидуальное владение общинные земли. В распоряжение общины переходили вымороченные и покинутые участки. Община раскладывала подати и собирала налоги. На собрании «мира» разбирались земельные тяжбы между общинниками и производился суд по мелким преступлениям.

Территория общины — волости — достигала весьма значительного размера, особенно на севере. Так община «Волочек Словенский» в Белозерском крае занимала в конце XV в. площадь около 800 кв. км. Иногда от волости отделялась новая община — «волостка».

Территориальная община описанного типа могла существовать, помимо великокняжеских (государственных) земель, только в крупных дворцовых и монастырских владениях. При переходе волостной территории по частям в руки частных землевладельцев общинная связь между индивидуальными крестьянскими хозяйствами утрачивалась. Место «мира» с его выборными представителями занимали административно-хозяйственная власть феодала, его ти-

уны и приказчики. К этой власти переходили и те функции, которые раньше принадлежали общине: суд, сборы налогов и распоряжение пустопорожними участками земли.

Феодальная организация господствующего класса. Отдельное феодальное владение было самостоятельным не только в экономическом, но и в административном отношении, так как его собственник обладал по отношению к населению принадлежавшей ему территории правами общественной (государственной) власти. По терминологии западноевропейского феодального права частные владения пользовались иммунитетом, т. е. освобождались от королевского или княжеского управления. Маркс говорил, что «...в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности».[1] Такой же порядок, являвшийся результатом развития феодального хозяйства и его экономической самостоятельности, существовал и в Северо-Восточной Руси XIV—XV веков.

По жалованным грамотам, выдававшимся великими и местными (удельными) князьями, в частные владения не должны были въезжать представители княжеской власти. Вотчинник сам судил население своего владения или поручал суд своим приказчикам и тиунам. В княжеских грамотах XV в., а также начала XVI в. судебный иммунитет, за небольшим исключением, не был полным, так как из ведения вотчинного суда были изъяты более крупные уголовные преступления: душегубство (убийство) и татьба (разбой).

Производя суд над населением своего владения, вотчинник собирал в свою пользу судебные штрафы. Есть основание предполагать, что в более древнее время население частного владения не платило князю дани. Однако в XIV—XV вв. князья уже в редких случаях полностью освобождали население от дани или других повинностей; в большинстве случаев это освобождение рассматривалось князьями как временная льгота и притом она касалась не всех, а только некоторых поборов. Общим правилом было то, что крупный вотчинник (боярин) платил дань тому князю, на территории которого находилось его владение, что выражалось в следующих словах в договорах между князьями: «а данью потянуть по воде и по земле». Важным преимуществом вотчинников было право самим собирать дань для князя. Эта привилегия освобождала владение от выезда многочисленных княжеских чиновников — данщиков, бобровников, закосников, бортников и других.

Степень полноты иммунитета зависела от положения землевладельца в системе феодальной иерархии. Наиболее полным иммунитетом пользовались местные князья, потерявшие политическую независимость, но сохранившие почти в полном объеме свои владельческие права. В XV в. мелкие «удельные» князья после присоединения их уделов к великому княжеству Московскому становились вассалами великого князя, постепенно вливаясь в состав высшего слоя великокняжеских бояр. При этом на территории кня-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 249. Изд. 1935 г.

жеских «вотчин» полностью сохранился тот порядок, который существовал во время их политической самостоятельности.

К светским вотчинникам по объему феодальных прав приближались крупные церковные землевладельцы — митрополит, епископы и крупнейшие монастыри.

Таким образом, в северо-восточных русских землях существовала характерная для феодального строя связь поземельной собственности с политической властью над сидящим на земле населением. Каждое феодальное владение, экономически независимое, обладавшее особым управлением под главенством своего землевладельца, составляло самостоятельную общественно-политическую ячейку феодального общества. Связь между феодальными владениями устанавливалась в виде иерархических отношений между их владельцами, образовавших своеобразную общественную лестницу, упиравшуюся в зависимое крестьянское население. Отношения феодала к вышестоящему выражались в форме вассального подчинения.

В соответствии с отношениями внутри господствующего землевладельческого класса феодальная земельная собственность существовала в двух главных формах — в виде полной и условной собственности. В первом случае земля считалась вотчиной владельца. Последний, как показывает самое название (вотчина происходит от «отчины», т. е. отцовской собственности), являлся наследственным обладателем ее и имел полное право и возможность распорядиться ею по личному усмотрению: вотчину можно было завещать наследникам, продать другим собственникам, отдать в церковь «на помин души» и пр. Русской феодальной «вотчине» соответствует западноевропейская «сеньория». В другом положении находилось условное владение, которое одновременно имело двух феодальных собственников: высшего, номинального, и второго, который распоряжался, т. е. эксплоатировал данное владение в свою пользу, на условии несения определенной службы сеньору. В первой половине XV в. подобные условные владения получили название «жалованья», что в переводе соответствует западноевропейскому термину «бенефиций». Такой вид условных владений характерен не только для княжеских пожалований, но и для крупных светских и церковных вотчинников, которые тоже раздавали «жалованья» своим вассалам.

Служба самих вотчинников носила добровольный характер. Нуждаясь в поддержке и покровительстве со стороны княжеской власти как для защиты от нападений, так и для укрепления своего господства над зависимым населением, вотчинники несли военную службу тому или иному князю. По его приказу они являлись в назначенное место со своими феодальными дружинами, состоявшими из вассалов и людей (холопов). Однако они могли в любой момент прервать службу, «отказаться» от князя и поступить на службу к другому князю, даже к врагу их прежнего господина. Служба вотчинников не зависела от местоположения вотчин. Поэтому вотчинники могли служить не только тому князю, во владениях которого находились их вотчины, но и другому, сохраняя

все владельческие права в том княжестве, где были расположены их земли. В договоры между князьями неизменно включалось условие: «а боярам и слугам вольным между нас вольным воля». Из этого правила делалось два исключения: землевладельцы должны были участвовать в обороне своего города (т. е. того города, к которому в административно-военном отношении принадлежало данное владение) и платить дань «по земле и по воде» (т. е. тому князю, на территории которого находилось данное владение).

Низший разряд вотчинников в XIV в. получил название «детей боярских». Предполагают, что этот термин происходит от древнего названия членов младшей дружины — «детских» или «отроков». Хотя дети боярские были свободными вотчинниками, но благодаря незначительности размеров владения их положение было очень неустойчивым. В случае разорения им грозило превращение в холопов. Поэтому они охотно становились в зависимость от крупных землевладельцев — князей, бояр и церкви — и несли в их пользу личную военную службу или исполняли разные хозяйственные обязанности.

Политический строй и управление. Важнейшей частью княжеского управления была административная организация княжеского хозяйства, состоявшего из разбросанных в разных частях княжества пашенных земель, лугов, бортных лесов, рыбных ловель, бобровых гонов и других хозяйственных угодий. Часть этих земель составляла вместе с жившим на них населением ведомство «дворецких». Дворецкие находились в тех городах, к которым были приписаны дворцовые земли с заведенным на них хозяйством. Главным среди них был московский дворецкий. Под заведыванием дворецких состояли многочисленные мелкие дворцовые слуги, свободные и холопы, носившие общее наименование «слуг под дворским». Князья в договорах между собою условливались не позволять им переходить на службу от одного князя к другому: «слуг, которые потягли к дворскому, в службу не принимати».

Часть хозяйственных угодий выделилась в отдельные дворцовые ведомства или «пути». В ведомстве сокольничего пути находилась птичья охота, в ведомстве ловчего пути — охота на зверя. Конюший путь составляли княжеские табуны и стада. В ведомстве стольничего пути состояли рыбные ловли, а также сады и огороды. В чашничий путь входили бортные леса. Эти хозяйственные угодья обслуживались различными слугами: конюхами, бортниками, псарями, сокольниками, кречетниками, ястребниками.

В первой половине XIV в. среди этих людей было много холопов, которых князья наделяли землей и селили отдельными деревнями. Однако уже в конце этого столетия большинство слуг, выполнявших разные повинности в пользу дворцового хозяйства, принадлежало к свободному населению. Они обеспечивались землей, право на которую теряли в случае прекращения службы.

Территория, не входившая в состав дворцового и частновладельческого хозяйства, составляла «черные» волости и города. Она имела особое управление. В города посылались наместники, власть которых распространялась и на ближайшие к городу «ста-

ны»; в волостях управление находилось в руках волостелей. Наместники и волостели, назначавшиеся из числа бояр и вольных слуг, получали обычно на годовой срок города и волости с «кормлением», т. е. с правом собирать в свою пользу поборы с населения. В XV в. была установлена определенная система кормов. При въезде на наместничество наместники и волостели получали «въезжий корм» — «кто что принесет». Другие обязательные приношения делались на праздники рождества и в «Петров день». Наместники и волостели собирали, кроме того, свадебные («новоженный убрус» и «выводную куницу» — при выходе замуж в другой город и другую волость), судебные и торговые пошлины. Часть этих сборов поступала в княжескую казну. Наместники и волостели приезжали со своими дворянами (дворовыми слугами), ключниками и тиунами, большинство которых состояло из холопов.

Наконец, третью категорию земель составляли частновладельческие земли, лишь слабо связанные с административным управлением наместников и волостелей. На их территории действовала вотчинная власть феодала, обладавшего правами иммунитета.

Таким образом, административная система, выраставшая из феодального хозяйства, отличалась большой дробностью управления. Территория княжества распадалась на множество мелких административных клеточек, каждая из которых была полусамостоятельным феодальным мирком. Нити этого управления переплетались друг с другом, сходились в княжеском дворце, который являлся и центром разбросанного княжеского хозяйства, строившегося на обычных феодальных основаниях, и административным центром княжеской власти. Эти условия определяли характер ее текущей деятельности.

Ближайшими помощниками князя в управлении были бояре и слуги, исполнявшие разные административно-хозяйственные и военные поручения. Как и в Киевской Руси, северо-восточный русский князь принимал личное участие в повседневной хозяйственно-административной жизни дворца. В текущей деятельности князь совещался с людьми, которым поручалась та или иная отрасль управления — «путь». Поэтому в хозяйственных вопросах большое значение приобретали дворецкий, казначей, сокольничий, стольник и другие слуги, стоявшие во главе дворцового хозяйства. Состав этого совещания не был определен и зависел от характера разбиравшихся дел. Обычно князь призывал на совет от 2 до 5 бояр и слуг и только в более существенных вопросах, выходивших за рамки текущих хозяйственно-административных забот, число участников боярского совета (в исторической литературе за ним утвердилось название Боярской Думы) повышалось до 10 и даже до 15 и более человек.

Особую роль в нем играли тысяцкий, окольничий и казначей. Значение тысяцкого зависело от его положения в качестве предводителя городского ополчения. Эту должность стремились держать в своих руках крупные боярские фамилии и даже обратить ее в наследственную. Деятельность окольничего была связана с

дворцовым управлением. Казначей был хранителем княжеской казны, которая вместе с тем была и княжеским архивом. В нем хранились духовные и договорные грамоты, ярлыки, купчие и другие важные документы. Казначеи могли быть и несвободными людьми. Стольники, чашники, ловчие и сокольничие также не принадлежали к высшей феодальной знати.

Помимо должностных лиц, в феодальном совете при князе участвовали крупнейшие бояре. В каждом княжестве существовал более или менее постоянный слой бояр, своими землевладельческими интересами прочно связанных с княжеской властью. С другой стороны, могущественные княжеские вассалы, имевшие собственных «вольных слуг» и свои феодальные дружины, составляли основную социальную опору князя. Согласие бояр «старейших» являлось поэтому необходимым условием для каждого более или менее крупного предприятия. Бояре в качестве воевод командовали частями собранных княжеских и боярских дружин, посылались наместниками по городам, сидели в них с «кормлением и с путями».

Бояре и вольные слуги, занятые в княжеском хозяйстве и управлении, обозначались в документах XIV—XV вв. термином «бояре путные» или просто «путники». Название происходит от слова «путь» — доход, так как любая отрасль управления была связана с получением известного дохода. В отличие от прочих бояр и вольных слуг, участвовавших в защите своего города («где кто сидит, тут тому и сесть»), бояре «путные» освобождались от этой обязанности, отрывавшей их от княжеской службы.

Высший слой бояр носил название «больших» бояр. Самые близкие к князю бояре назывались также «старыми» боярами. В первой половине XV в. для обозначения высшего слоя боярства появился новый термин: «бояре введенные». «Введенными» боярами назывались бояре, получившие особое княжеское пожалование, выделявшее их из остальной боярской знати. Они являлись постоянными советниками князя и исполнителями наиболее ответственных поручений. Слово «боярин» приобретало в связи с этим тройное значение: в широком бытовом употреблении боярином мог называться каждый землевладелец; в более узком значении бояре составляли высший слой землевладельческого класса; в специальном значении термин «боярин введенный» стал обозначением особого придворного звания.

В основе взаимоотношений между членами княжеской семьи лежало представление о патриархальной власти отца, при котором сыновья занимали подчиненное положение и не пользовались никакой самостоятельностью. Порядок после смерти отца устанавливался его «рядом», выраженным в «душевной» грамоте, а также договором между братьями. Часть земель выделялась княгине в пожизненное владение и дочерям до выдачи их замуж. Большая часть остальных владений поступала в раздел между сыновьями, причем старший сын, наследник великого князя, получал перед братьями некоторый излишек «на старейший путь». Часть территории оставалась в совместном владении братьев. Так, в Москве каждый брат получал свою долю в городских доходах. В совмест-

ном владении оставались также некоторые разряды населения: ордынцы (посылавшиеся в Орду и провожавшие послов), делюи (мастера), численные люди. Место умершего отца занимал старший брат, которого остальные братья должны были «чтить во отцово место». При сыновьях значительным влиянием пользовалась вдова-мать, которой принадлежала руководящая роль при семейном переделе.

Каждое княжеское владение, состоявшее из дворовых сел, хозяйственных угодий, черных волостей и частновладельческих земель, было вполне политически самостоятельным. Связь между членами даже одной княжеской семьи устанавливалась на договорных началах, причем каждый князь, вступая в соглашение с другим, являлся формально равноправным. Суверенитет княжеской власти определялся по формуле: «Тебе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». Поэтому князья не могли покупать в чужих уделах сел, держать в них закладней и оброчников, посылать своих данщиков и давать жалованные грамоты.

Для членов одной княжеской семьи общей являлась внешняя политика. Князья, вступая в договор, обязывались «быти за один до живота» (т. е. до смерти). У них должны были быть общие враги и союзники. Все вопросы, касавшиеся отношения к другим княжествам, решались сообща. Правом сношений с Ордой пользовался только «великий князь». Остальные князья должны были передавать собранную по уделам «ордынскую тягость» (дань) своему «брату старейшему» (великому князю), который сам отправлял ее в Орду.

Таким образом отдельное княжество представляло собой союз на договорных началах независимых феодальных владельцев под главенством старшего князя — «великого князя». Перед «великим князем», продолжавшим себя именовать «братом старейшим», остальные князья, являвшиеся суверенными государями в своих владениях, обращались в его вассалов, готовых по приказу своего сеньора «сести на конь» и посылать вместе с воеводами великого князя свою боевую рать. Попытка «удельного» владельца вести независимую политику обычно кончалась торжеством более сильной стороны.

Взаимоотношения между крупнейшими северо-восточными княжествами (Тверским, Московским, Нижегородским, Углицким, Ярославским, Ростовским, Рязанским) строились на тех же договорных началах, как и внутри каждого из этих княжеств. Для всей Северо-Восточной Руси старшим князем был «великий князь Владимирский». Отношения его к другим русским князьям определялись договорами, в которых устанавливались границы княжеств, порядок решения порубежных споров, право свободного отъезда бояр и вольных слуг, охрана торговли и размер торговых пошлин. При решении всех этих вопросов обе стороны являлись формально равноправными. Главнейшая цель договоров, заключавшихся великим князем Владимирским, состояла в определении общей внешней политики и взаимной военной помощи: «А быти нам, брате, на татары, и на Литву, и на немцы, и на ляхи, за один». В период

нарастания борьбы с татарами ордынский вопрос получал особо важное значение. В противоположность условиям, существовавшим внутри больших княжеств, где только старшему князю принадлежало право сношений с Ордой, договоры между великим князем Владимирским и прочими «великими» князьями устанавливали право самостоятельных сношений с Ордой. Каждый «великий князь» сам собирал со своих удельных князей и своих владений «ордынскую тягость» и сам посылал ее хану.

Однако право самостоятельных и свободных сношений с Ордой уже в конце XIV в. стало подвергаться ограничению. В договорах между князьями появились условия об общей и согласованной политике в отношении к Орде, которые, впрочем, постоянно нарушались отдельными князьями. В некоторых случаях князья заключали военный союз: «А пойдут на нас татарове али на тобе, битися нам и тобе с одиного всем противу их; или мы пойдем на них, и тоже с нами с одиного пойти на них».

Основным фактором, укреплявшим союз русских князей под главенством великого князя Владимирского, была внешняя опасность, грозной силой висевшая над новгородскими, псковскими, московскими, нижегородскими и рязанскими рубежами. Дальнейшая эволюция политической системы великого княжества Владимирского неизбежно должна была привести к превращению этого союза феодальных полугосударств в объединенное Русское государство. В этом направлении действовали как развитие экономического общения, ломавшее политические перегородки между княжествами, так и выраставшие на этой почве, а также на почве борьбы с Ордой национальные и политические связи.

Новгород и Псков. Среди русских земель, объединявшихся в системе великого княжества Владимирского, особое место занимала Новгородско-Псковская земля. В то время как остальные русские земли являлись феодальными княжествами, Новгород, а затем и Псков (после отделения Пскова от Новгорода в середине XIV в.) сохранили устройство феодальной боярской республики.

В XIV—XV столетиях новгородские владения достигали на северо-западе Финского залива, а на северо-востоке — Урала. Эти земли с большим разнообразием естественных и климатических условий имели для Новгорода различное экономическое значение. Основная новгородская территория, в которую входили старые владения Новгорода, лежала широким кольцом вокруг Ильменского озера, несколько вытянувшимся в северо-восточном направлении. Она распадалась на несколько «земель», которые со второй половины XV в. стали называться «пятинами». Вдоль Финского залива лежала Вотская земля; по обоим берегам Онежского озера была расположена Обонежская земля; местность между реками Мстой и Ловатью составляла Деревскую землю; по обоим берегам р. Шелони находилась Шелонская земля. За Обонежской и Деревской землями на восток простиралась самая плодородная часть новгородских владений — Бежецкая земля. Вокруг Новгорода образовалось до двух десятков его пригородов: Псков (с

середины XIV в. стал самостоятельным), Ладога, Великие Луки и другие.

На основной территории Новгорода, особенно в южной и юго-восточной части, было развито сельское хозяйство, хотя климатические условия не были для него благоприятны. Благодаря обилию лесов и воды климат был влажным. Новгородская земля была открыта для сильных северных ветров, приносивших ранние морозы, губившие урожай. Поэтому Новгород не мог собственным урожаем обеспечить даже жизнь главного города и зависел в экономическом отношении от Владимиро-Суздальской земли.

За основной Новгородской территорией лежали его северо-восточные владения. Среди них самой важной в экономическом отношении было Заволочье или Двинская земля. Северный берег Белого моря назывался Терским берегом или Терской землей. Бассейн реки Печоры составлял Печорскую землю. За Уральским хребтом была расположена самая восточная колония Новгорода — Югра. Северо-восточные владения Новгорода поставляли продукты морских и лесных промыслов. Здесь сельское хозяйство велось лишь в самых незначительных размерах.

Важной особенностью Новгорода по сравнению с другими русскими городами данного периода было сильное развитие внешней торговли. В XIV в. главную роль в торговле Новгорода с западноевропейскими странами играла немецкая Ганза, представлявшая союз около 70 городов: саксонских, вестфальских, прусских, лифляндских и других. Ганза имела отдельную контору в Новгороде, помещавшуюся на Немецком дворе. Отношения Ганзы с Новгородом определялись договорами, которые периодически возобновлялись. Стремясь монополизировать торговлю в своих руках, Ганза старалась предотвратить конкуренцию между собственными городами и прилагала большие усилия к тому, чтобы не допускать в новгородские земли купцов других городов, не принадлежавших к Ганзе. Однако Ганзе не удалось полностью уничтожить самостоятельную новгородскую торговлю. Новгородские купцы ездили не только в ближайшие прибалтийские города—Нарву, Ревель, Дерпт, но посещали и Скандинавию и Северную Германию. Важнейшими товарами вывоза были пушнина и продукция лесных промыслов.

Господствующим классом Новгорода было крупное землевладельческое боярство, эксплоатировавшее обширные земли и угодья. Ниже их стояли «житьи люди». Значительные владения принадлежали церкви и новгородскому купечеству. Торговля Новгорода, не разрушая феодального хозяйства, втягивала его в рыночные связи. Бояре и житьи люди участвовали в торговле при посредстве купцов. Крестьяне на новгородских землях носили старое название смердов. Часть смердов, не попавшая в частную зависимость, могла свободно распоряжаться своей землей. Другая часть смердов жила на частновладельческих землях. Положение этих смердов в XIV—XV вв. продолжало ухудшаться.

Особенности экономического склада Новгорода и его исторического развития отразились на системе государственного устройства. Новгород не мог обходиться без княжеской власти, которая

была необходима ему для охраны новгородской территории от ливонских рыцарей, шведов, литовцев. Однако князь оставался для Новгорода посторонней силой, отношения с которой определялись особым договором. В XIV в. установился порядок, по которому новгородским князем становился тот из северо-восточных русских князей, который получал великое княжение Владимирское. В договорах Новгорода с князьями были точно установлены обязанности князя, что должно было оградить Новгород от возможности захватов со стороны княжеской власти. За защиту Новгорода и управление князь получал установленные доходы: право собирать дань и дары с определенных волостей и пошлины с суда. Кроме того, для содержания князя и его людей выделялись пожни, которые, однако, не могли перейти в княжескую собственность. Княжеская охота допускалась лишь в определенное время и в определенных местах, в 60 верстах от Новгорода. Князь мог посылать варить мед и ловить рыбу только в Ладогу. Суд и управление князь производил совместно с представителями новгородской власти. Новгород очень ревниво относился к тому, чтобы князь не стал новгородским землевладельцем и чтобы не установилось особых отношений зависимости между князем и населением. Князь не имел права покупать села или держать в новгородских владениях зависимых людей. Торговлю с иностранными купцами князь должен был производить при посредничестве новгородцев.

Договоры устанавливали также и свободу торговли новгородцев в Суздальской земле, что имело большое значение для экономических интересов Новгорода.

Местопребыванием князя в Новгороде было Городище, находившееся в 3 километрах от города. Здесь постепенно возникло особое поселение, центром которого являлся княжеский двор. В XIV и XV вв. великий князь, занятый собственными делами, не мог постоянно жить в Новгороде. Его представителем был наместник.

Верховным органом новгородцев являлось вече, на котором могли участвовать все свободные жители как самого Новгорода, так и его пригородов. Вече в обычное время собиралось на Торговой стороне, на «Ярославовом дворе», по звону вечевого колокола. Должностные лица и выступавшие ораторы помещались на особом помосте, носившем название «степени»; вокруг располагались жители во главе со старостами и сотскими. Рядом с вечевой площадью находилась вечевая изба (канцелярия) с вечевым дьяком, который записывал постановления веча.

Круг деятельности веча был очень обширный. На вечевых собраниях обсуждались вопросы войны и мира, договоры с князьями, утверждались новые законодательные акты, выбирались и смещались главные должностные лица, производился также суд по важнейшим делам. Если общего согласия не было и вече раскалывалось, то большинство участников заставляло силою подчиниться остальных. Новгородская летопись содержит описания острых столкновений, местом которых обычно становился мост через р. Волхов. В некоторых случаях собиралось несколько вечевых

собраний по площадям и около церквей. Иногда вече разделялось на две части, одна из которых отходила на Софийскую, а другая — на Торговую сторону. Затем обе стороны сходились на мосту и здесь бывало «большое губление людям».

Новгородское вече не было органом народной власти, так как деятельность его направлялась в своих интересах боярством и крупным купечеством. Политическая власть в Новгороде принадлежала господствующим классам, действовавшим при посредстве выборных должностных лиц. Высшим должностным лицом новгородского управления был посадник. В договорных грамотах с князьями устанавливалось, чтобы князь без посадника «суда не судил, грамот не давал и волостей не раздавал». Посадник был представителем новгородских интересов и во внешних сношениях. Посадник выбирался на вече из состава крупного новгородского боярства. За время с 1126 по 1400 гг., т. е. за 175 лет, можно насчитать не более 40 фамилий, из которых выбирались посадники и тысяцкие. Например, только один боярский род Михаила Степановича дал Новгороду 12 посадников. Посадник, исполнявший служебные обязанности, назывался степенным. (Это название происходило от вечевой «степени»). После ухода с должности он сохранял название «старого посадника». Вторым лицом после посадника был тысяцкий, который также избирался на вече. Тысяцкий предводительствовал на войне ополчением Новгорода и производил суд по торговым делам. В иностранных грамотах должность тысяцкого определяется словом «предводитель», что указывает на его, преимущественно, военные обязанности. Помимо отдельных выборных представителей власти, новгородское боярство имело и коллективный орган управления. Он составлял особый правительственный совет, получивший у иностранцев название совета бояр, или «совета господ». В состав его входили: новгородский епископ, княжеский наместник, посадник, тысяцкий, старосты концов, на которые делилась территория города; остальные члены совета в иностранных источниках называются общим именем «сенаторов», или бояр. Они, повидимому, состояли из старых посадников и тысяцких и, может быть, из некоторого числа представителей крупных боярских фамилий, не занимавших особых должностей. Число членов совета было очень значительным и, по некоторым сведениям, доходило до 300 человек. Члены совета господ носили золотые пояса, поэтому иностранцы называли их иногда не сенаторами, а просто «золотыми поясами». Влияние совета господ на внутренние дела Новгорода было очень большое. Фактически ему подчинялись и посадский и тысяцкий; все важнейшие вопросы, прежде чем поступить на вече, предварительно решались в совете господ. Вече в большинстве случаев только санкционировало решение этого боярского органа.

Из пригородов Новгорода самым крупным был Псков, который с середины XIV в. стал главным городом отделившейся от Новгорода Псковской земли. Псковская земля была расположена узкой полосой с севера на юг, вдоль Чудского и Псковского озер и р. Великой. Главная масса населения была сосредоточена в бас-

сейне р. Великой, где находились все восемь псковских пригородов, в том числе Изборск, Остров, Опочка. Псковская земля была самой северо-западной частью русских владений, входивших в систему великого княжества Владимирского. Благодаря окраинному положению ей приходилось принимать на себя первые удары со стороны Ливонского ордена и Литвы. Борьба с внешними врагами способствовала развитию политической самостоятельности Пскова. Уже во второй половине XIII в. псковичи стали приглашать князей для военной защиты своих городов без согласия новгородцев. В торговых сношениях с Прибалтикой, центром которых для Пскова была Рига, Псков не зависел от Новгорода. По Болотовскому договору, заключенному между Псковом и Новгородом в 1348 г., Новгород признал свой бывший пригород Псков самостоятельным и назвал его своим «братом молодшим».

Псковская земля по социально-экономическому складу и административному устройству во многом напоминала Новгородскую республику. Крестьяне в Псковской земле носили название смердов и изорников. Положение феодально-зависимых изорников определено в «Псковской судной грамоте» (Сборник законов, принятый на вече в Пскове в 1467 г.). Изорники работали на земле феодала, обычно отдавая в его пользу половину урожая. Часть изорников получала от землевладельца подмогу серебром (денежная и натуральная подмога, носившая название «покруты»). Изорники имели право уйти от землевладельца только один раз в году, в Филиппов день (14 ноября), возвратив взятую подмогу. В Псковской судной грамоте упоминаются «старые изорники», появление которых связано с процессом закрепощения крестьян.

Крупнейшими феодальными собственниками в Псковской земле были бояре, державшие в своих руках все главные должности. По форме государственной системы Псковская земля, как и Новгород, была боярской республикой. Князь являлся в Псков со своей дружиной для защиты псковских владений и пользовался еще меньшим влиянием во внутренних делах, чем в Новгороде. Новгородскому боярскому «совету господ» в Пскове соответствовали «господа». Псков ежегодно избирал двух равноправных посадников.

Существенным отличием Новгородской и Псковской земель от других русских северо-восточных земель была более значительная связь феодального хозяйства с рынком. Землевладельцы поставляли на рынок хлеб, лен, пеньку, меха и другие продукты своего хозяйства и промыслов. Заинтересованные в поставках на рынок продуктов феодального хозяйства, землевладельцы усиливали эксплоатацию крестьян, к которой присоединялась эксплоатация со стороны купеческого капитала. В очень тяжелом положении находились малоимущие слои городского населения, беднота, жившая случайной работой, мелкие ремесленники и торговцы. Поэтому резкое обострение классовых противоречий в Пскове и Новгороде часто приводило к открытым выступлениям народной массы против боярской знати и крупного купечества. Во время народных движений вече выходило из повиновения и становилось грозной силой

для правящих слоев Новгорода и Пскова. Примером многочисленных народных волнений, скупо описанных в летописях, служит восстание в Новгороде в 1418 г. Поводом к нему послужила расправа с боярином Данилой Ивановичем, которого по призыву обиженного боярином новгородца Степанко народ избил на вече и сбросил с моста в реку. Спасшийся боярин захватил Степанко и стал его мучить. Тогда по звону колокола вновь собралось многолюдное вече. Народ в доспехах и со стягом (знаменем) отправился к улицам, где жили бояре, и произвел полный разгром боярских домов. Когда по просьбе испуганных бояр за них пытался заступиться епископ, волнение поднялось с еще большей силой. Произошел новый погром боярских дворов, причем пострадал и один из монастырей, в котором находились боярские житницы.

Особой формой проявления классовой борьбы было сектантское движение в Пскове и Новгороде, известное под названием «стригольников».

«Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».[1] Стригольники, появившиеся в Новгороде в последней четверти XIV в., считали, что богослужение могут совершать не особо назначенные для этого лица, а простые миряне. Они восставали также против поборов за церковные службы и поставление священников. Общий характер движения стригольников хорошо передан их врагами в «обличительном послании». «О стригольниках же нецип безумнии глаголять: сии не грабять и имения не збирают». К движению стригольников приложима характеристика Энгельса городских ересей средневековья:

«Ересь городов, — а она является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала... Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения особого сословия священников».[2]

Борьба Новгорода и Пскова с немецкими и шведскими захватчиками. Ливонский Орден и Швеция с середины XIII в. до середины XV в. продолжали настойчивые попытки захватить Новгородско-Псковскую землю. Новгород и Псков в течение этих двух веков успешно отражали все нападения врагов и сыграли крупную историческую роль в защите северо-западной окраины русской территории. Особенно упорную борьбу с немцами пришлось вести Пскову, который по своему географическому положению принимал на себя главные удары со стороны Ливонского Ордена.

Военное затишье, установившееся после разгрома шведов, немцев и их союзников Александром Невским в битвах на Неве (1240)

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128—129.
[2] Там же, стр. 129

и на Чудском озере (1242), продолжалось немногим более десяти лет. В начале 50-х годов XIII в. шведы возобновили наступление на Новгородские земли с севера, а Ливонские немцы — с запада, на Псков. До своей смерти (1263) Александр Невский и его сын Дмитрий не только успешно отбивали нападения рыцарей, но и сами ходили в земли, захваченные Ливонским Орденом.

Особенно был удачен поход русского войска в немецко-датские владения в 1268 г. В нем, помимо новгородцев и псковичей, приняли участие семь русских князей, в том числе сын Александра Невского—Дмитрий Александрович. Главной целью похода было наказать датчан за их участие в нападениях на Псков. Ливонский Орден обещал не помогать датчанам. Когда русское войско подошло к окрестностям Раковора (ныне гор. Везенберг), то выяснилось, что Орден, нарушив только что заключенный договор, прислал на помощь датчанам значительное войско. Летопись сообщает, что против русских выступила «вся немецкая земля». 18 февраля 1268 г. произошло сражение, какого, по словам летописца, ни отцы, ни деды не видали. Оно закончилось полным поражением немцев, поспешно бежавших с поля боя. В Раковорской битве, которая по своему ожесточению и результатам напоминает знаменитое «Ледовое побоище», участвовал во главе псковичей литовский князь Довмонт. За три года до этого сражения он пришел из Литвы в Псков со своею дружиной и всю остальную жизнь, в течение тридцати трех лет (1266—1299) посвятил защите Пскова, прославив себя многими подвигами и победами над немцами. Несколько раз за это время немцы подступали к Пскову, грабили окрестности, убивали жителей, но города взять не могли. Псковичи особым почитанием окружили память о князе Довмонте-Тимофее (второе имя он принял после крещения) и даже причислили его к «лику святых». Летописец сравнивает заслуги Довмонта с заслугами Александра Невского и его сына Дмитрия.

Нападения немцев на Псков неоднократно возобновлялись в течение XIV в., но также не приносили им заметного успеха. Пскову приходилось отстаивать свою самостоятельность собственными силами, так как соперничество между Новгородом и Псковом мешало их объединению в борьбе с общими врагами. Кроме того, внимание Новгорода было отвлечено на север, где им приходилось в тяжелой борьбе с немцами и шведами защищать бассейн Ладожского озера и Невы, имевший большое значение для свободного сообщения с Финским заливом и Балтийским морем.

В начале XIV в. шведы захватили всю Финляндию и основали гор. Выборг, который превратили в военную базу для наступления на Карелию. В свою очередь новгородцы для противодействия вторжению шведов построили на северном берегу Ладожского озера гор. Корелу (Кексгольм).

В 1322 г. новгородцы вместе с Московским великим князем Юрием Даниловичем ходили к городу Выборгу, но не смогли взять прочной каменной крепости. Тогда они поставили на Ореховском острове, при выходе Невы из Ладожского озера, крепость Ореховец (при Петре Великом переименованный в Шлиссельбург).

Новая русская крепость преграждала шведам путь в Ладожское озеро. Шведы прислали послов и заключили с Новгородом и великим князем Юрием договор о «вечном мире», который устанавливал границу новгородских владений по р. Сестре и обеспечивал за новгородцами право свободного сообщения по р. Неве и торговлю в Балтийском море. Ореховский договор 1323 г. вплоть до XVII в. служил основой для позднейших соглашений между Швецией и Россией.

Ливонский Орден в XIV в., несмотря на воинственную политику, стал заметно ослабевать. Захват лучших земель и насильственное превращение местного коренного населения в крепостных вызвали многочисленные восстания, сопровождавшиеся нападениями на рыцарские замки. При этом они часто обращались за помощью к русским. Современный немецкий летописец (Виганд Марбургский) сообщает, что рыцари обесчестили дочерей и жен эстонцев, отнимали имущество и «поступали с ними, как с рабами». Другой немецкий писатель (Кранц) замечает: «наши собаки пользуются лучшим обращением, нежели эти люди».

Между тем Новгород и Псков продолжали укреплять свои границы. В конце XIV в. новгородцы построили город Порхов и Ям (Ямбург) на р. Луге, но главным условием успешного сопротивления немецко-шведским завоевательным планам было объединение русских земель вокруг Москвы.

Рост Московского княжества

Борьба между Московским и Тверским княжествами. В середине XIII в. среди северо-восточных русских княжеств небольшие Московское и Тверское княжества, выделившиеся из Переяславской земли, принадлежавшей сыновьям Ярослава Всеволодовича, не играли крупной политической роли. Однако уже в конце этого столетия появились заметные признаки их усиления.

Тверь впервые встречается в летописи под 1209 г. В начале XIII в. она была небольшим окраинным суздальским городком, построенным почти у самого новгородского рубежа, при впадении р. Тверцы в Волгу. Сообщение между Новгородом и «Низом» («Низом» назывались русские земли, расположенные вниз по течению Волги. В широком смысле это название распространялось на все Окско-Волжское междуречье) происходило по водному пути, образованному течением рр. Мсты и Тверцы. На конце волока между этими реками возник город Вышний Волочек. Стоило только перерезать дорогу у Твери или Торжка, как в Новгороде начинался острый недостаток в хлебе и других продуктах. Тверское княжество, обособившееся в 40-х годах XIII в., вытягивалось вдоль верхнего течения Волги не широкой, но длинной полосой.

Московское княжество, в конце XIII в. доставшееся младшему сыну Александра Невского — Даниилу, имело еще более скромные размеры. Основная территория его лежала на среднем течении Москва-реки, захватывая ее левые и правые притоки. Москва была расположена в узле сухопутных и водных дорог. Правые притоки

Волги (Шоша с Ламой) близко подходят к левому притоку Москва-реки, Истре. На волоке между ними возник городок Волок на Ламе (Волоколамск). Таким образом, получался почти сплошной водный путь из Новгорода в Суздальскую землю. Часть этой водной дороги от Твери через Москву была короче сообщения по Волге. Через Москву пролегал путь из Рязанской земли на север. Нельзя было миновать Москву и при поездках из западных русских земель. Дорога из среднего Приднепровья, пересекавшая верховье реки Оки, также приводила к Москве. Москва стягивала к себе дороги из разных русских земель и поэтому являлась их экономическим центром.

Не менее выгодным было местоположение Тверского и Московского княжеств по отношению к Золотой Орде. Татары при нападении на северо-восточные русские земли обычно поднимались по Волге, откуда переходили на территорию Рязанского княжества. В других случаях татары проходили через земли мордвы и появлялись у Нижнего-Новгорода. Следуя дальше по течению Волги, они разоряли все Поволжье примерно до Ярославля. Пользуясь Клязьмой и ее разветвленными левыми притоками, татары грабили владимирские и суздальские места. Однако по мере углубления в русские земли сила татарского удара ослабевала и татары редко доходили до московских и тверских рубежей.

Тверская и Московская земли, прикрытые со стороны Золотой Орды другими русскими землями, меньше подвергались разорению. Население окраинных русских земель, поднятое татарским погромом, уходило за Оку или на Верхнюю Волгу, где в более спокойной обстановке осаживалось на новых местах. Поэтому население Московского и Тверского княжеств не только увеличивалось в результате естественного прироста, но и принимало на свою территорию беженцев из других земель. Все эти условия объясняют причину значительного усиления Московского и Тверского княжеств к началу XIV века.

В 1304 г. умер великий князь Владимирский, сын Александра Невского, Андрей Александрович. Освободившийся великокняжеский престол должен был занять один из русских князей после утверждения его ханом. Претендентами на великокняжескую власть выступили: тверской князь Михаил Ярославич и московский князь, сын умершего в 1303 г. Даниила, Юрий Даниилович. Тверской князь вышел победителем и, получив ханский ярлык, стал великим князем Владимирским. С этого времени начинается борьба за великокняжескую власть между тверским и московским князьями, продолжавшаяся около 25 лет и закончившаяся победой московского князя.

В начале XIV в. московские князья сделали первые присоединения к своей небольшой отчине. Еще князь Даниил в 1301 г. отнял у рязанского князя Коломну с прилегающей территорией на левом берегу Оки. В следующем году к Москве, после смерти бездетного переяславского князя, отошла обширная Переяславская земля. В 1303 г. Юрий Даниилович московский с братьями захватил г. Можайск, входивший в состав Смоленского княжества. Эти

приобретения, произведенные в течение всего двух лет, увеличили первоначальную территорию Московского княжества почти в два раза.

Не менее существенным было экономическое значение новых владений. После захвата Можайска и Коломны во владении московского князя оказалось все течение Москва-реки от верховьев у Можайска до устья у Коломны. Благодаря этому московский князь получил возможность в полной мере использовать выгодное положение Москвы в узле важнейших водных и сухопутных сообщений. Присоединенный Коломенский уезд имел густое население. На территории Переяславской земли находились богатые соляные источники, рыбные ловли и бортные леса.

Тверской князь Михаил Ярославич, став великим князем Владимирским (1305—1318), стремился подчинить себе остальных русских князей. Властная политика тверского князя была поддержана церковью. В 1299 г. из разоренного Киева переселился во Владимир на Клязьме митрополит Максим. Он стал себя именовать митрополитом «всея Руси», указывая этим титулом на единство церковной организации для всех русских земель. Высшей церковной власти для действительного осуществления церковного единства нужна была помощь со стороны сильной княжеской власти. Поэтому митрополит Максим поддерживал стремление Михаила Ярославича к объединению русских земель.

Однако попытка Михаила Ярославича собрать русские земли под своею властью встретила противодействие со стороны остальных князей, отстаивавших самостоятельность своих владений. Усиление тверского князя представляло также большую опасность для Новгорода, земли которого граничили с тверскими владениями. Новгородцы, стремясь ослабить Михаила Ярославича, поддерживали его врагов и соперников. Между тем Михаил Ярославич лишился церковной поддержки; его союзник митрополит Максим вскоре умер. Высоко оценивая значение церковной помощи, Михаил Ярославич попытался провести на освободившуюся митрополичью кафедру своего ставленника, но потерпел неудачу. Новым митрополитом стал приехавший из Южной Руси, волынец родом, Петр, утвержденный константинопольским патриархом. Враждебно встреченный тверским князем и его сторонниками, Петр перешел на сторону московского князя. Всей силой церковного авторитета он стал помогать ему в борьбе за великокняжескую власть.

Между тем Юрий Даниилович провел в Орде около двух лет и получил поддержку со стороны одного из самых сильных ордынских ханов — Узбека. В 1317 г. Юрий вернулся на Русь с ярлыком хана на великокняжескую власть и с женой, сестрой Узбека,— Кончакой, которая была переименована в московскую княгиню Агафию.

Юрий, не довольствуясь отказом тверского князя от великокняжеской власти, хотел совершенно разгромить своего соперника. Однако встреча обоих противников недалеко от Твери кончилась жестоким поражением Юрия Данииловича. В руки тверичей в чис-

ле пленных попала и жена московского князя, сестра Узбека, которая умерла в плену. Юрию нетрудно было получить в Орде новую поддержку. Михаил Ярославич, обвиненный в утайке ордынской дани и в сопротивлении ханскому приказу, был убит. Таким образом, Юрий Даниилович вышел победителем из первого столкновения с тверским князем за владимирское княжение.

Перед Юрием Данииловичем встали те же затруднения, с которыми встретился и его предшественник. Юрий Даниилович принимал великокняжескую власть в трудное для русских земель время. Население было разорено междукняжеской борьбой и возрастающими татарскими требованиями. В Ростове произошло восстание против татар. Усиленный сбор дани рассорил Юрия с остальными князьями. Этими затруднениями умело воспользовался сын убитого тверского князя Дмитрий Михайлович, которому удалось получить ярлык на великое княжение. Когда Дмитрий Михайлович тверской встретился в Орде с Юрием, он отомстил за смерть отца и убил в 1325 г. московского князя. Узбек казнил Дмитрия Михайловича, а ярлык на великое княжение передал его брату Александру Михайловичу.

Усиление Московского княжества. В Московском княжестве преемником Юрия, не оставившего наследников, стал его брат Иван Даниилович Калита, принимавший деятельное участие в борьбе между Тверью и Москвой.

После того как Александр Михайлович тверской получил ярлык на великое княжение, в Тверь был послан двоюродный брат хана Узбека Чол-хан (русские былины называют его Щелканом Дюдентьевичем). Появление в тверской столице родственника хана со значительным татарским отрядом было вызвано недоверием к тверскому князю и боязнью его чрезмерного усиления. Татары насильничали, обижали жителей, даже прогнали великого князя с его двора. Население только ждало удобного момента для восстания, которое разразилось в один из праздничных дней в августе 1327 г., когда много людей сошлось на торг. Под звуки набата тверичи бросились на татар и начали их избивать. В числе погибших находился и Чол-хан. Лишь немногим удалось бежать в Орду.

Иван Калита воспользовался восстанием в Твери, чтобы нанести смертельный удар тверскому князю. Он отправился в Орду, получил поручение наказать Тверь и вернулся с пятью татарскими темниками. Тверское княжество подверглось погрому, а сам Александр Михайлович бежал. С 1328 г. Иван Калита занял великое княжение (1328—1341). Из отрывочного летописного рассказа о времени Ивана Калиты перед нами вырастает образ этого энергичного московского князя, в котором осторожность, предусмотрительность и расчетливость соединялись с настойчивостью, коварством и решимостью. Больших политических успехов Иван Калита достиг не на бранном поле, в открытых столкновениях со своими врагами, а посредством хитрой и дальновидной политики. Иван Калита послушно выполнял тяжелые требования Орды и пользовался доверием хана, который видел в нем посредника в сноше-

ниях с русскими землями. Не менее половины всего времени своего княжения Иван Калита провел или в Орде или в пути в Орду и из нее. В действительности же Иван Калита умело использовал ханскую власть для достижения собственных целей. По словам Маркса, традиционная политика золотоордынских ханов заключалась в том, чтобы «...натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия между ними, уравновешивать их силы и никому из них не давать усиливаться». Однако московскому князю Ивану Калите удалось превратить хана в «послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших своих соперников и одолевает любое препятствие, встающее на победоносном шествии его к узурпации власти. Он не захватывает уделов, но незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам».

Главными противниками Ивана Калиты были Новгород и тверской князь Александр Михайлович. Новгород, боявшийся раньше Твери, стал опасаться возвышения московского князя. Поэтому из его союзника в борьбе с Тверью он превратился в противника. Александр Михайлович после побега из Твери укрылся в Пскове. Преследуя Александра Михайловича, Иван Калита со многими русскими князьями, в том числе с некоторыми тверскими князьями, появился перед Псковом. Несмотря на огромное превосходство в силах, Иван Калита, прежде чем начать осаду, прибегнул к помощи церкви.

Еще митрополит Петр в конце своей жизни постоянно бывал в Москве. В ней он был и похоронен в наскоро построенной усыпальнице (древний Успенский собор). Новый митрополит, присланный константинопольским патриархом, грек Феогност, приехал на Русь в то время, когда борьба между тверским князем и московским закончилась победой последнего. Поэтому Ивану Калите нетрудно было привлечь нового митрополита на свою сторону. Митрополит Феогност пригрозил псковичам проклятием, если они будут упорствовать и укрывать тверского князя. Александр Михайлович принужден был покинуть приютивший его Псков и бежал в Литву. Возникший еще при Юрии Данииловиче союз московского князя с митрополитом окончательно окреп при Иване Калите и стал могущественной поддержкой московской великокняжеской политики при его преемниках.

Материальные средства Ивана Калиты быстро возрастали как в результате торговых пошлин, которые он собирал, пользуясь выгодным положением Москвы в узле торговых дорог, так и в результате суровой политики по сбору дани. В народном представлении Иван Калита был одним из самых богатых князей; за ним утвердилось прозвище «Калиты», что значит «денежный мешок».

Результаты 16-летнего княжения Ивана Калиты были очень значительными. Новгород после безуспешных попыток сопротивляться московскому князю должен был подчиниться его власти. Борьба с тверским князем кончилась гибелью последнего в Орде. В знак победы над Тверью Иван Калита велел снять колокол с главного тверского собора и отправить его в Москву. Многие

бояре перешли на службу к московскому князю, так как находили для себя выгодным пользоваться покровительством сильной княжеской власти. Многочисленные северо-восточные русские князья, сидевшие по своим владениям, бездействовали; являясь вассалами московского князя, они послушно исполняли его распоряжения и ходили в походы с его ратными силами. В качестве великого князя Иван Калита распоряжался очень обширной и важной в экономическом отношении территорией.

Древний писатель по поводу самовластной политики московского князя заметил, что в княжение Ивана Калиты «наста насилование многое». В то же время сильная власть Ивана Калиты препятствовала разорительной для населения феодальной братоубийственной войне. Поэтому летопись, начиная рассказ о княжении Ивана Калиты, отметила, что «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет и престаша татарове воевати Русскую землю». Подобно тверскому князяю Михаилу Ярославичу, Иван Калита также называл себя «великим князем всея Руси».

При Иване Калите Москва из столицы небольшого княжества стала превращаться в общий для русских земель политический, национальный и религиозный центр, перед значением которого отступала старая столица — Владимир на Клязьме. В начале XIV в. Москва была уже хорошо укреплена. Деревянные стены ее не раз выдерживали приступ тверского войска. Незадолго до смерти Ивана Калиты была заложена новая дубовая крепость, получившая название Кремля. Укрепляя свою столицу, Иван Калита в то же время создавал в ней религиозный центр. В течение нескольких лет он построил четыре небольших каменных собора. Усиление Москвы и расширение торговых сношений способствовало образованию и росту за стеной Кремля по направлению к реке Яузе поселения торговцев и ремесленников, положившего основание московскому посаду.

Порядок, установившийся при Иване Калите, высоко поднимавший значение московского князя, сохранился и при его сыновьях Семене Гордом и Иване Красном. После смерти Ивана Калиты, по выражению русской летописи, все русские князья были «даны в руки» Семена Ивановича, который по ярлыку хана стал великим князем (1341—1353). Прозвище «Гордый» указывает на то властное положение, которое он занял. Новгород, поглощенный борьбой с усилившимся натиском ливонских рыцарей, не мог выступать против Москвы, так как нуждался в ее помощи. Тверское княжество еще переживало последствия борьбы с Иваном Калитой и медленно восстанавливало свои расшатанные силы.

Опасность для Москвы с середины XIV в. надвигалась со стороны Суздальско-Нижегородского княжества (это княжество сложилось позже других, в 1341 г.); с другой стороны литовский князь Ольгерд, захвативший значительную часть западных русских земель, продолжал расширять свои владения на восток, приближаясь к границам Московского княжества. Ольгерд даже пытался убедить золотоордынского хана предпринять совместный поход на Москву. Но Семену Гордому удалось предотвратить объединение

литовско-татарских сил. Он указал хану, что Ольгерд захватил часть ханских улусов и поэтому сам являлся врагом Золотой Орды. При Семене Ивановиче Московское княжество увеличилось за счет приобретений в верхнем течении Оки и р. Протвы. Там было положено начало распространению московских владений по верховьям Оки.

Семен Иванович умер в 1353 г. во время страшной эпидемии чумы, которая истребила почти всю великокняжескую семью. Это была та знаменитая «черная смерть», которая в середине XIV в. жестоко опустошила большую часть Западной Европы. Суздальско-нижегородский князь сделал попытку занять великое княжение. Однако победителем в борьбе за власть вышел брат Семена Гордого московский князь Иван Иванович (1353—1359), недолгое княжение которого было относительно спокойным временем.

После смерти Ивана Ивановича наступили тяжелые для Московского княжества годы. Наследником его остался девятилетний сын Дмитрий. Спор о великом княжении был разрешен в Орде в пользу суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Москва потеряла великое княжение Владимирское и те преимущества, которые были связаны с обладанием великокняжеской властью. Перемена отношений к Москве была вызвана боязнью ее усиления и неустойчивым положением в самой Орде. После смерти второго преемника Узбека, его внука, в Орде началась кровавая усобица, сопровождавшаяся частыми переменами на ханском престоле. Это делало ордынскую политику очень неустойчивой и давало возможность отдельным русским князьям подарками и обещаниями добиваться тех или других преимуществ.

Ослаблением великокняжеской власти воспользовались и мелкие вассалы московского князя, которые постарались освободиться от его власти. В эти трудные для Московского княжества годы политическое руководство оказалось в руках митрополита Алексея, происходившего из старого московского боярского рода. В противоположность своим предшественникам — митрополитам, приезжавшим из Византии или из южных русских земель, Алексей вырос среди московского общества и прекрасно знал местные условия. В это время еще не было, за исключением отдельных случаев, крупного расхождения в интересах между великим князем и ближайшим к нему боярством. При Иване Калите и его сыновьях вокруг московского князя сплотилось боярство, заинтересованное в усилении его власти и в расширении московских владений. Энергично действуя в пользу московского князя, митрополит Алексей в короткое время достиг чрезвычайных успехов. Воспользовавшись неурядицами в Орде, московские бояре получили в 1362 г. для Дмитрия Ивановича ярлык на великое княжение. Суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович сделал попытку сопротивляться, но она быстро была подавлена при участии самих владимирцев. В это же время было подавлено движение мелких князей. В 1367 г. Дмитрий Донской заложил каменный Кремль. По словам летописца, сооружение каменной крепости, произведенное с большой быстротой, имело большое значение для

усиления московского князя. Всех князей «русских,— говорит летописец про Дмитрия Ивановича, — провожаша под своею властью, а которые не повинухося воле его и на тех начаша посягати». Таким образом, было восстановлено прежнее положение Московского княжества. Это имело очень большое значение ввиду возобновления борьбы с Тверью и Литвой. Тверское княжество, оправившееся от ударов, нанесенных ему Иваном Калитой, выступило в конце 60-х годов в союзе с литовским князем Ольгердом, который стремился объединить всех противников Москвы. Ольгерд дважды подходил к Москве, но оба раза был отбит от новых крепких каменных стен Кремля. Не помогла тверскому князю и поддержка со стороны Золотой Орды. Когда тверскому князю удалось получить из Орды ярлык на великое княжение, то Дмитрий Донской не пустил его во Владимир и велел передать сопровождавшему его татарскому послу: «К ярлыку не иду, а в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист». Все же тверскому князю через несколько лет вновь удалось получить ярлык на великое княжение. Тогда Дмитрий Иванович в 1375 г. направился к Твери во главе большого ополчения, в котором участвовало 17 русских князей, в том числе даже удельные тверские князья. Это было первое крупное выступление объединенных сил русских земель под главенством московского князя. Союз тверского князя с Литвой и Золотой Ордой вызвал среди русских князей общее негодование: «Сколько раз он (тверской князь), — говорили они, — проводил ратью зятя своего великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича, сколько зла учинил христианам! А ныне вошел в согласие с Мамаем и со всей Мамаевой Ордой, а Мамай яростью дышит на всех нас; если теперь допустим им соединиться, победят всех нас».

Тверской князь, убедившись в том, что «вся Русская земля восстала на него», заключил мир с Дмитрием Ивановичем, признал его «своим братом старейшим», отказывался от союза с Литвой и Ордой и обещал в случае их нападения оказывать ратную помощь.

Таким образом к середине 70-х годов Дмитрию Ивановичу не только удалось полностью восстановить то господствующее положение, которое занимал московский князь со времени Ивана Калиты, но и придать своей власти новое значение, какого она раньше не имела. Московский князь становится представителем образующегося национального государства в противоположность раздроблению его на враждующие вассальные части. Победа над тверским князем бросила вызов Золотой Орде, в которой понимали, что порабощение русских земель держалось на их раздробленности и вражде русских князей друг к другу.

Борьба с Золотой Ордой. Куликовская битва. Дмитрий Донской

Борьба в Орде между претендентами на ханскую власть и выделение из Орды ряда самостоятельных улусов благоприятствовали усилению московского князя. Однако в начале 70-х годов основные

части Золотой Орды собрались под властью темника Мамая, который хотя и не был ханом (он не принадлежал к роду Чингисхана), но в действительности распоряжался ханским престолом. Усиление Золотой Орды немедленно отразилось на положении окраинных русских земель. С начала 70-х годов татары почти ежегодно нападали на Рязанское и Нижегородское княжества. Борьба с татарами на окраинных землях постепенно втягивала основные русские силы.

Весной 1376 г. суздальский князь вместе с воеводами, посланными Дмитрием Ивановичем, предпринял удачный поход под Казань. Обладание Казанью обеспечивало с военно-стратегической стороны оборону Нижегородской земли, а с экономической стороны — торговое движение по Волге.

В ответ на этот поход Мамай в 1377 г. отправил под Нижний-Новгород царевича Арапшу, который, согласно летописной характеристике, был «свиреп зело и ратник велий». Суздальский князь, получив известие о движении татар, немедленно обратился за помощью к Дмитрию Ивановичу. Последний послал ему отряд войск. Татары, однако, воспользовавшись беспечностью суздальских и московских воевод, неожиданно напали на лагерь русского войска на р. Пьяне (приток р. Суры) и произвели полный его разгром. Затем Арапша разграбил Нижний-Новгород и его окрестности.

Желая наказать московского князя за поддержку Нижнего-Новгорода, Мамай в следующем, 1378 г., отправил против Москвы крупные силы. Сражение между татарами и московским войском произошло на р. Воже (правый приток р. Оки) и кончилось полной победой русских. Охваченные с трех сторон, татары не выдержали стремительного натиска и, бросив оружие, бежали с поля сражения, оставив победителям богатую добычу. Хотя в следующем году татарам и удалось благодаря неожиданному нападению погромить окраинные земли, но в Орде понимали, что вопрос о зависимости русских земель может быть разрешен только в борьбе с основными русскими силами великого княжества Московско-Владимирского. Мамай готовился к новому походу около двух лет. Ему удалось не только собрать большую часть Орды, но и усилить ее наемными отрядами, в числе которых упоминаются даже воины итальянских колоний в Крыму. С этим ополчением Мамай заблаговременно перекочевал к устью р. Воронеж и остановился вблизи Рязанской земли. Не довольствуясь собранными силами, он попытался объединить всех противников Московского княжества и с этой целью вступил в переговоры с рязанским князем Олегом Ивановичем и великим князем литовским Ягайло. Олег рязанский, незадолго перед тем жестоко разоренный Мамаем, боялся его, но опасался также и московского князя. Он хотя и обещал соединиться с Мамаем, но в действительности остался выжидать исхода борьбы. Военную помощь Мамаю обещал и великий князь Ягайло.

Закончив все приготовления, Мамай послал в Москву требование давать выход (дань) в том размере, в каком его платили московские князья в годы наибольшей зависимости от Орды. Дмитрий Иванович, продолжая переговоры, стал поспешно соби-

рать ополчение. В августе из разных русских земель в Москву потянулись дружины воинов со своими князьями. Численность собравшегося ополчения не может быть установлена. По летописным известиям, несомненно преувеличенным, она достигала 200 тыс. и даже 400 тыс. человек. Во всяком случае в нем, за небольшим исключением, была представлена воинская сила всех русских земель во всем многообразии пестрых феодальных образований. В походе против Мамая приняли участие не только дружины из русских княжеств, находившихся под непосредственной угрозой татарского нападения, но и из таких отдаленных северных и северо-западных окраин (Белозерье, Устюг, Псков, Новгород), которым эта опасность давно не грозила. В летописных источниках упоминается также пешая рать, набиравшаяся из вооруженного населения. В таком составе русского воинства наглядно проявлялся успех национального единения. По поводу сбора этой многочисленной рати летописец замечает: «От начала миру такова не бывала сила русских князей и воевод местных». Под влиянием «Слова о полку Игореве» древний писатель в художественных образах представил дружное единение русских земель: «В Москве кони ржут, звенит слава во всей земле русской; в Коломне трубы трубят; в Серпухове бубны бьют... В Новгороде вечевой колокол сзывает».

Ополчение в начале сентября подошло к Дону, причем по дороге к нему продолжали подходить отдельные русские дружины. Между прочими подошли дружины из русских земель Литовского великого княжества во главе с двумя сыновьями Ольгерда.

Место, где произошла знаменитая битва, называлось Куликовым полем. Оно расположено при впадении р. Непрядвы в Дон. Окрестности представляли пересеченную равнину, перерезанную небольшими реками и оврагами, покрытую кустарниками и рощами. Такой рельеф местности был более благоприятен для русских, чем для татарской конницы, привыкшей действовать на ровном пространстве.

Битва началась утром 8 сентября 1380 г. Дмитрий Иванович оставил за своим левым флангом в лесу засаду. Татарам после ожесточенной борьбы удалось потеснить русские полки, стоявшие в центре. Однако, когда они поровнялись с засадным полком, положение на поле сражения резко изменилось. Неожиданно смелая атака свежих русских сил под предводительством двоюродного брата Дмитрия Ивановича, серпуховского князя Владимира Андреевича и опытного волынского воеводы Дмитрия Боброка во фланг и в тыл татарам, опрокинула их и обратила в бегство. Сражение кончилось полной победой русских войск.

Блестящая победа была одержана благодаря мужеству русского воинства и искусству Дмитрия Донского, проявившего выдающиеся способности организатора и полководца своего времени. Он сумел в очень короткий срок превратить сборные феодальные дружины в стойкую военную силу, в которой ратники из разных княжений почувствовали себя защитниками всей русской земли. Удачный выбор места для сражения, умелое расположение войска

на поле боя, устройство «засады», сыгравшей роль тактического резерва, — во всех его распоряжениях чувствуются большой военный опыт и предусмотрительность.

Великое историческое значение Куликовской битвы заключалось в том, что одержанная в ней победа над злейшим врагом была делом всего русского народа, выступавшего под главенством Москвы. Поэтому она еще больше подняла значение Москвы как национального центра объединения, без которого нельзя было окончательно свергнуть ненавистное иго Золотой Орды.

Поражение, понесенное Мамаем на Куликовом поле, ускорило его гибель в борьбе с ханом Белой Орды Тохтамышем. (Территория Белой Орды находилась к северу от Сыр-Дарьи). Мамай с небольшим числом людей бежал в Крым и там был убит. Тохтамышу вновь удалось объединить основные части Золотой Орды. Это привело к новому выступлению, имевшему целью уничтожить результаты русской победы на Куликовом поле.

Поход Тохтамыша на Москву был предпринят в 1382 г. с большой неожиданностью и быстротой. Рязанский князь Олег Иванович указал татарам броды через Оку. Захваченная врасплох Москва не сумела организовать оборону, так как победа на Куликовом поле досталась тяжелой ценой. Дмитрий Иванович, не имея достаточной силы для обороны столицы, уехал на Волгу. Вслед за ним бежал митрополит. Тогда в Москве вспыхнуло народное движение, которое летопись картинно сравнивает с состоянием моря, поднятого великой бурей. Население столицы, увеличившееся беженцами из окрестных волостей и сел, требовало защиты города. Тех, кто пытался бежать вслед за митрополитом и боярами, схватывали или избивали камнями. Когда подошел Тохтамыш, население в течение нескольких дней отбивало все приступы татар. Среди обычных средств защиты в летописи впервые упоминают «тюфяки» и «великие пушки», т. е. огнестрельное оружие. После многих безуспешных попыток овладеть стенами Кремля татары прибегли к обману. Пользуясь двумя изменниками из числа нижегородских князей, они убедили население открыть крепостные ворота. Ворвавшись внутрь Кремля, татары произвели страшный погром. Население, укрывшееся за крепостными стенами, почти полностью погибло. По летописным известиям, после ухода татар было зарыто до 24 тыс. трупов. В огне погибли огромные сокровища, накопленные в течение долгого времени. Москва была обращена в развалины и пепел.

Набег Тохтамыша пронесся опустошительной грозой над центральной частью Московско-Владимирского великого княжества. Результатом его было восстановление даннических отношений к Орде. Уже в следующем году с населения собиралась тяжелая дань. Опасность для Московского княжества была тем более велика, что временным его ослаблением поспешили воспользоваться старые противники — Тверь и Рязань. Однако Дмитрию Ивановичу удалось воспользоваться несогласиями в лагере врагов и благодаря этому восстановить союз русских князей под главенством московско-владимирского великого князя.

Перед смертью, в 1389 г., Дмитрий Иванович распределил московские земли между своими четырьмя сыновьями. Старшего сына Василия он «благословил» великим княжением, т. е. назначил своим преемником. Это был первый случай, когда московский великий князь передавал своему наследнику великокняжескую власть, не ожидая пожалования или согласия со стороны хана. Этим закончился процесс слияния земель великого княжения Владимирского с основной московской территорией. Дмитрий Иванович умер в год, когда новый грозный властитель Средней Азии Тимур нанес смертельный удар Тохтамышу. Поэтому, составляя свое завещание, Дмитрий Иванович выразил надежду на близкое полное освобождение русских земель от владычества Золотой Орды.

Начало объединения русских земель вокруг Москвы

Экономическое развитие Северо-Восточной Руси в конце XIV— первой половине XV века. Крупные политические успехи московского князя в деле объединения русских земель были вызваны важными переменами в их экономическом состоянии. Со второй половины XIV в. Северо-Восточная Русь была охвачена в разных направлениях торговыми сношениями. Обширная область Поморья с девственными лесами, изобиловавшими ценным пушным зверем, и с морскими промыслами на побережье была связана с московским центром через Устюг, Вологду и Кострому. На противоположном конце плодородная Рязанская земля вывозила на север хлеб. Одновременно усиливались торговые сношения русских земель и с соседними странами. Экономические связи нарушали замкнутость феодальных владений. В конце XIV в. установились непосредственные торговые сношения русских городов с ганзейскими колониями на побережье Черного моря. Среди них особенно большую роль в торговле играли Кафа (Феодосия) и Сурож (Судак). Купцы-сурожане появлялись в самой Москве. Затем это название перешло на русских купцов, торговавших с Крымом. Суконники и сурожане составили высший разряд московского купечества.

Торговля являлась важнейшим условием для развития городских посадов. Рост московского посада, превратившегося при Дмитрии Донском в многолюдное поселение ремесленников и купцов, не мог остановить ни вражеские нападения, ни пожары. Москва, благодаря своему выгодному географическому расположению в узле важнейших торговых путей, становилась общим экономическим центром русских земель. В начале XV в. большинство городов Северо-Восточной Руси имело торгово-промышленное посадское население. Князья и другие крупные землевладельцы охотно призывали «на льготу» свободных людей, предоставляли им землю и устраивали «слободы», поселения, в большинстве случаев торгово-ремесленного характера. К середине XV в. в Северо-Восточной Руси уже насчитывалось 286 подобных слобод, причем в этот подсчет не вошли слободы, основанные в городах.

Развитие торговли привело к появлению русской денежной системы, образцом для которой послужила монетная система Золотой Орды. В Московском и Суздальско-Нижегородском княжествах

монеты стали чеканиться не позже XIV в. В первой половине XV в. чеканка собственной монеты производилась не только в больших, но и в мелких княжествах. Состав монетных кладов этого времени, в которых находятся монеты разных княжеств, также указывает на то значение, какое приобрели деньги в процессе обмена.

Феодальное дробление было важнейшим препятствием для развития торговых связей между землями, входившими в состав разных княжений, так как создавало между ними искусственные политические перегородки. Княжеские договоры хотя и предусматривали взаимную охрану торговли и единство таможенного обложения, но в действительности не могли обеспечить выполнение этих условий. Князья сами часто нарушали заключенные договоры, а мелкие феодальные войны губительно отражались на положении посадского населения. Только политическое объединение могло создать благоприятные условия для развития внутренней торговли. Поэтому торговое и ремесленное население поддерживало деятельность князей, направленную к объединению страны.

В соответствии с ростом экономических связей в конце XIV в. и в первой половине XV в. во всех крупных русских княжествах наблюдалось усиление старшего или «великого» князя. «Великие» князья концентрируют феодальные владения вокруг общей столицы княжества и подчиняют своей власти мелких «удельных» владельцев. При этом внутренняя организация княжеского управления остается еще без значительных изменений. Сила «великого» князя заключалась в его более значительных материальных средствах и в той поддержке, которую он в борьбе с мелкой феодальной раздробленностью получал со стороны бояр, слуг своего двора и посадского населения. Эта феодальная концентрация предшествовала образованию национального русского государства. Среди княжеских столиц два города в начале XV в. претендовали на роль политического центра, объединяющего русские земли, — Тверь и Москва. Положение Московского княжества было более сильным, чем Тверского. Москва являлась общим экономическим центром Северо-Восточной Руси.

Борьба с Золотой Ордой высоко поднимала значение московского князя, который, выражаясь словами Энгельса, становился «представителем образующейся нации». Московское княжество в результате дальнейшего расширения и усиления стало превращаться в Русское государство. Этот процесс был ускорен борьбой с монголо-татарами, литовцами, ливонскими рыцарями. Товарищ Сталин указал на то, что на востоке Европы интересы обороны «...требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия». [1]

Образование русской (великорусской) народности. Вопрос о времени образования русской (великорусской) народности еще

---

[1] Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 97. Госполитиздат, 1939.

нельзя считать вполне разрешенным в науке. Ядро русской (великорусской) народности образовалось из старых племен — кривичей, словен (новгородских) и вятичей. Оно поглотило и некоторую часть неславянского населения окско-волжского междуречья. В источниках XIII—XIV вв. исчезают упоминания о ряде мелких племен: мери, жившей в Ростовской области, веси (Белозерский край), муромы (нижняя Ока). Следы их существования сохранились в топонимике края (в названиях поселений). Одним из главных признаков формирования русской (великорусской) народности служит появление фонетических и морфологических элементов, характерных для русского языка. Например, в отличие от языка киевской эпохи, в русском языке произошла замена в склонении и спряжении звуков ц, з, с через к, г, х: нога—н о г е, рука—р у к е, соха—с о х е. В древнерусском языке соответственно было бы: н о з е, р у ц е, с о с е. (В украинском и белорусском языках в этих случаях сохраняются свистящие звуки.) Существенные изменения произошли также в области синтаксиса. Характерные элементы русской речи появляются, по документам, в конце XIII — начале XIV вв. Они с полной определенностью выступают в памятниках XV в. Указанные даты могут служить приблизительными хронологическими границами для начального периода развития русского языка. Наряду с общими элементами, свойственными всему русскому языку, в данный период существовали значительные диалектические различия. Говоры северной части русской территории заметно отличались от говоров ее южной части. На севере говорили на **о** — «о к а л и», а на юге — на **а** — «а к а л и». Пережитки этих диалектических различий в русском языке сохранились до наших дней. Москва находилась на самом стыке северных и южных русских говоров. Население, жившее вокруг Москвы, соединило и те и другие диалектические элементы речи, образовав особый московский говор, который впоследствии лег в основу русского литературного языка. Однако характерные элементы московской речи появляются уже при Иване Калите (их можно заметить в духовной грамоте этого князя), т. е. во время первых крупных успехов Москвы.

Появление одинаковых элементов в языке населения, жившего на очень обширной территории (окско-волжское междуречье, Рязанская, Смоленская и Новгородская земли) и входившего в различные феодальные княжества, было результатом общности экономических и исторических условий.

С развитием национальных особенностей русского населения появляется и новый термин: «Великая Русь» (Великороссия), первое известное употребление которого встречается в документах середины XIV в. «Великая Русь» противопоставляется «Малой Руси» (Украине), «Белой Руси» (Белоруссии) и Литве.

Объединение русских земель вокруг Московского княжества. Дмитрию Ивановичу наследовал его старший сын Василий Дмитриевич (1389—1425). В начале его княжения положение Московского княжества, разоренного Тохтамышем, было очень тяжелым; после короткого перерыва над русскими землями вновь на-

висла ордынская власть. Общая опасность сблизила Василия Дмитриевича с литовским князем Витовтом. Литовскому князю, занятому борьбой с Ливонским орденом, было выгодно иметь на своей стороне Москву. Сближение с Витовтом было закреплено браком Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей.

Наступление Витовта на Смоленскую землю, закончившееся присоединением Смоленска, утверждение Витовта в верховьях Оки, а также попытка Витовта занять Псков и Новгород и подчинить себе Рязанское княжество привели к разрыву между ним и Василием Дмитриевичем. Вскоре новая ордынская опасность заставила противников помириться. После смерти Тимура Эмир Едигей вновь объединил значительную часть Золотой Орды. В 1408 г. Едигей внезапно появился около Москвы. Хотя татары и не смогли овладеть столицей, но подвергли жестокому опустошению ее окрестности и сожгли ряд других городов. Династическая борьба в Орде остановила успехи Едигея.

При Василии Дмитриевиче к Московскому княжеству были окончательно присоединены территории Нижегородского княжества и Муром. Когда московские бояре вместе с татарскими послами вошли в Нижний-Новгород с целью передать его московскому князю, то старший из нижегородских бояр обратился к своему князю со словами: «Господине княже! не надейся на нас, уже бо мы отныне не твои и несть есьмя с тобою, но на тя есмы». Таким образом, нижегородские бояре, воспользовавшись феодальным правом свободного отъезда, нашли для себя более выгодным стать под покровительство сильного московского князя. Этот случай показывает, что в конце XIV в. даже среди местной боярской знати существовало стремление к объединению с Московским княжеством.

При Василии Дмитриевиче московское влияние стало распространяться в бассейне р. Вычегды. Земли по р. Вычегде и ее притокам, населенные зырянами (коми), носили название Малой Перми. На Верхней Каме и по р. Чусовой жили родственные зырянам пермяки. Эта местность была известна под названием Великой Перми. Коми-зыряне жили небольшими родовыми общинами и занимались главным образом охотой. В конце XIV в. среди вычегодских зырян появился проповедник Стефан Храп (Пермский), уроженец Устюжского края. Для обращения язычников-зырян в христианство Стефан Пермский составил азбуку и перевел на зырянский язык несколько богослужебных книг. Он был утвержден первым пермским епископом. В устье р. Выми, впадающей в Вычегду, Стефан Пермский построил на месте разрушенного им языческого мольбища укрепленный городок, ставший не только местопребыванием пермского епископа, но и опорой московской власти в землях зырян. Деятельность Стефана Пермского и последующих пермских епископов подготовила присоединение этого края к московской территории.

После смерти Василия Дмитриевича великим князем стал его единственный сын Василий Васильевич (1425—1462). Отец передал ему, за исключением нескольких волостей, основную часть москов-

ской территории, а также все новые приобретения и земли великого княжества Владимирского.

В Московском княжестве политическое единство просуществовало дольше, чем в других княжествах. До конца XIV в. братья хотя и получали по завещанию отца выделенные части, но действовали совместно под главенством старшего брата, а выморочные владения возвращались в общую отчину. Единство московской территории до конца XIV в. поддерживалось общим напряжением в борьбе за ее сохранение и расширение. С другой стороны, экономические связи внутри Московского княжества были сильнее, чем в других землях, а города, группировавшиеся вокруг Москвы, были слишком слабыми, чтобы стать столицами новых феодальных образований.

В конце XIV в., после того как Московское княжество достигло очень больших размеров и под власть московских князей перешли земли, сохранявшие особенности своего экономического склада, внутри Московского княжества также появились выделенные феодальные владения — уделы. Таким московским «удельным» князем был двоюродный брат Дмитрия Ивановича Донского — Владимир Андреевич, которому принадлежал город Серпухов с волостями. Под самой Москвой в начале XV в. образовались небольшие княжества Можайское и Верейское. Владельцы этих княжеств были настолько слабы и так зависели от Москвы, что сами по себе не представляли угрозы для политического единства Московского княжества. В другом положении оказалась Галицкая земля, расположенная к северу от Волги. По завещанию Дмитрия Донского она досталась второму его сыну—Юрию Дмитриевичу, который имел трех сыновей: Василия Косого, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. Галицкое княжество занимало большую и важную в экономическом отношении территорию. Оно имело относительно густое население, а земли, лежавшие вблизи Галича, отличались значительным плодородием. На территории княжества были расположены богатые соляные источники. Поэтому владельцы Галицкого княжества могли опираться на местные средства. Это и привело к обособлению Галицкого княжества. Юрий Дмитриевич, князь галицкий, вместе с тремя сыновьями вступил в борьбу с Василием Васильевичем, которая едва не кончилась распадом Московско-Владимирского княжества. Борьба началась в 1432 г. внезапным походом Юрия Дмитриевича на Москву. Василий Васильевич не успел собрать свои ратные силы и был разбит в окрестностях столицы. Заняв Москву, Юрий посадил Василия Васильевича удельным князем на Коломне. Однако Юрий недолго усидел в Москве, так как почти все население стояло на стороне Василия Васильевича; князья, бояре, воеводы, дворяне и великокняжеские слуги уходили от Юрия в Коломну. Не имея опоры в Москве, Юрий был принужден возвратить племяннику великокняжеский стол и уйти в Галич. Вторичное занятие Москвы Юрием также не привело к прочным результатам. После смерти Юрия Василий Васильевич разбил одного из его сыновей — Василия Ко-

сого, взял его в плен и ослепил. Этим был закончен первый период борьбы за великое княжение. Галицкие князья, пытавшиеся разрушить складывавшееся вокруг Москвы объединение русских земель, потерпели полное поражение.

На втором этапе борьба осложнилась вмешательством татар. Один из ханов Золотой Орды — внук Тохтамыша Улу-Мухаммед, изгнанный из Орды, обосновался в Среднем Поволжье. Отсюда он производил нападения на московские владения. В сражении с Улу-Мухаммедом в 1445 г. под Суздалем Василий Васильевич потерпел поражение и был захвачен татарами. Великому князю удалось освободиться из плена путем обещания дать за себя большой выкуп. Возвращение Василия Васильевича, обремененного тяжелыми долгами, в сопровождении татар лишило его того авторитета, которым он пользовался в качестве великого князя. Этим обстоятельством немедленно воспользовался его противник—галицкий князь Дмитрий Шемяка, который сделал попытку объединить против московского великого князя всех «удельных» князей.

Во время отсутствия Василия Васильевича, уехавшего из Москвы в Троице-Сергиевский монастырь, противники неожиданно овладели столицей, затем захватили в монастыре самого Василия Васильевича, привезли его в Москву и ослепили. Василий Васильевич был сослан на север, а Дмитрий Шемяка занял московский престол. Однако и на этот раз Дмитрий Шемяка не смог удержаться в Москве. Дворяне Василия Васильевича действовали в пользу его освобождения. Когда был раскрыт их заговор, многие из дворян, а также часть бояр ушли из Москвы. Это заставило Дмитрия Шемяку заключить мир с Василием Васильевичем, взяв с него обещание не искать больше великого княжения. Но Василий Васильевич тотчас нарушил это обещание, а игумен Кирилло-Белозерского монастыря освободил его от клятвы. Вступив в союз с тверским князем и собрав своих сторонников, Василий Васильевич послал небольшой отряд, который без сопротивления занял Москву. Дмитрий Шемяка продолжал еще несколько лет борьбу, но она превратилась в отдельные грабительские нападения на владения великого князя. В 1453 г., после 20 лет феодальной смуты, он неожиданно умер в Новгороде. Со смертью Шемяки закончилась длительная феодальная борьба за власть. Успех Василия Васильевича был обусловлен поддержкой широких слоев московского населения, которое видело в галицких князьях возбудителей кровавой феодальной усобицы, ослаблявшей политическое единство русского народа под главенством Москвы. Поэтому победа Василия Васильевича укрепила новый политический порядок и привела к ликвидации многих мелких княжений—«уделов».

В 1456 г. Василий Васильевич поднялся на Новгород, чтобы наказать его за поддержку Шемяки. Новгородское ополчение было разбито. По Яжелбицкому миру Новгород заплатил большую контрибуцию великому князю и обещал не принимать к себе его противников. Были отменены «вечевые грамоты» (законодательные постановления вече). На новгородских документах печать Новгорода была заменена великокняжеской печатью. Василий Васильевич

после этого успеха присоединил к себе важные новгородские владения: Бежецкую землю и города Волок Ламский и Вологду.

Опасность, возраставшая для Пскова со стороны немецких рыцарей, и победа Василия Васильевича над Новгородом заставили и Псков резко изменить свое отношение к Москве. В 1460 г. псковичи обратились к великому князю с просьбой защищать их против немецкой опасности, жалуясь, что они «обижены от немцев и водою, и землею, и головами».

В вассальную зависимость от великого князя стала и Рязанская земля. Рязанский великий князь перед смертью оставил Василию Васильевичу на попечение своего 8-летнего сына. За молодостью его в Рязани и других рязанских городах правили московские наместники.

Таким образом, в середине XV в. процесс объединения русских земель вокруг Москвы был близок к полному завершению.

Развитие русской (великорусской) культуры

Экономические и политические условия, существовавшие в XIII—XV вв., задерживали развитие русской культуры во всех областях материальной и умственной жизни. Русские земли были отрезаны от экономического и культурного общения с европейскими странами. Опустошения, производившиеся Золотой Ордой, и междукняжеские войны привели к почти полному уничтожению всех культурных сокровищ этого времени. Сохранилось лишь небольшое число памятников старше XV века.

Блестящий подъем владимиро-суздальского зодчества кончился с татарским погромом. В XIII — начале XV вв. каменные постройки возводились только в самых крупных городах: Новгороде, Пскове, Москве, Твери и некоторых других. Зодчество стало принимать местные формы. Если сооружения в Москве и Твери еще сохраняли черты владимирского архитектурного стиля, то в Новгороде и Пскове сильно чувствовалось влияние средневековой готики.

В начале XIII в. во Владимире был составлен общий летописный свод. С раздроблением Северо-Восточной Руси на феодальные княжества он был положен в основу местного летописания, которое велось при дворах князей и епископов. Появились летописи, занимавшиеся преимущественно местными событиями, в Переяславле, Ростове, Пскове, Твери, Москве и в других княжеских столицах. В 1377 г. монах Лаврентий составил летопись для суздальско-нижегородского князя. Эта летопись является важным источником по истории северо-восточных русских княжеств XIII—XIV вв.

Успешное объединение русских земель, сопровождавшееся победами над Золотой Ордой, оказало большое влияние на развитие национального самосознания. Выдающиеся исторические события (Ледовое побоище, Куликовская битва) и деятельность князей по защите русских земель (Александр Невский, Дмитрий Донской) стали рассматриваться со стороны общерусских интересов. Литературные произведения, посвященные этим темам (особенно биографическая повесть «О житии и преставлении Дмитрия Ивановича,

царя русского»), проникнуты горячим патриотическим настроением. Иван Калита называется «собирателем русской земли».

С конца XIV в. Москва превращается в общерусский национальный и культурный центр. К этому времени местная культурная обособленность разрушается. В 1423 г. в Москве на основе местных летописей и Владимирского летописного свода начала XIV в. был составлен общерусский летописный свод. С упадком феодальных центров местное летописание стало сокращаться.

Куликовская битва вызвала мощный подъем всей русской культуры. Писатели этого времени, не ограничиваясь ближайшими темами, проявляют большой интерес ко всему прошлому русской земли, особенно к блестящему периоду Киевской Руси, не стонавшей под игом иноземного порабощения. Отсюда проистекал интерес к таким выдающимся древним памятникам, как «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». Авторы повествований о «Мамаевом побоище» (Куликовской битве) широко пользовались величайшим произведением русской древней письменности («Словом о полку Игореве») для того, чтобы в художественных образах описать победу русского оружия над татарскими полчищами, вселявшую уверенность в близость полного освобождения русских земель от угнетения Золотой Ордой. «Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим слово к слову, возвеселим русскую землю, возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий», — приглашает автор одной из повестей о Куликовской битве. Крупные изменения происходили также в развитии монументального зодчества и изобразительного искусства.

В XIV в. большинство стран Западной Европы, особенно Византия и Италия, были охвачены культурным движением, которое, в противовес средневековому схоластическому миросозерцанию, усиливало внимание к внутренней жизни человека и воспитывало в нем реалистическое восприятие окружающего мира. Большое влияние на культурное развитие оказало изучение античного греко-римского искусства и литературы. Социально-экономической основой этого направления явилось развитие городской жизни и распространение сношений между различными странами. В целом это культурное движение знаменует наступление эпохи «Возрождения».

Русские земли не остались в стороне от плодотворного культурного влияния, проникавшего к нам главным образом из Византии. Переселившиеся в Россию греки и южные славяне, живописцы и писатели, стали учителями русских мастеров, сохранивших при этом основные элементы русской художественной традиции.

Около 30 лет в России работал Феофан Грек, расписавший до 40 каменных церквей. Во фресковой живописи, сохраняющей еще условную стилизацию пейзажа, появляются проблески реалистического отношения к пространству и жизненная мягкость в изображении человеческих фигур и лиц. Художник старается передать в более простых и понятных чертах внутреннее переживание, не исключая при этом и традиционные лики «святителей» церкви. Если раньше богоматерь изображалась в виде величественной и недо-

ступной «небесной царицы», то в данное время она превращается в скорбную мать, страдающую человеческим горем.

Прекрасные памятники изобразительного искусства были созданы русскими мастерами в Новгороде и его окрестностях (церковь в Волотове, Сковородский монастырь, церковь Федора Стратилата и другие). Ту же, в общем, художественную манеру мы наблюдаем и в живописи других городов, хотя памятников XIV — начала XV вв. сохранилось в них очень немного.

Особое место по высоте художественных достижений занимает замечательный русский живописец Андрей Рублев, родившийся в 60—70 гг. XIV в. Совместно с Феофаном Греком и другими мастерами Рублев работал над росписью Благовещенского собора в Московском Кремле. (Собор не сохранился; нынешний Благовещенский собор построен на месте старого при Иване III). Уцелело лишь несколько работ Рублева, написанных им для Троице-Сергиева монастыря (под Москвой в гор. Загорске). Рублев несомненно был крупнейшим мастером, не уступавшим выдающимся представителям западноевропейского искусства этого времени. Творчество Рублева, оставаясь глубоко национальным, впитало лучшие достижения византийской и западноевропейской художественных школ. Его произведения отличаются тонким рисунком, выразительностью, мягкостью красок, лиричным настроением и цельностью замысла. Рублев умер около 1430 г., создав русскую школу живописи.

Несмотря на оторванность Северо-восточной Руси, русские мастера пользовались почетной известностью за пределами своей родины. Их приглашали в Польшу, где они работали в Кракове, Люблине и Гнезне, на остров Готланд (новгородские фрески частично сохранились в гор. Висби) и в Золотую Орду.

Великое княжество Литовское

В XII в. территория между Западной Двиной и Вислой была занята различными литовскими племенами. Нижнее течение Немана занимала жмудь; на среднем течении этой реки и по ее притоку Вилии размещалась Литва. Между Неманом и Вислой находились поселения пруссов. Верховья Немана, а также его притоков Буга и Нарева занимали ятвяги. В XII в. эти племена еще не составляли общего союза. Впоследствии большая часть этого населения стала называться общим именем литовцев.

У литовских племен в конце XII в. еще сохранились многие пережитки родовых отношений. Общественной основой их была территориально-родовая община («дворище», «дым»), близкая русской верви и западноевропейской марке. Во главе мелких родоплеменных объединений стояли вожди, известные в литовских источниках под названием «рикас» и «кунигас». Современные сведения отмечают отсутствие среди литовского населения укрепленных городов. Защитой для него служили трудно проходимые леса, многочисленные озера и болота. В конце XII и в начале XIII вв. появляются признаки межплеменного объединения. Литовцы начинают усиленно нападать на соседние, особенно русские земли, распадавшиеся на мелкие княжеские владения.

Объединение литовских племен, вызванное развитием феодальных производительных сил, было ускорено и усилено внешней опасностью, смыкавшей разрозненные племенные союзы под главенством сильных князей. В первой половине XIII в. среди последних выдвинулся князь Миндовг, которому удалось не только объединить значительную часть литовских племен, но и включить в состав своей державы ближайшие русские земли.

В начале XIII в. южная часть Полоцкого княжества, лежавшая в области левых притоков верхнего Немана, была известна под названием «Черной Руси». На ее территории существовало развитое феодальное хозяйство. Торговое значение имели города Новгородок, Волковыск, Слоним и некоторые другие. В раздробленном состоянии русские земли становились жертвой вторжений со стороны литовцев, ливонцев, поляков и несколько позже — татар. Благодаря раздробленности русские княжества не могли оказать серьезного отпора литовскому наступлению. Подвластные Миндовгу русские земли оказали значительное влияние на экономическое и культурное развитие литовского населения. Столицей Миндовга стал русский город Новгородок.

Политические успехи Миндовга были очень значительны. Южная русская летопись называет его «самодержавцем всей земли Литовской». Есть сведения, что при посредстве Ливонского ордена Миндовг принял христианство и стал называться королем. По словам русской летописи, Миндовг под конец жизни «нача гордети вельми и вознесся славою и гордостью великою». Самовластная политика Миндовга вызвала реакцию среди подручных литовских князей, которые убили его в 1263 году.

Внутренняя борьба среди мелких литовских князьков погубила Миндовга, но не была в силах разрушить начавшийся при нем рост Литовского княжества. Главным внешним фактором, усилившим экономическую консолидацию земель, входивших в состав Литовского княжества, были беспрерывные войны с меченосцами, в которых большое участие принимали также и русские дружины. Русские воеводы играли крупную роль в войсках литовских князей.

Очень больших успехов Литовское княжество достигло при Гедимине (1316—1341). Опираясь на сложившееся русско-литовское ядро, Гедимин усиленно собирал под своей властью западно-русские земли. Полоцк был присоединен еще в 1307 г. В зависимости от Гедимина оказались и другие полоцкие князья; в том числе минский и витебский. Далее Гедимин включил в состав своих владений Турово-Пинскую землю, лежавшую в бассейне р. Припяти. Влияние Гедимина распространилось еще дальше на юг, на земли Киевскую, Волынскую и Подолье. На левом берегу Днепра под его власть поступает Чернигово-Северская земля. Таким образом, основное ядро Литовского княжества окружается широким кольцом русских земель. К концу жизни Гедимина три четверти его владений состояло из русских земель. Успешное распространение власти литовского великого князя на русские земли объясняется не столько превосходством его сил, сколько состоянием рус-

ских земель, находившихся под ударами Золотой Орды. Переход под власть великого князя литовского был для них средством избегнуть татарской зависимости. Усиление русских элементов в государстве Гедимина еще в большей степени отразилось на всей политической системе. Сам Гедимин носил титул «короля литовцев и русских».

Гедимин был убит в 1341 г. во время осады одной немецкой крепости. После его смерти борьба между его сыновьями окончилась победой Ольгерда и Кейстута. Кейстут, опиравшийся на жмудь, вел почти непрекращавшуюся борьбу с Орденом, пытавшимся распространиться в бассейне Немана. Только за время 1345—1377 гг. в летописях Ордена отмечено до 70 более или менее крупных походов на Литву. В отдельные годы рыцари совершали от 4 до 8 вторжений. Ольгерд (1345—1377), продолжая политику своего отца, расширял владения в сторону русских земель. Он окончательно захватил территорию Чернигово-Северского княжества, разбитого на большое число мелких феодальных княжений. В городах Брянске, Новгород-Северском и других появляются сыновья Ольгерда. Почти одновременно была занята Киевская земля. Во второй половине XIII в. она была уже настолько опустошена, что одно время не имела даже отдельного князя. В 60-х годах Ольгерд посадил в Киеве своего сына. К западу от Днепра он вел борьбу с татарами за обладание Подолией и с поляками — за Волынь. Наконец, Ольгерд вел усиленное наступление на Смоленскую землю; смоленский князь после безуспешного сопротивления стал его вассалом. Продвижение Ольгерда в сторону Смоленской земли и в верховья Оки привело его в непосредственное столкновение с Московским княжеством. Борьба Ольгерда и московского князя представляла собой встречу двух сил, каждая из которых претендовала на объединение феодальных княжеств Восточной Европы.

Наследником Ольгерда, умершего в 1377 г., был его младший сын от второй жены, тверской княгини, Ягайло. Он получил титул великого князя и сделал своим местопребыванием г. Вильно. Против Ягайло выступили его дядя Кейстут и двоюродный брат (сын Кейстута) Витовт.

Борьбой между литовскими князьями тотчас воспользовался Орден, старавшийся не допускать объединения русско-литовских земель под одной великокняжеской властью. Поэтому Орден охотно поддерживал Кейстута и Витовта против Ягайло. Во время войны Ягайло внезапным нападением захватил обоих противников. Кейстут был задушен, но Витовту удалось бежать.

Поддерживая Витовта, магистр Ордена, с одной стороны, превращал его в своего вассала, с другой стороны — ослаблял Ягайло. Витовт, надеявшийся в борьбе с Ягайло пользоваться помощью Ордена, даже принял католическую веру и официально признал вассальную зависимость от Ордена с уступкой ему части территории Жмуди и Литвы. Между тем Витовт, заключив с Орденом договор, которому сам вряд ли придавал серьезное значение, уже через несколько месяцев напал на замки рыцарей, а затем ушел в

Польшу к Ягайло. Неожиданная перемена в поведении Витовта была вызвана крупными политическими событиями в Польше. Последний представитель королевской династии Пястов в Польше, Казимир «Великий», не имел сыновей. По договору с Венгрией он сделал своим преемником венгерского короля Людовика. Последний после смерти Казимира в 1370 г. объединил Венгрию, Хорватию, Далмацию, Боснию, часть Болгарии и Польшу. Наследницей владения Людовика была его старшая дочь Мария, вышедшая замуж за сына чешского короля. В Польше опасались, что польские земли станут придатком чешской короны. Поэтому польское панство потребовало, чтобы наследство Людовика было разделено между двумя дочерьми; наследницей польских земель стала младшая дочь короля — Ядвига. Затем польское панство выступило с проектом династической унии с Литвой. Для этой цели предполагалось женить на Ядвиге литовского великого князя Ягайло. Объединенное под одной королевской властью, Польско-Литовское государство превращалось в крупную силу, способную обезопасить польские владения от нападения со стороны Венгрии, Чехии и Ордена. В экономическом и политическом отношениях класс польских землевладельцев был сильнее русских и литовских бояр. Поэтому польские паны могли рассчитывать на то, что их интересы в объединенном государстве будут поставлены на первое место. Наконец, с присоединением Литовского государства Польша надеялась окончательно захватить Западную Белоруссию и Западную Украину (Галицкую землю, Подолию и Волынь). Что касается Литвы, то для нее выгода от династической унии далеко не была так бесспорна, как для Польши. Перспектива стать польским королем делала Ягайло более уступчивым в отношении литовских владений. С другой стороны, и Витовт должен был сознавать, что военная помощь Ордена покупалась чрезвычайно дорогой ценой.

Переговоры литовского посольства в Польше по вопросу о династической унии были закончены заключением договора, подписанного Ягайло в замке Крево, около Вильно, в августе 1385 г. По условиям Кревской унии Ягайло обязывался навсегда присоединить свои земли к польской короне; самостоятельное существование Литовского княжества прекращалось. Ягайло обещал не только принять католическую веру, но и распространить ее на всех своих подданных — «от мала и до велика». Для Польши распространение католицизма в русско-литовских землях было средством для их полного подчинения. В феврале 1386 г. Ягайло прибыл в Краков, через два дня он был крещен, и еще через три дня состоялось венчание. Затем было произведено коронование Ягайло польской короной. Краков превратился в столицу объединенного Польско-Литовского государства. В том же году Ядвига и Ягайло вместе с католическими епископами и духовенством предприняли поездку в Литву.

Крестьян принуждали к крещению угрозами и обещанием давать белую шерстяную одежду. Однако масса крестьянского населения встретила крещение враждебно. В окрестностях Вильно была вырублена священная роща и потушены священные огни,

священные животные были перебиты. Для ускорения крещения католические священники делили крестившихся на группы и давали каждой группе одно имя. Так появились тысячи Янулисов, Катерин, Анн и других имен.

По привилею (указу) Ягайло 1387 г. феодалы, принявшие католичество, получали некоторые льготы (право полной собственности на земельные владения, особый суд, освобождение от некоторых повинностей и др.). Этим привилеем было положено начало юридического оформления литовского землевладельческого класса по образцу польской шляхты.

Вскоре после заключения Кревской унии Польша приступила к захвату Западной Украины и Западной Белоруссии. По договору польского короля Казимира с Венгрией Галицкая земля после смерти Казимира отошла к Венгрии. В 1387 г. польские войска вытеснили венгров из Галицкой земли и присоединили ее к коронным владениям Польши. В несколько приемов к Польше была присоединена Волынь. Однако попытки настоять на полном осуществлении Кревской унии, т. е. слить Литовское княжество с Польским, встретили сильное сопротивление со стороны литовских и русских бояр. Организатором борьбы за самостоятельность Литовского княжества стал Витовт. В этой борьбе Витовт очень искусно пользовался сложной политической обстановкой. Он заключал соглашения и союзы то с одной, то с другой стороной и, не стесняясь, разрывал их тогда, когда проходила надобность. В борьбе против Польши он пользовался помощью Ордена и московского великого князя. Сближение Витовта с Москвой было закреплено браком Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей. Политические и военные успехи Витовта заставили Польшу пойти на уступки. В 1392 г. в Острове было заключено соглашение, по которому Ягайло признавал Витовта великим князем литовским в вассальной зависимости от польского короля. Однако, когда Ядвига потребовала не только формального признания вассального подчинения, но и выплаты дани, Витовт, опираясь на русско-литовское боярство, решительно отверг это требование. Произошло новое сближение Витовта с Орденом, закрепленное съездом на острове Салине (на нижнем течении Немана) с участием великого магистра. На пиру, который давался магистром в честь Витовта, литовские и русские бояре провозгласили Витовта королем Литвы и Руси. Участники этого пира заявили, что «они всегда были свободны, как и их предки, и никогда не платили никакой дани Польше. Они и не будут ее платить, а останутся при прежней своей свободе по старине».

Между тем борьба Витовта с Польшей была осложнена татарскими отношениями. Над южнорусскими землями, которые Витовт считал своими владениями, продолжала тяготеть татарская опасность.

Витовт решил воспользоваться ослаблением Золотой Орды, вызванным борьбой Тамерлана с Тохтамышем. Он принял сторону Тохтамыша и даже предоставил ему убежище после поражения,

нанесенного Тамерланом. В 1399 г. Витовт с участием русских и польских войск предпринял поход на Золотую Орду. Сражение на р. Ворскле кончилось победой татар во главе с Едигеем. Между тем в Польше умерла Ядвига и положение Ягайло стало менее устойчивым, что заставило его пойти на примирение с Витовтом.

Пользуясь миром с Польшей, Витовт захватил Смоленск и сделал неудачную попытку подчинить Рязань, Псков и Новгород.

С другой стороны, примирение с Польшей позволило Витовту возобновить борьбу с Тевтонским Орденом.

Поводом к новой войне послужило восстание против Ордена в Жмуди. Тогда магистр Тевтонского Ордена Ульрих Юнгинген объявил войну Польше под тем предлогом, что король Ягайло дал уклончивый ответ на вопрос об отношении Польши к Жмуди. Хотя война началась с захвата немецкими рыцарями некоторых польских областей и городов, но Ягайло и Витовту удалось летом 1410 г. собрать значительные силы. Под знаменами польского короля, помимо собственных войск, находились чешские воины, в числе которых был, как полагают, и национальный герой чешского народа Ян Жижка. Витовт вместе с литовцами привел русские дружины из Смоленска, Витебска и Полоцка.

Битва произошла 15 июля 1410 г. у деревень Грюнвальд и Танненберг (Восточная Пруссия). В начале сражения немцам удалось опрокинуть стоявших на левом фланге литовцев. Но тогда навстречу рыцарям бросились русские полки, которые самоотверженно остановили яростный натиск врага. В результате последующей затем атаки польских войск, занимавших центр и правое крыло, немцы были разбиты и бежали с поля сражения. Среди многих убитых рыцарей находился и сам великий магистр. Победителям достался весь лагерь Ордена, где были найдены повозки с веревками и цепями, заготовленными для пленных славян.

Результаты этой победы, одержанной над немецким рыцарским войском соединенными силами славян — русскими, поляками и чехами — в союзе с литовцами, для западных земель Восточной Европы можно сопоставить с результатами победы на Чудском озере Александра Невского. Рыцарское наступление на польские, литовские и западнорусские земли было остановлено. По миру, заключенному с Орденом, спорная территория Жмуди отошла к великому княжеству Литовскому.

Разгром основных сил немецкого рыцарского войска при Грюнвальде и Танненберге послужил началом падения Ордена. По словам немецкого орденского летописца «один грюнвальдский день уничтожил всю славу и гордость Ордена... С утра следующего дня начались дни его несчастий, посрамлений и окончательного упадка».

Новые отношения между Литвой и Польшей были оформлены с заключением Городельского акта 1413 г. По его условиям, Литва осталась в неразрывном соединении с Польшей, но имела своего отдельного великого князя. Последний избирался литовскими пана-

ми и шляхтой при согласии польского короля и панства. Со своей стороны польские паны и шляхта дали обещание в случае прекращения рода Ягайло не выбирать никого в короли без ведома великого князя литовского, литовских панов и шляхты.

Если во внешней политике главной целью Витовт ставил независимость великого княжества Литовского, то внутри страны его усилия были направлены к укреплению великокняжеской власти и к усилению связи между отдельными землями.

Во многих крупных городах сидели местные князья, в большинстве случаев Ольгердовичи (сыновья и внуки Ольгерда), которые во время борьбы Витовта с Ягайло фактически освободились от великокняжеской власти. Это угрожало Литовскому государству распадом на самостоятельные феодальные княжества. Ольгердовичи не имели прочных местных связей, а русское население рассматривало их как чуждую навязанную власть. Захват князьями земельных угодий сталкивал князей с крупным местным боярством. Витовт, требуя от князей «покоры» (подчинения), опирался на местных землевладельцев, которым подчинение великому князю было выгоднее обременительной вассальной службы местному князю. Требование Витовтом «покоры» вызвало среди князей настоящее восстание. Однако между князьями не было согласия и даже общая опасность не была в состоянии их объединить. Один за другим поднимались князья против великого князя, и каждый в отдельности терпел поражение. Витовт уничтожил почти все более или менее значительные княжества: Киевское, Подольское, Волынское, Витебское, Полоцкое, Смоленское, Новгород-Северское. В большинстве этих княжений он посадил своих наместников, не пользовавшихся никакой самостоятельностью.

Успешная борьба с местными князьями одновременно укрепляла и материальное положение великого князя. Основную часть его доходов составляли поступления с княжеского феодального хозяйства (домена). В этом отношении великий князь являлся лишь самым крупным феодальным собственником. Великий князь (господарь) пользовался, кроме того, правом собирать дань со всего государства, «подданщину», которая носила разные местные наименования: «серебряная дань» (в Полоцкой и Витебской землях), «поголовщина» (в Чернигово-Северской земле), «подымщина» (в Киевской и Волынской землях) и т. д. После уничтожения местных княжений княжеские дворы с принадлежащими хозяйственными угодьями, с пашенными полями, со скотом, с сельскохозяйственным инвентарем и с челядью были присоединены к владениям великого князя. В его казну стали также поступать мелкие денежные и натуральные сборы, шедшие прежде местным князьям, разнообразные таможенные пошлины, судебные штрафы и другие доходы.

Витовту все же не удалось создать сильной централизованной системы. Экономические связи между отдельными землями были незначительными, и это мешало их прочному объединению. В Литовском княжестве времен Витовта следует отличать, во-первых,

основное ядро, состоявшее из литовских и части русских земель, сложившееся при Миндовге и его ближайших преемниках, и, во-вторых, русские земли, присоединенные во второй половине XIV — начале XV вв., сохранившие под властью литовского великого князя местные особенности.

Победа Витовта над местными князьями содействовала укреплению экономического положения крупного панского и боярского землевладения. Привилей 1387 г., как мы видели, положил начало распространению на литовских феодалов-католиков прав польского шляхетства. Православная русская (украинская и белорусская) шляхта первоначально оказалась в неравном положении по сравнению с католиками. В следующее двадцатилетие после смерти Витовта произошло дальнейшее развитие шляхетских прав, все преимущества которых касались главным образом крупных землевладельцев (панов).

Смерть Витовта в 1430 г. остро подняла вопрос о его преемнике и о землях, за которые шла борьба между Польшей и Литвой (Подолия, Волынь). Литовские магнаты спешили с замещением великокняжеского престола, так как не без основания опасались, что он будет занят ставленником польского панства. Между тем в господствующем слое русско-литовского панства не было по этому вопросу согласия. Мелкие князья, лишившиеся при Витовте своих «столов», нашли поддержку в части православного боярства, недовольного неравенством положения с католической шляхтой. Они выставили своим кандидатом брата Ягайло Свидригайло Ольгердовича, который имел старые связи в русских землях. Литовские паны после разрыва с Польшей принуждены были принять эту кандидатуру. Свидригайло Ольгердович был провозглашен без согласия польского короля и польского панства литовским великим князем, что противоречило условиям унии 1413 г. Свидригайло Ольгердович поспешил удовлетворить главные требования украинско-белорусского боярства. Нарушая утвердившийся порядок, он стал назначать православных на высшие придворные должности, чем вызвал возмущение среди литовских панов. Против Свидригайло возник заговор, и осенью 1432 г. он должен был бежать. Литовская знать, устранившая Свидригайло, провозгласила своим великим князем брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича, который для укрепления своего положения уступил Польше Подолию и согласился на передачу ей после своей смерти литовской части Волыни. С другой стороны, Сигизмунд, стараясь привлечь на свою сторону православное боярство и шляхту, также пошел на крупные уступки в их пользу. Он выдал привилей, по которому русские князья и бояре основной территории княжества (без окраинных русских земель) уравнивались в правах с литовцами-католиками. Несмотря на эти уступки, часть православных князей и бояр, преимущественно окраинных русских земель, продолжала поддерживать Свидригайло. Вскоре Свидригайло потерпел окончательное поражение.

Польский король Ягайло умер в 1434 г. Его сын Владислав

был объявлен королем Польши и Венгрии. Когда литовский великий князь Сигизмунд Кейстутович был убит в 1440 г. заговорщиками, большинство литовских панов выдвинуло кандидатуру брата Владислава — Казимира Ягайловича. Владислав под давлением польского панства не хотел отпускать брата на великое княжение, так как боялся усиления литовского сепаратизма. Поэтому он согласился лишь на предоставление Казимиру наместничества над Литвою. Тогда литовцы самостоятельно провозгласили Казимира Ягайловича своим великим князем. Казимиру удалось утвердиться в Литве лишь после длительной борьбы с сепаратистским движением в русских землях, стремившихся к восстановлению самостоятельности. Когда его брат польско-венгерский король Владислав умер, поляки, чтобы возобновить династическое объединение Польши и Литвы, также избрали Казимира своим королем. Литовско-русское панство пыталось не разрешить Казимиру принять польскую корону. Тогда Казимир, несмотря на сопротивление польских панов, выдал в 1447 г. привилей с очень важными правами для землевладельцев Литвы и Руси. Объединяя ранее установленные права и привилегии, он еще больше расширил их в сторону полного феодального иммунитета. Кроме того, было установлено, что земельные владения и должности на территории великого княжества могли предоставляться лишь местным уроженцам.

Казимир Ягайлович, объединивший под своей властью Польшу и Литву (1447—1492), отдавал явное предпочтение своим польским землям. Поэтому, несмотря на сделанные им уступки, литовские и русские князья и паны продолжали находиться в оппозиции к королю. Движение князей даже привело к заговору, который был раскрыт в 1481 г. Главари этого заговора были казнены.

В XV в. большинство земельных владений на территории великого княжества Литовского находилось в руках великого князя (господаря) и панов. Дальнейшее развитие крупного панского землевладения происходило за счет господарских владений. Это усиливало экономическую базу панства и способствовало его политическому возвышению. С середины XV в. феодальное хозяйство стало втягиваться в рыночные отношения. Страны Западной Европы предъявляли быстро возраставший спрос на сырье и сельскохозяйственные продукты. Из литовско-русских земель к балтийским портам вывозились хлеб, скот, кожи, мед, воск, лес, смола, меха и проч. В связи с развитием внешней торговли борьба за южную часть Прибалтики, находившуюся во владениях Ливонского ордена, приобретала особо важное экономическое значение. В результате 13-летней войны, по миру, заключенному в 1466 г., Тевтонский Орден признал себя вассалом польского короля. Победа над Орденом открывала для польских и литовско-русских земель свободный выход в Балтийское море. Западная Двина, Неман и особенно Висла с Западным Бугом превращаются в главные магистрали торгового движения, втягивавшие литовско-русские земли в товарооборот со странами Западной Европы. Город Гданск (Дан-

циг) в устье Вислы стал основным центром торговли в Прибалтике.

Подъем в феодальном хозяйстве выразился в распространении трехполья, в расширении барской запашки и в интенсификации крестьянских повинностей. Организацию крупного феодального хозяйства мы можем лучше всего представить по великокняжескому домену. Основной частью его были пахотные земли и различные хозяйственные угодья, обрабатывавшиеся трудом зависимого населения. Кроме того, население платило натуральную и отчасти денежную ренту.

Население господарского (великокняжеского) домена делилось на две основные части: челядь (холопов) и господарских людей (крестьян). Челядь работала на пашне и выполняла различные хозяйственные работы во дворе. Часть челяди получала месячину, т. е. определенный корм. Другая часть челяди сидела на отдельных участках и обладала некоторой движимостью (бондой). Крестьяне в литовско-русских землях носили несколько названий: простые люди, мужики, черные люди, подданные, кметы и смерды. На этом населении лежали основные повинности по обслуживанию феодального хозяйства. Среди тяглых людей были ремесленники, бортники, рыболовы, бобровники, ловцы и проч. Часть ремесленников работала исключительно на господарском дворе, другая часть отдавала лишь долю своих продуктов и несла добавочные натуральные повинности. Наконец, некоторые крестьяне садились на оброк, т. е. вели собственное хозяйство и платили господарю ренту натурой или деньгами.

С интенсификацией феодального хозяйства зависимость крестьян стала усиливаться. Положение господарских крестьян было более легким, чем частновладельческих. Все крестьяне делились на «похожих», т. е. вольных людей, не потерявших права перехода с одного места на другое, и «непохожих» (от слов ходить, переходить). Последние назывались еще «отчинными» крестьянами. Эта категория приближается к положению «старожильцев» в русских землях. Для развития крепостнических отношений большое значение имело влияние польского права. Особенно крупную роль сыграл привилей Казимира 1447 г. Он освобождал частновладельческих крестьян не только от натуральных повинностей, но и от платежа денежной дани в пользу господаря. Поэтому единственным эксплоататором этих крестьян становился их землевладелец. Господарь давал обязательство не принимать в свои владения крестьян-отчичей. Землевладелец (князь, пан, шляхтич) получал право судебного иммунитета. Это создавало в его руках полную власть над всем населением, пользуясь которой владелец усилил внеэкономическое принуждение. Таким образом во второй половине XV в. феодальная зависимость крестьян получила юридическое оформление, т .е. превратилась в крепостное право.

Рост внутренних и внешних торговых связей имел очень большое значение для развития городов. Вильно, Ковно, Полоцк, Минск и другие города, связанные с системой рек Балтийского

бассейна, превратились в более или менее крупные центры ремесленного производства и торговли. С конца XIV в. литовско-русские города стали получать право на самоуправление, освобождаясь от власти местных панов и князей. Образцом этого права был город Магдебург (Магдебургское право, еще ранее перенесенное на ряд польских городов). Первый привилей на магдебургское право был выдан Вильно в 1387 г. Затем магдебургское право было распространено на Троки, Ковно, Луцк, Полоцк, Киев, Минск и другие города. По магдебургскому праву жители городов (мест), носившие общее название мещан, освобождались от тех повинностей, которые несли крестьяне. Мещанам предоставлялись различные доходы, поступавшие в местную городскую казну, или «скрыню». Центром городского самоуправления была ратуша, во главе которой стоял назначенный господарем войт. Последний управлял городским хозяйством совместно с избранными обществом мещан ратцами (советниками) и бургомистрами. Города пользовались важным для них правом склада, по которому приезжие купцы должны были на местном рынке продавать и покупать товары только оптом. Розничная торговля допускалась лишь в ярмарочные дни. Магдебургское право укрепляло положение высших слоев городского населения, т. е. главным образом крупных купцов.

Привилеи Ягайло, Свидригайло, Сигизмунда и Казимира юридически оформили по польской системе организацию класса литовско-русских землевладельцев (шляхта в широком смысле). Господствующее положение в нем занимали крупные землевладельцы, которые стали называться польским термином — панами. В конце XIV в. и первой половине XV в. сложился и слой средних и мелких землевладельцев, за которыми утвердилось в более узком смысле название шляхты. С расширением состава шляхты, пользовавшейся всеми правами, установленными по выданным привилеям, признаком шляхты стала военная служба.

Состав шляхты был сложный. Наряду со средними землевладельцами появился мелкий разряд слуг, вербовавшихся из состава зажиточного крестьянства и ремесленников. Эта часть военных слуг получила название слуг путных, панцырных, доспешных, конных и проч. В источниках они иногда называются «боярами», но с прибавлением слов: панцырных, путных и т. д. Крупные землевладельцы — князья и паны — выводили в поход отряды своих феодальных слуг; в ополчении они становились отдельно под собственными знаменами. Простая шляхта выходила на войну под начальством своего князя или пана. Паны выдавали шляхте в своих владениях землю под условием несения военной службы.

На основе рассмотренного социально-экономического строя, базой которого являлись феодальное хозяйство и крупное панское землевладение, выросло все здание литовского государственного устройства. До последней четверти XIV в. в Литовском княжестве преобладало русское влияние. Официальные акты писались на русском языке. Великого князя окружали русские бояре. Русская культура подчиняла своему влиянию более отсталую культуру

литовского населения. Это положение стало изменяться в конце XIV в. Династическая уния с Польшей хотя и не привела к полному уничтожению Литовского княжества, но широко открыла дорогу для польского влияния на господствующий класс литовских, а затем и русских землевладельцев.

Элементы польского государственного устройства были перенесены и на политическую систему великого княжества. Это стало возможным потому, что, как и в Польше, государственный порядок в великом княжестве Литовском держался на участии в управлении панов. Опираясь на крупных землевладельцев и отчасти на города, великому князю удалось разгромить местных князей и предотвратить распад государства на независимые феодальные княжества. Однако у великого князя не было средств ослабить влиятельное положение самих бояр и панов, которые еще больше усилились после издания привилея 1447 г. Великий князь в управлении оказался ограниченным советом высшей феодальной знати, получившим название «рады». Члены рады, называвшиеся «панами радными», состояли из католических епископов, придворных должностных лиц и воевод. Некатолики участвовать в раде не могли. В полном составе рада собиралась редко. По текущим делам великий князь советовался с важнейшими панами, составлявшими его «переднюю раду». Кроме рады, являвшейся постоянным коллективным органом панства, крупные землевладельцы собирались в важнейших случаях (объявление войны, заключение мира, династические вопросы, новые налоги) на съезды-сеймы. К началу XV в. по польскому образцу сложились высшие придворные должности: канцлера, гетмана, подскарбия (казначея), маршалка (заведывал великокняжеским двором) и другие. Местное управление находилось в руках наместников (воевод), назначавшихся великим князем из состава панов.

Образование украинской и белорусской народностей. Монголо-татарское завоевание оторвало северо-восточные русские земли от западных и юго-западных. Значительная часть последних — все Подвинье и Поднепровье — вошла в систему великого княжества Литовского; другая часть (Галицкая Русь, Подолия и Волынь) была захвачена Польшей. Разрыв экономических и политических связей не мог не повлечь за собой и культурного обособления соответствующих частей этой территории. Взамен утраченных образовались новые экономические связи. С развитием в XV в. внутренней торговли стала уменьшаться экономическая самостоятельность феодальных владений. Территория, лежавшая к северу от Припяти, была втянута главным образом в торговлю по Западной Двине. Центром ее был город Полоцк. Для юго-западных земель основная торговая магистраль проходила по Днестру, где ее средоточием был город Львов.

Экономическое и культурное развитие населения этих районов составило основное условие для образования украинской и белорусской народностей. Один из главных признаков их формирования — появление характерных особенностей украинского и белорусского языков.

Украинскому языку присуще «оканье» (неударяемое о произносится ясно), тогда как белорусский язык — «акающий». Очень важной особенностью белорусского языка является произношение «т», как «ц» и «д», как «дз» (так называемое «дзеканье» и «цоканье»). Белоруссы говорят: людзи (люди), дзень (день), цемны (темный). Фонетические и морфологические особенности украинского и белорусского языков ясно выступают в литературных памятниках конца XV в., но отдельные элементы их восходят к XIV в. и даже к более раннему времени. Таким образом можно считать, что украинская и белорусская народности сложились к концу XV века.

Население Украины и Белоруссии в рассматриваемое время обычно называло свою страну Русью, а свой язык — русским, «русской мовью». До конца XVI в. большинство официальных документов в великом княжестве Литовском писалось на «русской мови» (литовские статуты 1529 и 1566 гг.). Термин «Украина», самое раннее упоминание которого относится к концу XII в. (в Ипатьевской летописи по поводу смерти в 1187 г. князя Владимира Глебовича замечается: «О нем же Украина много постона»), получил распространение значительно позже. Название «Белоруссия» появляется в конце XIV—начале XV веков.

Для развития национальной белорусской культуры очень большое значение имело появление книгопечатания. Пионером книгопечатания в Белоруссии был доктор Франциск Скорина, родившийся в конце XV в. в белорусской купеческой семье в городе Полоцке. Франциск Скорина получил образование в Краковском университете и считался современниками человеком глубокой учености. Первые книги на славянском языке Скорина стал издавать с 1517 г. в Праге, затем он перенес издательскую деятельность в Вильно. Главной целью ее Скорина ставил укрепление русской (белорусской) культуры в народной массе. Скорина говорил, что он печатал книги «к научению людем посполитым русского языка».

Украинский и белорусский народ сознавал свою национальную самобытность и отстаивал ее в долголетней борьбе с литовской и польской агрессией.

***

Сравнение великого княжества Литовского с великим княжеством Московским устанавливает как наличие общих явлений в их развитии, так и значительное своеобразие каждого из них. Оба государства, одно в западной, другое в восточной части Восточной Европы слагались в результате феодального объединения, в основе которого лежали: рост экономического общения и борьба с внешней опасностью. Московское великое княжество под влиянием этих факторов развивалось в централизованное русское государство. Власть московского великого князя усиливалась в борьбе не только с «великими» и «удельными» князьями, но и с крупными земельными собственниками — боярами. Власть литовского великого князя в союзе с панами, экономически более сильными, чем

их восточно-русские собратья, победила, но не устранила окончательно феодальной раздробленности. Литовское панство под влиянием польского права сложилось в прочную и влиятельную организацию. Поэтому литовский государственный порядок не развился в централизованную систему.

Распад Золотой Орды

Под властью Золотой Орды находились земли с разным экономическим состоянием и различным историческим прошлым. В культурном отношении покоренное население стояло выше монгол-завоевателей. Основная часть территории Золотой Орды, расположенная в низовьях Волги, долго сохраняла кочевой, скотоводческий характер. В странах старой земледельческой культуры господствующий слой монголо-татарских завоевателей быстрее превращался в обычных феодальных землевладельцев. При разности экономических и политических условий единство Золотой Орды могло поддерживаться сильной центральной властью. Высшего подъема Золотая Орда достигла при хане Узбеке (1313 — 1341). Но уже вскоре после смерти Узбека появились признаки ее распада. Многие местные правители (беки) стали фактически самостоятельными, особенно на окраинах. Нередко они вмешивались в вопросы о престолонаследии, свергали одних и возводили других ханов. За два десятилетия, с начала 60-х до начала 80-х годов XIV в., в Золотой Орде сменилось 14 ханов, редкий из которых не переступил через труп своего предшественника.

В 70-х годах XIV в. эмиру Мамаю удалось подчинить себе значительную часть Золотой Орды. Мамай опирался главным образом на Крым и на западные владения Золотой Орды. Восточная часть ее (на восток от Волги) к этому времени стала уже почти самостоятельной. Еще в начале XIV в. кочевое население, жившее на нижнем течении Сыр-Дарьи и к северу от него, обособилось в составе «Белой Орды» со столицей в городе Сычнак. Сильный удар Золотой Орде, ускоривший ее дальнейший распад, был нанесен из Средней Азии, где во второй половине XIV в. сложилась исключительно сильная держава Тимура (Тамерлана).

Среднеазиатское государство Тимура (Тамерлана). В середине XIV в. в Чагатайском государстве прекратилась династия потомков Чагатая. Власть перешла в руки монголо-тюркских эмиров. К их числу принадлежал Тимур, происходивший из отуреченного монгольского рода Барласов, владения которого лежали в долине р. Кашка-Дарьи. В молодости Тимур с дружиной нукеров совершал разбойничьи нападения на соседние земли. В 1361 г. на Мавераннахр напали монголы. Глава рода Барласов бежал, а Тимур перешел на сторону моголистанского хана. При поддержке последнего Тимур стал главой рода Барласов и туменом (правителем). Другим сильным эмиром в то время был Хусейн, правивший в Балхе. Тимур вскоре покинул своего покровителя, моголистанского хана, и перешел на службу к его врагу Хусейну. Однако на

некоторое время им пришлось покинуть Мавераннахр. Вместе с Хусейном Тимур предпринимал грабительские нападения на соседние земли. Во время одного из таких набегов Тимур получил тяжелое ранение стрелой в ногу, в результате которого стал хромать. От этого физического недостатка произошло его прозвание «Тимур-хромец», или по-персидски Тимур-Ленг — по-русски Тамерлан. В 1364 г. Тимур и Хусейн вернулись в Мавераннахр.

В 1365 г. хан Моголистана вновь вторгнулся в Мавераннахр. Хусейн и Тимур проиграли сражение и бежали на юг, за Аму-Дарью. Когда моголы подошли к Самарканду, то на защиту города поднялось само население. В мечети перед собравшимся туда народом с пламенной речью выступил учащийся медрессе Мауляна-Задэ. Он говорил, что моголы являются жестокими врагами, эмиры, собирающие подати с народа, вместо того чтобы его защищать, бросили город на произвол. Призывы Мауляна-Задэ к борьбе с завоевателями были поддержаны низшими слоями городского населения — ремесленниками и мелкими торговцами. Деятельным помощником его по организации обороны города стал трепальщик хлопка Абу-Бекр Келеви. Население под предводительством Мауляна-Задэ и Абу-Бекра оказало отчаянное сопротивление моголам, которые потерпели поражение и сняли осаду. Деятельность вождей народной обороны, особенно простого трепальщика хлопка Абу-Бекра, и организация народной власти в столице вызвали у Хусейна и Тимура серьезные опасения. Когда эмиры прибыли к Самарканду, то вожди народного движения были вероломно схвачены и казнены, за исключением Мауляна-Задэ, за которого заступился Тимур.

Союз между Хусейном и Тимуром вскоре после победы над моголами был разорван, так как каждый из них стремился к усилению своей власти и к расширению подвластной территории. После нескольких столкновений Тимур убил своего соперника. В 1370 г. эмиры и войско провозгласили Тимура единовластным правителем Чагатайского государства, столицей которого был сделан Самарканд.

Овладев Мавераннахром, Тимур стал именоваться «великим эмиром», «властителем времени», а впоследствии «султаном», но правил от имени поставленных им ханов из рода Чингиса, которые фактически не имели никакого значения. Даже тогда, когда последний поставленный Тимуром хан умер, Тимур продолжал действовать от его имени и чеканить монету с его надписью. Имя хана провозглашалось при исполнении религиозных обрядов. В то же время все внешние знаки власти и почета принимал не хан, а Тимур. Среди жен убитого Хусейна Тимур нашел в его гареме царевну, принадлежавшую к роду Чингисханидов. Он сделал ее своей «старшей женой» и с этого времени стал носить почетный титул «гургана», т. е. ханского зятя.

Правление Тимура (1370—1405) заполнено непрерывными походами на соседние страны, сопровождавшимися исключительным по жестокости истреблением населения. В результате завоевательных

войн была создана колоссальная держава Тимура, едва пережившая своего основателя.

Первой задачей Тимура было обеспечить свои основные владения от нападения со стороны Моголистана. Затем Тимур обратился против Хорезма, который в 60-х годах XIV в. отделился от Золотой Орды и стал самостоятельным государством. В течение около 25 лет Тимур предпринял 5 походов, в результате которых Хорезм был совершенно опустошен. Главный город этой страны Ургенч, являвшийся одним из самых крупных торговых городов Средней Азии, с многочисленным населением и прекрасными сооружениями, был превращен в развалины. Тимур приказал: «перевести в Самарканд все население, жителей города и области, и город Хорезм (Ургенч), совершенно разрушив, засеять ячменем».

В 70-х годах XIV в. один из ханов Белой Орды — Тохтамыш, обратился к Тимуру с просьбой о поддержке. При помощи Тимура Тохтамыш овладел всей территорией Белой Орды, а затем, уничтожив Мамая, захватил Золотую Орду. Усиление Тохтамыша не могло не поссорить его с Тимуром, который видел в своем бывшем ставленнике сопериника по влиянию в прикаспийских странах. Борьба между Тимуром и Тохтамышем закончилась гибелью последнего. В 1395 г. Тимур разбил Тохтамыша на р. Тереке, на Кавказе. Преследуя разбитого противника, он до основания разрушил столицу Золотой Орды — Сарай.

Расправившись с Тохтамышем, Тимур обратил всю свою буйную воинственность в сторону Персии, которая распадалась на большое число мелких владений. Многолюдные и богатые города Персии представляли особенно заманчивую цель. Тимур предпринял три больших персидских похода, которые известны под именем трехлетнего, пятилетнего и семилетнего. Овладев Ираном, он захватил Закавказье, покорил Грузию, Армению и Южный Азербайджан. В 1398—1400 гг. Тимур предпринял большой поход в Индию. Он дошел до берегов Ганга, разбил султана, владевшего этой страной, и разграбил главный город Дели. После возвращения из индийского похода Тимур начал войну с султаном османских турок Баязетом, по прозвищу «Молния». В 1402 г. в битве при Анкаре Баязет был разбит и взят в плен. В войсках Тимура во время этого сражения находился посол кастильского (испанского) короля. Тимур после войны отправил королю богатые подарки. Король прислал в Самарканд ответное посольство, один из участников которого, Клавихо, оставил подробное описание своего путешествия.

Последним военным предприятием Тимура была подготовка к самому грандиозному из всех походов, которые он предпринимал, — к походу в Китай. Но в 1405 г. в самом начале китайского похода Тимур умер.

Завоевания Тимура простирались на чрезвычайно большую территорию. Под его ударами оказались как ближайшая кочевая степь, так и земледельческие оазисы Средней Азии с торговыми городами и, наконец, такие отдаленные страны, как Индия, Малая Азия и Китай. Завоевания оставались главной целью Тимура в те-

чение всей его жизни. Ему приписывают слова, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей». В покоренных странах он находил колоссальные материальные ценности, которые не в состоянии было создать кочевое население Мавераннахра. Поэтому война была главным средством обогащения монголо-тюркской знати, окружавшей Тимура. Безжалостно расправляясь с населением покоренной страны, Тимур щадил лишь тех, кто мог ему пригодиться в Мавераннахре. Он охотно переселял в Самарканд и другие города ремесленников, мастеров, художников и ученых. Эксплоатация посредством дани заставляла монголов Чингис-хана содействовать восстановлению нарушенной экономической жизни в завоеванных странах. Тимур старался сразу возможно полнее ограбить покоренное население, не задаваясь в большинстве случаев целями дальнейшей планомерной эксплоатации. Эта политика побуждала непрерывно расширять сферу завоеваний, выбирать новые, не тронутые еще страны. Поэтому об обширной державе Тимура можно говорить лишь в очень условном смысле. По существу, его государством оставался Мавераннахр, территория которого была ничтожной по сравнению с территорией стран, ставших жертвой его походов.

Социальной опорой Тимура были монголо-турецкие роды Чагатайского улуса, которые продолжали вести полуоседлый образ жизни и заниматься скотоводством. Во главе отдельных частей Чагатайского улуса стояли улусные беки или эмиры, с которыми Тимур делил военную добычу. Ядром военной системы была гвардия, набиравшаяся из воинов чагатайских родов. Остальная часть войска состояла из отрядов, приводившихся отдельными вассалами. Над этой очень примитивной организацией поднималась сильная власть Тимура. Только исключительная жестокость могла придать некоторую прочность в объединении подвластного населения. «Политика Тимура, — писал Маркс, — заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас».[1] Перед картиной разрушений Тимура бледнеют самые кровавые страницы из истории Чингис-хана. Если Чингис-хан уничтожал врагов, исходя из политического расчета, то Тимур присоединял к этому расчету утонченную жестокость. Во время индийского похода Тимур приказал перебить 100 тыс. пленных. Однажды по приказу Тимура в Персии была сооружена башня, в стены которой было замуровано до 2 тыс. живых людей, засыпанных глиной и кусками кирпича. В другом случае Тимур велел закопать живыми 4 тыс. пленных. Постоянно опасаясь заговора, даже среди близких эмиров, Тимур проявлял большое коварство. Рассказывают, что он дважды намеренно распространял мнимый слух о своей смерти, чтобы узнать своих врагов по выражениям радости. «Тимур был нравом пантера, темпераментом лев, — пишет современник Тимура, арабский историк Ибн-Араб-шах, — стоило голове возвыситься над ним, и он

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 185.

низвергал ее, стоило спине выйти у него из повиновения — и он унижал ее».

Однако одной жестокостью нельзя объяснить военно-политические успехи Тимура, сумевшего создать огромную державу. Действия Тимура, несомненно, соответствовали интересам высшего слоя знати Чагатайского улуса, а ограбление других стран ради Мавераннахра поднимало значение городов Средней Азии.

В военном отношении Тимур был блестящим полководцем своего времени, не знавшим ни одного поражения. Современники рассказывают о военной хитрости Тимура, умевшего ввести противника в заблуждение относительно своих действительных планов и поражать его новыми приемами. Тимур иногда начинал поход в противоположном направлении и уже в безлюдной степи поворачивал к выбранной цели. Испанец Клавихо рассказывает, что в войсках индийского султана было много боевых слонов, которые производили страшные опустошения в войсках противника. Тимур велел нагрузить верблюдов сеном и поставить их против неприятельского войска. Когда началось сражение, сено было зажжено; слоны, увидев перед собой огонь, обратились в бегство и смяли ряды своих воинов.

Среди монголо-турецкой знати Тимур выделялся образованностью, хотя до конца жизни оставался неграмотным. Обладая колоссальной памятью, он поражал собеседников разнообразием своих знаний. Тимур даже учредил особую должность при дворе — «чтеца рассказов». Впоследствии он удивлял своими познаниями мусульманских ученых, особенно в области истории восточных народов. Он настолько хорошо знал учение мусульман, что принимал участие в религиозных спорах. Некоторые познания Тимур имел также в области медицины и астрономии.

В противоположность колоссальным разрушениям, произведенным в завоеванных странах, Тимур очень много сделал для экономического подъема Мавераннахра и особенно своей столицы Самарканда, который превратился при нем в один из самых богатых и пышных восточных городов. По словам испанца Клавихо, Самарканд имел очень большое население, значительная часть которого занималась различными ремеслами. Из Дамаска Тимур привез ткачей шелка, оружейников, мастеров стеклянных и фаянсовых изделий; из Турции он вывез каменщиков и ювелиров. В Самарканде жили турки, арабы, греки, армяне и др. «Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, — говорил Клавихо, — что нельзя не удивляться». На базаре Самарканда можно было встретить товары из всех частей Азии: из Китая привозили лучшие шелковые ткани, атласы, рубины, бриллианты; из Индии поступали пряности. Город был перерезан сетью каналов и водоемов. Его окружали обширные сады и виноградники. Среди них находились загородные дворцы Тимура и его приближенных. Желая наглядно показать превосходство Самарканда, Тимур дал селениям в его окрестностях названия крупнейших восточных городов: Багдад, Димишк (Дамаск), Миср (Каир) и другие.

Тимур несколько раз принимал испанских послов то в своих загородных дворцах, то в окрестностях столицы, во временных ставках — в роскошно убранных шатрах. Восточное великолепие, созданное трудом подневольного населения, и блеск разнородной культуры, являвшейся результатом колоссальной добычи, смешивались в обстановке жизни Тимура и его приближенных со старыми обычаями вождей кочевников. Имея великолепные каменные дворцы, Тимур иногда предпочитал им раскинутый огромный шатер.

Тимур воздвигнул в Самарканде и в других городах ряд замечательных сооружений. Среди монументальных построек его времени одно из первых мест занимает мечеть Биби-ханым, сооруженная на средства, добытые в индийском походе. Размером и великолепием она, по мысли Тимура, должна была превосходить все построенное до него. До 500 человек выламывало и обтесывало камни в горах, для перевозки которых из Индии было доставлено 95 «гороподобных» слонов. Для постройки были собраны лучшие мастера и ремесленники почти со всего Востока. Огромный внутренний двор был окружен великолепной колоннадой, состоявшей более чем из 300 колонн. Главная арка центрального портала имела в пролете 24 метра, что свидетельствует о поразительной для данного времени технике сооружения. От великолепного дворца Тимура в Шахрисябзе, в постройке которого участвовали хорезмийские мастера, остался лишь один портал. Выдающимся памятником искусства является также мавзолей Гур-Эмир в Самарканде, в котором находится могила самого Тимура.

Держава Тимура стала распадаться почти непосредственно после его смерти. Экономический подъем Мавераннахра был вызван не ростом производительных сил, а искусственным путем, в результате колоссального ограбления других стран. Поэтому держава Тимура не имела прочной экономической базы. Между сыновьями, внуками и крупными эмирами Тимура началась после его смерти жесточайшая борьба за наследство.

Среди ничтожных правителей Мавераннахра выделяется внук Тимура Улугбек (Мухаммед — Тарагай). Он известен как покровитель искусств и наук. При нем в Самарканде были построены большая астрономическая обсерватория и медресе (школа). Сооруженное на холме здание обсерватории имело, по словам современника, три этажа. Снаружи оно было выложено многоцветной изразцовой мозаикой. Внутри помещался огромный горизонтальный круг с квадратом невиданных размеров. В этой обсерватории при участии Улугбека был составлен каталог точных положений свыше одной тысячи звезд, по своим научным достоинствам далеко превосходивший все, что было известно в этой области и на Востоке и в Европе. Рукописные списки с этого замечательного труда распространялись во всем мире и переводились на разные языки. В XVII в. они были напечатаны типографским способом и после этого многократно переиздавались вплоть до XX века. Даже в настоящее время труд обсерватории Улугбека не

потерял значения, несмотря на колоссальные успехи астрономии, так как позволяет сравнивать настоящую картину звездного мира с его состоянием 500 лет тому назад.

Улугбеку пришлось уже с трудом отстаивать свое государство, замкнувшееся пределами Мавераннахра. Главными противниками Тимуридов в это время выступают кочевники-узбеки. Одна за другой отрываются части от когда-то обширной державы Тимура.

Образование Узбекского и Казахского ханств. Распад Золотой Орды привел к полному обособлению степных пространств, лежавших на восток от Волги до Западно-сибирской низменности. Население расчленялось на несколько независимых улусов, которые находились под управлением потомков Чингис-хана. Из них самыми крупными были улусы Ногайский и Узбекский. Ногайский улус занимал территорию между Волгой и р. Яиком (Уралом). Название «ногаи», как предполагают, происходит от имени хана Ногая, жившего в конце XIII в. Первоначально оно имело политическое значение в качестве общего наименования для ряда родственных племен (кипчаков, усуней и др.). На восток от Яика до низовьев Сыр-Дарьи простирались кочевья узбеков. Впервые термин «узбек» появляется во второй половине XIV в. Этим именем тогда называлось ханское войско, образовавшееся, повидимому, при хане Узбеке. В XV в. узбеками стали называть определенную группу тюрко-монгольских родов. Узбекское ханство по основной территории Белой Орды сложилось около 1425 г. при хане Бараке. Во время междоусобной борьбы Барак был убит. Власть захватил один из потомков Шейбана (внука Чингис-хана) Абулхайр, владения которого простирались от южных отрогов Урала до реки Сары-Су на востоке и низовьев Аму-Дарьи на юге.

Возвышение Абулхайра вызвало новое усиление феодальных усобиц. Некоторые султаны из рода Барака, в том числе Гирей и Джанибек, вместе с подвластными аулами ушли в Моголистан, где заняли долину нижнего течения реки Чу. Гирей и Джанибек объединили под своею властью ушедшее от Абулхайра население с местными тюркскими племенами, — это объединение стало основой Казахского ханства.

Джанибек, ставший главою образовавшегося ханства, действуя в союзе с ханом Моголистана, отстоял независимость своего государства, размеры которого вначале были очень небольшими. За это народ прозвал его «Аз-Джанибек», т. е. «Джанибек Благословенный».

Вопрос о происхождении названия «казахи» («казаки»), как особой народности, не может считаться вполне разрешенным. В XIV в. термин «казак», как и термин «узбек» употреблялись для обозначения ханского войска. В тюркских диалектах слово «казах» обозначало также «вольного» человека, отделившегося от своей общины или государства (в этом значении употреблялось и русское слово «казак»). Поэтому возможно, что термин «казах», в качестве названия особой народности, стал общеупотребительным в конце XV в. в связи с выделением части населения из Узбекского ханства и образованием самостоятельного государства.

Во второй половине XV в. узбеки и казахи усиленно нападали на владения Тимуридов. Вторжения узбеков в область Мавераннахра привело в начале XVI в. к образованию на этой территории узбекских ханств.

Образование Сибирского ханства. В XIII—XIV вв. под властью Золотой Орды находилась территория, лежавшая на восток от Урала до бассейна Иртыша. Она была известна у восточных писателей под названием Сибири. Коренное население этого края состояло из вогулов (манси) и остяков (ханты).

Татары, захватив землю остяков и вогулов, частью подчинили эти народности, обложив их натуральной податью, частью оттеснили коренное население на восток. Основная масса татарского (монголо-тюркского) населения осела на территории, ограниченной течением рек Тобола с Турой и Иртыша с Омью. Новые естественно-географические условия оказали значительное влияние на хозяйство самих татар. В южной части, особенно в районе Барабинской степи, скотоводство продолжало оставаться их основным занятием. Северную территорию, покрытую лесом и тундрой, татары называли «Страной мрака». В этой местности скотоводство в широком размере было невозможно. Поэтому татары здесь переходили к охоте и рыбной ловле. Татарам было знакомо и земледелие, но в ограниченном размере и в примитивной форме. Сибирские татары жили мелкими улусами, сохраняя деление на роды и племена. Хотя процесс феодализации в Сибири развивался более медленно, чем в других местах Золотой Орды, например, в Крыму или на Волге, однако и здесь родовые старейшины, стоявшие во главе улусов, постепенно превращались в феодальных князьков. Улусы были почти независимы друг от друга. Центрами их были небольшие городки, остатки которых в виде городищ сохранились до настоящего времени. Городки занимали возвышенный берег реки, господствующий над окружающей местностью. Не защищенная водой часть окружалась валом с частоколом и воротами.

В первой половине XV в. Сибирь входила в состав узбекской державы Абулхайра. В конце этого столетия власть над Сибирью перешла к ногайским ханам. При их посредстве у сибирских татар утвердился внук Абулхайра—Ибак, который объединил весь Сибирский улус. Центром его державы был городок Чинги-Тура (на р. Туре, будущий Тюмень). Ибак погиб в борьбе с местной знатью, из среды которой вышла последняя династия Сибирского ханства. Столицей в XVI в. стал городок Кашлык, находившийся вблизи устья Тобола (в 15 километрах от Тобольска).

Образование Казанского ханства. Основной территорией Казанского ханства было Среднее Поволжье, входившее раньше в состав Болгарского государства. После образования Золотой Орды Болгарское государство должно было подчиниться ее власти. Оно продолжало существовать в виде слабого феодального княжества, постоянно разорявшегося и татарами и русскими князьями. «Великий город» Болгар был разрушен татарами около середины XIV в. В конце этого столетия бывшую болгарскую столицу постиг новый

и окончательный удар, нанесенный московским великим князем Василием Дмитриевичем. На короткое время столицей Болгарии стал городок Казань (в 47 километрах от нынешней Казани). В русской летописи Казань впервые упоминается в 1376 году.

В XIV столетии начался процесс колонизации татарами Среднего Поволжья. Остатки болгар, смешавшиеся с тюрками, под именем чувашей занимали нагорную сторону Волги. Их соседями к северу были черемисы (мари), жившие на обоих берегах реки. Поэтому они делились на «горных» — правобережных — и «луговых». В области бассейна р. Суры и р. Пьяны жила мордва.

Образование отдельного татарского Казанского ханства произошло около середины XV в. Во время династической борьбы в Золотой Орде внук Тохтамыша Улу-Мухаммед был изгнан братьями и удалился в Крым. Затем Улу-Мухаммед появился в южнорусских землях, где занял город Белев, и, наконец, перешел на Среднюю Волгу. Есть основание предполагать, что Улу-Мухаммед в 1436—1437 гг., уничтожив вассальное Казанское княжество, положил начало новому татарскому государству на Волге, которое по имени столицы, перенесенной на место нынешней Казани, стало называться татарским Казанским ханством. По другому предположению основателем Казанского ханства был не Улу-Мухаммед, а его сын Махмуд.

Среднее Поволжье отличалось большой урожайностью и сохранило старую земледельческую культуру. Поэтому уже в XV в. скотоводство у татар стало вытесняться земледелием. Население занималось также различными промыслами, среди которых особенно были развиты охота на пушного зверя, рыболовство и бортничество. Через территорию Казанского ханства проходили важные торговые дороги. Волга и Каспийское море связывали ее со среднеазиатскими землями. Кама давала естественный путь в Западную Сибирь, Ока связывала Среднее Поволжье с русскими княжествами. Поэтому Казань стала крупным торговым центром. Поступавшие с востока товары распродавались на ярмарке, открывавшейся каждый год на Гостином острове, вблизи Казани. Сюда же привозились товары из Новгорода, Москвы и других русских городов. Развитие торговых связей способствовало распространению ремесел; кожевенное производство составляло одну из главных отраслей местной промышленности. С развитием сельскохозяйственной культуры высший слой татарских родов, поселившихся на территории Казанского ханства, превратился в класс феодальных землевладельцев. Татары ассимилировали господствующие слои местного населения и отчасти сами подчинились местной культуре.

Высший слой феодальной аристократии ханства состоял из князей как монголо-тюркского происхождения, так и местных приволжских народов. Князья делились на несколько групп, из которых высшая носила название эмиров. Следующий слой землевладельцев состоял из тарханов, земельная собственность которых была освобождена от податей. Тарханы получали особые грамоты — ярлыки от ханов, перечислявшие присвоенные им привилегии. За

тарханами следовали служилые военные люди, носившие название «огланов» и «казаков». Они принадлежали к числу средних и мелких землевладельцев. Большинство их владений состояло из земель, предоставленных ханом во временное пользование с обязательством нести военную службу. Зависимое население, обслуживающее своим трудом феодальное хозяйство, состояло из рабов и крепостных крестьян. Казанские феодалы во время нападения на соседние земли, особенно на русские княжества, уводили с собой массу пленных, которые затем в большом количестве вывозились на невольничьи рынки Средней Азии и других восточных стран. Значительное число пленных, превращенных в рабов, оставалось в пределах Казанского ханства. Они использовались в хозяйстве и частью осаживались на землю, приближаясь к положению крепостных крестьян.

Со времени образования Казанского государства власть находилась в руках потомков Улу-Мухаммеда, династия которого просуществовала до начала XVI в. и прервалась на правнуках основателя.

Хан управлял страной при помощи эмиров, занимавших передававшуюся по наследству должность карачей (советников), составлявших постоянный совет — диван. В некоторых случаях диван ограничивал власть хана и даже устранял ханов, вступавших в конфликт с родовитой и богатой знатью. Как и в других монголо-татарских государствах, представители господствующего класса собирались на курултай. Большое значение курултай приобретал во время междуцарствия, когда на нем решались династические вопросы.

Важнейшим источником для изучения административной системы ханства является ярлык хана Сагиб-Гирея, найденный в 1911 г. в одной из деревень, недалеко от Мамадыша, местным любителем старины. Ярлык Сагиб-Гирея перечисляет 13 видов разных податей, налогов и повинностей, от которых были избавлены тарханы. Основным видом обложения был натуральный налог — ясак. Затем следовали сборы с сельского хозяйства, торговые налоги и натуральные повинности, обязанность давать продовольствие ханским чиновникам, кормить их лошадей, предоставлять им постой и др. Названные в ярлыке должности официальных лиц (в арабских и персидских терминах) указывают на близость административной системы Казанского ханства к соответствующим формам управления в Золотой Орде.

Попытка казанских ханов и высшей знати следовать во внешней политике традициям Золотой Орды совершенно не соответствовала изменившейся исторической обстановке. Хищнический разбой на соседней русской территории сталкивал политически слабое Казанское ханство, раздиравшееся внутренними противоречиями, с объединенным русским государством. В этом заключались основные причины гибели Казанского ханства, просуществовавшего немногим более ста лет.

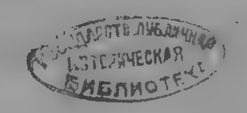
Образование Крымского ханства. Татары появились на Крымском полуострове вскоре после образования Золотой Орды. Степная часть полуострова была занята кочевниками-половцами. Южный берег Крыма принадлежал Византийскому государству. В 70-х годах XIII в. на южном берегу Крыма генуэзские и венецианские купцы основали в старых греческих городах торговые фактории. Борьба между Генуей и Венецией закончилась победой Генуи. В конце XIII в. почти весь южный берег Крыма был усеян генуэзскими колониями, к которым принадлежали: Судак, Кафа (Феодосия), Керчь; на кавказском побережье к генуэзцам перешли Сухум и другие города. Через генуэзские колонии проходили главные торговые связи стран Средиземноморского бассейна с Восточной Европой. Взамен рабов, хлеба и других продуктов, генуэзцы ввозили пряности Востока, оружие, шелковые материи и другие товары восточных и европейских стран.

После завоевания Крыма татарами туда стала проникать татарская колонизация. Главным занятием татар в Крыму в течение долгого времени оставалось скотоводство, особенно развитое в степной части полуострова. Крымские татары делились на племена, колена и роды, во главе которых стояли племенные и родовые вожди. Представителем ханской власти был его наместник, называвшийся тудуном. Центром татарского господства в Крыму был Солхат (старый Крым). Татарский тудун в первое время мало вмешивался во внутреннюю жизнь населения Крыма, ограничиваясь собиранием дани. Итальянские колонии, хотя и принуждены были признать зависимость от золотоордынского хана, но она носила лишь номинальный характер. Лишь временами, когда колонии недостаточно аккуратно уплачивали дань, они подвергались со стороны татар нападению и разграблению. Однако эти временные враждебные отношения не прерывали торговли, в которой была заинтересована и Золотая Орда.

Процесс феодализации, развивавшийся среди крымских татар с XIV в., превратил родовую аристократию в феодальную знать. Среди татар распространялся принесенный с Востока ислам, способствовавший внедрению мусульманской культуры. Особое географическое и экономическое положение Крыма, удаленность от центра Золотой Орды и связь с малоазиатским рынком создали благоприятные условия для его политической автономии. Окрепшая в Крыму татарская знать скоро почувствовала экономическую независимость от Золотой Орды. Среди нее стали развиваться сепаратистские стремления, поддерживавшиеся и итальянскими колониями, в том числе Кафой. В конце XIV в. крымские эмиры и беки были настолько самостоятельными, что чеканили собственную монету. Благоприятные условия для полного обособления Крымского улуса в самостоятельное ханство наступили в годы смут в Орде, после гибели Тохтамыша. Основателем отдельной династии крымских ханов стал Хаджи-Гирей (его имя перешло в название династии Гиреев), опиравшийся на местную феодальную знать и на поддержку со стороны Польши.

После 1453 г., когда под ударами османских турок пала Византийская империя, турецкий флот появился в Черном море. В 1475 г. турки взяли Кафу (Феодосию) и затем овладели всем южным побережьем. Сын Хаджи-Гирея — Менглы-Гирей был захвачен турками в плен и несколько лет провел в Константинополе. Впоследствии он был освобожден и занял ханский престол в Крыму. В состав Крымского ханства входили не только полуостров, но и часть степной территории к северу от перешейка, а также нижнее течение Днепра. Территория береговой полосы Крыма находилась под непосредственной властью турецкого султана. Столицей ханства стал город Бахчисарай. Ханы утверждались султаном из числа потомков Гирея. Являясь вассалами султана, они обязаны были оказывать ему военную помощь.

Таким образом, в конце XV в. окончательно сложилось Крымское ханство, экономической основой которого было кочевое скотоводческое хозяйство.



КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Конец IX и VIII вв. до н. э.	Расцвет царства Урарту.
VIII—III вв. до н. э.	Господство скифов в причерноморских степях.
VII—VI вв. до н. э.	Возникновение греческих колоний на побережье Черного моря.
Около 521 г. до н. э.	Первое известное упоминание Армении в надписи персидского царя Дария I.
VI в. до н. э.	Первые сведения о Колхиде (Западная Грузия).
Конец II в. до н. э.	Восстание рабов под предводительством Савмака в Боспорском государстве.
до н. э. 95—56 гг.	Царствование Тиграна II в Армении.
I в. н. э.	Первые письменные известия о славянах (венедах).
Середина VII в.	Завоевание арабами Армении, Восточной Грузии (Картли) и Албании.
776—783	Восстание в Средней Азии против арабского владычества под предводительством Хашим Ибн-Хакима (Муканны).
816—837	Восстание в Албании, Армении и Восточной Грузии против арабского владычества под предводительством Бабека.
874—999	Государство Саманидов в Средней Азии.
Начало IX в.	Возникновение в Грузии Кахетинского, Тао-Кларджетского и Абхазского царств.
860—	Первое известное нападение Руси на Константинополь.
911—	Договор киевского князя Олега с греками.
944—	Договор Игоря с греками.
971—972	Второй поход киевского князя Святослава в придунайскую Болгарию и война с Византией.

978—(приблизительно)—1015	Княжение Владимира Святославича в Киеве.
Около 989	Принятие Владимиром Святославичем христианства.
1019—1054	Княжение Ярослава Владимировича в Киеве.
1068—	Народное восстание в Киеве.
1097—	Съезд князей в Любече.
1113—	Восстание в Киеве после смерти Святополка Изяславича.
1113—1125	Княжение в Киеве Владимира Мономаха.
1147—	Первое летописное упоминание о Москве.
1176—1212	Княжение Всеволода III «Большое Гнездо» во Владимиро-Суздальской земле.
Около 1188	«Слово о полку Игореве».
1240, июля 15	Победа князя Александра Ярославича над шведами на р. Неве.
1242, апреля 5	Разгром ливонских рыцарей Александром Ярославичем (Невским) на Чудском озере (Ледовое побоище).
1184—1213	Царствование Тамары в Грузии.
1219—1221	Завоевание монголами Средней Азии.
1237—1238	Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь.
1238—	Восстание в Бухаре против монгольского владычества под предводительством Махмуда Тараби.
Около 1243	Образование Золотой Орды.
1262—	Восстания против татар в Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле.
1316—1341	Княжение Гедимина в Литве.
1325—1341	Княжение Ивана Даниловича Калиты в Москве (великий князь с 1328).
1327—	Восстание против татар в Твери.
1359—1389	Княжение Дмитрия Ивановича Донского в Москве.
1380—	Куликовская битва.
1385—	Уния великого княжества Литовского с Польшей (Кревская уния).
1410—	Разгром немецких рыцарей соединенными польско-литовскими и русскими силами в битве при Грюнвальде.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ

Раздел II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КИЕВСКАЯ РУСЬ

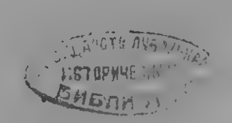
Движение кочевых народов. Ранне-феодальные государства в Средней Азии и Закавказье

Киевская Русь

Раздел III

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—XV вв.)

Феодальная раздробленность в Восточной Европе и феодальные объединения в Средней Азии и Закавказье в XI—XIII вв.



Отв. редактор **И. И. Розин**

А10930 Заказ 618. Тираж 15.000

Типография ВПШ. Москва, улица Чехова, 6.